

ИСТОКИ

ИСТОКИ

2021

ИСТОКИ
АЛЬМАНАХ

Выпуск № 13

МОСКВА

2020—2021

УДК 882—1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
И 89

Главный редактор
Александр Такмаков
(*Серафимов*)

Редколлегия:
Ирина Антонова
(первый заместитель
главного редактора)

Евгения Славороссова
(заместитель главного
редактора)

Людмила Осокина
(заместитель главного
редактора)

Ирина Егорова-Нерли
(художник-
оформитель)

Рассматриваются и принимаются только рукописи, набранные на компьютере (представленные на диске и в распечатке на бумаге или присланные по электронной почте).

E- mail: rifistoki@yandex.ru

*Тексты некоторых авторов даются
в авторской редакции.*

Контактные телефоны:

**8-909-9655305,
8-903-1803787**

Редакционный совет:

Ирэна Сергеева (Санкт-Петербург)

Леонид Володарский

Владимир Пустовитовский

Алексей Кебадзе

Николай Иодловский

Ольга Бондаренко

Лидия Баклашкина (Калуга)

Валерия Светланова

Татьяна Хачумова

Геннадий Дубров (Пятигорск)

ISBN 978—5—903852—02—4

2021

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

ПАМЯТЬ

Памяти редактора Е. Н. Ерёминой	
Ирина Антонова очерк	6
Татьяна Хачумова стихи	8
Владимир Пустовитовский очерк	9
Николай Иодловский стихи	10
Ольга Бондаренко стихи	11
Ирина Егорова-Нерли эссе	157
Ольга Наровчатова очерк о В. Гончарове	147
Геннадий Дубров очерк о Г. Н. Шибановой	351

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ирина Егорова-Нерли о творчестве Ф. М. Достоевского и И. А. Бунина	13
Ирина Егорова-Нерли о живописи С. Говорухина	31

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Ирина Антонова Калининградские хроники	48
Ирина Антонова Цветаевские костры в Елабуге	72
Евгений Степанов стихи о Несебре (Болгария)	122
Наталья Божор музей Чюрлёниса в Каунасе (Литва)	285

ПОЭЗИЯ

Андрей Ивонин	24
Евгения Славороссова	41
Людмила Вязмитинова	68
Любовь Берзина	77
Дарья Солдатёноква	153
Ольга Бондаренко	206

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Татьяна Семёнова-Глазунова очерк	238
Ирэна Сергеева стихи, рассказ	241
Николай Наливайко стихи	250
Алексей Каменский стихи	252
Татьяна Титова стихи	254
Андрей Краснобородько стихи.	256

ГОРИЗОНТЫ ПЕРЕВОДА

Евгения Славороссова пересказ сказки У. М. Теккерера .	81
--	----

РОМАНТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Александр Хмелевский исторические новеллы	127
Людмила Осокина пейзажные зарисовки	203
Валерия Шубина новелла	213

ПОЭМА

Владимир Пустовитовский	143
-----------------------------------	-----

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Елена Ерёмина стихи	163
Аркадий Славоросов рассказ.	172
Юрий Влодов стихи.	186
Валерий Желыбенцев стихи	193
Татьяна Баклашкина проза и стихи.	199

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Наталья Божор	226
Николай Иодловский.	273
Леонид Володарский	319
Инна Варварица	328
Инга Гланцева.	346
Нина Познякова	355

ПРОЗА

Александр Серафимов рассказ и сказки.	57, 229
---	---------

Алексей Кебадзе из афганских рассказов	258
Владимир Пустовитовский рассказ о детстве	322
Галина Гашунина рассказ	317

ДРАМАТУРГИЯ

Ольга Наровчатова	287
-----------------------------	-----

НОВОЕ ИМЯ

Иван де Монбризон стихи	299
Татьяна Попова Тог стихи	301
Николай Архангельский стихи	302

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ЭПОХ

Наталья Божор о раннем творчестве Ф. М. Достоевского	75
Михаил Солодовников эссе о Пушкине и Данте	311

ФАНТАСМАГОРИИ

Леонид Володарский рассказ	333
Владимир Митренин фэнтези	363

САМОПОЗНАНИЕ

Людмила Осокина эссе	359
--------------------------------	-----

ЗРИ В КОРЕНЬ

Андрей Цуканов стихи	365
Олег Выборнов стихи	368
Николай Магов стихи	373

КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ

Валерий Желыбенцев «Невидимый огонь»	376
Алфавитный указатель авторов	377

Подвиг бескорыстного служения литературе

Нежное тепло сентября. Навстречу мне быстрыми лёгкими шагами приближается Елена Николаевна. Встреча была назначена прямо на остановке троллейбуса напротив Нескучного сада. Елена Николаевна любезно согласилась стать редактором моей первой книжки стихов «Ветер риска», вышедшей в издательстве РифРой.

Вскоре я стала тесно сотрудничать с альманахом «Истоки» и время от времени бывать у неё дома.

Ни до ни после я не встречала человека с такой великолепной художественной памятью. Спустя десятилетия она помнила удачные строки многочисленных авторов разных поколений, прошедших через её руки и опубликованных в альманахе. Она умела разглядеть в каждом его потенциал, увидеть всё лучшее... Знания её в области литературы и истории были неисчерпаемы,

Только потом, годы спустя, я узнала, что Елена Николаевна автор удивительной исторической прозы и тонкий самобытный поэт. Запомнились её слова, что проза требует ежедневного труда, иначе теряется внутренний ритм, а это негласное правило построения художественного текста. День Е. Н. был забит до отказа, помимо «Истоков» она писала ещё для журнала «Божий мир», никто не освобождал её от забот по дому, так что на собственное творчество приходилось урывать ночное время...

Собственное творчество она как бы оставляла за кадром, избегала говорить о нём.

Один из углов её комнаты целиком занимала большая коробка, заполненная доверху «дарами авторов» — книгами всевозможных форматов. Это был материализованный памятник её редакторскому труду.

После скоропостижного трагического ухода Г. В. Рой, остро стоял вопрос, кто примет на себя труды по выпуску альманаха. Никто

Е. Н. Ерёмкина (справа) с Г. В. Рой

бы это не потянул кроме Елены Николаевны, и она согласилась. Платить за тяжёлый редакторский труд нам было нечем. Это был подвиг бескорыстия и подлинного служения литературе. Тратя последние «ресурсы» зрения и жертвуя своим драгоценным «авторским» временем, Елена Николаевна раз за разом тщательно готовила очередной выпуск альманаха. Она никогда ничего не просила для себя, только ходатайствовала за других. В прежних «Истоках» была рубрика, где печатали отрывки из проповедей выдающихся православных священников и знакомили широкого читателя с «духовной поэзией». Особенно интересны были публикации монахини Олимпиады, с Еленой Николаевной их связывала многолетняя дружба. Она началась ещё задолго до пострига. Сама Елена Николаевна была глубоко верующим человеком, её как автора интересовала история православия, многие её повести были посвящены жизни и подвигам монахов, причисленных впоследствии к лику святых.

При выпуске альманаха «Истоки» для Елены Николаевны не существовало мелочей: шрифт, примечания, подписи к иллюстрациям подвергались самому строгому редакторскому контролю. Не было у неё и современного снисходительного отношения к опечаткам. Однажды, она показала мне письмо А. П. Чехова, где говорилось, что в опечатках есть что-то провинциальное...

Каждый выпуск альманаха был связан с авралом, сроки поджимали, и всё это непосильным грузом ложилось на хрупкие плечи Елены Николаевны. С конца 2017 года она уже не могла и не хотела заниматься «Истоками». На воплощение её творческих замыслов требовались силы и свободное время. Превозмогая телесные недуги, Елена Николаевна спешила дописать книгу о житие легендарного Игнатия Брянчанинова.

Наши встречи сменились редкими и долгими разговорами по телефону. Ей очень хотелось увидеть новые «Истоки». Я мечтала вырваться к ней, привезти и обсудить очередной альманах. Разные житейские обстоятельства, включая пандемию, не дали осуществиться встрече. При звонке с незнакомого номера телефона неожиданно всплыл образ Елены Николаевны. Звонила выросшая на её руках внучка Катя...

В зимнее тихое утро я пришла проститься с Еленой Николаевной и мысленно попросить прощения. Покой и умиротворение читались в её лице.

Елене Николаевне Ерёминой

Не набрать мне вновь знакомый номер,
Сердце, словно дождь шальной, стучит.
Ветер за окном тревожно воет,
Телефон безжалостно молчит.

Не услышу тёплых слов надежды,
Оборвалась шёлковая нить.
Не смогу в тяжёлый час, как прежде,
Доброго совета попросить,

Зарядиться творческим началом,
Обсудить ошибки невзначай.
Было у меня ничтожно мало
Светлых дней, когда мы пили чай.

Будет новый день и будут встречи,
Жизнь, как прежде, примет свой размах.
Свет души останется навечно
В памяти родных, строках, словах.

Владимир Пустовитовский

Дорогая Елена Николаевна

Памяти Е. Н. Ерёминой

Год 2020. Тёплая и снежная зима. Снег на узких дорожках, на прутьях забора, на гроздьях рябины. Говорят, что тёплая и снежная зима — к морю или войне. В этом году к морю. Дама с косой может гордиться успехами. Многие ушли из жизни.

Не стало и Елены Николаевны — многолетнего редактора альманаха «Истоки».

Вспоминаю недавнее: я еду по Ленинскому проспекту, потом, медленно поднимаюсь по ступенькам сталинского дома, нажимаю на доисторический звонок и через долгое время мне открывают дверь.

Елена Николаевна! В дверях стоит она. Редкая женщина умеет красиво стареть. Она умеет. Снимаю пальто и прохожу в комнату. В глаза бросается стол, заваленный книгами, иконы, стул, переживший времена Сталина, Хрущёва, Брежнева и других кормчих мировой революции. Хрупкая Елена Николаевна садится на кровать. В комнате только два сидячих места: стул и кровать.

Завязывается беседа... и подо мною, потёртый со всех сторон стул, начинает расти и превращаться в Олимп. А всего то, хрупкая женщина держит в руках «Истоки» и читает из альманаха стихи — мои стихи. Но звучат они по-новому. Тревоги обретают покой, годы — смысл. Кажется, что приоткрывается дверь в соседнюю комнату, где живёт великая тайна происходящего.

Незнакомым голосом начинают разговаривать стол, выцветшие обои, книги с потрёпанными обложками, старые иконы, а главное само время. Так пролетают один, а может три часа.

И вот опять я у дверей. Тепло, переливаемое из одной души в другую, ещё греет. Говорим друг другу: «До встречи». Ощущение, словно я попрощался с небожителем и спускаюсь по лестнице с Олимпа на землю, где царят хаос и неуверенность.

Мудрец как-то сказал, что, живя среди больных, невозможно не заразиться и не заболеть.

Значит завтра хаос и неуверенность проникнут и в меня, но это будет завтра... А пока, в Москве зима. Падает снег. В голове слова, сказанные Елене Николаевне: «До встречи!»

ПАМЯТЬ

Николай Иодловский

Памяти Елены Ерёминой (Добросердовой)

* * *

*Свечу затеплю от лампы...
Елена Добросердова*

Свечу затеплю от лампы
И вспомню Вас.
И это будет мне отрадой
Уже сейчас.
Ведь что-то в мире опустело
В какой-то миг,
Тепло внезапно улетело —
Родился стих.
Не позвонить, не слышать голос,
Вопросов нет...
Как будто стало в мире голо —
Остался свет!

* * *

*Я о хлебе да о хлебе...
Елена Добросердова*

Я о хлебе да о хлебе!
Ну о чём ещё писать,
Если остальное небыль —
Можно портить и бросать.
Только хлеб — святыня века —
Всё на хлебе и воде.
Воспитайте Человека
И тогда не быть беде!

Памяти Елены Николаевны Ереминой

* * *

О чём молчишь, ответь мне, отчий край!
Сомнением души моей не трогай —
без вин виновным нежности подай,
виновных осуди и покарай
и к правде приведи земной дорогой.

Убогому насущный хлеб подай,
жестокому любви своей добавь,
болящему — лекарства его ранам,
Герою — помереть на поле бранном,
дух проводи его в небесный рай.

Тот, кто прощал святую простоту,
кто фарисеев не простил премногих,
мне укажи небесную черту,
где б я, как все, предстала перед Богом.

И тот, кто был и предан, и распят,
живой собрат под ненадёжной сферой,
дай каждому свой Гефсиманский сад,
дух укрепив надеждою и верой.

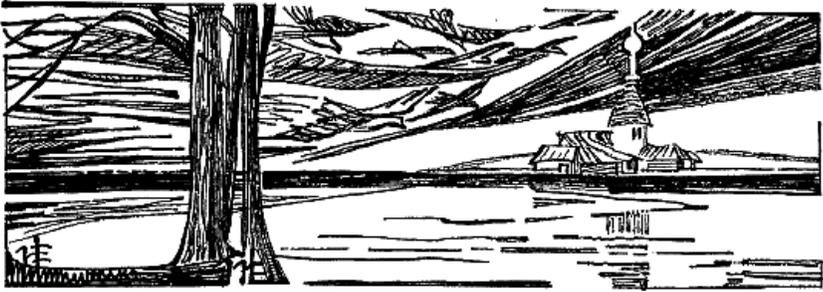
Дай каждому по Млечному Пути
за то, что жизнь опасна и конечна,
чтоб каждый мог в пути любовь найти,
сказав судьбе: прости... простосердечно.

* * *

Дружит с гнездом терпеливая ива,
Ласточку прячет под кровлей изба,
Ты же извечно живёшь над обрывом,
Словно не ведая страха, судьба.

Вечно поёшь позапрошлые снега,
Всех-то жалея, себя не любя.
... Снова взываю к молчащему небу,
словно помогу небес торопя,

снова, Отчизна, молюсь за тебя!
Снова, О Русь, я ищу до рассвета
Первого слова отчий завет,
Чтоб неусыпно шумела без ветра
Древа родного любимая ветвь!

Аллеи Бунина и дороги Достоевского

*«Это то, что в этом мире
Называется судьбой».
Георгий Иванов*

Навсегда останется тайной поочерёдное празднование двух замечательных дат русской литературы: 150-летие со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина и 200-летие со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского. Произошло одновременно! Случайность? — Закономерность?.. А по сути — событие, требующее нашего внимания.

150 лет — солидный юбилей, подытоживший музейную карту бунинских мест в России... Теперь — будто сама животворящая энергия русской природы говорит с нами строчками его стихов:

*Нет, не пейзаж влечёт меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит
Любовь и радость Бытия.*

По своему философскому значению 200-летие Достоевского — ещё более весомый рубеж в истории литературы, обязывающий не допустить конца света: сберечь наш мир, его божественную красоту и повторить, вслед за писателем, уже в XXI веке: «Время есть: отношения Бытия к небытию», а творчество в этом диалоге та же музыка — «тот же язык, но высказывающий то, что сознание ещё не одолело...»

«Всё может объять человек», — слышит и современный читатель, пронзённый лихорадочным ознобом повествования Ф. М. Достоевского. Но куда может завести метафизика души человеческой — укоренённые в ней зло и Благодать Божия?..

Круглые даты, всемирная слава, острые вопросы, глубокие выводы!.. И в собственной жизни — страшные потрясения невольно подтолкнули на путь прозрения, на лобное место в истории — где Бог и дьявол переплелись в смертельной схватке:

*Дуэль титанов — двух веков,
И в каждом чувство и рассудок,
А ритм строки до жути чуток
К пути солдатских сапогов.
Опять, как вещей паролод,
Переплываем все границы...
И, может, стоило родиться,
Чтоб испытать невзгод?..*

Не всякая прогулка заканчивается аллеями, не любая тропинка добирается до нужной колеи, ведущей к истине. Жить в ожидании, быть в жизни, стать писателем — значит, выбрать свой путь и остаться самим собой.

И если предчувствие революции охватило Достоевского воинственным порывом изложения (кинематографическая зримость текста!) и философской критикой нигилистов («фантастический реализм»), то Бунин был живым свидетелем исчезновений Великой России, страны его предков — его Родины!

*Как жутко сердце замирает!
Как заунывно в этот час,
Сквозь вопли бури долетает
Колоколов невнятный глас.*

Предощущение, тоска, одиночество человека... Пушкину и в провидческих снах не приснилась катастрофа дикой смены цивилизации, когда человек — воспетый солнечным гением поэта — стал материалом для эксперимента и, как подметил Достоевский, яд атеизма заменил веру в Богочеловека на религию Человека-божества.

Бунин заглянул в пропасть и пережил «Окаянные дни». Достоевский выявил извращённое отношение к морали и свободе, проник в глубины психологии. Разве не так же «Маленькие трагедии» Пушкина погружают нас в противоречия характеров, в бездны искушений и в минуты вдохновения?

Так уживаются, требуя исповеди, борьба и гармония, порок и святость, гордыня и милосердие, обращение к евангельским сюжетам и цитатам, социальные запросы времени, покаяние, смирение и, конечно, ценность самой жизни. Может, оттого и по-медицински тщательно, описывает Фёдор Михайлович злодеяния человеческие, что не может выдержать необратимый ход их разрушительного действия. Ведь чувство для Достоевского всегда было прежде мысли, а целостность человека, его отзывчивость, право на счастье и любовь, за которую можно отдать жизнь (не больше и не меньше!), как и способность перевоплощаться в духовную суть всех наций, писатель возвёл в программу Пушкинской речи, произнесённой им при открытии памятника поэту в Москве.

Иван Алексеевич Бунин — тоже по духу наследник А. С. Пушкина, классик, сын обедневшего помещика и всё-таки княжеского рода — «нутрянной», по его собственному определению. Неслучайно его перевод «Песни о Гайавате» был отмечен Пушкинской премией Академии наук (1903 год). И безусловно — бунинские поэзия и проза сотворены полнокровным волшебством чувства и не дают ровно дышать нечеловеческим осязанием всей ипостаси земной жизни.

Может, так и мелодическое явление Пушкина в России («одной любви музыка уступает...») низвергает зло и спасает душу? Или это удел избранных?... Но пушкинский завет в словах Моцарта — «нас мало избранных счастливых праздных, пренебрегающих презренной пользой, единого прекрасного жрецов» — бережёт в мирской жизни И. А. Бунина и Ф. М. Достоевского: сопровождает их ангельскими крыльями жён, таких преданных, как Вера Николаевна Муромцева и Анна Григорьевна Сниткина.

А возможно ли не вспомнить образ старенькой няни, обретающий народную простоту, кротость — благословенный облик «подруги дней моих суровых», поэтически увиденный Буниным:

*Они глумятся над тобою,
Они, о Родина, корят
Тебя твою простотою,
Убогим видом чёрных хат...
Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,
Глядит с улыбкой состраданья
На ту, что сотни вёрст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.*

Рядом с описанием деревни совсем органично воспринимаются иные страны, будь то итальянские красоты, греческие корабли или древний мир Востока, где и «Тифлис под лунною чадрою», и «в жарком золоте заката Пирамиды», «а сиреневые дали Нила к югу, к дикой Нубии, к Порогам, смутны, зыбки...» Да, «немало царств, немало стран на свете». Так или иначе, все произведения Бунина рождаются сквозь призму изобразительного изыска — наполняют сосуд настоящего истинной поэзией бунинского вина.

И всё же! Вернуться в своё отечество И. А. Бунину было суждено тропой Слова, которую не перекрывают границы и расстояния. Дорога не терпит остановки, но и мечтательные путешествия поэта заканчиваются борением ищущего духа. Воронеж, Ефремов, Елец, Орёл, Москва, Одесса, Париж, Ницца... Молодость, зрелость, а затем — бегство от революции и гражданской войны, оккупация Франции, и, хотя, по выражению Владимира Набокова, «XX век — век бездорожья», но аллеи Бунина кружат из конца в начало: по аллеям уходят, чтоб забыться и пережить неотвратимые драмы века!

Иное — предназначено Достоевскому. Его судьба — дорога сибирских трактов, полосатых столбов, каторжан (4 года каторги!) и, конечно, мечты о воцарении справедливости: больших исторических реформ и опять — бесконечная протяжённость мысли. Как и Бунин, Достоевский опередил своё время: его подлинный сюжет — силы внутреннего мира человека. Его родословная (сын лекаря), его путь из глубины страны (разночинец, награждённый дворянством) и есть Слово, сказанное о доле народа, обречённого на страдания, но не сломленного испытаниями. Я считаю, что и моё обращение к творчеству Фёдора Михайловича — поклон и знамение в моём пути:

*Вдосталь, вдоволь нахлебавшись
Человеческих невзгод,
Что найдёт душа — то, кажись,
С ходу в разум не войдёт!
По расколу время воеет,
От измены жизнь дрожит,
И ковчег, спасённый Ноем,
Во спасение открыт.
И Мессии ждёт писатель,
Как монах — Благую весть,
Откровения стяжатель
Повторит: «Достойно — есть!
Как для образа земного
Пристань праведных защит —*

*Досточтимо действо Слова,
Что подобием хранит.
Достоверна и премудра
Искупительная честь:
Ночь пройти, чтоб видеть утро,
Тьму познать — утратив месть.
Бесы кружат — даль опасна,
И вокруг дорог не счесть!
Но найдётся не напрасно
Та одна, что в жизни есть...»
— Достоевский! Глас из бездны
И прозренья на краю:
Как слова молитв победы
В собирающем строю!*

Достоевский! Человек — до стояния: достояние России и стояние за человечество! По-евангельски горячо и по-человечески страстно и сердечно! Вещие предзнаменования движут его героями, а боль «русских вопросов» расширяется до мирового предупреждения.

Через кого в мир приходит преступление? Что таит в себе самодовольство и безразличие? — Распад личности? Подмену в сознании людей и неизбежность революции?.. Что скрывается под маской Ставрогина и подчас узнаётся и в наше время?

*Не от края грех поехал —
Не от голода злодей!
Вновь ставрогинское эхо
Вылезает из людей.
Ядовитая улыбка
По-змеиному тонка,
Так — гордыня метит шибко
И разит издалека!
Братство вольного злодейства —
Преступление в уме,
Образец для лицедейства —
Этот облик на земле!
Сладострастье, самомнение —
Самовласть «аналой»...
Иль надежда на прощенье —
Крюк, обвязанный петлёй?*

Откуда этот ошарашивающий ужас греха и потусторонняя связь искушения и Благодати? — трагическая схватка Святой Руси и на-

следования карамазовщины? И опять — неправдоподобное дерзкое беснование?..

Революция 1917 года выпустила на открытую арену созданные Достоевским образы Петра Верховенского и Смердякова. Бесы, окружающие Фёдора Михайловича в XIX веке, рванули и за пределы России, а неизбежная раздвоенность — неуловимость добра и зла — стала горьким уроком для всех, кто стоит на пороге своего пути. «Легенда о Великом инквизиторе», выводы Раскольникова, разврат Свидригайлова, демонизм Ставрогина... Сколько примеров! Но нет точных ответов на трудные вопросы — есть прочитанные нами романы Достоевского.

Так в лице писателя сошлись христианин и художник, мыслитель и психолог. Так соединяются, не существуя отдельно, добродетель и сострадание к людям, монашеский постриг и гражданский подвиг — так и нет лёгких дорог для прозревающей души! Как истый проповедник Веры Христовой Достоевский очерчивает зло — от первых шагов до протестантских метаний и падений человеческого духа.

Что в двуединстве мира победит? Зв что отвечать и перед чем смириться? Всё слилось в едином потоке: путь в жизни и путь в литературе — неразрывно и до конца! Как воскрешение из мёртвых — его возвращение с эшафота и каторги в литературу! Огневой прорыв творчества будто высвечивает перед писателем его тернистую дорогу, а основная идея — обретение веры — вершит судьбы людей. Таков и замысел о человеке — выстраданный Достоевским.

Теперь конфликты его героев и персонажей вырастают до общечеловеческого масштаба. И можно ли достичь счастья ценой человеческих жертв?.. Судьба Раскольникова открывает ворота на широкую дорогу Достоевского — где, споря и до конца не понимая друг друга, идут Братья Карамазовы... Ведь в итоге, по мысли самого писателя (устами старца Зосимы): «Всякий народ всеми за всех виноват, не знают только этого люди, а если б узнали — сейчас был бы рай».

Вера ведёт человека — любовь толкает к таким тайнам, вблизи которых нельзя устоять холодному сердцу...

*Христос воскрес! Опять с зарёю,
Редает долгой ночи тень,
Опять зажётся над землёю
Для новой жизни новый день.*

Как проникновенно в бунинских стихах звучит мотив недосягаемого и каждодневного счастья!.. Не так ли за напряжёнными

интонациями, барабанными ударами скульптурного мышления Достоевского проглядывают тонкие иероглифы нежного романтика, бережно сохранившего в памяти лубочные картинки, цельногравированные издания на библейскую тему или милые в своей простоте сергиево-посадские игрушки его детства.

Ссылка, солдатчина, безденежье, народная правда-матка... А затем — живая вера и шёпот молитв. Не потому ли у Достоевского — супротив греха — существуют князь Мышкин и Алёша Карамазов, «Тёмные аллеи» Бунина скрывают и смутное, и сокровенное.., а понятная обывателю эротика сменяется поэзией женской природы и божественной радостью того мира, в который ступает душа влюблённого... Так, спустя годы, и я прошла эти призрачные аллеи:

*По аллеям ходят
Призраки и сны...
Что-то в сердце бродит
От былой весны.
Отчего нам юность
Головы кружит? —
Без оглядки в лунность,
Как в бреду, бежит?
И вовек не знаешь,
Как тот путь дожить,
И всю жизнь мечтаешь
Это повторить.*

«Тёмные аллеи» пишутся Буниным живей и зримей, когда в развалинах лежит пол-Европы, когда война доходит до окрестностей Москвы. Голод, старость — у дверей его грасского пристанища присутствие уже поджидающей смерти, а пространство ушедшей, предреволюционной эпохи держит — отголоском Серебряного века — в словесном звучании любви, рассыпанной звонкими самоцветами страстей, характеров и судеб, всё ещё робеющих перед её необъяснимой тягой к совершенству. «Разве бывает несчастная любовь?» — конечно, вместе с главной героиней в рассказе «Натали» спрашивает нас сам Бунин.

Встречаясь на стыке своих юбилеев, И. А. Бунин и Ф. М. Достоевский будто заново узнают друг друга в своём общем ожидании перемен — кажется, ждут и наших открытий?..

Но какие именно перемены нужны России? Могут ли нравственные управлять обществом?.. Достоевский смотрит дальше принятого и дозволенного — его дорога становится трибуной (общественный деятель!): Бунин, попадая в кровавую бойню револю-

ции и оценивая результат народной трагедии, прежде сего остаётся певцом природы и стихии чувств — хранителем сердечных тайн, в которых хозяйничает любовь. По их творчеству весь мир и сейчас судит о России.

Однако их строгие лица не менее выразительны и красноречивы, чем бессмертные произведения литературы. Вот и мои художественные впечатления от внешнего облика наших писателей. Так, глядя на кадры кинохроники Нобелевского торжества (1933 год), я вижу своего Ивана Алексеевича Бунина, пережившего горестные годы эмиграции и повторяющейся нищеты. На его лице печать надмирного восклицания, суровая аскеза и скорбящий взор попоранного величия — жёсткие в своей печали, пронзительные глаза будто ищут среди потомков единомышленника:

*За дворянские обиды,
За огонь в крови —
Кто в лихие годы битвы
Просит о любви.
Будто вышел на прогулку
В незнакомый век,
Вслед стучит по переулку
Одинокий бег.
По земле — земле московской —
Людной Поварской
Бродит гулом отголооска
Возглас вековой.
Помнит вяз иные лета —
Пишется рассказ...
Слышу голос с того света:
Бунин среди нас.*

Как и бунинский образ, портрет Фёдора Михайловича Достоевского моё воображение слепило независимо от широко известных фотографий, картин и скульптур:

*Достоевский! Черты живые —
Взгляд горяч в неземной глубине:
Будто смотрит сама Россия
С фотографии на стене...*

Для меня его лицо — лицо человека, неравнодушного к людям: того, кому можно доверять и которого надо выслушать, чтобы что-то понять в нашем тревожном мире. Так и внешне — вроде ничем

не примечательные черты лица, притенённые скользящей дымкой глаза, надёжным куполом завершает открытый лоб мудреца: наверное, чтобы веровать — пожизненные думу думати и, не сворачивая в окольные просторы, идти своей дорогой...

Да, преступление требует наказания, идея — соответствия, Любовь — служения, Вера — подвижничества, прощения и Любви! «Широк человек!» — с волнением повторяет неторопливый читатель, понимающий творчество Достоевского: «Широк в божественном и сатанинском! — и, как подытожил Бунин, «непоколебимо одно: наша твёрдая вера, что Россия, породившая Пушкина, всё же не может погибнуть, измениться в вечных основах своих и что воистину не одолеют её до конца Силы Адовы» (21 июня 1949 года). Таково и назначение писателя в России! Ведь, разделяя все тяготы режимов и произволов самовластья, все явные и скрытые перекосы в правах граждан (с сословной огромной страны), писатель навсегда остаётся со своим народом в его прошлом и будущем, а в настоящем, по выражению Анны Андреевны Ахматовой, — там, «где мой народ, к несчастью, был».

*Когда о Родине кричат,
То ищут истину в уроках:
Двадцатый век! — в твоих итогах
Полно мучительных утрат...*

Так — миллионы людей полегли на полях сражений, были расстреляны и сожжены, замучены в тюрьмах и концлагерях... Право вседозволенности — избранности одних народов над другими — залило кровью Россию и Европу, а потому — переступило черту, обозначенную Достоевским и Буниным.

Оттого драгоценна, ювелирна в своей тонкой красоте поэзия И. А. Бунина: как заповедная отдушина, будто прощается с ним — всё время напоминая о себе в его произведениях. Оттого страшно гнетёт чувство недооценённости и невыполнимости того сказочно-яркого восприятия жизни («Тёмные аллеи»), в котором цинизм уступает место молодому задору страсти, беспощадность обстоятельств — безоглядному доверию и нежности, но всё же отчаянию и печали?.. А красота («Чистый понедельник»), не смиряясь с греховностью мира, уходит в монастырские обители, чтоб молиться за всех — и ушедших, и убиенных... Красота смотрит в наступающую темноту XX века и не видит опоры в мире, где уже грядут «Окаянные дни».

Разве не эта — сверхдоступная в понимании — красота способна спасти падший мир? Не это ли непостижимое, так близкое

Достоевскому, откровение нисходит с грустного лика Сикстинской мадонны?

И русский писатель, заложник своего пророческого дара, остаётся наедине с рафаэлевским шедевром в Дрезденской галерее... Неумолимо летит время! И, соизмеря подобие и данный с рождения образ, не могу не вступить в их вопрошающее молчание:

*Для мирского — желанен поступок,
А в божественном — подвиг велик.
Пусть наш мир и опасен, и хрупок,
Пусть горяч, беспощаден и дик...
Но красот его — нет благодатней,
И надежды встречают в пути,
Если любишь, в беде и утрате
Повторяя: «В ответ не суди...»
Не о том ли душа Рафаэля
Пела в красках на ткани холста,
Так «Сикстинской» святая идея
Неземным совершенством чиста.
— Отчего наши души мельчают? —
Что от алчущих бездн стережёт?..
И мадонны глаза отвечают:
«Если веришь, то чудо спасёт».*

Р. С. Каждое поколение осмысливает бессмертные идеи Достоевского и Бунина: через весь XX век они шли почти рядом, принимая эстафету переходов от равнодушия к оценке, от борьбы за красоту до двусмысленной паузы перед решительным ответом. Наши великие писатели прочитаны и в России, и за границей. Их творческий натиск требует продолжения, которого боятся бесы — от которого шарахаются людские пороки, слабеют недуги и отступает смерть.

Клиника болевых точек России, предварительный диагноз революционных настроений, полярные взгляды интеллигенции, судьбы народов, государств и цивилизаций... Всё современно как никогда! И, хотя труден хлеб писателя, тяга к высшему окрыляет надеждами и открывает глаза в незримое...

Что стоит за безнаказанным преступлением и проповедью греха? Какие беды грозят обществу, если оно поглощено денежной лихорадкой — лишено веры и морали, ставит человека в рабскую зависимость? Почему опасные разделения (положение «униженных и оскорблённых») часто становятся добычей для жестоких интеллектуалов и холодных прагматиков?! И, конечно, вековые пропасти должны быть вовремя отмечены и преодолены мостами политики

и культуры. Не это ли предупреждение не услышали в дореволюционной России?.. Может, этим напутствием — во все времена — отвечает нам Фёдор Михайлович Достоевский. Об этом задумывался и с негодованием писал Иван Алексеевич Бунин, потерявший Родину, но не изменивший принципам аристократа и неповторимого лирика.

Как и пушкинские строки — каждый по-своему — почувствовали Бунин и Достоевский, так же и мы недалеко ушли от их страданий, выводов и в своём времени ощущаем глубины и высоты их удивительных прозрений. Оглядываясь на тихие аллеи и ступая на свою дорогу — мы не забываем Слово писателей, подаривших нам и всему миру пограничные рубежи русского сознания.

*О, век двадцатый пройден!
Не вынести всего...
Что, состраданью вровень,
Меняет Бытиё?..
Уходят в бездну тени —
Рассвет сияньем чист,
И годы потрясений
Хранит печатный лист.
А где-то — неба Царство,
Далёкий путь во тьме,
Течение пространства
И церковь на холме...
2 мая 2021 года*

Тактично соблюдая некоторую разумную дистанцию, спешу заметить, что рисунки (портреты и заставки), оформляющие альманах «Истоки», отражают неслучившийся в земной жизни диспут Достоевского и Бунина. Их близкое соседство и художественное различие почтительно объединяет графика.

Ивонин Андрей Владимирович родился в Москве 16 июня 1959 г.

Работает в московском театре «Эрмитаж» заведующим художественно-постановочной частью. Член Союза Театральных Деятелей РФ. Почетный работник культуры г. Москвы. Член секции поэзии Московского союза литераторов. Публикации в литературных журналах и альманахах: «Эрфольг», «Новая литература», «Зарубежные задворки», «Русский Глобус», «Наброски», «Многоточие», «Страна Озарение», «Времена года», «Рифмованный мир», «Союз писателей», «Литературная Евразия». Лауреат Большой Международной Литературной Премии «Серебряный стрелец» (2011 г.). Лауреат национальной литературной премии «Поэт года» (2016). Лауреат VII Международной поэтической премии «Образ» (2019). Автор сборников стихотворений «Слово», 2008, «Начало», 2015, «Повторенье пройденного», 2018, «Говори со мной, 2019.

Черновик

Утро, похожее на черновик:
 слово, ещё одно слово, помарка.
 Комната, лестница, улица, арка,
 выход во двор, переулок, тупик.
 Годы... зачёркнуто. Счастье... зачёркнуто.
 Будто с ног на голову перевёрнута
 жизнь. Холодок от реки.
 Кухонных диспутов крестики-нолики,
 чайник на шатком обшарпанном столике
 пишутся с новой строки.
 Где я? Забор в рыжеватой окалине.
 Богом затерянный дом на окраине.
 То ли Братеево, то ли Чертаново.
 Всё переписано. Начато заново.

Вот так и бывает

Вот так и бывает: казалось, навечно замрёт
природа, и холодно станет от стыни внутри и снаружи.
И ломкий, колючий, с цветными прожилками лёд
покроет коростовой коркой окрестные лужи.
А где-то под снегом трава, ожидая команды «На старт!»,
для подвигов будущих силу таит в настоящем.
Вот тут-то, внезапно, как выстрел, случается март.
И губы немеют, и сердце колотится чаще.
И ты остановишься вдруг, удивлённо, почти не дыша.
И это бездонное небо тебя с головой накрывает.
И близкой становится чья-то чужая душа.
Вот так и бывает, поверьте, вот так и бывает.

* * *

Воздух вдыхаешь жадно, не надеясь на зрение.
Ветер трогает лоб, но не приводит в чувство.
Полдень рябит в глазах, свет чередуя с тенью.
Сердце наполовину полно, наполовину пусто.

Солнцем спрессованный снег, пока что имеет место.
Лежит, как старое платье, вышедшее из моды,
в глухих подворотнях. Машины, тормозящие резко,
обдают маслянистой жижей зазевавшихся пешеходов.

Чёрно-белая графика ранней весны. И влажен
асфальт. На окраине города, как на краю мироздания.
Так и идёшь, как будто пункт назначения уже вовсе не важен.
Так и живёшь на свете, не приходя в сознание.

* * *

после долгой разлуки
заново привыкать к твоему имени
доставать из глубин памяти
разноцветных рыб воспоминаний
как на тёмной лестнице
ногами нащупывая ступеньку за ступенькой
произносить давно забытые слова
узнавать друг друга
соприкасаясь взглядами
губами
кончиками пальцев

Густое утро пробую на вкус,
на звук и цвет, на ощупь и на запах.
Морозный воздух пахнет, как арбуз.
И будущность стоит на задних лапах
передо мной, и жарким языком
ладони лижет с радостью собачьей.
Мне слёзы застыт свет, и в горле ком.
Но день пока не начался, а значит —
всё впереди ещё: и Божья благодать,
и горний путь, и этот мир пред нами,
что можно без конца перебирать
глазами, сердцем, пальцами, губами.

АВГУСТ

Дело к осени. Август.
Мириадами глаз
Древнегреческий Аргус
Смотрит с неба на нас.

Этот месяц античный
Знает всё наперёд,
По бульварам столичным,
Напевая, идёт.

В колее подворотен
Катит дней колесо.
Словно воздух, бесплотен
И почти невесом

Самолётиком тает
В голубой синеве.
В косы ленту вплетает
Порыжелой листве.

Дням безветренным, летним,
Поубавив огня,
Поцелуем последним
Осняет меня.

Воробьи

Воробьи возвращаются в город. Шебечут, галдят.
Во дворах мельтешат, копошатся у талых помоек.
Вот, один, как из старого фильма, заправский пират,
а другой, посмотри, с жёлтым клювом, особенно боек.

Среди медленных, важных, клюющих зерно голубей,
они словно шпана беспризорная из подворотни.
День встаёт над умытой дождями Москвой, и синей
бесконечное небо над Бибирево и Капотней.

Шумный город, как фокусник, прячет весну в рукаве.
Светит солнце вовсю, словно летом, уже без утайки.
И повсюду: на тёплом асфальте, пожухлой траве,
рассыпаются шустрой гурьбой воробьиные стайки.

Вон их сколько! Шумят, задираются, прут на рожон.
А недавно ещё пропадали, и где непонятно.
Наступает апрель. Начинается тёплый сезон.
Воробьи возвращаются в город. И это приятно.

* * *

Когда-нибудь этот мир остановится
как старые карманные часы
чей механизм износился от времени
пружина ослабла
шестерёнки проржавели
и стёрлись до основания
а стрелки застыли
или бессильно повисли
на выцветшем циферблате

И некому
да и не у кого будет спросить
который час?

В музее

Метафора амфоры,
древнего быта осколки —
аллюзия времени.
Музейная пыль сродни
космической пыли.
Тени исчезнувших цивилизаций
взывают из темени
прошлого:
Стойте!
Мы тоже когда-то, как вы
любили, мечтали.
Мы были!

Воины и мореходы,
простые крестьяне, строители...
Мастер, корпевший над статуей,
как твоё имя?
Мира навеки ушедшего
безымянные жители
смотрят на нас с фаюмских портретов
глазами живыми.

Вечернее

Помедлив на последнем рубеже,
скупое солнце прячется за крыши.
О том, что дело к вечеру уже,
я промолчу, но ты меня услышишь.
Ты свет зажжёшь, и тьма сойдёт на нет.
Прикроешь в доме окна, чтобы тыщи
ночных гостей, стремящихся на свет,
не вторглись в наше скромное жилище,
в котором только двое: ты и я
живём, как две нахохленные птицы.
Зачитанную книгу Бытия
открыв на заключительной странице,
мы будем молча наблюдать в окно
на дольний мир от альфы до омеги,
как на плывущем к вечности, давно
от берега отчалившем ковчеге,

и плыть, и плыть сквозь законный мрак,
в холодное стекло уткнувшись лбами,
и чувствовать всё явственнее, как
ночная тень сгущается над нами.

* * *

Вот тьма над чёрной бездною. Вот свет.
Вот прошлого подробная канва.
Вот жизнь длиною в миллионы лет.
А вот небес холодных синева.
Вот перечень всех сущностей земных
от Homo sapiens до губок и амёб.
Вот мальчик, о созвездиях иных
мечтающий, читающий взахлёб
неписанную Книгу Бытия.
Вот мириады звёзд над головой.
Вот Космос. Вот Вселенная. Вот я,
шагающий по гулкой мостовой
внутри большого города, когда
встаёт вопрос, один средь прочих тем:
откуда мы, и движемся куда?
В какую даль стремимся и зачем?
Но сколько о подсказке ни проси
и ни бросай в ночное небо клич,
не хватит ни терпения, ни сил
рассудком Божий замысел постичь.

* * *

Жизнь продолжается и в четырёх стенах,
и в бессвязных обрывках тв-передач, и в горячечных снах;
в темноте душной палаты, в тусклом свечении утренних окон;
в слабом теле, дрожащем, как лист, сохраняющем боль и жар;
в голове, надувшейся, как воздушный шар;
в еле живой душе, внутри тебя свернувшейся в кокон.

Жизнь продолжается несмотря на кривой високосный год,
даже, если дела принимают такой оборот,
что уже нет сил от нелепых фантазий и чаяний лживых.
Но когда твой корабль получает опасный крен
и теряет мачты на фоне больничных стен,
и тогда ты живёшь, пока кровь пульсирует в жилах.

Жизнь продолжается, несмотря на то, что у страха глаза велики;
с каждым новым вдохом, с понедельника,
с чистой страницы, с новой строки;
как бесценный подарок, дорогая награда, как чудо.
А уставший за сутки санитар-сутенёр, заправляя пустую кровать,
говорит: вот тебе ещё несколько лет, будешь ли продлевать?
Отвечаю: чего бы это не стоило, обязательно буду.

Рисунок Светланы Ринго

Слово о Станиславе Сергеевиче Говорухине или Белый свет, идущий от земли

Решиться на своё слово о Станиславе Сергеевиче Говорухине — всё равно что почувствовать то потаённое, что закипало и успокаивалось в душе всенародно любимого кинорежиссёра и актёра, продюсера и сценариста, политика и вдумчивого живописца. Осуществить задуманное — значит, выйти за рамки житейских помыслов и хотя бы на короткое время стать отражением ВЕР-

ТИКАЛИ — его человеческой истины. Почему, несмотря на грандиозный, полувековой и обширный по проникновенной глубине творческий путь и охват его деятельности, я выбрала скромное на первый взгляд «лирическое я» этого удивительного человека?.. Наверное, чтобы полнее понять и рассказать читателю о сокровенных мирах, скрытых от лукавого взора и беспощадного XX века. И так — в апреле 2011 года — я познакомилась с художником, пишущим маленькие полотна и согласившемся показать свои работы в Академии художеств. «Истра. Зима» 2008 год, «Февраль» 1999 год, «Тени» 2010 год, «К реке Тверца»... Следуя в каком-то кинематографическом порядке, названия картин продолжали одну зимнюю тему — а в художественном отношении борьбу чёрного и белого, противостояние тьмы и света. Даже не останавливаясь и не читая подписи на узеньких полосках, я постепенно уходила в Россию, укутанную снежным покровом. Что же в итоге? — Зима или фильм-представление о той красоте, которую уже не часто встретишь на окраинах малых городов и в пригороде столицы? Да, картина-кадр! Только холст и масляные краски прочнее съёмочной пленки. Краски спокойно и неторопливо распределяются по холсту. Может, эти пейзажи не только увидены — отпечатаны в памяти так четко, как лица родных людей и незаменимых друзей. Недосказанное витает в пустынном зале и колышется в плывущем между картинами воздухе... Река изгиба-

ется и поворачивает к чёрной полосе леса — река течёт за горизонт. Истра, так же, как и Тверца, тоже уходит в зимнюю даль.

*В том краю встречаются картины
Тишины блаженно неземной:
В них лесов узорные седины
Застывают в шапке ледяной.
Кажется, что снежную обитель
Пощадила времени рука,
И в свои неведомые быти
Убегает узкая река.
И кручина — вовсе не кручина,
И душа в безмолвии замрёт,
Когда в круге облачного тына
Голубое солнце промелькнёт.
Там — снегов пречистые покровы,
Расстилаясь в сумрачной дали,
Вдруг подарят праведное слово —
Белый свет, идущий от земли.*

А может ли человек, одержимый творчеством (это нельзя предугадать и предусмотреть!), изменить себе и потерять тот незримый свет, который время от времени заставляет любить, бороться и создавать? — создавать вопреки!

*Кому же осталось
Класть долгий поклон?
Нет права на слабость,
Когда одарён.
Нет прав на обиду,
На злобу нет сил...
Кто счастлив по виду —
Тот мудро прожил:
Душой обречённо
Не шёл в суету
И мыслил бессонно
На всю высоту.
И верил, и помнил,
И слышал судьбу —
В небесном бездонье
Привычно ему.*

Что улавливает зрение, когда слова ещё не вырвались в стройном порядке повествования? Какая дорога ждёт впереди? Что-то движет-

ся около любовно написанных картин и, будто излучая свет, знает ответ на наши вопросы.

А когда —

*Сумеешь покориться
Той Вечности — за час,
То заново родиться
Успеешь в этот раз...*

Случай, миг или протяжённо — новое полотно. Само рождение художника, а также и писателя, журналиста, публициста, режиссёра — в завершении и общественного деятеля — тяжёлая чаша, недоступная самонадеянной посредственности. Это необъяснимо — выстрадано и благодатно. Так, уходя от городской суеты в ближнее Подмосковье, по воспоминаниям наших детских лет (А это понятно для каждого москвича...) в дачном окне хочется видеть лес и чистое поле. Там, будто отбрасывая всё случайное и ненужное, иногда подымается вверх неяркое свечение и зовёт тишина. Луна, застывшая в ночи. Солнце, обрамлённое морозной дымкой. Дорога на снегу, которая исчезает вдали и замечается по зёмкой. То февральское тёмное небо, то взрыхлённые ветром облака... И опять — та же ярко синяя река плавно изгибается и вольно пересекает долины и холмы... Как найти эту свою тропу здесь — в России? Как остаться альпинистом одиноких вершин в том краю, где нет видимых гор, но существуют почти неодолимые преграды для высокой души и доблестных замыслов — где холодно не от долгих зим и непогоды, а от стадного безразличия, порой и презрения властителей мира сего (временщиков!) к человеческой судьбе?.. И, конечно, осознавая нравственные испытания переходной эпохи, в свободные от основной работы часы Станислав Сергеевич потихоньку писал свои картины: за леденящей бесконечностью ощущал тепло, украденное временем перемен — смут, воровства, лицемерия... и всё же надежды? То шумный вихорь над рекой, то вороний гай по утрам или чёрные засохшие деревья вдоль дорог... А где-то ждёт заснеженный Кавказ — где-то спит звёздная ночь, плывущая в беззвучии: будто отложенная про запас плёнка старого кино, которое снимают для себя и забирают в те дали, где не ступает человек и присутствует Бог.

*И тебе немножко
Страшно в красоте —
Белая дорожка
Реет в темноте.*

Даже не осознавая до конца всё происходящее в тот день, я шла по Пречистенке. И, конечно, была уверена, что эта выставка навсегда останется в моей памяти. На проводах и вблизи бульварных фонарей сидело множество голубей. Птицы, чьё присутствие делает город живым и заполненным природными звуками, замерли в защищённой от движения транспорта и толпы высоте — будто наблюдали за людьми. Птицы ждали чего-то или, как мне казалось, тоже участвовали в стремительном московском дне — тревожили пасмурное спокойное небо. А небо того дня напоминало подмалевок, заготовку для методично и аккуратно работающего художника. Словно проведённые влажной кистью — прямые горизонтальные полосы расплывались в серебристые подтёки. Сам цвет исчез, уступив место голубому воздуху, который пульсировал около лица в преддверье нового ветра.

Щель — проём между входными дверями Парадного подъезда Академии художеств — как долгожданный свет ударила в меня... и, покачнувшись, я поняла, что и небо, и Пречистенка, и особняки, меняющие из столетия в столетие своих владельцев и жителей — всё вокруг вздрогнуло от моего радостного предчувствия ВЕРТИКАЛИ. Может, так — выставка Говорухина приветствовала и провожала своих посетителей? Или — на одно мгновение — я попала в поле действия души художника? «А зачем ему это?» — ответно прозвучало в моей голове. Может, это и есть то самое, подмеченное его другом Сергеем Александровичем Соловьевым желание «что-нибудь такое выкинуть»? Так ведь и остаться художником, когда тебя никто не видит и не слышит — дорогого стоит. Это уже суть характера.

Не потому ли постоянно возникала вырвавшаяся из глубин художественного процесса потребность достучаться — что-то изменить в людях?.. Не так ли в другой — общественной — жизни за этим ударом, грамотным нападением маячил и шукшинский кулак, и солженицынский призыв о сбережении народа, как национальной идеи в России?.. Не могу не вспомнить о писательской любви Александра Исаевича к притчам — «крохам». Разве не перекликаются эти литературные формы с короткими рассказами и живописными миниатюрами Станислава Сергеевича Говорухина, который одним из первых осмелился на документальный фильм «Александр Солженицын»?

Ведь быть художником в полном, широком и свободном смысле этого слова — разве лёгкий выбор? — Не опасное для жизни путешествие, когда ты висишь над пропастью возможного непонимания, а порой и зависти людей, лишённых призвания и яркого таланта.

Для каждого стремленья
Есть множество причин:
Как бойкое прозреньё
Мы постигаем в жизнь.
От музыки далёкой
Дыханию сродни
Крик птицы одинокой
И шорох тишины.
Предтеча пробужденья
Пронзительная дрожь...
Тебе дано везенье:
Держись — пока живешь!
Ведь снова Божия сила
Нас выбрала не зря —
Позёмка закрутила:
Здесь небо, там земля.
И солнце, и рожденье,
И высь, и глубина...
Здесь Вечность, там — движение
Без отдыха и сна.
Из тайны — воплощенье,
Из прошлого — прыжок,
В огне преображенья
Расширенный зрачок:
Как искра из потока,
В мерцанье ледника
Отвесная дорога
Уходит в облака.

Не просто двигаться там, где до тебя никто не ходил, где есть вдохновение — пушкинское, историческое — и навязчивый страх летящих минут человеческой жизни. Горы и город. Кавказ и Москва. Отстранённые и щемящие звуки большого города и московские голуби, будто отгораживающие и сохраняющие для нас территорию ВЕРТИКАЛИ, которая живет в сознании и требует защиты. Так — независимо от нас происходит преображение реальности и движение в образ. А тогда — окружая меня дрожащими переливами звука, медленно таяло и струилось стойкое свечение. Мир — распротёртый и распятый мирскими страстями — восстанавливался и оживал в своей нестигаемой силе, во всём разнообразии старой застройки центра Москвы: многовековой энергией одарённых архитекторов, созидателей пространств, удобных для жизни и предвещающих полёты души, ищущей справедливости и побеждающей холод равнодушия и греховность человеческой природы.

*Дым исходит от земли
И окутывает дали:
Что на небе мы нашли? —
Что нечаянно узнали?..
Будто камушки малы
В снежном поле силуэты,
И провалы, как стволы,
Скрытой впадины приметы.*

«Такова жизнь», — часто сочувственно, но с оттенком иронии говорят о переживаниях и трудностях. «И да — и нет!» — отвечает мой внутренний голос. Что-то необъяснимое, будто оценивающее каждого прохожего и случайного зрителя, подымается из незримого далека и приобретает черты. Я вижу портрет, не тронутый временем — портрет человека ВЕРТИКАЛИ с грустным и задумчивым лицом, с офицерской осанкой, статью и прямолинейной походкой. Словно глазами Высоцкого из фильма «Вертикаль» (1967 год) Станислав Сергеевич оглядывается на свой и наш жизненный путь: сдвигая брови, смотрит на тревожное небо, обнимающие горы. По столичному привычные кепка, трубка, шарф и пальто... А внутри подтекст и заряд большого художника — напряжённый, обороняющийся взгляд. Отсюда ведь и будоражащая профессиональное сообщество склонность к провокации, к творческому эпатажу — к шокирующим прилюдным высказываниям. Что стояло за всем этим? Конечно, как метко подметил С. А. Соловьев, не только желание «посмотреть на эти вот выражения» наших лиц. Пожалуй, таким мог быть Евгений Онегин XIX века — во многом разочарованный, но лишённый пошлости и банальности псевдоэлиты в культуре и политике: Онегин, безошибочно цитирующий пушкинские строчки, как мне кажется, встретивший свою «Татьяну» — будущую супругу Галину Борисовну и всё же осуществивший право быть любимым! Без ВЕРТИКАЛИ нет жизни — нет выдержки и борьбы — нет и цельности. Ставить вопрос — значит, обретать своё лицо, противостоять и ждать ответ. Так высокая фигура Станислава Сергеевича ассоциировалась с колонной,obeliskом целому поколению тех шестидесятников, которые, как и мои родители шли в горы, чтоб доказать прежде всего себе, что всё мелкое и слабое можно преодолеть и красота вершин доступна человеку.

*Горы, камни, человек.
Пропасть, щель, упорный ветер...
А цепочка лезет вверх
За всё лучшее на свете,*

*Чтоб, минуя перевал,
Как возможно исполину,
Обогнув трезубцы скал —
Покорить свою вершину.*

Они шли крепкой цепью дружбы и, как я теперь понимаю, круговой порукой людей, не сломленных своей эпохой — не раздавленных XX веком! Конечно, счастливых молодостью и ясностью ответственности друг за друга. У них — не могло быть иначе... А если с собой удалось разобраться, то, как быть с миром — живущим на грани веков и на гребне очередных драм? Актёр уступил место всесторонней личности, режиссёр стал провидцем и целителем, писатель и публицист — политиком:

*Не молчите о том, что скрывают:
Равнодушный опасен и глух!
Как нас в жизни легко убивают —
Говорите безжалостно вслух!*

Оттого ли в 90-е, как с далёких и всё-таки увиденных вершин, раздавались призывные сигналы — острые по своей позиции названия его фильмов: «Так жить нельзя» 1990, «Вторжение» 1992, «Россия, которую мы потеряли» 1992, «Великая криминальная революция» 1994... Для такого популярного в стране режиссёра честность по отношению к обычным людям и печаль по утраченному (для кого-то отвоёванному и романтическому!) — это не просто съёмка новых фильмов, но и гражданский подвиг: горячий ответ художника на действия разрушителей страны, утративших чувство Родины. Может, не смиряясь с вседозволенностью денег и беспринципностью некоторых бывших «хозяев жизни», он чувствовал обиду за уходящих стариков — за своих покорителей горных вершин, которым не находилось достойного места в те, роковые 90-е... Ведь уважение к старшим — будь то актёрам или режиссёрам — не имели табеля о рангах и заслугах. Здесь проявилась и человеческая симпатия (Борис Андреев, Иван Переверзев...) и сердечная признательность за истинное могущество, воплощенное в таланте и личностном обаянии (Михаил Ульянов, Александр Кайдановский и др.), для этого восторга — нет возраста. Я думаю, в этой черте характера Говорухина кавказские традиции смыкались с купеческой старорусской значительностью в общении, дружбе и особенно в организации застолья. Здесь — труднее найти ему равных! Здесь, минуя века, властвовал дух предков и текла поэтическая речь... Ансамблевое коллективное рождение «кина» предполагает внутреннюю связь всех

действующих лиц этого события. Да, изменилась страна, но осталась та же точка отсчёта... И заработал барометр времени. «Не согласен на меньшее», — слышится за озвученным текстом фильмов Станислава Сергеевича... И он спешит, как спортсмен — усиливающий нагрузку и удлиняющий для себя беговую дорожку — чтоб вовремя ответить как художник! Что может быть страшнее потери национальных истоков и величия нравственных побед?.. А в те годы — то, что держало в Великой Отечественной войне, оказалось на лобном месте истории. Говорухин-художник (в публичности и за творе) находит ВЕРТИКАЛЬ В ГОРИЗОНТАЛИ — предстояние незримого в непритязательной русской природе: тоскует о вершинах, скрытых в облаках и туманах средней полосы России, берёт краски, кисти, холст... Течёт другая жизнь! Не безветрие и безлюдье — одушевлённый покой лаконичного пейзажа, напоминающего близких людей: живущих или уже ушедших в белый саван России, успокаивающий землю после лета и яркой плачущей осени. Чеканная лента леса, одинокое дерево, след на снегу, морозное небо и негреющее солнце — всё так полнозвучно в слове и графично в изображении. Отсутствие полутонов, переходных состояний — прямолинейность высказывания — вероятно, и есть то самое мастерство, которое его живопись унаследовала от профессионального киномонтажа. Всё продумано, запоминается и откладывается в памяти. А вокруг — лес... заброшенный, униженный — поваленный ураганами и многолетней бесхозяйственностью. Лес мучается беспорядком: лежит и взывает о возрождении.

*Не о том ли вдовы голосили,
Не об этом плакала роса...
Всё тебе на память о России
Говорят поэтов голоса.
Память жжёт и ширится в охвате,
Как пятно живое в диких льдах,
И опять, печалясь об утрате,
Мы живём в грядущих временах.
Человек — мгновение природы
Или суть познания её.
Тыщи лет от поисков свободы
Мается и страждет Бытие.*

Так ли и тишина, присутствующая на полотнах Говорухина — тишина после потрясения, после минувшей войны? Ведь мы живем среди упавшего леса, как среди павших воинов, а, значит, и уходящего народа?.. Над сломленными вековыми деревьями встает новая

поросль, нуждающаяся в помощи — поросль и выжившие стволы, которые точно ворошиловские стрелки следят за редкими прохожими и ждут своего часа?.. Тема стрелка-защитника, в отчаянии осознавшего необходимость нападения — ещё один знак и путь к своей вершине («Ворошиловский стрелок» 1999). Надо защищать и защищаться! Поступок — выстрел — фильм... Это предупреждение и урок. А может ли художник молчать, когда сквозь всё его существо прошла ВЕРТИКАЛЬ? Когда, «обременённый государственной должностью» в штабе Владимира Владимировича Путина, Станислав Сергеевич оставался сам собой: не думая о сиюминутных выгодах — противостоял и отстаивал... Гораздо раньше — в назидательной форме прозвучала неотвратимость наказания в фильме «Десять негрят» 1987 года. предвиденье — от частного примера до общероссийского масштаба. Ведь главное возмездие внутри человека — возмездие, которого не миновать, как и «место встречи изменить нельзя», нельзя сойти со своей — пусть даже и опасной — тропы. В плотном едином кольце своих фильмов альпинистское восхождение Говорухина — предтеча и явление ВЕРТИКАЛИ, которой не изменило смелое сердце художника и сильного мужчины, знающего цену настоящей дружбы, любви, успеха в профессии и свободного выбора в творчестве. Кем он был и остался для зрителей, сотоварищей и друзей по жизни, для жены и родных? Если принимал и любил — то оставлял у себя, в своём мире и своём кино: чувствовал и ценил индивидуальность, красоту, стойкость характера. А ведь — и рисковал, и разбивался на вертолёте, и выживал — многое смог сделать! Как был одержим горами! Эта приверженность к вечному Кавказу проступала и в запоминающихся фразах героев его фильмов. Через простые слова о счастье гостеприимного свана до нас доходят мысли самого Станислава Сергеевича: как жить, чтобы найти своё счастье? — свои вершины на бескрайнем пространстве нашей страны? Живая душа художника искала диалог с людьми — прислушивалась, понимая, что «Конец прекрасной эпохи» (фильм 2015 года) не должен стать закатом российской судьбы. По стечению жизненных обстоятельств этот фильм был последним для Станислава Сергеевича Говорухина.

*Иль для нас метафора России —
Долгий путь сквозь вьюгу миража:
Сквозь поля, леса, дожди косые
В мир иной, где светится душа.*

Уходим ли мы — люди? Или — растворяемся в других, чтобы сделать завещанное? Когда можно верить, то хочется повторять вслед

за Жюль Верном, а, точнее, и вслед за героями фильма, снятого Говорухиным по роману «Дети Капитана Гранда»: «А мы — способны на большее»? По силам ли нам достучаться до совести, до ответственности за народы, живущие в XXI веке? Или тогда — зачем дана эта красота? И глоток чистой воды, и снежинка на стекле окна, и горы, ждущие нас впереди, и покров, спасающий землю — всё светлое, что есть и будет с нами во веки веков?.. Невольно, даже не вступая в доверительную беседу, мы становимся соучастниками тихой и величавой исповеди художника о неброских окрестностях Москвы, о живописных полях, очеловеченных бедами и войнами — ещё не везде застроенными «успешными» нашими современниками. Там — тишина иногда владеет временем, приучая каждого к тому, что наедине с самим собой мы близки к Вечному и постепенно становимся слухом и оружием своей земли... Эти ощущения нахлынули на меня будто ласкающее дыхание весны, осторожное мерцание спящих в белом покое остроконечных гор. И в сущности: для чего пишутся картины, если скорость наших эмоций уже не подчиняется размеренному течению жизни? Мы торопимся, чтобы успеть то, что надо сделать сейчас и не забыть довести до конца завтра. Может быть, поколение 90-х тоже способно на большее? И говорухинская оценка молодёжи: «Я их ненавижу...» — боль за страну, пережившую перелом веков и оплакивающую своих детей? А что, если этот протест всё же и ступень к прощению? Ведь от ненависти до любви один шаг — шаг над пропастью, через ущелье — шаг к Свету! Оттого, спускаясь с гор, мы становимся другими людьми! — Единожды создав великое кино, рассказ, стихотворение и даже маленькое полотно — получаем пропуск в иное измерение жизни и уже живём по законам ВЕРТИКАЛИ. А голуби, обитающие в наших дворах и встречающие туристов на вокзалах, с привычным курлыканьем, шумно похлопывая крыльями, собираются в стаи, приземляются и взлетают... а потом, как на последних кадрах фильма «Вертикаль», растворяются в московском небе, чтобы вернуться снова.

7 сентября 2019 года

ИЗ КНИГИ «РОЗА ВЕТРОВ»

В южном городе

Целовались постоянно,
Пререкались независимо,
Было весело и пьяно,
Зло и нежно и пьяниссимо.

В южном городе проветренном,
В марте, зябнущем от холода,
Было счастливо и ветрено,
Ах, как было глупо-молодо!

Ветер яростно пролистывал
Крону смуглого платана.
Я смеялась, ты насвистывал
Итальянца Челентано.

Мы острили непочтительно,
Словно южные пижоны.
Было рядом так мучительно,
Так легко и напряжённо.

Ветер дул, но, как положено,
Цвёл на ветках нежный иней.
А бензин в воде встревоженной
Распускал свой хвост павлиний.

Обольщать весны профессия...
Что прошло и что осталось?
Как с тобой мне было весело!
Я до слёз находоталась.

Бегут буруны к маяку,
О щёки ветер трётся колко,
И лодка, лежа на боку,
Спит возле старого посёлка.

Прибой сердитый и рябой,
Дома заброшенные эти,
И, взявшись за руки с тобой,
Мы мчимся по песку, как дети.

И горизонт дрожит вдали,
И тени две на сером фоне,
Как будто мы с тобой вошли
В знакомый фильм Антониони.

И мы смеёмся и бежим
С тобой по режиссёрской воле.
И этот бег неудержим,
И больше жизни наши роли.

И крупным планом два лица —
Любви отчаянная гонка.
И всё равно. И нет конца.
И мы с тобой.
... И рвётся плёнка.

ИЗ КНИГИ «ЛЕТАЮЩИЙ ГОРОД»

А.К.

* * *

Как поведаю об этом?
Не велик, не мал,
Но меня тревожным летом
Обнинск обнимал.

«Где погибель? Где спасенье?» —
Каждый вопрошал.
Но меня в тоске осенней
Обнинск утешал.

Ведь даётся нам по вере —
Взлёт или провал...
Но не зря сердца и двери
Обнинск открывал.

Памяти физика Бориса Кебадзе

Летят на Олимп иль спускаются в Лимб,
Оставив всё лучшее людям.
А мы среди цветущих каштанов и лип
Их помним и плачем, и любим.

В поношенных куртках своих и пальто
Вершили вселенские судьбы.
Ушли налегке они в вечность, зато
Не как беспощадные судьбы.

Стремилась уменьшить всемирное зло,
Испытаны счастьем и болью.
И грустно теперь на душе, и светло
На долгом пути к Передолью.*

---

*Кладбище в Обнинске

* * *

Вдоль сквера Жолио-Кюри
Мы шли с тобой, рука в руке,
И зажигались фонари,
Как цепь алмазов вдалеке.

И отступал морозный мрак,
И волновал манящий свет...
Казалось нам, что будет так
Всё длиться до скончанья лет.

И нежность связывала нас
Огнём, мерцающим внутри,
В безлюдный сумеречный час
У сквера Жолио-Кюри.

* * *

Посетить неожиданно Белкино
В сентябре мы, конечно, не прочь,
Перечитывать «Повести Белкина»
И Свиридова слушать всю ночь,

И вдыхать вместе с сонными липами
Опьяняющий дух старины
В парке, высланном вздохами, всхлипами,
Над прудами густой тишины.

* * *

В этом городе зарницы и закаты
Наблюдаю я который день подряд —
Звёзды, тучи и громовые раскаты —
«Это космос», — как подростки говорят.

Словно выплеснул художник эпатажный
Банку краски и размазал по холсту...
Ливни, зной и небоскрёб многоэтажный,
Грозным крейсером плывущий в темноту.

* * *

О, эта обнинская осень,
Рысиный, пламенный окрас...
Покоя у Судьбы попросим?
А воля? Воля есть у нас.

О, эта огненная осень,
Рассыплет краски задарма.
Мы только взгляд последний бросим...
А у дверей уже зима.

Пир во время...

Кто нынче пирует на троне —
Чума или Вирус в короне?
Чего не хватает в картине?
Сегодня весь мир в карантине.
Кричат карнавальные краски —
На лицах защитные маски,
Опять содрогаются царства,
От этого нету лекарства.
Мы все в неизвестность несёмся...
Но только любовью спасёмся.

* * *

Закоулки, переулки,
Полуночные прогулки,
Ни отрады, ни парада
В круговерти маскарада.
Разрываются все связи...
О, весна в противогазе!
В изумленье дождик замер...
Взгляд стеклянный скрытых камер,
Чуток тайный соглядатай.
Май. Две тысячи двадцатый.

* * *

Босиком среди облаков
Без высоких каблуков,
Я играю и пою
В райском облачном краю.
С нежной пеной на висках,
С бледной розой на щеках.
В мире белых облаков
Нет суровых пропусков.
Тут приволье птичьих прав,
Не грозит здесь грозам штраф.
Строгий масочный режим
В небесах непостижим.
Под кристальной синевой
Код не набираю свой.
Как мне жаль всех вас внизу!
Уроню с высот слезу.
Слёзы капают дождём...
Всё проходит. Подождём.

* * *

Огненный атомный эмират,
Лёгкий летательный аппарат,
Над грязноватою пеной дней
Выбросил горсть бортовых огней.
Он не ответит — когда и где,
Он не расскажет — к какой звезде.
Если сумеешь ты стать огнём,
Сможешь тогда улететь на нём.

* * *

Как два космонавта, в таинственной мгле
Сквозь время летим мы в одном корабле.
Со скоростью мысли, пришедшей ко мне,
Мы мчимся в одном нескончаемом сне.
В Летящем городе — дождь или лёд,
Но вечен любви бесконечной полёт.

* * *

Смысл бытия, от всех сокрытый,
Непостижим, неизмерим.
А мы, как Мастер с Маргаритой,
Над спящим городом парим.

А он и сам летит в пространстве,
Как неземные корабли,
За музыку звёздных странствий...
И растворяется вдали.

Рисунок Светланы Ринго

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Ирина Антонова

Калининградские хроники

23 июля в аэропорту Калининграда, бывшего Кёнигсберга, нас ждал поэт, писатель и меценат в одном лице — хозяин гостевого дома «Альбертина» — Борис Нухимович Бартфельд, председатель областной писательской организации в Калининграде (представительство Союза российских писателей). В «Альбертине» должны были встретиться все участники XXIII Международных литературно-образовательных чтений.

Нас, летевших этим рейсом из Москвы, было трое: кандидат философских наук, искусствовед, автор многочисленных статей по архитектуре, поэт и переводчик с английского и немецкого Валерия Исмиева. Мы с ней случайно вычислили друг друга ещё при посадке в самолёт. Третьей оказалась Ольга Харламова, я не была с ней лично знакома, но всегда ждала её публикаций в альманахе «Муза». Мне нравились живописные и музыкальные акценты её поэзии. Очень хотелось её услышать и узнать поближе.

Пейзажи из окна автомобиля удивительно напоминали просторы среднерусской полосы: плакучие ивы среди нескончаемых лугов. Неожиданно Б. Н. обратил наше внимание на гнёзда аистов. Они располагались на кровлях домов и в кронах рослых широколиственных деревьев по сторонам дороги. Иногда можно было разглядеть живого аиста, пересекающего крышу.

Через 30—40 минут мы уже были в отеле «Альбертина». Название своё он повёл от старейшего немецкого университета. Убранство дома соответствовало его имени. Аура немецкого средневекового города чувствовалась в самом укладе и убранстве дома, в резных деревянных стульях с головами лошадей, в просторном каминном зале, в стенах увешанных лепными портретами с изображениями прославленных королей, учёных и поэтов Кёнигсберга — некогда культурного и торгового центра великого прусского государства. На протяжении нескольких столетий Россия и Пруссия, два соседствующих государства на Северном побережье Европы, были тесно связаны экономическими и культурными отношениями, сильнее всего эти связи проявлялись в эпоху правления русского царя Алек-

сея Михайловича. В средневековом замке Кёнигсберга один из за- лов, предназначенный для приёма высоких гостей, так и назывался Московским...

24 июля состоялась первая экскурсия по окрестностям Калининграда. Нашим экскурсоводом выступил основатель калининградской писательской организации, старожил города, известный прозаик и журналист О. Б. Глушкин. По дороге в посёлок Янтарный он рассказал о драматической судьбе края, о становлении и возрождении города из руин, о его переименовании после войны в Калининград. В советское время он часто фигурировал, как «город К.».

Трудно поверить, что именно по этой земле зимой 1945 года гнали последних, истощённых и раздетых узниц лагерей смерти. Позднее их путь назвали «Маршем смерти». Это были молодые девушки еврейской национальности. Почти 7000 человек расстреляли на ледяном побережье Балтийского моря. Только 30 женщин, чудом избежали массовой казни. Они успели поведать миру о «Марше смерти». Эти трагические события легли в основу рассказа О. Н. Глушкина «Анна из Кёнигсберга».

Вечером в Каминном зале прошло обсуждение трёх авторов. Ольга Харламова, ведущая литературной гостиной в ЦДЛ, читала стихи из нового поэтического сборника «Утренний кофе» и дарила слушателям отдельные стихотворения с авторскими иллюстрациями. Она рассказала нам о своей работе экскурсоводом в Кремле. Этот незабываемый опыт лёг в основу её новой книги исторических очерков о Москве.

Детская писательница Н. И. Ярославцева представила нам свои новые красочно иллюстрированные книги и поделилась секретами, как заинтересовать чтением детей.

Прозаик из Тулы Н. А. Хаимова преподаёт английский язык в школе. «Ароматы апреля» её вторая книга. Она прочитала из неё несколько коротких лирических рассказов.

День 25 июля выдался на редкость солнечным и жарким.

Нина Петровна Перетьяка — председатель Калининградского фонда Российского отделения культуры и Раиса Минакова — литератор, автор замечательного путеводителя по Калининграду, предложили нам пешую экскурсию по городу. Это была незабываемая прогулка! Многие улицы Калининграда носят имена русских писателей. Наш гостевой дом стоял на улице Демьяна Бедного. Лучами от сквера Тельмана шли улицы Некрасова, Лермонтова, Гоголя. Наши провожатые пояснили, что веерообразная планировка улиц Старого города схожа с планировкой Парижа.

Я ещё никогда не видела такого зелёного города, он буквально утопал в цветах: отреставрированные роскошные виллы 20—30 го-

дов прошлого века и новые стилизованные коттеджи с мансардными окнами и черепичными крышами. Бесконечные аллеи и солнечные лужайки с кустами роз и вновь вошедшей в моду гортензией всех оттенков. Иногда мы просто останавливались перед обычным домом, чтобы запечатлеть очередной живописный балкон, напоминающий клумбу.

Наконец мы вышли к Верхнему озеру, старое название — Обертаях. Интересно сколько потребуется часов, чтобы обойти это удивительно чистое и прозрачное озеро? От воды веяло прохладой. Примерно через час мы достигли старых крепостных стен из красного кирпича. Там же располагался Музей янтаря...

Вечером была встреча с главным редактором Литературной газеты Максимом Замшевым и презентация его нового романа, выдвинутого на премию президента — «Концертмейстер».

Также прошла встреча с прозаиком П. Г. Кренёвым, заместителем председателя Правления Союза писателей России. Павел Григорьевич поделился воспоминаниями о поморском детстве, как стал охотиться с 14 лет. С горечью вспомнил эпизод, как в деревне, борясь с волками, разбросали отравленную приманку, и погибли не волки, а преданные собаки. Все эти впечатления повлияли на его творческую манеру, вошли в сюжеты рассказов и повестей. В память о своём деде священнике П. Г. Кренёв возвёл на свои средства в родной деревушке православный храм.

26 июля мы едем в Гвардейск и Черняховск.

По дороге посещаем домик, где в середине 18 века великий философ Иммануил Кант обучал детей пастора, а по ночам писал свои философские трактаты. Во всю идёт строительство и благоустройство территории музея. Через 4 года в канун трёхсотлетия Канта, сюда должны съехаться гости со всего мира.

На вокзальной площади в полный рост стоит памятник самому молодому советскому генералу Черняховскому, чьё имя получил город.

Экскурсовод-историк рассказывает нам о достопримечательностях здешних мест. Скульптура обнажённого улана на коне — начало 20 века, кирпичи, перестроенные в православные храмы, развалины замка. На территории разрушенного замка наше внимание привлекает дуплистая столетняя липа, овеянная легендами. Реставрационные работы ведёт группа молодых энтузиастов. Одна из участниц проекта по восстановлению замка в старинном стилизованном костюме с распущенными волосами, похожая на фею здешних мест, проводит нас по лабиринту средневекового подземелья.

Оказывается, эти места связаны с ещё одним великим именем — полководца Барклая де Толли, героя войны 1812 года. Тёмная липо-

вая аллея, некошенная трава, тишина... Там под чёрным гранитным обелиском покоится сердце отважного генерала.

Вечером в Каминном зале мы слушаем писателя из Уфы Камиля Зиганшина. За свою последнюю книгу он получил премию президента. Он бывший профессиональный охотник и путешественник. Его рассказы чрезвычайно насыщены событиями и достоверны. Он рассказывал про малочисленные племена удйгейцев, про экстремальные условия выживания в тайге, о русских поселениях на Аляске. Тема «Образ животного в современной литературе» обсуждалась всеми участниками чтений. Писатель близко наблюдал в сибирской тайге жизнь диких животных

и пришёл к выводу, что хищник, если он не смертельно голоден, никогда первым не нападает на человека. С 1984 года он дал себе слово больше не убивать животных.

Следующим выступал главный редактор журнала «Александр» А. С. Труба.

Невольно вспомнилось, как в разгаре зимы 2017 года Малый зал ЦДЛ неожиданно посетила известная поэтесса Лариса Васильева и загадочно объявила, что готовится новый литературный журнал, где будут бесплатно печатать талантливых авторов. И вот её проект стал реальностью...

27 июля мы никуда не едем. Можно посетить Ботанический сад при местном университете или зоопарк.

Здесь зоопарк основан в конце 19 века и считается одним из лучших в Европе. Вижу у входа металлическую скульптурную пирамиду из четырёх условных фигур: бегемот, лань, енот и белый орлан. Во время штурма города, освобождения его от фашистов, из многочисленных обитателей зоопарка остались в живых только эти четверо. Напутствие и напоминание: война никого не щадит. В зоопарке культивируют редкие деревья, животные резвятся в широких вольерах, но во многие павильоны ещё не пускают посетителей из-за карантина.

На вечер в Каминном зале запланированы три выступления.

Депутат московской городской думы Л. Н. Никитина презентовала свою новую книгу с символическим названием «Дети двадцатого века.».

Прозаик Н. Железняк рассказал, как он стал драматургом и о работе сценаристом в театре Джигарханяна.

А также Валерия Исмиева — искусствовед, кандидат философских наук, автор многочисленных статей по архитектуре, поэт и переводчик английской и немецкой поэзии поделилась своими творческими размышлениями. Прочла несколько собственных стихотворений и переводов.

28 июля едем в Зеленоградск — на курортное балтийское побережье. В библиотеке имени Ю. Н. Куранова, заслуженного калининградского писателя, должны пройти наши чтения: «Классика и мы». В связи с незаконченным карантином мы будем выступать не в самой библиотеке, а в сквере имени Королевы Луизы. В Пруссии её почитали как святую, она была просвещённой королевой, покровительствовала искусствам. Одна из её дочерей принцесса Шарлотта вышла замуж за российского императора Николая Первого и приняла имя Александра Федоровна. Легенда гласит, что здесь она оставалась по дороге в Россию. Её скульптурный портрет украшает сквер.

В сквере одновременно проходит выставка молодых художников. Перед входом в беседку выставлены несколько ярких живописных полотен в сюрреалистической манере.

По периметру сквозной беседки лавки для слушателей и за её пределами тоже... Слушателей собралось немало. Наше чтение получает отклик...

Три свободных часа. Чтобы осмотреть город, купить янтарные сувениры, перекусить и искупаться в море. Длинный, уходящий в бесконечность, пляж... Пологое песчаное дно. Холодная вода обжигает, но достаточно сделать несколько движений руками, как становится тепло и хочется только плыть...

Вечером творческая встреча с Лолой Звонарёвой. Она рассказывает о журнале «Литературные знакомства», о презентации интересных авторов на его страницах. С университетской скамьи она занималась изучением творчества Симеона Полоцкого, сделала в этой области открытия, многие прежние представления о нём устарели.

Выступает совсем юная поэтесса из Самары Дарья Кириллович. Ей только 15 лет. Она читает свои первые лирические стихи.

После выступления Даши мы слушаем выпускающего редактора детского журнала «Читайка и его друг Совёнок» писателя Д. А. Рогожкина. В артистической манере он исполняет несколько

своих стихотворений на исторические сюжеты. Его поэма-стилизация «Сократ и гетера», вышедшая отдельной книжкой со своеобразными иллюстрациями, пользовалась особой популярностью у читателей.

29 июля поездка в Светлогорск (бывший Раушен). Мы собрались возле домика сказочника Гофмана. Его жизнь и творчество неразрывно связаны с этим краем. Бронзовая скульптура из двух мужских фигур, соединённых спинами, символизирует его противоречивую сущность: творческая одержимость хочет восторжествовать над бюргерским существованием.

В гостиной музея Гофмана, стилизованной под его эпоху, Лола Звонарёва предложила тему для беседы о влиянии европейской культуры на наше творчество. Европейская культура в лице её классиков несомненно повлияла на наше восприятие и оценки. Мы часть общей культуры.

Б. Н. Бартфельд отвёл нас к камню, сравнительно недавно установленному в честь нобелевского лауреата немецкого писателя Томаса Манна. До сих пор идут споры, в каком именно здании он здесь останавливался в 30-е годы прошлого века.

Светлогорск поражает роскошью природы: высокие холмы, поросшие широколиственными деревьями, лесное озеро и близость моря. Неслучайно до войны он считался самым престижным немецким курортом, где отдыхала верхушка Третьего рейха.

Настоящим сюрпризом стало посещение нового, почти готового здания Дома творчества для писателей. Б.Н. задумал его номера безвозмездно предоставлять в порядке очерёдности творческим людям. С веранды открывался сказочный вид на озеро. Полное впечатление, что Дом творчества парит над оврагом с плакучими ивами. Естественно, что такая красота располагала к чтению стихов, и каждый прочитал свои произведения.

Вечером в Каминном зале выступал О. Б. Глушкин, рассказывал о своих новых книгах и журналах. Когда-то калининградские писатели выпускали огромным тиражом журнал «Запад России», теперь выпускают небольшим тиражом региональный литературно-художественный журнал «Балтика».

Потом Б. Н. Бартфельд читал нам свой новый рассказ «Деметра».

30 июля поездка в Балтийск — пограничный город. Мы стоим у знаменитой гостиницы «Золотой якорь», на ней мемориальная доска, что в 1963 году здесь останавливался Иосиф Бродский.

Б. Н. Бартфельд читает наизусть знаменитое стихотворение Бродского:

Открытка из города К

Томасу Венцлова

Развалины есть праздник кислорода
и времени. Новейший Архимед
прибавить мог бы к старому закону,
что тело, помещенное в пространство,
пространством вытесняется.

Вода

дробит в зеркале пасмурном руины
Дворца Курфюрста; и, небось, теперь
пророчествам реки он больше внемлет,
чем в те самоуверенные дни,
когда курфюрст его отгрохал.

Кто-то

среди развалин бродит, вороша
листву запрошлогоднюю. То — ветер,
как блудный сын, вернулся в отчий дом
и сразу получил все письма.

У самой пристани плавают белые лебеди, их очень много, они почти ручные.

На горизонте военные корабли. Здесь проходит наша морская граница с Польшей и Литвой.

Среди ярко оранжевых, словно греющих цветом, бархатцев монумент великого Петра Первого, прорубившего окно в Европу.

Мы идём по нескончаемому пирсу и холодные брызги перелетают через каменную ограду. Всюду песчаные дюны, сухие травы, невысокие деревья и цветущий кустарник.

Вечером выступает телеведущая и поэтесса Галина Балебанова. Она превращает выступление в поэтический спектакль «Орлом или решкой». Ей удаются также детские стихи.

Следом читает своё эссе «Небо» юный литератор Анна Королёва. Каждый высказывается и делится с автором историей своего творческого становления. Всем нравится умение Ани Королёвой ярко и выразительно передавать образы окружающего мира. Она уже печаталась в «Серебряных сверчках» — журнале, где авторами являются дети и подростки от 9 до 19 лет. Автор этого проекта Лола Звонарёва, выпускающий редактор — студентка Т. Крапивенко.

31 июля поездка на Куршскую косу. С утра идёт дождь. Довольно прохладно. Куршская коса — природный заповедник. Лес стоит на дюнах. Ходить можно только по деревянным настилам. Карабкаемся под проливным дождём по деревянным ступенькам всё выше и выше. Где-то высоко в дюнах маленькое чудесное кафе над морем, чуть ниже прямо в песке цветёт белый и алый шиповник. Посидеть на открытой веранде не получится, слишком сильный ветер сбросит посуду. Но можно просто так постоять на площадке, почувствовать, как ветер треплет волосы, вздымает волны и шумно бросает их на песок.

Налюбовавшись морем, спешим увидеть танцующий лес. Что это? Это изогнутые, как бы скрученные стволы деревьев, преимущественно сосен, выросших на зыбкой подвижной почве, столь отличные от корабельных. Здесь же на Куршской косе мы посещаем напоследок знаменитый заповедник птиц, музей под открытым небом. Среди деревьев деревянные скульптуры сказочных существ и животных.

Вечером мы опять собираемся в Каминном зале. Слово предоставляют автору единственного в своём роде путеводителя по Калининграду — Раисе Минаковой. Она читает рассказы из своей новой книги. С первых строк запомнился её рассказ-эссе, как она маленькой девочкой вместе с родителями оказалась среди встречающих премьер-министра Индии Джавахарлала Неру и её первое впечатление от увиденного.

После Раисы Минаковой слово предоставили мне. Я рассказала о знаковом российском альманахе «Истоки», задуманном в середине семидесятых годов, как стартовая литературная площадка для начинающих авторов, и пригласила желающих поучаствовать

в нынешних «Истоках». Потом читала стихи из своей последней книги «Тени имён на тарусских холмах».

1 августа поездок не запланировано. С утра в Каминном зале Нина Петровна Перетьяка знакомит нас с обширной деятельностью Калининградского отделения фонда культуры. Она автор оригинального проекта «Чаепитие с Карамзиным». Русский писатель любил путешествовать, бывал в Кёнигсберге и встречался с Кантом. На экране монитора появляется карета, звучит прозрачная старинная музыка, и мы невольно переносимся в галантный восемнадцатый век...

В оставшиеся незаполненные часы отправляюсь в музей «Мирового океана». Фотографирую экзотических рыб и цветущие кораллы. На балконе музея развешаны рисунки юных художников. Какое обилие талантов. какой незамутнённый взгляд на мир!

Последнее, что успеваю сегодня посетить, Ботанический сад при университете. Он совсем близко от нашей гостиницы. Прохожу через плантацию разноцветных флоксов. Как они нежно пахнут! Но в этом запахе уже чувствуется грустная осенняя нотка. Это цветы нашего Подмосковья. Их запах навсегда запад в сердце...

2 августа: отъезд, отлёт.

Прощай, чудесный гостеприимный город!

Ты будешь мне теперь долго сниться.

Может, ещё когда-нибудь свидимся.

Превратности судьбы

Супружеская пара с сыном медленно переходили пустынную улицу, когда вдруг стоявший невдалеке чёрный внедорожник марки Нисан сорвался с места и, набирая скорость, помчался по мостовой. В следующее мгновение внедорожник сбил мужчину и женщину, отбросив мальчика на десяток метров в сторону, что и спасло ему жизнь.

Вот уже несколько дней Кирилл лежал без сознания на больничной койке в детском отделении первой городской больницы. Иногда его сознание как бы прояснялось и перед его внутренним взором возникали горящие злобой и ненавистью глаза незнакомого мужчины. Под взглядом этих глаз сердце мальчика сжималось от ужаса, его маленькое тело начинала бить сильная дрожь, а рот кривился в безмолвном крике о помощи. В следующее мгновение его сознание погружалось в полный мрак и только где-то далеко появлялись яркие всполохи света.

Эта дрожь и судорожные конвульсии сильно пугали дежурную медсестру, она тут же вызывала врача, который глядя на мальчика утешал её словами: «Не волнуйся, мальчик переживает момент гибели своих родителей».

— Доктор, вы уверены? Я думаю, что тут другое, его что-то до ужаса пугает, вот он и бьётся в истерике.

— Может быть, очень даже может быть, — кивал головой доктор и, отвернувшись, уходил из палаты, размышляя о том сколько хлопот доставляет ему этот малыш. На второй день после поступления мальчика в отделение появился уважаемый мужчина и потребовал немедленно перевести пациента в отдельную палату с круглосуточным дежурством у его постели медсестры. На все доводы о том, что отделение переполнено и свободных палат нет, мужчина предложил немедленно выписать всех выздоравливающих, остальных потеснить, а если доктор не согласится, его заставят. С этими словами мужчина достал свой мобильный телефон и куда-то позвонил. Через несколько минут в кабинете заведующего отделением зазвонил телефон, и заведующий бросился выполнять поступивший приказ, размышляя о том, что олигархи совсем распоясались, давно потеряли совесть, что им абсолютно наплевать на других детей, а власть и деньги в наше время делают возможным невозможное

Прошла неделя в сознании Кирилла всё реже стали появляться пугающие его страшные глаза и всё чаще искажённое ужасом лица его матери, когда в последнюю секунду она оттолкнула сына от несущегося на них чёрного джипа. В эти мгновения Кирилл испытывал дикую, ничем не контролируемую ненависть к человеку, сидящему за рулём автомобиля. И более того в его замутнённом сознании появилась отчётливая мысль о том, что рано или поздно он отомстит человеку, лишившему его самых дорогих людей на этом свете, его родителей. Иногда в его сознании всплывали картины, как они с отцом плескались в море, как отец учил его плавать, и в эти минуты он ощущал ласковое прикосновение к его телу тёплой морской воды.

На второй день пребывания Кирилла в больнице появилась домработница Полина, представившись, двоюродной сестрой, она заняла место сиделки у его постели. Глядя на истерзанное, бьющееся в истерике тело мальчика, Полина ощущала сильнейшую нервную дрожь, переходящую в безмолвный крик и с трудом сдерживаемые рыдания. Когда в палате никого не было, она, поглаживая руку Кирилла, неустанно повторяла одну и ту же фразу: «Мальчик мой, роденький мой, ты непременно выздоровеешь, ты, как и прежде, будешь радовать моё израненное сердце, будешь расти, будешь радоваться жизни и постепенно твоя боль оставит тебя».

Полина была поздним ребёнком в семье Вавиловых, темноволосяя, широкоскулая, со слегка раскосыми чёрными глазами, невысокого роста она с годами всё больше вызывала у её отца Сергея Сергеевича сомнение в его отцовстве. И было отчего, так как все в семействе, он сам, его жена Вера и старшая сестра Таисья были светловолосы, сероглазы, крепкого телосложения. На все заверения жены, что Полина унаследовала гены якута, за которого её прабабушка вышла замуж и долгое время проживала на приисках в Якутии, Сергей Сергеевич только хмыкал в ответ и махал рукой, как бы говоря, ну чего уж там, всякое бывает. Особенности всего облика Полины с раннего детства наложили своеобразный отпечаток на всю её последующую жизнь. В семь лет она вдруг потребовала от матери, чтобы та непременно записала её в балетный кружок, однако все их попытки оказались неудачными. Везде был один ответ — мы не можем её принять из-за её малого роста и особенностей фигуры, добавляя при этом — ножки у неё кривоваты, понимаете, так сказать, азиатская фигура.

Это был сокрушительный удар для самолюбивой семилетней девочки. Полина надолго замкнулась в себе, стала плохо учиться, и только вмешательство детского психолога помогло преодолеть ей детскую депрессию. В восьмом классе она влюбилась в молодого

го учителя истории и твёрдо решила стать учительницей. В девятом классе её любовь угасла, и она увлеклась чемпионом школы по боксу, десятиклассником Валерой, связь с которым кардинально изменила всю её жизнь. Вскоре она, как говорили её подружки, залетела и к началу нового учебного года уже не могла скрывать свою беременность. На все попытки сделать аборт, врачи неизменно отказывались прерывать беременность, ссылаясь на поздние сроки и на непредсказуемость последствий от удаления плода. Беременность Полина переносила тяжело, бесконечные приступы рвоты, слабость во всём теле привели к тому, что она возненавидела своего ещё не родившегося ребёнка и к моменту родов твёрдо решила отказать от него. После нового года Полина родила мальчика, отказалась кормить его грудью и подписала документ об отказе от ребёнка.

Прошёл месяц после возвращения Полины из роддома. И всё это время, пребывая в каком-то внутреннем оцепенении, она мучилась одним и тем же вопросом, а правильно ли она поступила, отказавшись от ребёнка, и, не находя ответа, утешала себя мыслью, что он попадёт в хорошие руки и получит достойную жизнь, которую она не могла ему дать.

Однажды вечером её матери позвонила сестра и сообщила, что она сильно больна, лежит в больнице попросила приехать присмотреть за хозяйством. На другой день мать уехала в Калугу, и Полина осталась одна с отцом. Вечером после очередного возлияния отец схватил Полину на руки и понес в спальню, приговаривая: «Будешь брыкаться, задушу». Разорвав на ней одежду, он овладел ею и, отвалившись на подушку, захрапел. Встав с постели, Полина оделась, потом прошла в сарай, взяла топор и вернулась в комнату. Затем, подойдя к кровати, занесла топор над телом отца, и в это мгновение услышала голос матери: «Дочка, не делай этого, не бери самый страшный грех на душу, положи топор и уходи». Опешив, Полина огляделась, подумала, что ей померещилось, потом решив, что её мать не выдержит такого удара, положила топор на грудь отца, вышла из дома и пошла куда глаза глядят. Бесцельно бредя, она не заметила, как около неё остановилась машина, и женский голос позвал её: «Девушка, куда направляешься в такую темень, не страшно? А может быть ты ищешь клиента? Так в этих краях их не бывает»

— Я не из таких — резко ответила Полина.

— Тогда садись в машину я подвезу тебя туда, куда скажешь.

— Мне никуда не надо, я бездомная.

— Всё равно садись, поговорим, может быть, я смогу чем-нибудь помочь тебе.

— Меня зовут Софья Петровна, а тебя как?

— Полина.

— Очень хорошо, Полина. Мир не без добрых людей, думаю, всё образуется.

В голосе женщины звучало неподдельное участие, и Полина, поверив ей, села в машину.

— Так, я вижу, что ты не бродяжка, прилично одета, а потому рассказывай, что с тобою приключилось и почему ты ушла из дома.

И тут Полина не смогла сдержать слёз, размазывая их по щекам, она рассказала, что её изнасиловал отец и потому она ушла из дома.

— Теперь идешь в полицию?

— Нет, если его посадят, мать не вынесет этого, у неё слабое сердце, я боюсь за неё.

— Если тебе некуда идти, поехали ко мне, поживёшь у меня некоторое время, а там уже и решим, что делать дальше. Согласна?

— Согласна, спасибо, большое спасибо, Софья Петровна.

Через неделю, когда Полина совсем успокоилась, однажды вечером Софья Петровна сказала: «У меня есть знакомая, хозяйка бюро услуг, можно к ней устроиться, ты как?»

— Я согласна, не могу же я без конца сидеть на вашей шее, пора и честь знать.

Так Полина оказалась в Бюро интимных услуг, что располагалось в одной из съёмных квартир недалеко от трёх вокзалов. Отдаваясь очередному похотливому самцу, она не испытывала ничего кроме равнодушия и лёгкой брезгливости. Прошло несколько лет, когда наконец-то Полина осознала всё непотребство своего положения и однажды, собрав свои нехитрые пожитки, ушла из обители разврата.

Вернувшись домой, Полина застала там только свою старшую сестру и её пятилетнего сына Степашку.

От сестры она узнала, что их отец со своим дружкой два года назад отравились суррогатной водкой и оба умерли прямо за столом. В это же время её муженёк попался на очередной особо крупной краже и угодил за решётку на семь лет, а ещё через полгода, у матери случился инфаркт, и она скончалась в машине скорой помощи.

— Теперь, сестрёнка, мы с тобой одни на белом свете, сиротки мы, — закончила свой рассказ Таисья и, многозначительно взглянув на сестру, добавила. — А теперь, Полина, давай помянем наших родителей, и ты расскажешь, как ты жила всё это время.

Таисья достала бутылку водки из холодильника, разлила её по рюмкам и предложила: «Давай помянем сначала мать, а потом отца».

— Маму я помяну, — выпив водку, сказала Полина и, помолчав, добавила. — А отца нет, потому как нет у меня отца.

— Это пошто так? Как это так нет отца? — удивилась Таисья.

— А так, после того, что он сделал со мной, нет у меня отца, — крикнула Полина.

— Говори толком, что же он такого сделал, что ты отреклась него?

— Три года назад он изнасиловал меня, понятно?

— Понятно, но почему ты молчала, не заявила?

— Боялась за мать, она бы не выдержала такого позора, её точно бы хватил удар.

— И ты решила податься в бордель? Ну даёшь!

— А ты откуда это знаешь?

— От верблюда. Тебя видел там мой знакомый и рассказал мне. Поначалу я хотела найти тебя, потом махнула рукой, подумала, что так ты решила, значит так тебе надо.

— И правильно сделала, я бы всё равно домой не вернулась, — сказала, как отрезала, Полина. И, помолчав, добавила: «А вот, что делать дальше, не знаю».

— А что тут думать? Если у тебя есть деньги, поступай на платные курсы кондитеров, и твоё будущее обеспечено, голодать уж точно не придётся. Да, кстати, ты видела какой домину отгрохали наши новые соседи Найдёновы? Муж с женой и ребёнком, очень крутое семейство, в общем олигархи, вот у кого не жизнь, а малина. Не только сам, но и его жёнушка по магазинам пешком не ходит, не то что мы, нищоброды.

Полина так и поступила, окончив курсы, она устроилась помощником повара в один из московских ресторанов.

Дней через десять после возвращения домой Полина вышла на улицу и лицом к лицу столкнулась с соседкой, которая собиралась садиться в машину. Увидев Полину, она подошла к ней и, протянув руку, представилась: «Лариса, ваша соседка. Я вот что подумала, мы вроде рядом живём, а до сих пор незнакомы, нехорошо это. Как говорят, добрые соседи лучше дальних родственников, согласна? А ты, как я слышала, Полина?»

— Да, я Полина, и полностью согласна с тобой насчет доброго соседства.

Новая соседка Полины, Лариса Найдёнова оказалась почти её ровесницей, простой и славной молодой женщиной, с которой можно было говорить на любые темы, а вовсе не высокомерной олигархшей. Наблюдая как она играет со своим малышом, Полина неожиданно ощутила острую тоску по утерянному ребёнку. Недолго думая, Полина приступила к поиску сына. И вскоре через свою школьную подругу, которая работала в доме ребёнка, к своему изумлению, узнала, что ребёнок Найдёновых является её сыном. Однажды, услышав, что соседи собираются организовать для своих друзей банкет, она тут же предложила свою помощь и, блестяще справившись с за-

данием, получила приглашение занять место домработницы в их доме. Так Полина оказалась рядом со своим потерянным сыном. Теперь, спустя пять лет после рождения ребёнка и отказа от него она осознала весь ужас своего положения, а тогда в свои шестнадцать, отдаваясь своему любовнику, она не думала о последствиях своего поступка. Теперь с каждым прожитым рядом с сыном днем её материнские чувства только крепли, иногда в порыве этих чувств она на мгновение теряла над собой контроль. В такие минуты она прижимала к себе мальчика и со слезами шептала: «Сыночек мой, милый мой». Услышав невнятное бормотание Полины, пятилетний Кирюша вопросительно смотрел на неё и, отстранившись, убежал в свою комнату.

Приёмный отец Кирилл, Михаил Иванович Найдёнов был незаурядным человеком. Обладая острым умом и независимым характером, он в течение восьми лет возглавлял партийную организацию одного из крупных сибирских городов. Всё шло хорошо, высокий партийный пост и перспективы карьерного роста, плюс дружная советская семья, в один момент рухнули, когда он, тридцативосьмилетний мужчина, безумно влюбился и потерял голову от юной красавицы, которая была моложе его на двадцать лет. Будучи импозантным, красивым мужчиной, он без труда завоевал сердце своей возлюбленной. Это была настолько сильная страсть, что он, не задумываясь о последствиях, бросил свою жену, взрослую дочь и навсегда ушёл из дома. к своей юной возлюбленной. Как водилось в те незабвенные времена, последствия не замедлили сказаться на его карьере. После жалобы бывшей жены в обком партии он был снят с должности первого секретаря и отправлен на хозяйственную работу, и занял пост директора крупного угольного разреза. После развала СССР угольная промышленность, как и многие другие крупные отрасли, пришли в упадок, шахтёры бастовали, перекрывали Транссиб, стучали касками на мосту, а пенсионеры митинговали. Михаил Иванович с женой переехал в Москву и организовал консалдинговую фирму, которая помогала убыточным шахтам и разрезам выбираться из финансовых долгов. К середине девяностых небольшая фирма превратилась в большой угольный холдинг, который вёл торговлю углем с несколькими зарубежными странами. Будучи Генеральным директором холдинга, Михаил Иванович сосредоточил в своих руках контрольный пакет акций и получал большую часть дивидендов, что не давало покоя одному из его заместителей, который считал себя несправедливо обойдённым при дележе прибылей. После усыновления Кирилл Михаил Иванович решил перебраться из душной Москвы на природу и купил небольшой домик в одном из пригородов, который тут же снёс и на его

месте построил двухэтажный особняк, который по иронии судьбы оказался рядом с домом Полины и её старшей сестры.

Спустя неделю Кирилл пришёл в сознание, но на все попытки заговорить с ним безучастно смотрел на посетителя и упорно молчал, как вдруг, глядя на Полину, спросил: «Мама с папой на небесах?»

— Да, мой мальчик, они на небесах и очень беспокоятся о тебе, они очень любят тебя и хотят, чтобы ты рос здоровым, крепким мальчиком, — целуя ручку Кирилла и вытирая слёзы, ответила Полина.

— Я всегда буду помнить о них и когда-нибудь отомщу за их смерть, — с недетской серьёзностью сказал Кирилл и, отвернувшись к стене, горько, навзрыд заплакал.

В это время в палату в сопровождении доктора вошла блондинка лет тридцати и, подойдя к кровати, спросила: «Кирюша, ты помнишь меня? Я тётя Даша, близкая подруга твоей мамы. Кирилл перестал рыдать и, повернувшись к женщине, сказал: «Помню, вы часто бывали у нас дома».

— Так вот, я пришла сказать тебе, что в память о твоих родителях ты будешь жить с нами. Я и дядя Яков будем беспокоиться о тебе, во всем помогать тебе, — и, выдержав длинную паузу, как бы давая Кириллу осознать услышанное, спросила. — Ты согласен жить с нами?

— Почему с вами? — поднимаясь со стула, вдруг вмешалась в разговор Полина. — Я уже давно живу у них в доме, Кирюша привык ко мне, я знаю все его привычки и потому готова заменить ему родителей, растить и воспитывать его не хуже, а может быть и лучше, чем вы.

— Поздно, Поля, тебе ли не знать, что мы были не только самыми близкими друзьями Михаила и Ларисы, но и их компаньонами по бизнесу. И поэтому мой муж уже оформил опеку, но если, ты милочка, так беспокоишься за мальчика, то можешь продолжать кухарить у нас в доме, так что решай, потому, как только Кирюша окончательно оправится, мы заберём его домой.

Кстати, Кирюша, мы на правах опекунов, переезжаем в дом твоих родителей, и ты после выздоровления вернёшься в свою комнату.

— Хорошо, я согласна, — понимая всю абсурдность своего предложения, ответила Полина и, погладив мальчика по голове, добавила. — А пока я пойду домой, почитай неделю там не была. Надо помочь сестре по хозяйству, беспокоюсь я за неё и за племянника Степашку, как они там, всё ли хорошо, так что прощайте, — и, помахав на прощание рукой, вышла из палаты.

А беспокоиться за сестру и своего племянника у Полины были очень веские основания, потому что её старшая сестрица часто впа-

дала в затяжное беспробудное пьянство. В эти дни Полина жила на два дома. С утра накормив завтраком семейство Найдёновых, она отправлялась к себе домой и, обнаружив пустой холодильник, отправлялась в магазин за продуктами, потом готовила еду на несколько дней вперёд и, накормив племянника Степашку, возвращалась назад, надо было кормить обедом Кирюшу и хозяйку дома.

Полина вошла во двор собственного дома и увидела лежащего без сознания у крыльца Степашку.

— Стёпушка, Стёпушка, очнись, что с тобой Стёпушка? — похлопывая его по щекам и растирая виски, причитала Полина.

— Тётя Поля, хлеба мне, — открыв глаза, прошептал Степашка, — очень есть хочется.

— Сейчас, сейчас — роясь в сумке, пообещала Полина и, найдя шоколадку, протянула её племяннику, — ешь, Стёпушка, она прибавит тебе силы, а потом я накормлю тебя супчиком, и ты сможешь снова играть во дворе.

В это время калитка отворилась, и во двор вошла Таисья.

— Где тебя черти носят? — увидев сестру, закричала Полина. — Сын от голода падает в обморок, а тебе всё нипочём.

— Не ори, уезжая, я ему оставила достаточно еды, которой должно было хватить на три дня, что меня не было дома. А он точно сожрал всё в один день, а я ему говорила ешь в меру, дурак.

— Да как же ты могла бросить сына одного на три дня? Ты, что совсем с катушек слетела? Совсем мозги пропила?

— Я подумала, что ты не бросишь своего ненаглядного племянника. А ездила я на свидание к его непутёвому отцу.

Поначалу у Таисьи всё складывалось хорошо, она вышла замуж за любимого мужчину, но через три года после рождения сына у них что-то не заладилось, Виктор много пил, стал подворовывать и вскоре угодил за решётку.

С это времени Таисья, как говорили соседи, пошла вразнос. Из-за постоянных пьянок на работе её вскоре уволили, и она стала пробавляться случайными заработками на местном рынке.

Шли годы, Кирилл, унаследовав от матери спокойный уравновешенный характер, уже в начальных классах проявлял склонность к математике, и в десятом классе стал победителем московской математической олимпиады. Степан, напротив, был из тех учеников, которые постоянно попадали в различные неприятные истории. Так, учась в седьмом классе, организовал небольшую группу одноклассников, которая занималась вымогательством денег у мальчиков младших классов. Задиристый характер доставлял ему немало хлопот, почти ежедневно после уроков он с кем-нибудь дрался. И вскоре был поставлен на учёт в детскую комнату полиции.

К удивлению многих отличник Кирилл и малолетний разбойник Степан были неразлучными друзьями. Занимаясь в школьной секции бокса, они часто бились на ринге друг с другом. Повзрослев, Степан стал пресекать попойки своей матери, и постепенно Таисья стала всё реже прикладываться к бутылке. Казалось, жизнь в семье стала налаживаться. Но однажды, пока Степан был в школе, Таисья вместе со своим старым знакомым отравились палёной водкой. И только случайно зашедшая в дом соседка, вызвав скорую, спасла пьяниц от неминуемой смерти. После этого случая Таисья стала серьёз лечиться от алкоголизма. И хотя, как говорят, что женский алкоголизм не лечится, она ценой невероятных усилий сумела взять себя в руки и прекратила пьянство.

В новой семье все эти годы жизнь Кирилла текла своим чередом, по раз и навсегда установленному распорядку. Утром и вечером обязательные семейные завтраки, и ужины, раз в месяц походы в московские театры, а летом все вчетвером уезжали на отдых в Ялту. Иногда Кирилл пытался уклониться от походов в театры, ссылаясь на свою занятость, но опекун Яков Борисович Штокман был непреклонен, считая, что современный молодой человек должен быть всесторонне образован. В этой размеренной жизни, казалось бы, ничто не предвещало беды, но вдруг в середине мая Кирилл попал под холодный весенний дождь, и к утру у него поднялась температура до сорока градусов. В результате он попал в больницу с двухсторонним воспалением лёгких. Болезнь протекала в тяжелейшей форме, и только усилия врачей и крепкий организм Кирилла спасли его от смерти. В один из дней, когда Кирилл находился в реанимации, Полина ждала врача, как вдруг к ней подошла старушка и тихим скорбным голосом, сказала: «Ты бы, голубушка, вместо того, чтобы сидеть здесь, пошла бы в божий храм да помолилась Николаю Угоднику о спасении своего мальчика.

Полина так и сделала, и всю дальнейшую жизнь каждое воскресенье причащалась святых тайн и молилась за здоровье близких.

Глядя, как Кирюша взрослеет, Полина решила, что пришла пора узнать ему, кто его настоящие родители. Сделав анализ ДНК, Полина сообщила Якову Борисовичу о том, что она является настоящей матерью Кирилла.

— И, что же ты намерена сделать? Через суд вернуть себе сына? Допустим суд вернет Кирилла тебе, а ты подумала, что будет дальше? Дальше будет вот что — Кирилл лишается наследства, активы Найдёнова переходят компании, их делят на части и продают по номиналу своим акционерам. Всё, точка — твой сын отныне гол как сокол. И потому предлагаю молчать и ждать пока Кирилл не встанет на ноги, получит высшее экономическое образование, войдёт в ру-

ководство кампании, вот тогда и сообщить ему кто его настоящая мать. Убедил? Вот и хорошо. В последнее воскресенье августа около дома Найдёновых остановилось такси, из неё вышел мужчина средних лет и направился к калитке. В это время Полина направлялась в магазин и, увидев незнакомца, спросила: «Вы к кому?»

— К Якову, я его старый приятель. Где мне его найти?

— В доме, на втором этаже.

Войдя в дом, незнакомец неожиданно лицом к лицу столкнулся с Кириллом. Увидев пустые, мёртвые глаза мужчины, Кирилл был поражён догадкой, что именно эти глаза он видел в день убийства родителей. «Это он, точно он, тот мужик в машине», — стоя на крыльце дома, размышлял мальчик.

Тем временем незнакомец поднялся на второй этаж и вошёл в кабинет хозяина.

Недолго думая, Кирилл вслед за мужчиной, поднялся на второй этаж и остановился у приоткрытой двери кабинета, и то, что он услышал, повергло его в глубокий шок. Очнувшись от шока, Кирилл прошёл в свою комнату, взял битку и, возвращаясь к кабинету, твердил про себя: «Убью сволочей и будь что будет».

— Ну, что, Яша, не ожидал? — войдя в кабинет, спросил незваный гость. — Думал, что я отдал концы на зоне, но, как видишь, я жив и пришёл за лаве.

— А это ты, Петро, пришёл за деньгами, твои двадцать пять тысяч долларов, как и договаривались, ждут тебя.

— Что ты гонишь, я что просто так мотал десятку? Так что засунь свой четвертак в задницу, твой долг вырос в десять раз и составляет двести пятьдесят тысяч зелени.

— Ты что с ума сошёл? Нет у меня таких денег.

— А когда ты заказывал Найдёновых, ты думал о последствиях? Думал, что я могу загреметь на зону, думал о том, что я могу сдать тебя? Да, если бы не я, ты бы парился вместе со мной, шкура. — То, что ты оказался на зоне, сам виноват. Перед наездом надо было надеть маску, а ты попёр внаглую, вот и поплатился. Не забыл, что тебя опознала твоя соседка, которая оказалась там и видела, как ты сбивал Найдёновых? Но это, как говорится, превратности судьбы.

— Интересно, за что же ты так взъелся на своего шефа? Он вроде бы не обижал тебя. За что же ты решил убрать его, но и не просто его, а всю семью разом?

— Было за что. Он захапал большую часть акций, мне же достались крохи с барского стола. Впрочем, не только это, мне надоело быть подкаблучником. Покойный не очень-то церемонился со своими замами, чуть что штраф, а то и угрозы лишить нас привилегированных акций. Жаль только, что ты не угробил их сыночка.

Теперь вот уже десять лет мне приходится изображать из себя чуть ли родного отца. А всё почему, да потому что он является прямым наследником всех активов своего отца.

— А теперь ты занял его место, стал генеральным. А потому я передумал, и ты мне должен не четвертак, а лимон, понял? Лимон!

— Что? Ты совсем охренел? Лимон!!! — с этими словами Яков Борисович выхватил из ящика стола пистолет и, направив его на Петра, заорал: «Вон, скотина, вон, убью, сука».

— Никогда не направляй оружие на человека, если не сможешь его убить, кишка у тебя тонка, — с этими словами Пётр вытащил из-за спины пистолет с глушителем и, хладнокровно выстрелив Якову Борисовичу в грудь, добавил. — Вот и ещё одного фрэера жадность сгубила.

Затем обшарил стол и сейф и, собрав всё ценное, вышел из кабинета.

В ту же секунду Кирилл нанёс битой страшный удар по голове своего врага. Удар был настолько силён, что мужчина потерял сознание и рухнул на пол.

Убедившись, что мужчина жив, Кирилл прошёл в кабинет и, взглянув на своего раненого опекуна, вызвал скорую, а потом позвонил в полицию и сообщил о случившемся. Вскоре прибыла скорая помощь и вслед за ней полицейский наряд. Началось следствие. Кирилл пересказал следователю услышанный разговор опекуна и его знакомого и спросил, что теперь будет с его опекуном.

— Что будет? Судить его будем по всей строгости закона, — ответил следователь и, помолчав, добавил: «А ты выбрось всё из головы, забудь, как страшный сон. Жизнь продолжается, понял?»

После разговора со следователем Кирилл вышел на крыльцо и, увидев Полину, подошёл к ней: «Вот, тётя Полина, я остался совсем один», — глядя вслед отъезжающим машинам, грустно заметил Кирилл.

— Нет, Кирюша, ты не один, я твоя родная мама, — протягивая документ с результатами анализа ДНК, сказала Полина и, немного подумав, добавила. — Ты, Кирюша ничего не говори, знай, что я всегда рядом, всегда с тобой, а это самое главное.

R. S. Через три месяца Пётр Иваницын был приговорён судом к 15 годам колонии строгого режима за попытку убийства Я.Б Штокмана, которого также приговорили к 12 годам строгого режима за заказное убийство мужа и жены Найдёновых. Кирилл блестяще окончил школу, поступил на экономический факультет МГУ и после окончания учёбы занял место в совете директоров компании.

Людмила Вязмитинова

Людмила Геннадьевна Вязмитинова — поэт, литературный критик, культуртрегер.

Окончила Литературный институт им. А. М. Горького, в котором участвовала в двух семинарах — поэзии Игоря Волгина и художественной критики Владимира Гусева. Член Союза писателей Москвы, Московского союза литераторов, в котором является председателем секции поэзии, и русского ПЕН-центра.

Куратор литературного клуба «Личный взгляд». Автор нескольких книг стихов и критики.

Пока готовился номер, 14 июля 2021 года Людмила Вязмитинова скончалась в больнице от коронавирусной инфекции.

* * *

Я живу только летом,
 когда солнце в глазницах.
 Не забудьте об этом,
 чтоб со мной не сродниться.
 Ни случайно-невольной,
 ни с расчётом резонным,
 чтобы не было больно
 Вам закрытье сезона.
 Чтобы Вас не штормило,
 и в порыве безбожном
 всё, что не было / было,
 не назвали Вы ложью.
 Когда осень остудит
 мира облик парадный,
 меня просто не будет,
 чтоб прийти и быть рядом.
 Солнца диск не удержишь
 ни всерьёз, ни играя.
 Все меняют одежды,
 я к зиме умираю.

* * *

То дождь,
то снег
в плену у поздней осени
сменяются над пустошью полей,
среди серого дара минуты просини...
Мне все равно.
Ни легче, ни больней.
Я — чучело.
Набор тряпья случайный,
развешанный по доскам кое-как.
Безглазым взглядом серый день встречаю,
вливаясь ночью в общий влажный мрак.
Любое дуновение дня приемлю.
Теряет смысл понятие «протест»:
я крест свой не несу, он выросший в землю,
я, в сущности, и есть тот самый крест.
Мир движется —
куда? —
со мною вместе.
Качает ветер рваное тряпье.
На досках рук —
как куры на насесте —
крикливое расселось воронье.

* * *

вот и вся наша жизнь
непонятно какая
вот и вся наша жизнь
расписная-резная
потеряется взор
от неистовой пляски
непонятен узор
и меняются краски
то ли рай, то ли хлев
то ли храм, то ли бойня
лишь бы был вкусен хлеб
лишь бы не было больно
ни иметь, ни отнять
ни лететь, ни разбиться
и нельзя разгадать

как нельзя не родиться
тёмный лес, белый снег
серый дождь, синее море
не дожидаться вовек
нам ни счастья, ни горя.

* * *

Забывают, что руки — крылья,
открывая глаза, как блюдца.
Наяву полёты забыли,
а во сне о полёты бьются.
Тонкий слой одряхлевшей почвы,
обнимая, питает ноги.
Я летаю и днём, и ночью,
разбиваясь, подобно многим.
Тротуары, шрамы и годы —
все отчётливей, все бесстрастней.
Я дышу в любую погоду.
Задыхаюсь только по-разному.

Рисунок Светланы Ринго

* * *

Сочтёмся в вечности. Сыграем в карты
на всё, что накартавили, накаркали.
А карты вечные, быстротекучие
мелькают вечером сквозь пальцы тучные.
Где наковеркали, вспухают болью.
По нашей вере нам играют в нолики.
То по отдельности, то по совместности
играем в крестики земных конечностей.
По поперечности земной провинции
встань огуречиком, зерном для птицы.
Хвостом себе шурши, коль хвост от роду дан.
Есть вертикаль души, и кожи есть кафтан.
Распашка вечности, изнанка костная...
Истёкши речью, мы уходим к звёздам.

Рисунок Светланы Ринго

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Ирина Антонова

На пике бабьего лета или Один день в Елабуге

Вдоль скоростной трассы на Казань шли бесконечные хвойные леса, на их тёмном мрачноватом фоне горели червонным золотом плакучие берёзы. Пейзажи буквально завораживали, казались сказочными декорациями. Незаметно въехали в Елабугу прямо к гостинице.

Нас было пятеро пишущих женщин — небольшая делегация от Союза писателей России для участия в чтениях на «Цветавских кострах».

С утра начался осмотр города, с экскурсоводом — молодым историком из музея Марины Цветаевой. Наша экскурсия счастливым образом совпала с разгаром бабьего лета, с его яркими красками и задумчивой тишиной. Прежде всего нас отвезли на знаменитое Чёртовое городище, откуда начиналась история становления города. В 2007 году город праздновал своё тысячелетие. Когда-то там обитало воинственное племя булгар. Сохранилась одна из башен древней постройки. С головокругительного обрыва открывался вид на поросший лесом остров в слиянии двух рек Тоймы и нижней Камы. Это был древний торговый путь, многие суда разбивались о скрытый камень у причала. Первоначально Елабуга произносилась Алабуга, в одной из версий перевода «свирепый бык», по форме рокового камня, напоминающего голову быка.

Из-за многочисленных крушений торговых судов, прибывающих к городищу, его прозвали «Чёртовым городищем». В юбилейном году при спуске с обрыва установили чёрную металлическую фигуру Крылатого дракона. Экскурсовод указал нам на прибрежную дорогу, опоясывающую крутой обрыв, и пояснил, что только так могли добраться до Елабуги, прибывшие туда по воде.

В августе 1941 года так шла с пожитками, сойдя с парохода, Марина Цветаева с сыном Георгием.

Мы посетили усадьбу знаменитой кавалерист-девицы Надежды Дуровой, прожившей в Елабуге последние 30 лет жизни и оставившей мемуары, которыми восхищался Пушкин.

А потом направились к Музею Марины Цветаевой и библиотеке Серебряного века.

В конце двадцатого века в Тарусе в день рождения Марины впервые зажгли Цветаевский костёр. На том месте на берегу Оки, где установлен камень со словами из её биографической прозы «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Только спустя несколько лет, с 2002 года после костра в Елабуге, стало мировой традицией отмечать в октябре день рождения поэта чтением стихов у костра.

Импровизированная сцена под небом и зрительный зал в обрамлении елей, были символически украшены ветками рябины и красными яблоками. Сотрудники музея, предваряя чтение стихов, почтили память её единственного сына — Георгия Эфрона — талантливого литератора, погибшего на фронте в возрасте 19 лет. Историки до сих пор восстанавливают по крупицам обстоятельства его гибели. Первыми выступали школьники старших классов и студенты колледжей — лауреаты конкурса чтецов. Звучала поэзия Серебряного века: редко исполняемые стихи Саши Чёрного, Зинаиды Гиппиус, Сергея Есенина и, конечно, Марины Цветаевой. В их исполнении была свежесть восприятия, новые краски и музыкальные акценты. Потом выступали мы со стихами памяти Марины Цветаевой и дарили свои книги библиотеке Серебряного века.

Дом, где она прожила в августе 41 года всего 10 дней, казалось, сохранил горестную ауру её ухода. Низкие потолки, неустроенность, последняя фотография — скорбное лицо Марины с выражением безысходности.

Снова зашёл разговор о том, был ли сын на её похоронах. Экскурсовод уверен, что был, её хоронили в закрытом гробу. Сын хотел, чтоб в его памяти она осталась живой.

Я вспомнила свидетельство своего литературного учителя — чудесного поэта и человека — Вадима Сикорского, семинар которого мне довелось посещать в середине 70-х годов прошлого века. Вадим Сикорский был примерно одного возраста с Георгием Эфроном, они дружески общались, из Чистополя переехали в Елабугу, как эвакуированные. «Красавец с холодными глазами» называл он Георгия. Юному Сикорскому пришлось вынимать тело Марины Цветаевой из петли. Он тоже был на её похоронах.

Условная могила Марины Цветаевой у самых ворот Петропавловского кладбища. У каменной плиты маленький портрет Максимилиана Волошина, её верного друга юности. Рядом с оградой изваяна чёрная ветка её любимой рябины, на белом листе запечатлены бессмертные строки:

«Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!»

Анастасия Ивановна Цветаева, разыскивая могилу сестры, остановилась именно на этой, заметив выросший стебель земляники и словно услышав зов...

Уже вечером мы посетили родовой дом известного художника-пейзажиста Ивана Шишкина. Его отец был купцом-меценатом и жертвовал много средств на благоустройство города, в частности, на устройство в Елабуге первого деревянного водопровода. Купеческое меценатство, по словам экскурсовода, было издавна присуще Елабуге. До сих пор стоят на Казанской, центральной улице старого города, добротные основательные купеческие особняки девятнадцатого столетия. Современные власти города продолжили традицию

и украсили центральную улицу лавочками с ажурным литьем и забавными фигурками городских персонажей.

С балкона-веранды дома Шишкиных открывался незабываемый вид на золотой осенний лес и пруды. Теперь эти пруды называются Шишкинскими. Свои проникновенные пейзажи художник писал на этом балконе. На следующее утро мы уезжали.

Прощай, Елабуга, — музей под открытым небом, бережно хранящий память Творцов.

РОМАН В ПИСЬМАХ

Ф.М. Достоевский

Роман в письмах молодого Достоевского «Бедные люди» (1845), отмеченный Д. В. Григоровичем и Н. А. Некрасовым, впервые опубликован в альманахе «Петербургский сборник» в 1846 году. Глубокий психолог Фёдор Михайлович Достоевский уже в раннем творчестве намечает и разрабатывает темы, которые войдут в *великое пятикнижие* писателя: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

Макар Девушкин и Варенька Доброшова ведут интереснейшую переписку, скрашивающую их бедность.

Бесценная моя Варвара Алексеевна!

Вчера я был счастлив, чрезмерно счастлив!.. Вечером, часов в восемь, просытаюсь (вы знаете, маточка, что я часок-другой люблю поспать после должности), свечку достал, przygotowляю бумаги, чиню перо, вдруг, невзначай, подымаю глаза... Вижу, уголок занавески у окна вашего загнут и прицеплен к горшку с бальзаминои; тут же показалось мне, что и личико ваше мелькнуло у окна,.. что и вы обо мне думали...

Благовонная ночь, благодатная ночь,
Раздраженье недужной души!
Всё бы слушал тебя — и молчать мне невмочь
В говорящей так ясно тиши...

Старик Девушкин сродни Мечтателю из «Белых ночей» Ф. М. Достоевского. Вспоминаю картину Ильи Глазунова к повести «Белые ночи». *Настенька уходит...*

Широко раскидалась лазурная высь,
И огни золотые горят;
Эти звёзды кругом точно все собрались,
Не мигая, смотреть в этот сад...

Любезнейший Макар Алексеевич!

Мне так хочется сделать вам что-нибудь угодное и приятное за вашу любовь ко мне, что я решила отыскать мою тетрадь, которую и посылаю вам. Я начала её ещё в счастливое время жизни моей... Вы часто спрашивали меня о матушке, о Покровском...

«Как я любила осень в деревне!.. — пишет Варенька. — Осенний вечер я любила больше, чем утро. Помню, в двух шагах от нашего дома, под горой, озеро. Это озеро, — я как будто вижу его теперь, — было такое широкое, светлое, чистое, как хрусталь! Бывало, если вечер тих — озеро покойно; на деревьях, что по берегу росли, не шелхнёт...

Падает роса на траву, в избах на берегу засветятся огоньки, стадо пригонят — тут-то я и ускользну тихонько из дому, посмотреть на озеро, и засмотрюсь, бывало»...

Словно всё и горит, и звенит заодно,
Чтоб мечте невозможной помочь;
Словно, дрогнув слегка, распахнётся окно
Поглядеть в серебристую ночь.

Незабываемы эпизодические персонажи романа: писатель, в котором узнаём молодого Достоевского; учитель Пётр Покровский, с которым Варенька была *тихо счастлива*; помещик Быков, причинивший Вареньке жгучую боль и который увозит Вареньку...

Я с вами уеду; я за каретой вашей побегу... К кому же я письма буду писать, маточка?

Достоевский своего героя к этому не подводит, обрывает роман, в то время как Тургенев последовал за любимой женщиной и её антрепренёром на край света. *Соловей мой, соловей, голосистый соловей!..**

В роман «Бедные люди» входит легенда о Ермаке и Зюлейке.

Из повестей и рассказов раннего Достоевского мне запомнилась «Хозяйка» — пролог к «Братьям Карамазовым».

2020

---

* Романс на стихи Дельвига в исполнении Полины Виардо.

Любовь Берзина

Берзина Любовь Александровна родилась в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ. Во время учёбы посещала университетскую литературную студию «Луч» во главе с Игорем Волгиным. Печаталась в периодических изданиях и альманахах «День поэзии», «Поэзия», «Истоки», «Тёплый стан», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Черновик», «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Час России», «Родная Ладога» и других.

Первая книга была рекомендована к печати IX Всесоюзным совещанием молодых писателей, но уже готовая рукопись так и не увидела свет. Любовь Берзина автор пяти книг. Дебютная книга «Стихотворения» вышла в 1992 году, затем «Серебряный свет» (1998), «Удары сердца» (2008), «Родины дым» (2016), «Сияющая глушь» (2017). Лауреат нескольких литературных фестивалей. Стихи переведены на сербский, румынский, итальянский, испанский, английский и французский языки.

Любовь Берзина — член Союза писателей России и Союза писателей 21 века.

* * *

Последний летний день,
 Слетает паутина,
 Так тихо у реки,
 Неслышный взмах веслом...
 Молчи мой друг, молчи,
 Душа опять невинна,
 Прочь увяданья дух,
 Не думай ни о чём.
 Как тихо лист летит,
 С последней летней лаской
 Касается руки,
 Как ты меня плечом,
 И нежности его,
 И солнечной окраски
 Нам хватит на всю жизнь.

Не думай ни о чём!
Запомни навсегда
Сияние картины:
Как света острова
Ложатся на траву.
И в радости одной
Мы в этот час едины,
Запомню этот миг,
Пока ещё живу.
Как лодка, жёлтый лист
Плывёт перед глазами,
Как в моря синеву,
Взмывает в небеса.
И смотрят на меня,
Как звёзды над полями,
Бессонные твои,
Бессмертные глаза.

* * *

Грызёт пространство поезд длинный,
Недолго ждать уже зимы,
Ну, здравствуй, русская равнина,
И перелески, и холмы!
На ржавый строй берёз и клёнов
Посмотрит поздний солнца луч,
И, красотою покорённый,
Утонет взгляд в провалах туч!
И бесконечные просторы
Открыты сердцу моему,
Забуду я про поезд скорый
И прошлой жизни кутерьму.
И птиц взволнованная стая
Мне машет крыльями вослед!
Я вместе с ними улетаю
Туда, где остановки нет!
Туда, где облака на сини,
И дремлют жёлтые поля,
Необъяснимая Россия,
И стая поздняя, и я

Прощайте, прощайте берёзы!
Отчалил последний паром.
Блистают высокие грозы,
Гремит набегающий гром.
Собака далёкая лает,
Клубятся вверху облака,
И как в колыбели качает,
Качает, качает Ока.
Качаются сосны и ели,
Качается луг заливной,
Где травы давно пожелтели
И больше не пахнут весной.
На золото цветом похожий,
Сверкает прибрежный песок,
И палуба рыбьею кожей
Блестит, уходя из-под ног.
И жизнь моя, словно в начале,
Бескрайни её берега,
Пока в своём лоне качает
И не отпускает Ока.
А после на твёрдую землю
Мне будет ступить нелегко.
И это качанье, наверно,
В груди у меня глубоко.
В ней всё — и леса, и разливы,
Паром в середине реки,
Сверкание гроз торопливых
И кровь голубая Оки.

Белая, белая, белая муть над полями.
Белая, белая, белая плачет метель-завируха.
Белая, белая, белая конница скачет над нами,
С небом сливаясь, и ржанье доносится глухо.
Кто там на конях — лица белей, чем бумага,
Белые руки навеки с поводьями слиты?
Над ними метелица белым колышется флагом,
А снизу позёмка змеёю летит под копыта.
Белые кони льдом отливают и снегом.
Белые всадники в небо глядят, ледяные,
С белою бурей единым порывом и бегом
Связаны намертво, скачут они, как живые.
Ни в чужестранных гробах, ни в российской землице,
Белому воинству отдыха нет и покоя.
Как по тревоге поднявшись, их конница мчится
По-над Доном седым, по-над Волгою, по-над Москвою.
То не вьюга гудит и не ветер порывистый стонет,
Это ржание, топот и крики, которым я внемлю,
Это белые всадники, белые кони,
Ни уйти, ни спуститься не могут на русскую землю.

Саперави

Прекрасно красное вино,
Что тёплым током в горло льётся,
Но на губах горчит оно,
И терпкий привкус остаётся.
Кровь виноградная, зачем
Ты так горишь, горишь в стакане,
Чтоб раствориться насовсем
Во мне, как будто в океане?
Чтоб каждый выпитый глоток
Окрашивал нездешним светом
Кинжал реки, реки песок
Под небом, солнцем разогретым.
Чтоб страсть проснулась невпопад
И сутками мгновенье длилось,
Цвёл друга васильковый взгляд
И зеркало реки дымилось.
Чтоб чистая вина струя
В груди играла жизнью новой,
И крепко слилась кровь моя,
С той, виноградною, бордовой.

Уильям Мейкпис Теккерей (1811—1863)

КОЛЬЦОРОЗА

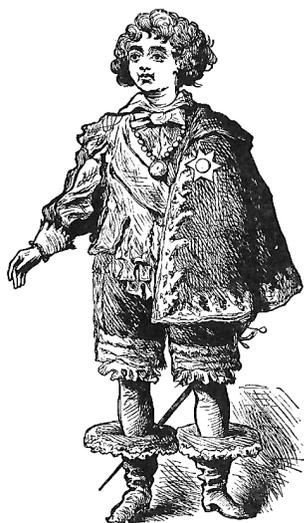
Сказка для детей и взрослых
Пересказ с английского и вступление Евгении Славороссовой
Рисунок У. М. Теккерей

Люди и куклы

Мальчик Уилли очень любил рождественские представления кукольного театра. Ему казалось, что куклы-марионетки совсем, как люди: так же плачут и смеются, танцуют и сражаются, влюбляются и страдают. Мальчик вырос и стал писателем Уильямом Теккереем. Тогда он понял, что многие люди похожи на кукол. Они раскрашены, разряжены, но не имеют ни сердца, ни ума, говорят чужие слова, а за ниточки их дёргают зависть, злоба, жадность и тщеславие. Свой знаменитый роман «Ярмарка тщеславия» Теккерей назвал «кукольной комедией», где насмешливый автор-Кукольник управляет всеми персонажами.

Судьба писателя была драматичной. Теккерей родился в Индии, где служил его отец. Но через четыре года отец умер. Мать, умная и образованная красавица, казалась сыну прекрасной феей. Жизнь её была необыкновенной, как роман. В юности она получила известие о гибели своего жениха. Родители увезли девушку в Индию и настояли, чтобы она вышла замуж за чиновника Теккерей. И вдруг оказалось, что жених её жив! Это было огромное потрясение. Молодой человек продолжал преданно любить свою избранницу. Только после смерти её супруга, они смогли пожениться. Добрый отчим заменил Уильяму отца.

Когда мальчику исполнилось шесть лет, его отправили в Англию для учёбы. Он тяжело переживал разлуку с матерью. Одарённому

ребёнку трудно приходилось в английской школе, где царила жестокая муштра. Но, несмотря на это, там он начал писать смешные стишки и рисовать уморительные карикатуры.

В Кембриджском университете Теккерей стал членом литературного клуба и выпускал сатирический листок. Юноша мечтал быть художником или писателем. И в этом ему помог отчим. Он организовал свой журнал и привлёк к работе Уильяма. Вскоре Теккерей стал сотрудничать с лучшими журналами Лондона. Он писал статьи, рассказы, романы, стихи и создал около двух тысяч рисунков!

Однако жизнь не баловала писателя. Он женился, родились дети. Чтобы прокормить семью, ему приходилось работать дни и ночи. А потом случилось ужасное несчастье: жена его потеряла рассудок. На руках у Теккерей остались две маленькие дочери. Но писатель мужественно переносил испытания судьбы.

Однажды, чтобы порадовать дочек, он сделал рисунки для рождественского кукольного представления. А потом сочинил по ним сказку для знакомой девочки, выздоравливающей после болезни. Много лет спустя Эдит Стори вспоминала: «Когда Теккерей впервые появился у меня в комнате, он показался мне добрым великаном, к которому я сразу почувствовала симпатию... Он сел на край кровати, и начиналось волшебство: он мне читал ... Когда чтение заканчивалось, мы обсуждали людей в сказке».

Книга с иллюстрациями самого Теккерей имела огромный успех и не только у детей, но и у их родителей. Критики писали, что в ней есть «мягкий сарказм и разумные советы, вполне годящиеся для взрослых».

Глава 1

рассказывает о королевском завтраке.

Без оглядки, без опаски мы вступаем в царство сказки.

Король Пафлагонии Аларозо XXIV умиротворённо завтракал в кругу семьи. Он зачитал вслух письмо Перчелы, правителя Тартарии, о скором визите его сына. Король так увлёкся, что не заметил, как остыли яйца в мешочек и сдобные булочки.

— Как? К нам едет отважный принц Бульбо? — воскликнула принцесса Анжелика. — Такой красивый, образованный и остроумный! Завоеватель Римбомбоменто и победитель десяти тысяч великанов!

— Откуда ты всё это про него знаешь, детка? — спросил король.

— Сорока на хвосте принесла! — хихикнула Анжелика.

— Бедняжка Фиглио, — вздохнула королева.

— Фи, Фиглио! — бросила принцесса, скорчив рожицу.

— Я думаю, — проворчал король, — что он...

— Выздоровливает? — перебила его королева. — Да, он идёт на поправку. Мне об этом сообщила служанка Белинда за утренним чаем.

— Вечный ваш чай, — хмуро буркнул монарх.

— Лучше мой вечный чай, чем ваше вечное вино! — возмутилась королева.

— Ну-ну, радость моя, просто вы без ума от чая, — стал оправдываться король.

— Анжелика, деточка! Достаточно ли у тебя платьев? Счета-то за них *достаточно* велики.

— А вам, королева, я поручаю устроить торжественный приём в честь высокого гостя. Кстати, ваш любимый голубой бархат уже не в моде. Купите новые наряды. И ожерелья в придачу.

— А что насчёт Фиглио? — спросила королева.

— Мне он успел *надоест*!

— Ваш родной племянник! — воскликнула королева. — Сын покойного монарха!

— *Надо есть* ему побольше! — хотел я сказать. Пошлите больному жареных цыплят. И займитесь браслетами, госпожа Розали!

«Госпожа Розали», как шутливо называл её муж (в каждой семье свои игры), чмокнула его в щёку и, обняв дочку, покинула столовую, спеша начать подготовку к встрече.

И тут улыбка сползла с губ главы государства, достоинство *КОРОЛЯ* испарилось, и перед нами предстал «*АЛАРОЗО, каков он есть на самом деле*». Будь я автором бестселлеров, то подробно описал бы его сверкающие глаза, раздувающиеся ноздри, детали одежды, носовой платок и башмаки. Но я скажу просто: Аларозо остался без свидетелей. Бросившись к буфету, он вытащил припрятанную бутылку и, глотнув из неё, прохрипел: «Ха! Теперь Аларозо похож на человека!»

— Но горе мне! — воскликнул он высокопарно. — Раньше я припадал лишь к чистым родникам, когда по утренней росе охотился на оленей. Зачем, зачем я украл корону у племянника?

- «Украл», — сказал я? — Нет, беру это ужасное слово обратно! Я *возложил* на свою голову королевскую корону. Мог ли слюнвявый малолетка вынести это тяжкое бремя? По силам ли был ему меч для защиты державы?

Так монарх доказал себе, как дважды два, что достойно выполнил свой долг. Ведь *ВАЖНЕЕ* всего для страны брачный союз Анжелики

с принцем Бульбо. Лишь это сможет примирить Пафлагонию с Тартарией! Как легко мы обманываем себя, оправдывая наши желания!

Придя в хорошее настроение, король просмотрел бумаги, прикончил яйца с булочками и позвонил в колокольчик, вызывая первую министра Гламуросо.

Королева после недолгих размышлений, не навесить ли больного племянника, решила: «Делу время — потехе час. Надо срочно ехать за браслетами и ожерельями».

Принцесса велела служанке Белинде принести все свои наряды для примерки. А про бедного Фиглио все забыли, как я забыл, что ел на обед в первую среду декабря прошлого года.

Глава 2

про то, как Аларозо приобрёл корону, а Фиглио её потерял.

Он достоин удивленья — преуспел от преступленья.

Законы королевства Пафлагония были весьма запутанны. Король Славио перед смертью назначил своего брата опекуном малютки-наследника. Но Аларозо сразу же провозгласил королём... *СЕБЯ!*

Когда же он раздал тёпленькие местечки знати, та перестала интересоваться законностью власти. А что касается народа, то народ, как водится, безмолвствовал.

Маленький принц не горевал о потере короны, имея море игрушек, горы сластей и семь праздников на неделе. Когда Фиглио подрос, для радости у него были конь и ружьё, а, главное, кухня Анжелика. Поэтому он был вполне счастлив и не завидовал ни королевской мантии, ни тяжёлому венцу, ни громоздкому трону.

Глядя на портрет короля, Вы, я думаю, согласитесь, что порой король уставал от бархата, бриллиантов и всего своего великолепия. Не хотелось бы мне потеть на троне в горностаевой мантии с пудровой штукой на голове!

Королева была прелестна в юности, но с той поры чрезвычайно раздобрела. И если она обожала комплименты, сплетни, карты и наряды, будем снисходительны к её слабостям, которые возможно не больше наших. Она была добра к племяннику. А угрызения совести успокаивала мыслью, что Фиглио со временем взойдёт на престол, женившись на Анжелике, которую любит с малых лет.

Первый министр Гламуросо, так рьяно клялся королю в верности, что тот отдал в его руки все дела государства. Властитель хотел иметь как можно больше денег и развлечений, но как можно меньше забот. И его совершенно не волновало, что за это расплачивается народ.

Король вёл бесконечную войну с Тартарией. Газеты расписывали его великие победы. Памятники ему стояли во всех городах, портреты висели на каждом углу, а открытками с ним были забиты все книжные лавки. Его называли Аларозо Победоносным, Аларозо Великодушным, Аларозо Великолепным, ибо уже в те времена люди прекрасно владели искусством лесты.

Принцесса Анжелика была истинным совершенством. По мнению родителей, придворных и своему собственному. Считалось, что у неё самые пышные кудри, самые большие глаза, самая маленькая ножка, и самая тонкая талия в Пафлагонии и её окрестностях. Учителя стыдили лодырей, ставя в пример принцессу. Она играла труднейшие музыкальные пьесы с листа, могла ответить на любой вопрос из учебника географии, знала все даты из истории всех стран, владела французским, русским, немецким, итальянским, испанским и греческим языками. Словом, более умной юной особы нельзя было себе и представить.

Гувернанткой её была надменная Барбара Груби. Но, если вы думаете, что это знатная особа, то сильно ошибаетесь. Свою карьеру она начала полomoйкой во дворце. Пристроил её туда муж, Дженкинс Груби, который служил дворецким. Но после его загадочного исчезновения, о котором вы скоро узнаете, ловкая подлиза втёрлась в доверие к наивной королеве. И та сделала её гувернанткой дочери и своей фрейлиной.

А теперь я поведаю вам правду об успехах принцессы-вундеркинда. Анжелика была неглупа, но страшно *ленива*. Играть с листа? Она могла пробренчать пьеску, делая вид, что с ней незнакома. Ответила бы на несколько вопросов по истории и географии. Но не вздумайте выяснять, правильны ли её ответы. Что касается знания языков, то вряд ли она сказала бы и пару слов на них. Правда, у неё имелись превосходные рисунки. Но вопрос в том: *кто* их делал? Мой долг говорить только правду.

А для этого надо сделать отступление и рассказать о *ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКЕ*.

Глава 3

о том, кто такая Волшебная Палочка.

Кольца чудные и розы подарить вам могут слёзы.

Где-то между Пафлагонией и Тартарией обитало таинственное создание по прозвищу Волшебная Палочка. Прозвище своё она

получила из-за палочки чёрного дерева, с которой никогда не расставалась. Верхом на ней она летала повсюду, даже на луну, и при её помощи творила чудеса. Получив в детстве первые уроки волшебства от отца, она долго училась и достигла больших высот в этом искусстве. Летая из одного королевства в другое, она опекала юных принцев и принцесс. А плохих людей превращала в зверей, птиц, чайники, часы, туфли, сапожные щётки и зонтики. То есть постоянно вмешивалась в чужие дела и была самой неугомонной во всей волшебной коллегии *ФЕЕЙ*. Но через пару тысяч лет ей это надоело. Или, может быть, она подумала:

— Что хорошего в том, что я усыпляю принцесс на сто лет? Или роняю шоколадный торт на нос полицейского? Или заставляю падать алмазы изо рта одной девочки, а жаб изо рта другой? Кажется, я делаю столько же зла, сколько добра своим волшебством. Надо остановиться и предоставить жизни идти своим чередом.

Вот две мои крестницы: жена пафлагонского короля Славио и жена тартарского герцога Перчелы. Чтобы превратить их в красавиц, я подарила одной волшебное *КОЛЬЦО*, а другой волшебную *РОЗУ*. И что же хорошего принесли мои чудесные дары? *НИ-ЧЕ-ГО!* Мужья стали баловать их, потакать им, и они стали капризными и ленивыми, брюзгливыми и спесивыми.

И фея заперла магические книги в шкафу, а волшебной палочкой стала пользоваться как тросточкой.

Когда у жены герцога Перчелы родился сын Бульбо, волшебница принесла на крестины лишь серебряную ложечку.

Когда королева Пафлагонии родила наследника Фиглио, все думали, что фея подарит ему шапку-невидимку, скатерть-самобранку или ковёр-самолёт. Но она, склонившись к колыбели, только произнесла: *«Мальчик мой, для познания счастья тебе нужно отведать несчастья»*. Родители его вскоре умерли, а хитрый дядя занял трон.

Когда король Тартарии Кавалери крестил свою дочь Розабеллу, придворные притворно восхищались ею. А фея, посмотрев на неё, печально вздохнула: *«Этой крошке для полного счастья нужно вдвоём изведать несчастья»*. Коснувшись малышки волшебной палочкой, она медленно поднялась в воздух и вылетела из окна. Придворные тут же возмущённо загалдели.

Через несколько лет коварный герцог Перчела поднял мятеж. Король Кавалери отправился на усмирение изменника. А королева от испуга умерла, оставив дочку на попечение придворных, поклявшихся, что жизнь отдадут за неё.

«Королевский журнал Тартарии» сообщил, что король ведёт победоносное наступление, затем возвестил, что войска мятежника обращены в бегство, потом было написано, что армия скоро покон-

чит с врагом. И, наконец, пришло известие, что... *деспот Кавалери побеждён и убит Его Величеством королём Перчелой!*

Узнав об этом, одни придворные помчались присягать «освободителю», а другие сбежали за границу, прихватив ценности из дворца.

А крошка Розабелла осталась совсем одна. Она шла по дворцу, зоя: «Гьяфини! Гейцогини! — потому что не умела ещё выговаривать некоторые буквы. — Дайте мне котлетку, Моё Высочество хочет есть!». Она прошла из детской в тронный зал, но там никого не было, в бальную залу, и там никого не было, затем в комнату пажей, но и там было пусто. Она спустилась по парадной лестнице в холл. А дверь была открыта, и она вышла во двор, миновала сад, затем пустырь, потом углубилась в лес, где водятся дикие звери. И больше о ней никто не слышал. Обрывок её плаща и башмачок были обнаружены в зубах двух львят, которых король Перчела подстрелил на охоте.

— Итак, маленькая принцесса погибла, — объявил он. — Ну, чему быть, того не миновать. Пойдёмте, закусим, господа!

Один из охотников поднял башмачок и незаметно спрятал в карман.

Таким был конец Розабеллы!

Глава 4

о том, куда делся дворецкий.

Кто обычно слишком груб, тот бесспорно слишком глуп.

Когда родилась Анжелика, её родители не только не пригласили Волшебную Палочку на крестины, но приказали дворецкому, Дженкинсу Груби, не пускать её на порог. Этот верзила всегда грубо рывкал: «Никого нет дома!», пугая гостей. Дворецкий хотел захлопнуть двери перед феей. Но взмах палочки не дал им закрыться. Грубиян возмущенно завопил: «Я не собираюсь торчать перед дверью целый день!»

— Ты будешь торчать перед дверью целый день и целую ночь и ещё много-много лет, — величественно произнесла фея, снова взмахнув палочкой.

А дворецкий расхохотался: «Ха-ха-ха! Отлично! Ха-ах-ох-о! Что это?». Он почувствовал, что его приподняло над землёй. Винты вонзились в него, привинчивая к двери, руки и ноги скрючились, он похолодел — и превратился в медную дверную ручку! Он торчал на двери в жаркий летний день, раскаляясь от зноя, и в морозную зим-

нюю ночь, когда с его медного носа свисали сосульки. Почтальон дёргал его, а мальчишка-посыльный на нём раскачивался. Служанки драили его медный лоб наждаком. Озорники пытались открутить его, терзая отвёрткой. А маляры так забрызгали краской ему глаза и рот, что он чуть не задохнулся.

Жена Барбара и не думала искать его. Она вечно цапалась с ним, как кошка с собакой, а он постоянно наливался пивом и был в долгах, как в шелках. Поэтому все решили, что он сбежал в Америку или в Австралию. А когда Аларозо стал королём и покинул свой дом, никто больше не вспоминал о пропавшем дворецком.

Глава 5

про то, как у Анжелики появилась служанка.

Ты богата — я бедна, ты ленива — я умна.

Однажды Анжелика гуляла в дворцовом парке с гувернанткой. Та держала над ней зонтик, предохраняя от веснушек, а принцесса несла булочку для уток и лебедей. Возле пруда они увидели оборванную девчущку. Копна спутанных кудрей обрамляла чумазое личико. На ней был обрывок плаща и только один башмачок.

— Кто пропустил тебя, негодница? — возмутилась гувернантка.

— Дай мне кусочек булочки, — попросила девочка у Анжелики. — Я очень голодна.

— Что значит «голодна»? — спросила та, протягивая ей булочку.

— Взгляните, Ваши Величества, — обратилась Груби к королю и королеве, которые вместе с принцем Фиглио подошли к ним, — как добра принцесса! Наша драгоценная прелесть отдала свою булочку этой бродяжке!

— Я чёрствые булочки не люблю, — объяснила прелесть.

— Всё равно вы — ангелочек! — умилилась гувернантка.

— Да, я знаю, — согласилась Анжелика. — Скажи, замарашка, правда, я очень красивая?

В нарядном платьице с завитыми локонами она выглядела очаровательно.

— Кьясивая, кьясивая! — воскликнула бедняжка, уплетая булочку.

А потом весело запела: «Ах, какая это честь — булочку принцессы съесть!»

Слушая её, все смеялись от души.

— Вам сплясать и спеть, друзья? — спросила девочка. — Вас развлечь сумею я!

Она стала танцевать так забавно, что все развеселились.

— Кто твоя мать? Где твои родные? — участливо поинтересовалась королева.

— Братцы — львята, мама — львица. Их малышка не боится! — ответила дикарка, прыгая на одной ножке.

Тогда Анжелика сказала:

— Мама, мой попугай вчера улетел из клетки, все игрушки мне надоели, а эта оборвашка забавляет меня. Я заберу её к себе и отдам ей старые платица...

— О, великодушное дитя! — закатила глаза гувернантка.

— Которые мне малы, — продолжала Анжелика, — и она станет моей служанкой.

Плясунья захлопала в ладоши: «Покинуть дикий лес с добрейшей из принцесс — вот чудо из чудес!».

Все снова рассмеялись и отвели её во дворец. А когда девчушка была отмыта, причёсана и одета в старое анжеликино платице, то оказалась куда красивее принцессы. Но та, конечно, считала красивее всех *себя*.

Груби спрятала обрывок плаща и башмачок в стеклянный ларец с запиской: «Это одежда, в которой *Белинда* была найдена». Проставив дату, она заперла ларец на ключ.

На какое-то время сиротка, названная Белиндой, стала любимцей принцессы. Она танцевала, пела и сочиняла для неё смешные стишки. Но потом Анжелике подарили обезьянку, затем пушистую собачку, потом новую куклу и забавница была забыта. Она опечалилась, притихла, не пела больше весёлых песенок, потому что их некому было слушать. Белинда стала служанкой Анжелики. Хотя ей не платили ничего, она трудилась, не покладая рук, не обижалась на брань, вставала затемно, ложилась за полночь и всегда была под рукой. Она наряжала принцессу, как куколку, завивала ей локоны, чинила одежду и терпеливо дожидалась её с балов.

Когда к принцессе стали ходить учителя, служанка слушала их и приобретала знания, пока госпожа била баклуши. На уроках музыки она разучивала пьесы, на уроках рисования научилась прекрасно рисовать, а также выучила французский, русский и другие языки.

Собираясь развлекаться, Анжелика, просила: «Закончи мой рисунок». И Белинда *рисовала за неё*. А лентяйка ставила своё имя под рисунками, и все вокруг восхищались: «Гениально!»

Тогда Анжелика возомнила, что сравниться с ней не может никто, и нет на свете юноши, достойного её. Теперь вы знаете, что и на солнце есть пятна, а у принцесс недостатки.

Глава 6

рассказывает о принце Фиглио.

Юный Фиглио напрасно дни свои проводит праздну.

А теперь пришло время рассказать о Фиглио. Принц был сердечным и беспечным, нежным и небрежным, не забывая себе голову ни грамматикой, ни математикой. Канцлер Педанте приходил в отчаяние от его нежелания постигать Конституцию. Зато королевские охотники находили юношу очень способным, учитель танцев — усердным, тренеры по бильярду и теннису давали о нём отличные отзывы. А учитель фехтования капитан гвардии Кутайцов-Бедцов признался, что после тартарского генерала Гротескина не встречал лучшего фехтовальщика.

Фиглио с Анжеликой часто гуляли вдвоём в дворцовом парке. Королева всегда хотела, чтобы они поженились. Это была мечта принца с детских лет. Порой об этом задумывалась и принцесса, ведь он был красив, смел и добр.

Однажды вечером Анжелика показала с балкона:

— Вон Большая Медведица.

— Где? — взволновался Фил. — Не бойся, милая, я справлюсь и с дюжиной медведиц!

— Филя-простофиля! — рассмеялась она.

Когда они любовались яркими цветами, принц ничего не мог сказать, потому что не знал ботаники. Когда мимо пролетали чудные бабочки, был нем, как рыба, потому что ничего не смыслил в энтомологии. Хотя Фил и нравился Анжелике, ей совсем не нравилось его невежество. Конечно, *свою* образованность она оценивала слишком высоко. Но думать *СЛИШКОМ* хорошо о себе вообще присуще людям.

Король Аларозо постоянно предавался неумеренному обжорству (У него был превосходный повар Гурмано). А это, как известно, не способствует долголетию. Но мысль о его кончине приводила в ужас первого министра Гламурозо и фрейлину Груби. Они понимали, что, если Фиглио женится на Анжелике и взойдёт на престол, их ждёт крах. Фрейлине придётся вернуть драгоценности, украденные у его матери. А Гламурозо вынужден будет возвратить двести семнадцать миллиардов девятьсот восемьдесят семь тысяч четыреста тридцать девять фунтов тринадцать шиллингов и шесть с половиной пенсов, оставленные принцу отцом. Поэтому, ненавидя Фиглио за причинённое ему же зло, они наговаривали на него с три короба.

Якобы он пишет имя «Аларозо» — «О ла роза», а «Анжелика» — «Он же лико», на занятиях филолит, не платит в кондитерских, дует вино и дуется в карты с пажами. Королева, между прочим, тоже любила играть в карты, а король пил и ел без всякой меры. И если Фиглио задолжал немного за пирожные, то кто задолжал ему двести семнадцать миллиардов девятьсот восемьдесят семь тысяч четыреста тридцать девять фунтов тринадцать шиллингов и шесть с половиной пенсов, позвольте спросить?

Из-за этих сплетен Анжелика стала презирать друга и так насмеяться над ним, что принц слёг от огорчения. Доктор Мик Стуро так взялся за его лечение, что чуть не уморил. Больной не вставал с постели уже несколько месяцев, и от него осталась одна тень.

В это время ко двору прибыл знаменитый тартарский художник Томазо Лоренцо. Он написал портреты всех придворных, которые пришли в восторг, потому что на них даже Груби выглядела нежной, а Гламурозо — честным.

— Он лакирует действительность, — считали некоторые.

— Нет, — горячо возражала принцесса. — Я не считаю, что мой портрет красивее оригинала.

Хотя считалось, что Анжелика рисует лучше всех, она взяла Лоренцо в учителя. И какие же великолепные её рисунки выходили из *его* студии! Они были напечатаны в «Энциклопедии красоты» и проданы за бешеные деньги. Делал их сам художник, который явился не только для уроков рисования. Однажды он показал девушке портрет молодого блондина с задумчивым взором.

— Кто это? — воскликнула она.

— Это Бульбо, принц Тартарии, — объявил художник, — кавалер большого ордена Тыквы, пожалованного ему за храбрость в битве при Римбомбоменто, где он победил владыку Аграрии и десять тысяч великанов.

— Какой герой! — подумала Анжелика. — Такой юный и такой бесстрашный!

— Он очень умён, — продолжал лукавый Лоренцо, — полиглот и виртуоз, певец и композитор. А в балете танцевал так бесподобно, что царевна Черкесская умерла от любви к нему.

— Почему же он не женился на несчастной? — спросила Анжелика со вздохом.

— Потому что отдал своё сердце *другой*, — пояснил художник.

— Кому?! — громко воскликнула принцесса.

— Я не имею права разглашать её имя, — таинственно заявил Томазо.

— Но вы можете назвать первую букву, — задыхаясь, попросила она.

— Угадайте сами, — улыбаясь, предложил Лоренцо.

— Это буква «Я»? — предположила принцесса.

Художник сказал, что это не «Я». Она назвала «Ю», «Э» и перечислила задом-наперёд весь алфавит. Когда Анжелика дошла до «Г», то стала нервничать, когда дошла до «В», пришла в крайнее волнение. А когда дошла до «Б», то попросила валерьянки. Затем еле слышно прошептала:

— Может быть, это «А»?

— Это «А»! И хотя по приказу принца, я не могу сказать вам имя избранницы, которую он безумно любит, я могу показать её портрет, — торжествующе объявил хитрец.

Подведя принцессу к большой золочёной раме, он сдёрнул с неё покрывало...

О, Боже! В раме было ЗЕРКАЛО.

И Анжелика увидела в нём себя!

Глава 7

как Фиглио и Анжелика поссорились.

Если в бедном сердце бури — проку нет в любой микстуре.

Томазо Лоренцо вернулся в Тартарию со множеством картин, сделанных в столице Пафлагонии. А называлась она, дорогие мои, Блондинга. Но лучшим был портрет Анжелики. Король Перчела был так восхищён, что наградил живописца орденом Тыквы шестой степени.

Аларозо в свою очередь наградил его орденом Огурца. Это вызвало ропот пафлагонских художников, которым монарх твердил, указывая на портрет Бульбо:

— Кто из вас способен создать такой шедевр?

Портрет висел в королевской гостиной над буфетом, и потерявшая голову принцесса любовалась им во время чаепитий. Впадая в мечтательность, она часто обливала платье чаем. Король подмигивал: «Дела идут на лад!».

А едва живой Фиглио лежал у себя в комнате. Навещала его лишь добрая Белинда, прибиравшая у него и кормившая его овсянкой. Когда служанка входила, он сразу же спрашивал:

— Белинда, как поживает Анжелика?

На что та всегда отвечала: «Очень хорошо».

А бедняга думал: «Если бы Анжелика была больна, МНЕ бы не было очень хорошо».

Затем он продолжал:

— Белинда, она спрашивала про меня?

И девушка отвечала: «Нет, сегодня она целый день играла на фортепьяно» или «Она писала приглашения на бал», приводя разные оправдания, чтобы не огорчать его. А, подавая жареных цыплят и омлет, уверяла, что соус приготовила сама Анжелика. Доверчивый больной так радовался, что ему сразу становилось лучше. Он благодарно проглатывал омлет и обсасывал каждую косточку цыплёнка. И с такой быстротой пошёл на поправку, что смог спуститься вниз.

И кого же он увидел в гостиной?

Озабоченную Анжелику! Канделябры были начищены, шёлковые портьеры раздвинуты, альбомы с рисунками разложены на резных столиках. Готовился большой приём.

— Ты выглядишь бледно и худ, как скелет!

— Спасибо тебе за *цыплят* и *омлет*.

— Цыплята? Омлет? Что за дичь, что за бред?

— Ты их присылала?

— Конечно же, нет!

Анжелика засмеялась.

— Я готовилась к приезду принца Тартарии.

— Принца Тартарии? — ошеломлённо повторил Фиглио.

— На каком море она находится — на Красном или на Чёрном? — поддела его насмешница.

— На Красном, — машинально ответил потрясённый юноша.

А она презрительно расхохоталась:

— Ты — дикарь и ничего не знаешь!

Тот посмотрел на неё с упрёком:

— Ах, Анжелика, Анжелика! Не *ТАК* ты говорила со мной, когда я подарил тебе кольцо, а ты подарила мне *поце*...

Но что подарила ему принцесса, мы никогда не узнаем, потому что она вспыхнула от негодования:

— Как ты смеешь напоминать мне о своих дерзостях? А вот твоё дрянное колечко — вот!

И она выбросила его в окно.

— Это кольцо моей матери! — отчаянно закричал Фиглио.

— Можешь жениться на *той*, кто на него польстится!

Гордячка не знала, что кольцо, подаренное другом, волшебное. Когда мать надела его на палец маленького Фила, все стали обожать его. А когда он преподнёс кольцо Анжелике, все стали восторгаться *ею*.

— Кое-кто, — заявила она, — подарит мне *настоящие* драгоценности, а не колечко, которому грош цена.

Внезапно пелена спала с глаз влюблённого:

— Как? Это *ЕЁ* я любил всю мою жизнь? Из-за *НЕЁ* потерял своё достоинство? Это же пустая кукла!

— Негодяй! — в бешенстве завопила Анжелика.
— Рыжая и конопатая!
— Ох! — вскрикнула ошарашенная принцесса.
— Зубы из фарфора, а ножка сорок пятого размера!
— Фигляр! — завизжала Анжелика и, влепив Фиглио оплеуху, вцепилась ему в шевелюру.

А тот хохотал, как сумасшедший:

— Не рви мне волосы, больно! Они же не накладные, как у *ТЕБЯ!*
Он чуть не задохнулся от смеха, а она от ярости, когда с церемонным поклоном вошёл камергер Тумбо и торжественно возвестил:
— Ваши Высочества! Их Величества просят вас в тронный зал для встречи принца Тартарии.

Глава 8

как Груби нашла волшебное кольцо, а Бульбо прибыл ко двору.

И среди принцесс нередки вертихвостки и кокетки.

Приезд принца Бульбо произвёл большой переполох. Все разрядились в пух и прах. А Груби нацепила на себя кучу побрякушек. Важно шествуя по двору, она заметила что-то блестящее и велела мальчику на побегушках поднять находку. Когда неказистый мальчонка подобрал кольцо, то показался ей хорошеньким, как купидончик. Волшебное кольцо не налезло на её подагрические суставы, и она сунула его в карман.

— Ой! — вылупил на неё глаза мальчуган. — Как-какая красotka!

— И ты, Джеки, красавчик — хотела сказать его хозяйка, но он уже стал прежним допоухим Джеки.

От неожиданной похвалы фрейлина расцвела. Гвардейцы раскланивались с ней почему-то с необычайной учтивостью, а суровый капитан Бедцов сделал комплимент. Кокетливо ухмыляясь, вошла она в тронный зал.

Долгожданный принц Тартарии появился в сопровождении своего камергера Бутса. Бульбо был в мятом дорожном костюме и с всклокоченными волосами.

— Я проскакал триста миль без отдыха, — похвастался он, — так спешил увидеть Анжелику!

— А кто это смеётся?

Смеялся Фиглио.

— Кто вы такой? — сердито спросил Бульбо.

— Мой отец был королём Пафлагонии, а я его единственный сын! — гордо ответил тот.

Аларозо нервно задёргался, но, взяв себя в руки, учтиво произнёс:
— Любезный Бульбо, я не успел представить вам моего любимого племянника. Обнимитесь! Фиглио, пожми принцу руку.

И Фиглио так пожал руку Бульбо, что у того слёзы выступили на глазах.

Первый министр поставил стул для гостя, но под его тяжестью стул рухнул, и все стали хохотать. Когда Бульбо грохнулся, из петлицы у него выпала волшебная роза.

— О, моя роза! — жалобно закричал он с пола.

Камергер Бутс поднял её и протянул Бульбо. И в тот же миг все устыдились своего смеха: ну, маловат, рыжеват, нос бульбочкой, но для принца вполне ничего.

Наконец все уселись и стали беседовать: королевские особы друг с другом, пафлагонские офицеры с тартарскими, Фиглио с Груби, уютно устроившись за тронем. Он бросал на фрейлину такие взгляды, что та дрожала, как трепетная лань.

— Милый принц, — нежно пожурела его она, — как вы могли быть столь дерзки? Я чуть не упала в обморок.

— Я бы поймал вас в свои объятия, — галантно успокоил её Фиглио.

— Почему вы столь жестоки к Бульбо? — продолжала она расспросы.

— Потому что я его ненавижу!

— Вы ревнуете к нему, потому что любите Анжелику! — догадалась хитрая лиса, прижимая к глазам платочек.

— Я больше не люблю её! — искренне возмутился Фиглио. — Будь она наследницей хоть двадцати тысяч тронов. Но что говорить об этом? Я одинок и у меня нет друзей.

— О, не говорите так! — горячо возразила лицемерка.

— Пора готовиться к обеду! — заявил король.

Бульбо долго выбирал что надеть, потом парикмахер завивал ему волосы, поэтому пришлось целых полчаса дожидаться его. Король, не выносивший ожидания, сидел мрачнее тучи. Наконец во всей красе явился Бульбо. Обедали в тесном кругу: король с королевой, принцесса, оба принца, фрейлина, первый министр и камергер Бутс. Обед был роскошный: представьте свои самые любимые блюда — всё это было на столе!

Анжелика что-то щебетала Бульбо, который уписывал всё подряд со зверским аппетитом. Он оторвался от тарелки лишь, когда Фиглио, резавший гуся, забрызгал его луковым соусом. Насмешливо глядя, как, гость вытирает лицо надушенным платочком, он даже не извинился. Если Бульбо смотрел на него, он отворачивался. Когда тот хотел чокнуться с ним, Фиглио этого *не заметил*. Взоры его были прикованы к Груби, которая таяла от удовольствия. Шутник

высмеивал Бульбо так громко, что ей пришлось ударить его веером и прошептать:

— О, язвительный принц! Вас услышат.

К счастью, король с королевой ничего не слышали, потому что она была глуховата, а он оглушительно чавкал. После обеда они вздремнули в своих креслах.

А Фиглио начал свои фигли-мигли с Бульбо, потчuya его шампанским, портвейном, мадерой и шерри-бренди. Но, угощая гостя, он угощался сам, и выпил гораздо больше, чем следовало. Пьяные принцы вели себя очень глупо. Но как дорого они заплатили за своё легкомыслие!

Захмелевший Бульбо фальшиво подпевал невесте за фортепьяно, опрокинул кофе, болтал несусветную чушь и, наконец, заснул. Но и когда он храпел, как поросёнок, на диване, принцесса считала его прекраснейшим из принцев. Причиной такого помрачения ума была, несомненно, волшебная роза. Но разве мало на свете девушек, которые сходят с ума по пустым парням?

Ничего не соображающему Фиглио размалёванное лицо Груби виделось, как в тумане. Еле ворочая языком, он расточал ей любезности. Нет никого прелестнее неё! Она старше него? Пустяки! Да он женится на ней.

Выйти замуж за принца? Это великий шанс! Продувная бестия схватила листок бумаги и быстро нацарапала:

«Настоящим подтверждаю, что я, Фиглио, единственный сын Славио, короля Пафлагонии, обязуюсь жениться на очаровательной Барбаре Груби, вдове покойного Дженкинса Груби».

— Что ты пишешь? — пробормотал засыпающий на софе Фиглио.

— Приказ о раздаче тёплых одеял беднякам, — беззастенчиво соврала проныра. — Их Величества спят, подпишите его сами.

У юноши было доброе сердце, и он подмахнул листок, не глядя. Вообразите, как мошенница раздулась от гордости! Вернувшись к себе, она принялась отрабатывать новую подпись: *«Барбара, королева Пафлагонии».*

Глава 9

приключения со сковородкой.

Ревность в сердце у мужчины может вспыхнуть без причины.

В тот роковой день Белинда так хорошо уложила волосы несносной Груби, что та похвалила её:

— Ты сделала мне красивую причёску, вот тебе за это подарочек. Миленькое колечко, которое я вчера подобрала... то есть приобрела.

И она протянула ей кольцо, найденное во дворе. Колечко оказалось точно в пору.

— Оно похоже на кольцо принцессы, — заметила девушка.

— Нет, это совсем другое, — заверила её фрейлина.

— А теперь укрой меня потеплее (снег стучал в окно). Постели постель принцу Фиглио, затем распори моё зелёное шёлковое платье и заштопай дырки на чулках, потом приготовь чашечку чая и поджарь гренки. Я хочу выпить чаю в пять утра.

— Наверное, надо постелить постель обоим принцам? — спросила Белинда.

Но в ответ услышала только звуки храпа: «Хр-хр-хр!»

Девушка отправилась за сковородкой для гренков на кухню. Она всегда была доброй и красивой. Но в этот вечер было в ней что-то невероятно пленительное. И тут же служанки, экономки и горничные сочли её выскочкой. Но кучер, паж и лакей вскричали в один голос: «Что за чудо эта Белинда!»

Девушка слышала, как принцы играют в бильярд, когда стелила постель Фиглио, затем отправилась в комнату Бульбо.

Как только Бульбо вошёл к себе и увидел её, раздалось изумлённое бульканье:

— О! О! О! О! О! Какая пре-е-е-лесть! Небесное создание! Бутон розы! *Позволь-мне-быть-твоим-соловьём-бюль-бюль-Бульбо!* Удалимся под сень струй! Никогда не видел юную газель с такими тёмно-синими глазами. Возьми, возьми это юное сердце. Будь принцессой Тартарии!

— Ложитесь спать, — уговаривала его Белинда, закрываясь сковородкой от смеха.

Бульбо был таким смешным, протягивая к ней руки и крича:

— Нет! Никогда! Пока ты не поклянёшься быть моей! К твоим ногам падает пленник твоих очей!

Девушка в сердцах хлопнула его сковородкой, отчего он завопил: «О-о-о-о!» уже в иной тональности. Фиглио заглянул узнать, в чём дело, и в бешенстве надавал Бульбо тумаков. Белинда не знала плакать ей или смеяться. Наконец драчун утихомирился, а Бульбо забился в угол.

И что, вы думаете, сделал Фиглио? Упав на колени, он предложил красавице руку и сердце! Это была тайная мечта её жизни, потому что она полюбила его с первого взгляда в парке.

— О, бесценная Белинда! — восклицал очарованный принц. — Как я был слеп! Кто в Европе, Азии, Африке, Америке (Нет, она ещё не открыта) и в Австралии сравнится с тобой?

— Я всего лишь служанка, — скромно потупилась та, счастливо улыбаясь.

— Разве ты не ухаживала за мной в болезни, когда все покинули меня? — продолжал влюблённый. — Разве ты не взбивала мои подушки и не приносила омлет и жареных цыплят?

— И пришивала пуговицы, — простодушно добавила девушка, положив сковородку на пол.

Услышав это, Бульбо зарыдал и стал рвать на себе волосы.

Принцы снова начали ссориться, а Белинда спешно удалилась.

— Ты же помолвлен с Анжеликой! — возмутился Фиглио.

— Я её терпеть не могу! — заявил Бульбо.

— Я пришлю тебе секундантов утром! — угрожающе пообещал Фиглио.

Схватив и поцеловав сковородку, ибо её касались руки любимой, он помчался вниз по лестнице.

И какую же картину он увидел?

Короля, нежно беседующего с Белиндой!

Аларозо вышел на шум ссоры.

— Это молодые принцы выясняют отношения, — смущённо объяснила девушка.

— Прелестная Белинда, — вздохнул король, — забудь о молодых. Обрати свой взор на зрелого мужа, который далеко ещё не развалина.

— А как же королева? — удивилась та.

— Королева! — зловеще захохотал правитель. — С королевой будет покончено. Разве ров с водой не окружает дворец? А? Разве у меня нет мешков, чтобы зашивать туда жён — и концы в воду? Скажи: «Да» и ты будешь владеть моим сердцем и тронем!

Фиглио, потеряв всякое почтение к самодуру, огрел его сковородкой со всей силы и дал дёру.

Глава 10

как король впал в страшный гнев.

Критика больших особ безрассудных вгонит в гроб.

Очнувшись после удара, Аларозо взревел, топая ногами: «Капитан гвардии!». Королевский нос посинел, а физиономия побагровела от гнева.

— Бедцов, — приказал король, вынимая смертный приговор из кармана, — арестуйте принца. Без возражений! Он посмел огреть Моё Величество сковородкой!

И, подняв шлейф мантии, удалился в свои апартаменты.

Капитан, искренне любивший Фиглио, был потрясён.

— Бедный-несчастный мальчик! — шептал он, а слёзы катились по его мужественному лицу и стекали по усам, — Мой благородный юный друг, неужели я поведу тебя на смерть?

— Какие глупости, — произнёс женский голос.

Это была Груби в линялом халате.

— Король сказал, что вы должны арестовать принца. Ну и арестуйте принца.

— Я не понимаю, — растерялся капитан, не отличавшийся сообразительностью.

— Дуралей! Он же не сказал, *КАКОГО* принца, — коварно усмехнулась фрейлина.

— Так точно. Не сказал какого, — подтвердил Бедцов.

— Ну, так арестуйте принца *БУЛЬБО!*

Услышав это хитроумное предложение, вояка заплясал от радости.

— Повиновение — долг солдата, — с воодушевлением провозгласил он. — С принцем Бульбо будет полный порядок.

И отправился его арестовывать.

Бравый капитан постучал в дверь.

— Кто там? — спросил Бульбо. — Входите, дружище. Очень рад. Я давно вас жду.

— Ждёте меня? — поразился Бедцов.

— Камергер Бутс готов меня заменить.

— Извините, но вы незаменимы.

— Хорошо, — вздохнул Бульбо. — Вы пришли по делу Фиглио?

— Так точно, — заверил его капитан.

— Пистолеты или шпаги? — спросил Бульбо.

— У нас, — сообщил Бедцов, — это делается *топорами*.

— Это топорная работа, — поморщился принц. — Позовите Бутса, он будет моим секундантом.

— Прошу прощения, но согласно этому приказу я должен вас арестовать.

— Да вы что, старина? Ой! — это было всё, что бедному Бульбо удалось сказать, потому что гвардейцы накинули платок ему на голову.

Капитан передал несчастного шерифу вместе с приказом:

«*ПО ПРЕДЪЯВЛЕНИИ СЕГО — ОТРУБИТЬ ГОЛОВУ.*

АЛАРОЗО ХХIV»

— Это ошибка! — возмутился перепуганный Бульбо, ничего не понимая.

Несчастливого арестанта привели на эшафот, где уже стоял палач с огромным топором.

Глава 11

что Груби устроила влюблённым.

Розали и Анжелика чуть не лопнули от крика.

Груби поднялась ни свет, ни заря, строя планы спасения своего ненаглядного жениха. Она обнаружила его в парке. Фиглио вдохновенно бродил в поисках рифм для стихов. Пока придумал лишь: «*Всех прекраснее Белинда от Амура и до Инда*». Он совершенно забыл всё, что было вчера.

— Итак, дорогой? — со значением сказала Груби.

— Итак, дорогая? — с иронией сказал Фил.

— Я обдумала, что делать в этой ситуации. Тебе нужно на время покинуть страну.

— Это невозможно без той, кого я люблю, — возразил принц.

— Она будет сопровождать тебя, — жеманно промурлыкала хитрюга. — Но сначала надо забрать ценности. Вот ключ, утёnochек. Иди в комнату Гламурозо, где под кроватью стоят сундуки с 217.000.987.439 фунтами 13 шиллингами 6,5 пенсами, которые он стащил из покоев твоего отца в день его смерти. С этим мы можем ехать.

— *Мы?* — не понял Фил.

— Да. Ты и твоя невеста, твоя Барби!

— Ты? *Моя?* Невеста? — ошолбенел Фиглио. — Фиг с маком!

— А разве ты не подписал обязательство жениться? — вне себя вскричала Барби.

— Прочь, гусыня! Я люблю Белинду! — и он в ужасе бежал со всех ног.

— Обязательство есть обязательство, — заверещала Груби, — если у нас уважают законы! А эту выскочку Белинду господину Фиглио придётся искать очень долго. Уж я это устрою. Он даже не подозревает, кто она такая.

В самом деле, *КТО* же она?

Скоро вы это узнаете.

Бедная Белинда поднялась до рассвета, чтобы приготовить к пяти утра чай для злой, как фурия, Груби.

Но вдруг прозвенел колокольчик, и девушка явилась в королевский будуар. И тут началось нечто невообразимое!

— Авантюристка! — кричала королева.

— Вульгарная девчонка! — визжала принцесса.

— Негодница! — орала фрейлина.

— Прочь с глаз моих! — кричала королева.

— Убирайся! — визжала принцесса.

— Освободи помещение! — орала фрейлина.

Вот такая беда приключилась с Белиндой из-за роковой сковородки. Королю вздумалось жениться на ней — и, конечно, королева заревновала. Бульбо влюбился в неё — и, естественно, Анжелика разгневалась. Фиглио полюбил её — и фрейлина рассвирепела!

— Как ты посмела заигрывать с королём? — кричала королева.

— С Бульбо?! — вопила принцесса.

— С Фиглио!!! — рычала фрейлина.

— В чём она пришла во дворец, в том пусть и оставит его, — велела королева.

Груби повела девушку к себе. Отперев, стеклянный ларец, где хранились старый плащ и башмачок, она прошипела:

— Забирай своё тряпье и катись на все четыре стороны!

Белинда закуталась в плащ, на котором было вышито: «*ПРИН... РОЗА...*», а дальше оторвано. А что она сделала с детским башмачком? Завязав шнурок, повесила себе на шею. Груби вытолкала её на холодную улицу. И камень бы заплакал, глядя на юную изгнанницу!

— А теперь можно подумать о завтраке, — благостно сказала королева.

— Какое мне надеть платье, мама? Розовое или салатное? — спросила Анжелика. — Какое больше понравится милому Бульбо?

— Госпожа Роза-а-али! — пропел король. — Велите приготовить сосиски на завтрак!

Пробило девять, но они всё ещё ждали Бульбо. Свистел кофейник, румянилась гора сдобных булочек, остывали яйца в мешочек, рубиново сверкала банка малинового джема, лоснилась копчёная колбаса. Повар Гурмано внёс дымящиеся сосиски. Как вкусно они пахли!

— Где же Бульбо? — спросил Аларозо, втыкая вилку в сочную сосиску. Дорогая королева, берите булочки. Анжелика, хочешь копчёной колбаски?

И вдруг в столовую влетели взволнованные Гламурозо с Бедцовым.

— Никаких дел до завтрака, Глам! — твёрдо отчеканил король. — Сначала завтрак, потом дела. Королева, положите мне ещё сахарку!

— Боюсь, что после завтрака будет поздно, — дрожа, возразил первый министр. — Он будет казнён в половине десятого!

— Не говорите о казнях, не портите аппетит, — укорила его принцесса. — Мне немного горчицы. А кто будет казнён?

— Принц, — пролепетал Гламурозо с ужасом.

— Дела после завтрака, говорят вам, — недовольно пробурчал король.

— Из-за этого начнётся война, — в отчаянье предупредил министр. — Его отец Перчела...

— Кто? — удивился Аларозо. — Отец Фиглио — Славио.

— Это принц *БУЛЬБО* будет казнён, а не принц Фиглио, — пояснил Гламурузо.

— Вы приказали арестовать *ПРИНЦА*, я и арестовал, — подал голос капитан. — Я не думал, что вы хотите казнить племянника!

Король запустил тарелку с сосисками в голову Бедцова. Анжелика грохнулась в обморок.

— Полейте на принцессу из чайника, — приказал Аларозо, и кипяток быстро привёл её в чувство.

Король посмотрел на свои часы, сверил их с часами в столовой, затем с часами на башне, потом завёл их ещё раз и снова посмотрел на них:

— Спешат или отстают? Вот в чём вопрос! Если отстают, мы можем продолжать завтрак. Если спешат, есть шанс спасти Бульбо. Это роковая ошибка. Честное слово, Бедцов, у меня большое желание казнить и тебя заодно.

— Солдат обязан выполнять приказ!

— Пока вы болтаете, мой Бульбо будет казнён! — закричала Анжелика.

— Эта девочка, как всегда, права, — смутился король. — Уже бьют барабаны. Какая досада!

— Папа! Срочно пиши помилование! — крикнула принцесса, сунув ему бумагу и ручку.

— А где мои очки? — спросил Аларозо. — Сходи в спальню, там под моей подушкой (не под маминой!) лежат ключи от письменного стола.

Анжелика вернулась с ключами прежде, чем он дожевал булочку.

— Теперь, детка, поищи в письменном столе мои очки. *АНЖЕЛИКА!*

Когда король звал её *громовым* голосом, она знала, что нужно подчиниться:

— Сколько раз тебе говорить, что нужно *ЗАКРЫВАТЬ ДВЕРЬ!*

Наконец очки были найдены, помилование подписано, и принцесса вихрем унеслась прочь.

— Лучше бы доела булочки. Всё равно, наверное, уже поздно. Передайте мне малиновый джем, — проворчал король.

— Бом-бом! — пробило половину десятого.

Анжелика бежала, бежала и бежала. Она пробежала главную улицу и рыночную площадь, налево, потом направо, через мост, в тупик и обратно, вокруг дворца и мимо почты прямо к *ЭШАФОТУ*, где Бульбо положил голову на плаху!!! Палач поднял топор...

Но в этот миг спасительница, задыхаясь, возвестила: «Помилован!».

— Помилован! — возликовал народ.

Она взлетела на эшафот и бросилась на шею осуждённому:

— Бульбочка! Я успела спасти твою драгоценную жизнь, дабы прекрасный цветок не был скошен смертельной косой! А случись это, не пережила бы тебя!

— Странные у вас нравы, — кисло пробормотал Бульбо.

Невеста поинтересовалась, что он имеет в виду.

— Анжелика, пойми, — ответил он, — с тех пор, как я приехал вчера, произошли такие ссоры, драки, отрубание голов и прочая катасия, что я хочу домой.

— Но только со мной!!!

— Делать нечего, придётся жениться, — тяжело вздохнул он. — Снявши голову, по волосам не плачут.

Всё это время Бульбо не расставался с волшебной розой. Даже положив голову на плаху, он крепко сжимал её в зубах, надеясь на неожиданное спасение. Но, когда он заговорил с Анжеликой, роза выпала у него изо рта. Девушка подхватила её: «Роза, цветущая на устах моего жениха, всегда будет со мной!» и приколола себе на платье. Как вы понимаете, Бульбо *не мог* попросить её вернуть розу. Поэтому с каждой минутой Анжелика казалась ему всё прекраснее. Он стал пылко требовать, чтобы они поженились немедленно. Но теперь это уже её не заботило. Он падал на колени, он целовал ей руки, он умолял и просил прощения, он кричал от восторга. А принцесса рассудительно предлагала подождать и проверить свои чувства. Он уже не казался ей таким красивым, умным и хорошо воспитанным. Нет, он казался ей неотёсан...

Не могу сказать каким. Потому что Аларозо крикнул громовым голосом:

— Хватит тянуть кота за хвост! Пусть молодых срочно обвенчают!

Так они и поженились. Будем надеяться на лучшее и пожелаем им счастья!

Глава 12

как Белинда странствовала, и что с ней произошло.

Кто ценил добро и честь, о принцессе слышит весть.

Белинда брела всё дальше и дальше, миновала городские ворота и вышла на большую дорогу. В это время по ней в дилижансе катил Фиглио.

— Ах! — подумала она, заслышав чистые звуки рожка, в который дул кондуктор. — Как бы мне хотелось катиться в нём!

Но лошади, звеня колокольчиками, быстро пронеслись мимо. Белинда не подозревала, *КТО* едет в дилижансе, но почему-то всё время думала об этом. Потом рядом загрохотала повозка. Молодой возница пожалел красивую девушку, бредущую босиком. Он сказал, что живёт в лесу с отцом-дровосеком и может подвезти, если ей по пути. Все пути были открыты для Белинды, и она с благодарностью согласилась. Заботливый возница закутал её босые ножки и дал ей сэндвич с ветчиной. Ехали они, ехали до самого вечера. Тёмные сосны клонились под тяжестью снега. Но, наконец, вдали приветливо засиял огонёк. Это была хижина дровосека.

Хозяин с оравой ребятишек сидели за ужином, когда появился его старший сын, ездивший на рынок. Славные детишки стали прыгать и хлопать в ладоши, потому что он привёз им игрушек из города. А прекрасную незнакомку они усадили у очага, растёрли ей ноги и угостили тёплым хлебом с горячим молоком.

— Погляди, папа, — щебетали они, — не от её ли плаща тот кусок бархата, что хранится у нас в кладовке? Ты принёс его в тот день, когда два львёнка были убиты в лесу королём Перчелой. А на шее у неё голубой башмачок точь-в-точь, как тот, что ты сберёг!

— Откуда у тебя эти вещи? — с волнением спросил дровосек.

Гостья объяснила, что ребёнком она была найдена в этом плаще и башмачке своими покровителями. Но они разгневались ни с того, ни с сего и выгнали её. Она вспомнила, — а, может, это был странный сон? — что раннее детство провела в пещере со львами. А до этого жила в очень красивом дворце.

Дровосека, как громом поразило. Он достал старую монету с профилем покойного короля Кавалери. Девушка была точной его копией! Затем он сравнил башмачок и кусок бархата из своей кладовки с вещами Белинды. Внутри её башмачка была надпись: «Хопкинс, королевский сапожник» и в другом башмачке тоже. На её плаще было вышито: «*ПРИН... РОЗА*», а на другом куске бархата: «*ЦЕССА... БЕЛЛА № 2464*». Когда их сложили, получилось: «*ПРИНЦЕССА РОЗАБЕЛЛА № 2464*».

Старый дровосек пал на колени со словами:

— О, принцесса Розабелла! О, законная *КОРОЛЕВА* Тартарии! Приветствую тебя — признаю тебя — присягаю тебе!

И по обычаю три раза потёр носом о землю и поставил ногу повелительницы себе на голову. Так в бедной хижине была признана королева Тартарии.

— Мой верный дровосек, — произнесла она, — ты должен стать моим придворным.

— При короле Кавалери я был Хранителем зубной щётки. Но Перчела сместил меня.

— Хранитель зубной щётки и Главный смотритель салатницы — Шпинати? Я вспомнила тебя! Этот пост будет тебе возвращён. Произвожу тебя в кавалеры ордена Тыквы второй степени (ибо первая степень только для королевских особ). Отныне ты — маркиз! — и королева величественно опустила оловянную ложку ему на плечо, посвящая в рыцари. От слёз благодарного семейства на полу натекла большая лужа. Но славные детки легли спать уже маркизами!

Тем временем юная королева ознакомилась с историей дворянских родов.

— Бесстрашные Брокколи несомненно присоединятся к нам, — размышляла она. — Отважатся ли Артишоки пойти нам навстречу? Но уж Капусты точно будут с нами!

Маркиз поручился за всех и поведал, что народ стонет под игом тирана и желает возвращения законной династии. Его старший сын безумно влюбился в Розабеллу, как и все, кто её видел, включая младших братцев, тузивших друг друга кулачками от ревности.

Чтобы красота её не сводила с ума, королеве приходилось надевать вуаль, когда она посещала то один замок, то другой, где её сторонники устраивали собрания, сочиняли воззвания и делили посты. Партия «Верных» состояла из допотопных старикашек, махавших ржавыми мечами и выцветшими знамёнами. Через год они были готовы к восстанию.

Во время восстания правитель Перчела был в отъезде, зато народ воодушевлялся при виде прекрасной королевы. Обыватели же отнеслись к этим событиям довольно прохладно, вспоминая, что налоги при законном Кавалери были выше, чем при самозванце Перчеле.

Глава 13

как Розабелла приехала в замок Казармо.

Сватался вояка к ней — сцены не было смешней.

Королева Розабелла щедро награждала своих приверженцев орденами и титулами. Из них составилась её маленький двор. И они сделали ей корону из золотой бумаги и мантию из плюшевой портьеры. Они постоянно ссорились из-за должностей и званий, вы не представляете, как они бранились! Королева очень устала от этой суеты и порой скучала о временах, когда была служанкой. Но все мы должны исполнять свой долг, и она подчинилась судьбе.

Армия «Верных», где офицеров было вдвое больше, чем солдат, направилась к поместью могущественного генерала Казармо.

Он встретил королеву словами:

— Великий воин склоняет голову перед венценосной особой.

Но Розабелле было не по себе, потому что глаза его горели мрачным огнём из-под кустистых насупленных бровей.

— Я предлагаю вам свою руку, сердце и меч! Три мои жены похоронены в родовом склепе. И сердце моё призывает новую супругу. Будьте моей женой, и я принесу к свадебному столу головы Перчелы, Бульбо и Аларозо.

— О, нет! — вскрикнула Розабелла. — Своё сердце я отдала принцу Фиглио.

Кто мог бы описать неистовый гнев Казармо? Он скрежетал зубами так, что искры летели, а глаза его метали молнии:

— Отвергнут! Мир содрогнётся от моей ярости. А вы горько пожалеете об этом!

И он бросился прочь с развевающимися на ветру бакенбардами.

Армия «Верных» пала духом и отступила. Но злобный Казармо со слугами атаковал их и взял королеву в плен. А «Верные» разбежались, кто куда.

Бедная королева!

— Запихните её в фургон, — приказал генерал слугам, — и отправьте к Перчеле!

Он написал правителю письмо с лживыми обещаниями быть преданным его защитником. Но такого *стреляного воробья* на мякине не проведёшь!

Перчела посадил в темницу богатых мятежников и забрал себе их сокровища. В это же подземелье бросили и Розабеллу. Это была жуткая чёрная дыра, полная летучих мышей, крыс, жаб и змей. Луч света не проникал в это тёмное царство, иначе тюремщики сразу бы влюбились в красавицу и выпустили её на свободу. Но видеть Розабеллу могли только желтоглазый филин да зеленоглазый кот. Лишь жабы ласково целовали ей ноги да гадюки нежно обвивались вокруг шеи — так прекрасна была королева в бездне несчастий.

Наконец дверь темницы открылась, и вошёл грозный Перчела.

Но что он сказал и сделал, будет рассказано позднее. А сейчас мы должны вернуться к Фиглио.

Глава 14

что произошло с Фиглио.

Бедный рыцарь благороден, хоть сегодня и не моден.

Фиглио так испугался женитьбы на Груби, что сломя голову кинулся с чемоданом на станцию дилижансов. Ему повезло, что он

успел на ранний рейс, потому что король выслал за ним полицейских. Но дилижанс уже покинул пределы страны. Стоял жуткий холод. И Фиглио, назвавшийся Филом, был рад ехать в тёплом дилижансе. На очередной остановке стояла скромно одетая женщина с дорожной сумкой. Все места были заняты. Бедняжка сильно кашляла, и Филу стало жаль её:

— Садитесь на моё место. Нельзя оставаться на морозе с таким кашлем.

Один наглый пассажир хихикнул: «Гулять пешком полезно!»

Фил дал в зубы, двинул в нос, заехал в ухо, подбил глаз этому нахалу и вежливо попросил его быть учтивее. Зубоскал сбежал, не попрощавшись. А молодой человек занял своё место и разговорился с попутчицей. Она оказалась интересной собеседницей. А в сумке её было много чего нужного. Захотел он пить — и появилась бутылка лимонада, захотел есть — появилась курица, окорок, хлеб и сливовый пирог. Эта женщина с умным лицом рассказала много такого, о чём принц и представления не имел. Заливаясь краской стыда, он признался в своём невежестве. На что его спутница сказала:

— Мой дорогой Фил, вы ещё так молоды. Ваша задача — получить образование. Быть может, придёт день, и ваши знания будут нужны отечеству.

— Вы знаете меня? — воскликнул поражённый юноша.

— Я много чего знаю, — усмехнулась загадочная собеседница. — Я видела людей, избалованных фортуной, и людей, ставших лучше от лишений. Советую вам сойти в университетском городе Босфоро и учиться. А если будете в чём-нибудь нуждаться, загляните в эту сумку и скажите: «Спасибо».

— Кому? — спросил молодой человек.

— Волшебной Палочке! — ответила фея, вылетая из окна дилижанса.

Фил подумал, что это ему приснилось. Но на коленях у него лежала чудесная сумка.

Прибыв в Босфоро, он отправился в гостиницу «Медведь». Номер ему дали скверный.

Утром, забыв спросонок, что здесь не дворец, принц стал кричать:

— Мой шоколад, мой халат, мои тапочки!

На крик вышла хмурая хозяйка:

— Что за шум?

— Здесь нет горячей воды, нет горничной, сапоги мои не чищены.

— Чистите их сами, — сурово отрезала хозяйка.

— Я немедленно съезжаю отсюда! — заявил возмущённый постоялец.

— Чем скорее, тем лучше. Заплатите по счёту и выметайтесь.

— В гостинице «Медведь» — медвежьи услуги! — воскликнул принц.

Хозяйка удалилась, ворча, как медведица.

А юноша вернулся в номер и увидел, что волшебная сумка слегка подпрыгнула.

— Надеюсь, тут найдётся завтрак, — подумал он и открыл её.

Что же там было?

Сапожная щётка и банка ваксы! На ней было написано: «Чтобы блеск придать сапожкам, потрудись, дружок, немножко!». Фил рассмеялся, начистил сапоги и положил обратно щётку и ваксу.

Сумка ещё немного подпрыгнула. Он вынул из неё:

1. Скатерть и салфетку.

2. Сахарницу.

3,4,5. Вилку, чайную ложечку и нож.

6,7,8. Чайную чашку, блюдце и молочник.

9. Кувшинчик восхитительных сливок.

10. Чайницу с чёрным и зелёным чаем.

11. Кипящий самовар.

12. Кастрюльку с тремя яйцами в «мешочек».

13. Брусок сливочного масла.

14. Каравай серого хлеба.

И если этого мало для хорошего завтрака, какого рожна ещё нужно, хотел бы я знать?

Позавтракав, Фил сложил вещи в сумку и отправился на поиски квартиры. Сняв скромную квартирку напротив университета, он заплатил по счёту в гостинице и пошёл к себе. Когда он открыл чемодан, куда вчера сложил свои лучшие костюмы, то обнаружил там только книги. И в первой же, которую он открыл, было написано: «Одежда нужна для тела, а книги для головы».

Чем больше вы их читаете, тем умнее становитесь вы. А в сумке Фил нашёл учебники, тетради, ручки и орфографический словарь, который был очень кстати, потому что правописание его хромало.

Он сел за стол и трудился, трудился, трудился прилежно целый год, пока не стал примером в учёбе. Профессора прекрасно отзывались о нём, а студенты искренне его полюбили.

На выпускных экзаменах он получил такие оценки:

Математика — отлично.

Филология — отлично.

Философия — отлично.

История — отлично.

Поведение — отлично.

Друзья скандировали: «Фил всё выучил в момент — самый лучший он студент!», «Фил — большой библиофил!». Ему вручили кипу похвальных грамот и медаль.

После экзаменов он отправился с друзьями в кафе (Сказал ли я, что каждую субботу он находил в сумке деньги на оплату счетов и карманные расходы?). Фил заглянул газету «Босфорская хроника», которую читал с удовольствием (потому что теперь ему были по зубам самые трудные слова), и нашёл такую заметку.

«РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Необычайное происшествие в Тартарии. Как известно, король Перчела завладел тронем после победы в жестокой битве. Розабелла, маленькая дочь свергнутого короля Кавалери, заблудилась в лесу, где была съедена стаей свирепых львов. Добрейший Перчела был крайне огорчён. Но гибель принцессы не вызвала сомнений. Ключки её мантии и башмачок были найдены в зубах двух львят, которых подстрелил монарх. Эти реликвии были сохранены сторонником свергнутой династии Шпинати, которому пришлось стать дровосеком.

В прошлую среду маркиз Шпинати поднял восстание под лозунгом: «Розабелла — первая королева Тартарии!» (По слухам безмерно прекрасная).

Её история романтична. Особа, называющая себя Розабеллой, заявляет, что пятнадцать лет назад была унесена из леса дамой в колеснице, запряжённой драконами (что, конечно, *неправдоподобно*), и оставлена во дворцовом парке Пафлагонии. Там её нашла принцесса Анжелика (ныне супруга принца Бульбо). Девочку назвали Белинда и взяли служанкой, но работала она спустя рукава и была уволена.

Покинув страну год назад, Розабелла поселилась в семье Шпинати.

В это же время принц Фиглио, чьё поведение оставляло желать лучшего, также покинул родные края. И больше о нём не было ни слуха, ни духа!»

— Какая необычайная история! — хором вскричали Смит и Джонс, лучшие друзья Фила.

— А это что? — он продолжил чтение.

«СРОЧНЫЙ ВЫПУСК

По последним сведениям, войско маркиза Шпинати разгромлено генералом Казармо, а *так называемая* королева отправлена в тюрьму.»

— Друзья мои! — воскликнул Фил. — Я должен сделать признание, которое потрясёт ваши души!

— Говори, приятель! — весело крикнул Смит.

— Валяй, парень! — подхватил Джонс.

— Скрывать отныне нет смысла, — с царственным достоинством произнёс принц. — Я не просто студент Фил. Я — *ФИГЛИО*, принц Пафлагонский. Мой вероломный дядя отобрал у меня корону, как у Гамлета, принца Датского. Он кормил меня обещаниями, что я стану мужем его дочери и буду царствовать вместе с нею. Но она предпочла мне глупого Бульбо. Тогда я обратил внимание на Белинду или Розабеллу, как она зовётся на самом деле, и увидел в ней подобное розе совершенство, ангела из снов души и т.д. и т.п. (Я, к сожалению, не могу привести эту великолепную, но слишком длинную речь целиком).

Принц с друзьями поспешил домой. В комнате, где он так старательно учился, стояла набитая сумка. И что, вы думаете, было в ней?

Изумительный меч с золотой рукоятью, озаривший блеском всё вокруг. Фиглио схватил его с возгласом: «Розабелла навеки!». И вдруг его чемодан с щелчком раскрылся. Там оказался стальной шлем с тремя страусовыми перьями и сверкающие доспехи.

Книги с полок исчезли, вместо толстых словарей друзья обнаружили две пары ботфорт с ярлычками «Лейтенант Смит» и «Лейтенант Джонс». Рядом лежало полное военное снаряжение.

В трёх рыцарях, выехавших верхом из Босфоро, никто не узнал студента Фила и его друзей. Всадники скакали без передышки, пока не достигли границы с Тартарией. Здесь решено было остановиться отдохнуть и подкрепиться в гостинице.

Я мог бы посвятить описанию этого целую главу, как делают некоторые авторы. Но я не люблю толочь воду в ступе, так что вы не зря потратили деньги на эту книгу.

Короче говоря, друзья закусывали бутербродами с сыром на балконе, когда слышали звуки барабанов и труб. Рыночная площадь заполнилась отрядами солдат. Фиглио узнал пафлагонские знамёна и песни. А, увидев командира, радостно воскликнул:

— Кого я вижу? Хо, Бедцов! Куда направляются войска?

Голова Бедцова поникла:

— На помощь нашему союзнику Перчеле.

— Самозванцу! — саркастически уточнил принц.

— Солдат обязан выполнять приказ. Мне дан приказ помогать Перчеле. А также (язык не поворачивается!) схватить...

— Звезду с неба? — засмеялся юноша.

— *ФИГЛИО!* — продолжал капитан с непередаваемым выражением. — Сдавайтесь! Отдайте свой меч без шума. Нас тридцать сотен против одного!

— Сдаться? Отдать меч? — с негодованием вскричал принц.

И, шагнув к перилам балкона, произнёс речь, столь выдающуюся, что ни один отчёт не может передать её. Речь продолжалась трое суток без перерыва. Солдаты издавали одобрительные возгласы, когда (через каждые девять часов) оратор делал паузу, чтобы глотнуть воды. Он рассказал историю своей жизни — и не только не отдал меч, но вернул себе корону! Бедцов подбросил шлем в воздух с криком: «Да здравствует *КОРОЛЬ* Фиглио!»

Вот что значит университетское образование!

Капитан сообщил новоиспечённому монарху, что его дивизия — это авангард армии. А главные силы движутся под командованием Бульбо.

— Подождём здесь и устроим ему разгром, — предложил король, — тогда его отец Перчела дрогнет.

Глава 15

мы возвращаемся к Розабелле.

Был Казармо очень нужен диким львам на поздний ужин.

Король Перчела, как и все, влюбившийся в Розабеллу, был вдовцом и предложил законный брак своей прекрасной пленнице. Но она твёрдо сказала, что её единственная любовь — Фиглио. Испробовав слёзы, жалобы и мольбы, Перчела перешёл к угрозам. Все тираны — рабы своих страстей.

Всю ночь деспот придумывал наказание для строптивицы и вспомнил о парочке лютых львов, присланных ему в подарок. К замку примыкал амфитеатр, где король любил смотреть бой быков, охоту на крыс и другие подобные игрища. Львы сидели в клетке, их рык был слышен на весь город. Горожане, с прискорбием должны отметить, толпами валили на жестокое зрелище.

Перчела занял свою ложу вместе с прибывшим воякой Казармо. Шпионы уже донесли королю о сватовстве генерала к Розабелле. Грозно взирал монарх на гордеца в ожидании трагедии, где Розабелла была главной героиней.

Наконец была введена королева с распущенными волосами, такая красивая, что гвардейцы рыдали в три ручья от жалости. Она прошла в центр арены, а народ глазел на неё. Решётка отделяла её от огромных, пышногривых, острозубых, длиннохвостых, рычащих, ревущих, мечущихся львов.

Но вот дверца открылась. Два голодных зверя вырвались из клетки, где три недели сидели только на сухарях и воде, и бросились на

Розабеллу! Молитесь же за неё, люди добрые. Вокруг стоял сочувственный гул. Только мстительный Казармо злобно скрипел зубами.

Но что это?

Вместо того, чтобы растерзать жертву, львы стали ласкаться к ней и мурлыкать, как котята! Они лизали её ноги, тыкались носами в колени, заглядывали в глаза, словно спрашивая: «Милая сестрица, неужели ты не узнаёшь лесных братцев?». И она, обнимая рыжеватые шеи, целовала их свирепые морды.

Перчела был в изумлении, Казармо в возмущении.

— Обман! — негодовал он. — Это не хищники, а ручные зверюшки из цирка!

— Ты посмел сказать: «Обман!» своему владыке? — зловеще изрёк король. — Гвардейцы, хватайте его и бросьте к «зверюшкам»!

Могучий генерал, опустив театральный бинокль, крикнул: «Руки прочь!» и спрыгнул на арену.

— *Врр-врр врр врау ау-ау!*

Мгновенно Казармо был львами проглочен со шпорами, шляпой, часами и прочим!

Перчела удовлетворённо заметил:

— Отлично обслужили головореза! А теперь, если львы не хотят есть эту девушку...

— Отпустить её! Отпустить её! — грянула толпа.

— *Нем!* — взревел разъярённый король.

— А-а-ах! — возмущённо выдохнула толпа. — Позор! Позор!

— Кто посмел сказать: «Позор!»? — вскричал свирепый властитель. — Бросайте ко львам любого, кто скажет ещё хоть слово!

Сразу же воцарилась мёртвая тишина, нарушенная только странными звуками: «Цок-цок-цок-цок-цок-цок!» В дальнем конце амфитеатра появился всадник. Рыцарь с поднятым забралом нёс на острие копья письмо.

— Клянусь, что это капитан Бедцов! — воскликнул Перчела. — Какие новости? У тебя, наверное, горло пересохло, старина? Что будешь пить?

— Прежде, чем пить, — ответил капитан, — я должен вручить вам послание нашего короля.

— Читай своё послание! — резко приказал монарх.

- *«Пусть знают все, что мы, Фиглио, король Пафлагонии и Бутербродных остров...»*

— Ха! — рявкнул тиран.

— *Требуем от самозванца Перчелы...*

Король выругался.

— *Освободить законную королеву Тартарию РОЗАБЕЛЛУ и восстановить её в правах. В случае неповиновения вызываю его на по-*

единок на шпагах или пистолетах, алебардах или мечах, один на один или во главе войска, пешим или конным и удостоверю своё слово в честном бою!»

— Это всё? — процедил Перчела с ужасающим спокойствием.

— Это всё послание моего короля. И если кто-нибудь против, Кутайцов-Бедцов к его услугам! — провозгласил капитан, гарцуя на лошади.

И, взмахнув пикой, обвёл пронзительным взглядом собравшихся.

— А что сказал Аларозо, тесть моего сына, на этот вздор? — ехидно спросил правитель.

— Аларозо и его бывший министр Гламурозо сидят в тюрьме в ожидании приговора, — серьёзно ответил Бедцов. — После битвы при Бомбардаро...

— Какой битвы? — удивился тиран.

— При Бомбардаро, где мой король совершал чудеса доблести, вся армия его дяди перешла на нашу сторону за исключением принца Бульбо.

— Мой Бульбо не трус! — обрадовался папаша.

— Принц пытался бежать, но я настиг его. Теперь он наш пленник, и горькая участь ожидает его, если хоть волос упадёт с головы Розабеллы.

— Неужели? — воскликнул Перчела, побледнев. — В самом деле? Тем хуже для него. У меня двенадцать сыновей. И хотя Бульбо мне дороже всех, но месть ещё дороже. Эй, палачи, приведите РОЗАБЕЛЛУ!

Глава 16

как Бедцов вернулся к королю Фиглио.

Пусть злодей кипит от гнева — на свободе королева.

Бедцов исполнил свой долг. Конечно, ему было очень жаль Розабеллу. Но что он мог поделать?

Вернувшись в лагерь, он обнаружил Фиглио в расстроенных чувствах. Волнение его возросло от ужасных вестей, принесённых посланцем.

— Безжалостный Перчела! — в отчаянье вскричал он.

— Так точно, — удручённо согласился капитан. — Я предупредил его, что Бульбо — наш заложник. Но злодей ответил, что у него есть ещё одиннадцать сыновей.

— О, жестокий отец! О, злосчастный сын! — посетовал король. — Приведите пленника.

Привели несчастного заключённого. Но на самом деле Бульбо был счастлив, полагая, что всё страшное позади, и весело играл в шашки со своими стражами, когда его вызвали.

— Ох, дружок, — вздохнул король, — ты слышал новости? (Как видите, он был очень деликатен). Твой бездушный отец приказал Розабеллу п-п-предать смерти, п-п-принц Б-б-бульбо!

— Ой-ой-ой! — запричитал Бульбо. — Прекрасную Розабеллу! Добрую Розабеллу!

Он горевал так искренне, что Фиглио был глубоко тронут. А узник сел рядом, утешая короля.

А теперь представьте себе состояние самого милосердного из монархов, когда он сообщил, что из-за *недостойного* поведения отца, Бульбо должен быть казнён. Не могли сдержать слёз ни благородный Фиглио, ни гренадеры, ни офицеры, ни сам заложник. Бульбо объяснили, что королевское слово *ПРЕВЫШЕ* всего и надо покоряться.

Горемыку отвели в тюрьму, где он был окружён заботой. Жена тюремщика принесла ему чай с вареньем, а дочь надзирателя попросила автограф. Гробовщик снял мерку для роскошного гроба, но это не утешило беднягу. Повар приготовил ему любимые лакомства, но тот не притронулся к ним. Он сел писать прощальное письмо Анжелике. А часы тикали, и стрелки двигались всё ближе к роковому часу. Парикмахер пришёл подстричь его, но узник отказался. Он поставил стул на кровать, а кровать на стол и выглянул в окно, чтобы посмотреть нельзя ли убежать. А часы тикали, и стрелки двигались всё ближе и ближе, и ближе... Но одно дело смотреть в окно высоченной башни, а совсем другое прыгать из него.

Городские часы пробили семь. Тогда бедняга лёг, чтобы хоть немного поспать. Но тюремщик разбудил его: «Пора!». Бульбо поднялся, отряхнулся и сказал, что завтрака ему не надо, спасибо. Солдаты повели его на площадь. Король простился с ним, с теплотой пожав руку. И мрачная процессия двинулась дальше.

Но что это?

— *Вау-вуррау-вуррау-вау!*

Они услышали львиное рычание! И кто же ехал верхом на льве, распугивая стражей и полицейских? Прекрасная *РОЗАБЕЛЛА!*

Дело в том, что львы разбили ворота и унесли пленницу. Когда король узнал о прибытии королевы, представляете, с какой скоростью он бросился к ней? Львы разжирели и стали такими смиренными, что любой мог почесать у них за ухом. А Бульбо кинулся целовать их. Обняв лесного царя, он смеялся от радости:

— Ох, дорогой зверюга, как я счастлив!
— Что с тобой, милый Бульбо? — участливо спросила Розабелла.
А Фиглио милостиво похлопал его по плечу:
— Мой мальчик, как я рад, что королева явилась вовремя.

— Я тоже рад, — еле слышно прошептал пленник.

И вы понимаете *почему!*

Тут появился бодрый Бедцов:

— Господа, когда будем приступать к казни?

— К казни? — ужаснулся Бульбо.

— Офицер знает только приказ, — пояснил капитан.

Но король с улыбкой отменил приговор и радушно пригласил принца к столу.

Глава 17

как происходила великая битва, и кто в ней победил.

Как из парочки монархов вышла парочка монахов.

Когда Перчела узнал, что его прелестная жертва бежала, злости его не было предела. Он приказал собираться своей бесчисленной рати: кавалерии, пехоте, артиллерии и двадцати тысячам барабанщиков, трубачей и флейтистов.

Разведчики ознакомили Фиглио с вражескими действиями. Но, не желая тревожить свою гостью, он делал всё, чтобы развлечь и развеселить её. Угощал изысканными завтраками, обедами и ужинами, а вечером устраивал балы. Танцуя двадцать пятую польку с Розабеллой, Фиглио заметил знакомое кольцо на её пальце.

— Да, — кивнула фея, прилетевшая навестить молодых друзей, — это моё волшебное кольцо. Кто носит его, кажется самым прекрасным на свете. И Бульбо, получив мою волшебную розу, сделался красавцем. Но он отдал её Анжелике, которая теперь обворожительна.

— Розабелла не нуждается в волшебном кольце, — твёрдо заявил король. — Она прекрасна без всякого волшебства. Она сама — *Волшебная Роза!*

— О, Фил! — вспыхнула красавица.

— Давай проверим, — предложил Фиглио и решительно снял кольцо с её пальца.

И что же? В *его* глазах она осталась такой же прекрасной!

Тогда король с лукавой улыбкой протянул кольцо неуклюжему Бульбо:

— Надень его.

И что же?

Бульбо стал самым обаятельным и привлекательным. Правда, ноги остались кривоватыми, но зато в шикарных жёлтых сапогах. И на это никто не обращал внимание.

А Волшебная Палочка обратилась к влюблённым:

— Благословляю вас, дорогие дети. Наконец вы вместе и счастливы. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Теперь вы понимаете, что я была ПРАВА: несчастья сделали вас лучше.

— Ты, Фиглио, выросший в роскоши, был невежественным сумасбродом, и не мог стать хорошим королём. Ты, Розабелла, была окружена такой лестью, что твоя головка могла закружиться, как у Анжелики, которая сочла Фиглио недостойным себя.

— Никто не достоин *его*! — пылко воскликнула Розабелла.

— Только *ты*, моё сокровище! — так же пылко ответил Фиглио.

Он протянул руки, чтобы заключить её в объятия...

Но в этот миг вестник возвестил: «Враги!».

И король помчался прямо *на поле брани*!

Добрая фея снабдила его меченепротыкаемыми доспехами и самоудлиняющимся мечом. Король во всеоружии возглавил войско, а Бедцов с его однокашниками Смитом и Джонсом стали командирами дивизий. Армия была в мундирах с иголки.

Ах, если бы у меня был дар исторического романиста! Разве не порадовал бы я вас рассказом о жарких схватках? О клубах дыма, затмивших небо? О пушечных ядрах, разбивающих батальоны? О кавалерии, атакующей пехоту? Горны трубят, барабаны бьют, флейты поют. Солдаты орут: «Ура!». Офицеры кричат: «Вперёд, ребята!», «Задайте им перца!», «За Фиглио и правое дело!», «Да здравствует Перчела!». Но скромное моё перо не обладает мастерством для изображения этого сражения.

Короче, тартарская армия была разбита. Когда войско обратилось в бегство, Перчела, скинув с седла генерала Пончикова, умчался на его лошади. Но догонял его, как вы уже догадались, Фиглио с криком: «Стой, самозванец!». И своим удлинившимся мечом так ткнул беглеца в спину, что тот взвыл. Поняв, что от боя не отвертеться, Перчела нанёс по шлему противника сокрушительный удар алебардой. Но она, словно кусок масла, смялась в его руке. Тогда трус решил спастись любой ценой:

— У тебя волшебный меч и доспехи. Где мне тягаться с тобой! Я сдаюсь в плен.

Король приказал заточить его в тюрьму, где раньше томился Бульбо. Надо сказать, что жалкий Перчела в тюрьме сильно отличался от гордого Перчелы на троне. Теперь он горячо умолял о сви-

дании со своим любимым сыночком. Добродушный малый ни в чём не упрекнул папашу и принёс ему разносолы с банкета в честь блистательной победы.

— Я на минутку, — предупредил разряженный Бульбо, передавая отцу еду. — Ведь я танцую кадрили с королевой, а скрипки уже начали играть.

И он весело упорхнул.

А узник ел свой одинокий ужин в молчании и слезах.

Нескончаемое веселье царило в окружении Фиглио. Жителям окрестных деревень было предписано устраивать иллюминацию ночью и усыпать цветами дорогу днём. Но они не роптали, потому что армия везла огромную добычу. Тартарским солдатам после того, как они отдали всё, было разрешено побрататься с победителями. И объединённые силы маршировали в столицу. Бедцов был произведён в фельдмаршалы, Смит и Джонс получили звания генералов. Бойцов награждали орденами Тыквы и Огурца.

Народ приветствовал короля и королеву, признанных идеальной парой. И *действительно* они были очень красивы. Да как же могло быть иначе, ведь они были так счастливы! Влюблённые, ехали стремя в стремя и вели задушевные разговоры. Было решено, что они поженятся сразу же по приезде в Блондингу.

Бедцову было поручено отремонтировать королевский дворец. На это он конфисковал у Гламурозо деньги, присвоенные из казны.

Фельдмаршал навестил в тюрьме развенчанного короля Аларозо. Когда бывший монарх начал жаловаться, тот похлопал его по плечу:

— Солдат знает только свой долг. Мой приказ: посадить вас вместе с Перчелой.

Самозванцы были приговорены к году исправительных работ. А потом постриглись в монахи и после долгих постов и бдений раскалялись в своих преступлениях.

А плут Гламурозо был отправлен в ссылку, где больше не имел возможности воровать.

Глава 18

как все вернулись в столицу.

От тоски король умолк: хоть умри — исполни долг.

Фея считала, что юные король и королева заслуженно обрели своё счастье, и давала им добрые советы. Однако Фиглио они казались лишними. Он воображал, что только благодаря своей отваге победил врагов. Боюсь, что он слишком занёсся. Мудрая волшеб-

ница призывала его быть справедливым и никогда не нарушать своего слова.

— Почему фея даёт мне советы? Она, что, не считает меня разумным и честным? — раздражённо спрашивал Фиглио невесту.

— Тише, Фил! — шептала Розабелла. — Фея так добра к нам, и мы не должны обижать её.

Но та ничего не слышала, скача верхом на палочке рядом с Бульбо, который мечтал скорее увидеть свою Анжелику. Фея очень хвалила её, ведь от несчастий принцесса изменилась к лучшему. Со скоростью мысли носила она их нежные записки.

Когда путники достигла предместий Блондинги, кто ожидал их здесь? Трепещущая Анжелика с волшебной розой на груди! С криком радости бросилась она в объятия

Бульбо, вновь неотразимого, благодаря волшебному кольцу.

Роскошный стол был сервирован для прибывших. Их встретили архиепископ, канцлер Педанте, фельдмаршал Бедцов, фрейлина Груби и все остальные. Фея сидела по левую руку от короля рядом с Бульбо и Анжеликой. В столице радостно звонили колокола и раздавались залпы салюта.

— Что это Груби так вырядилась? — насмешливо подумал Фиглио.

В белоснежном кисейном платье, с веночком из белых роз и кружевной фатой на парике она бросала на него уморительно томные взгляды.

— Одиннадцать часов! — провозгласил король, — услышав бой колоколов Кафедрального собора.

— А мы должны быть в церкви к двенадцати, — подсказала фрейлина, жеманно закрываясь веером.

— И тогда я стану счастливейшим человеком в мире, — улыбнулся Фиглио зардевшейся Розабелле.

— Неужели, — взволнованно воскликнула Груби, — этот долгожданный миг наконец наступит?!

— Очень скоро, — радостно подтвердил король.

— И тогда я стану *женой* моего обожаемого Фила! — победоносно заключила она.

— Моей *женой*? — изумился тот.

— Женой моего жениха? — ужаснулась Розабелла.

— Эта особа сошла с ума! — догадался король.

— А кто может стать его женой кроме меня? Я хочу знать, *честный* ли человек король, и есть ли у нас *СПРАВЕДЛИВОСТЬ*? Взгляните на доверчивое обманутое существо! Разве Фил не обещал жениться на Барби? Разве это не *его* подпись? Разве этот *документ* не подтверждает, что он мой и только мой? — и аферистка протянула

бумагу, которую Фиглио подмахнул, не глядя, когда она нашла волшебное кольцо, а он выпил слишком много шампанского.

«Настоящим подтверждаю, что я, Фиглио, единственный сын Славио, короля Пафлагонии, обязуюсь жениться на очаровательной Барбаре Груби, вдове покойного Дженкинса Груби».

— Кхм-кхм! — закашлялся архиепископ. — Документ, э-э-э, есть документ.

— Нет, — сердито возразил Педанте, — подпись сделана не его рукой!

За время учёбы в университете корявый почерк Фила стал каллиграфическим.

— Это *твоя* подпись? — строго спросила Волшебная Палочка.

— М-м-моя, — простонал Фиглио. — Но я ничего не помню! Что это за филькина грамота?

Но авантюристка пронзительно взывала: «Справедливость! Справедливость!!!», перекричав всех.

Розабелла упала без чувств. Вообразите взгляд, который Фиглио бросил на свою любовь, свою радость, свою надежду, своё ВСЁ!

— Может быть, вы возьмёте деньги, конфискованные у Гламурозо? — предложил король, тяжело вздохнув. — Двести миллионов с чем-то. Это вполне *приличная* сумма.

— Я получу их в придачу к тебе! — злорадно бросила Груби.

— Половину, три четверти, пять шестых, девятнадцать двадцатых моего королевства! Согласны?

— Что мне весь мир без тебя? — вскричала прохиндейка, хватая его за руку.

— Не могу, не хочу, не буду!!! Лучше отрекись от престола! — вопил Фиглио, пытаясь выдернуть руку, но та вцепилась в неё мёртвой хваткой.

— С милым рай и в шалаше, — промурлыкала она. — А средства у меня есть.

Несчастный чуть не помешался от ужаса и гнева.

— О, фея, фея, дай совет! — дико озираясь, искал он её строгое лицо.

— Почему фея даёт мне советы и призывает не нарушать слово? Она считает, что я не человек чести? — повторила фея его самонадежные слова.

Фиглио вздрогнул от нестерпимого сверкания её очей и понял, что спасения нет.

— Хорошо, — произнёс он в отчаянье. — Если фея вознесла меня на вершину счастья, а потом бросила в бездну горя, если я потерял Розабеллу, то хотя бы сохраню честь. Я сдержу слово и женюсь, а потом распрощаюсь с жизнью.

— Ты забудешь эту девчонку в объятиях своей Барби! — торжествовала Груби.

Пушки загрохотали, колокола затрезвонили, народ забросал цветами новобрачных.

А обманщица в окне золочёной кареты довольно скалила зубы.

Глава 19

наконец мы приходим к концу нашего повествования.

Кончим сказку торжеством и простимся с волшебством.

Суровые испытания воспитали в Розабелле большую силу духа. Очнувшись от обморока, благодаря феиному элексиру, она вместо того, чтобы рыдать и жалеть себя, держалась достойно.

— Я буду любить Фиглио вечно, — призналась девушка, — и от всего сердца желаю, чтобы он был счастлив. Замуж я выходить не буду, корону завещаю ему. Милая фея, я хочу проститься с ним!

Волшебница поцеловала девушку с особой нежностью и превратила свою палочку в карету.

Ремонт в королевском дворце ещё не был закончен, и все собрались в старом дворце Аларозо. Розабелла ни жива, ни мертва прижалась к ограде. Фиглио был бел, как мел. Волшебная Палочка по своей привычке вылетела из окна кареты и встала у дверей дворца.

— Прочь с дороги! — грубо приказала ей Груби. — Почему вы вечно суетесь в чужие дела?

— Ты хочешь сломать жизнь несчастному юноше? — гневно спросила фея.

— Я хочу выйти замуж! И не говорите королеве «ты»! — воскликнула уязвлённая пройдоха.

— Ты обманом заставила его подписать бумагу!

— Чуть! Полиция! Заберите её! — неистово завизжала лгунья.

Но взмахом палочки волшебница обратила полицейских в недвижимые статуи.

— Ты не хочешь отменить обязательство? — воскликнула она. — Спрашиваю последний раз!

— Я хочу мужа, мужа, мужа!

— Так получи *своего* мужа! — весело крикнула фея, дёрнув дверную ручку.

Когда она коснулась её, у фигурки на ручке медный нос вытянулся, рот открылся, глаза выпучились, руки-ноги разогнулись, винты выскочили. И дверная ручка превратилась в огромного детину!

Дженкинс Груби, собственной персоной, стоял на пороге, над которым проторчал семнадцать лет!

— Никого нет дома! — рявкнул он своим прежним голосом, но тут же склонился в низком поклоне.

А Барби, издав дикий вопль, потеряла сознание, которое за всю оставшуюся жизнь со своим законным мужем Дженкинсом так и не смогла найти.

Народ выкрикивал: «Да здравствуют король с королевой!», «Слава Волшебной Палочке!». Бульбо обнимался с Анжеликой, канцлер Педанте подбрасывал шляпу в воздух, Бедцов с архиепископом пустились в пляс.

Что касается Фиглио, я предоставляю вам самим вообразить его состояние. И если он подарил Розабелле двадцать тысяч поцелуев, не думаю, что это было слишком много.

Все отправились в церковь и после венчания весело отпраздновали королевскую свадьбу.

А фея улетела на своей волшебной палочке, и больше о ней в Пафлагонии никто не слышал.

Конец

Рисунок У. М. Теккеря

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Евгений Степанов

Евгений Степанов (1964) — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах «Урал», «Нева», «Звезда», «Дружба народов», «Знамя», «Наш современник», «Арион», «Интерпоэзия», «Юность», «Дон», «Подъем», «Волга» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Главный редактор журнала поэзии «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига («Литературная газета») и премии журнала «Нева». Живет в Москве и городе Несебр (Болгария).

Несебр — это чудо земного шара

Несебр — это чудо земного шара, древний город-музей, который находится на Черноморском побережье Болгарии. Фактически этот город — маленький полуостров длиной 850 м и шириной 300 м. Находится он недалеко от Бургаса, четвёртого по величине города Болгарии.

Всё в Несебре (в прошлом это был греческий посёлок моряков) пропитано стариной, своеобразной культурой и архитектурой. Сохранились 12 старинных древних церквей, ранние христианские базилики, первые очаги православной цивилизации на Балканах. Я впервые приехал сюда почти 35 лет назад. И навсегда «заболел» Несебром. Очень люблю зимний город, когда нет толп туристов, когда можно спокойно прогуляться по улочкам, попить в тишине кофе в ресторанчике, неспешно спуститься к морю, послушать говорливых глабусов*, чаек и шум прибоя.

Идущие по переулкам люди воспринимаются как пришельцы из прежних веков. Всё здесь так непохоже на нынешнее время.

О Несебре — мои стихи.

* Глабусы — вид местных чаек (прим. Автора)

ВДОЛЬ БУХТЫ

Несебр

Вдоль бухты, вдоль бухты иду в старый град,
И море, и камни со мной говорят,
Со мной почему-то не споря.
Вдоль бухты, вдоль бухты, вдоль моря.
Я вижу какой-то особенный мир,
И зреет, как чувство, изящный инжир,
И персики зреют, и сливы.
Пейзажи теплы и красивы.
И я понимаю, такой красоты
Я мог не увидеть... А чувства чисты,
Мурлычет душа а капелла.
А в море стоит каравелла.
Она уплывёт, обгоняя баркас,
В шикарную Варну, а, может, Бургас,
Конечно, возвышенна Варна...
А мне и в Несебре шикарно.

2019, 2021

Лодки плывут в моё сердце

Здесь старые доски, которым три тысячи лет, стали тверже камней.
Здесь старые камни стали нежнее воды.
Здесь вода обрела речь, как деревья.
Здесь вечные лодки плывут в моё сердце.
Здесь сердце перестаёт быть камнем.

... Очень трудно жить ещё где-то, зная, что есть Несебр.

2018, 2021

Несебр: всегда

Ах, Господи Боже Иисусе,
Здесь явь вперемешку со сном,
Бакланы, балканские гуси,
Гогочут о чём-то своём.
Здесь низкие крыши всё выше
Взлетают в небесную синь,
Красивые красные крыши,

На радость раздетых разинь.
А небо прозрачнее моря,
А море прозрачнее глаз.
И злыдню-тоску объегоря,
Я горя не знаю сейчас.

2014, 2021

Город-и-море

налево пойдёшь — увидишь море
направо пойдёшь — увидишь море
вперёд пойдёшь — увидишь море
назад пойдёшь — увидишь море

сделаешь паузу — увидишь себя

2019, 2021

Где душа швартуется уже несколько десятилетий

Несебр — это Монмартр,
имеющий выход к морю.

Несебр — это юный гларус,
взлетевший на крышу старинного дома.

Несебр — это узкие тысячелетние булыжные улицы,
по которым гуляют мои дети и внуки.

Несебр — это галечный пляж,
по которому легко пройти до Эллады и Византии.

Несебр — это летнее солнце,
которое активно и бесплатно работает для всех.

Несебр — это зимнее счастье,
когда нет туристов.

Несебр — это мой главный морской причал,
где душа швартуется уже несколько десятилетий.

1987—2021

Погода балкан

Мне это известно: красивый обман —
Земные Эдем и нирвана.

Мне это известно: погода Балкан
Изменчива, непостоянна.

Мне это известно: не лучший удел —
Уйти в забугорные дебри.

А всё же Несебр я всем сердцем воспел,
А всё же волшебна в Несебре.

Здесь воздух звенящий грустить не велит,
Здесь время тягуче, былинно.

И каждый булыжничек равновелик
Векам, обожжённым, как глина.

Здесь гларус на крыше, здесь парус в дали.
Здесь дом и моя ойкумена.

И счастья такие большие кули,
Что хватит на всех непременно.

2019, 2021

ЗИМОЙ

Несебр одаривает щедро:
Хоть медитируй, хоть пиши...
О, как питает ток Несебра
Ночные бра моей души!

Несебр несет себя, как витязь.
И в чёрный час, когда прилив
Кричит: «Эй, люди, расступитесь!»,
Несебр стоит, не отступив.

Несебр понятнее зимою —
Видны твердыня, мощь и стать.
В борьбе с погодой зимней злою
Несебр умеет побеждать.

А летом... Что ж, отменно летом.
И до нирваны — путь прямой.
И всё-таки при всём при этом
Несебр прекраснее зимой.

2019, 2021

На декабрьские волны смотря

Жизнь бежит, полосатая зебра,
Огибая поля и моря.
Я иду вдоль родного Несебра,
На декабрьские волны смотря.

Здесь зима — не зима, просто слякоть,
Просто на сердце грустно чуть-чуть.
И не хочется много балакать
О годах, что уже не вернуть.

Как-то горестно заверщали
Чайки, белая чайчья рать.
Это время писать завещанье,
А стихи — в чёрной печке сжигать.

Это время прощать и прощаться,
Становясь хоть немного мудрей,
И нисколечко не обольщаться
Относительно жизни своей.

2019, 2021

Город моей осуществлённой мечты

По каким бы дорогам и континентам я ни шёл
в последние три десятка лет,
я всегда приходил в Несебр,
город моей осуществленной мечты,
город солнца и моря,
Веры и Надежды,
Любви и Софии,
город узких булыжных улиц,
персиков и алычи,
чаек и гларусов,
кошек и собак...

Почему так получается — я не знаю.
Но так получается.

2019, 2021

ВОЗМЕЗДИЕ

(По архивным документам. Новелла первая)

1. Приходите к нам

(слово коллекционера)

Дамы и господа! Разрешите представиться: Альберт Генрихович, или просто Берт, любитель и коллекционер старых рукописей. Если вы хотите окунуться в историю, ощутить её аромат, загляните ко мне на огонёк. Каждую среду у меня дома собирается тесный дружеский кружок, и мы отправляемся, фигурально выражаясь, путешествовать по прошлому, посещая разные страны и столетия. Приходите к нам. Вам будут предложены удобное кресло, стакан горячего, свежесваренного чая и занятая история, извлечённая из старых манускриптов.

Сегодня я хочу предложить вашему вниманию несколько документов, относящихся к истории Франции. Их всего четыре и написаны они, естественно, на французском языке. Перевод сделан ещё моим отцом, Генрихом Германовичем, который, как я говорил в одну из наших прошлых встреч, был историком, специалистом по французскому позднему средневековью и целенаправленно собирал старинные рукописи.

Эти документы любопытны тем, что их подборка представляет собой своеобразный сюжет, интригу той жизни, что давно канула в Лету.

2. Обида

(письмо Беатрис де Самбрэ де Пуье её брату Роберу)

Сеньору Роберу де Пуье графу де Реньяру.

Привет Вам, мой дорогой и горячо любимый брат, да хранит Вас Господь Бог!

Нестерпимые обстоятельства моей жизни заставляют меня обратиться к Вам.

После гибели мужа и Вашего отъезда я надолго стала затворницей наших родовых стен. Только молитвы да долгие беседы с сыном скрашивали моё время. Но вот весной нынешнего года, когда дороги подсохли, я выехала на праздник весны в соседний город. Этот праздник будто возродил во мне прежние силы. И мне захотелось рассеяться, снова окунуться в блеск маскарадов и балов. Не судите меня строго за это, мой дорогой брат, ведь я — женщина.

В Париже я сняла дом — небольшой, но удобный. И меня увлекнут веселья при дворе короля. Опасность я увидела слишком поздно.

Милостивая наша королева отнеслась ко мне благосклонно, но король был корректно-холоден. Я думаю, что, глядя на меня, он помнил о Вас, мой дорогой Робер. Больше же всего меня страшил брат короля, его высочество Анри. Взгляд его был ледяным и пугал меня.

Только спустя две недели после приезда в Париж я обратила внимание на то, что за мной следят. Потом произошёл вопиющий случай, раскрывший мне глаза.

Вернувшись с бала, устроенного королевой, я спокойно почитала перед сном, а затем, помолившись, уснула. Но сон мой был прерван в середине ночи. В дверь стучали и требовали открыть именем короля. Что я могла сделать? Я приказала открыть. В дом ворвался барон д'Орвиль с подручными. Вы знаете, мой Робер, его, это пёс его высочества Анри, брата короля Франции. Он предъявил приказ, подписанный рукой короля, о досмотре моего дома. Что они хотели найти? Всё в доме было перевёрнуто вверх дном. Милейший барон д'Орвиль был груб и не стеснялся в выражениях, назвав меня шпионкой и испанской шлюхой. Вы, мой горячо любимый Робер, знаете мои решительность и спокойствие в трудных обстоятельствах. Моя пощёчина несколько охладила пыл этого пса, но в чувство не привела. Барон д'Орвиль осыпал меня грязными ругательствами и обещал, что придёт время, когда он отдаст меня на потребу своих подручных. Он был в бешенстве, и только решительный вид моих преданных людей остановил его.

С рассветом я покинула Париж, чтобы укрыться от несправедливости королевской власти в нашем родовом гнезде Реньяр.

Это письмо я посылаю Вам, мой милый брат, с надёжным человеком.

Да хранит Вас, мой Робер, во всех Ваших начинаниях Всевышний.
Написано в замке Реньяр.

Беатрис де Пуйе

(Примечание коллекционера. Судя по архивным документам, маркиз Морис де Самбрэ, муж Беатрис, за возмутительный образ мыслей

оказался в опале и был вынужден уехать в свои поместья; по дороге туда был убит неизвестным)

3. Скрещении дорог

(владелец трактира о своей жизни)

... вот и приходится крутиться, чтобы жить. У нас с женой трое мальчиков, и мы должны поставить их на ноги. Трактир с постоянным двором даёт нам необходимые средства. Нужды мы не знаем, хотя и богатства у нас нет.

Я пишу к тебе, мой дорогой Клеман, вполне откровенно, потому что отправляю своё послание через надёжные руки. Все мы зависим от сильных мира сего. В наших местах года полтора назад появился Чёрный Робер с шайкой лихих людей. Дважды он появлялся у меня, чтобы встретиться с какими-то вельможами, судя по облику и выговору — испанцами. По слухам, он — граф, бежавший от гнева короля и ставший разбойником. Он грабит богатых, а бедных, как правило, не трогает. Робер платит мне золотом за сведения обо всех проезжающих и останавливающихся на ночлег. Разве я могу поссориться с Чёрным Робером, даже зная, что его золото обгарено кровью?

Есть у меня и ещё один высокий благодетель, покровительства коего я предпочёл бы избежать. Это — мэтр Гийом, руководитель королевской тайной полиции. От него регулярно приезжает на ослике монашек по имени Роже. Его сладкая улыбочка и холодные глаза заставляют держаться сторожко. Его хозяина — мэтра Гийома — интересует не только Чёрный Робер, но и всё, о чём говорят люди. И он тоже платит полновесной монетой.

Вот и надо держаться так, чтобы вовремя увернуться от опасности, не угодить между клинками. Если всё будет в порядке, через год-другой уеду отсюда.

Хочу рассказать тебе, мой дорогой Клеман, о ...

(Примечание коллекционера. Текст написан на одной стороне листа и не имеет ни начала, ни конца. Судя по всему, письмо написано владельцем трактира и постоялого двора одному из его знакомых).

4. Нападение разбойников

(донесение Жака Бродяги мэтру Гийому)

Жак, агент по кличке Бродяга, доносит мэтру Гийому.

Граф Робер де Пуйе, владелец Реньяра, стал врагом его величества короля и отечества. Доказательства следуют ниже.

Собрав ватагу из двадцати преданных ему людей, граф Робер стал бесчинствовать на дорогах южной Франции, нападая на путников и требуя особую плату. Дважды он уничтожил отряды королевских мушкетёров, посланные для эскорта знатных особ. Когда его пытались поймать или уничтожить, он ускользал в своё тайное убежище высоко в горах, путь в которое я сейчас хорошо изучил.

В середине августа графу Роберу от его сестры из Парижа было доставлено письмо. О его содержании сказать ничего не могу. После прочтения письма граф разослал несколько человек с поручениями.

В начале сентября (четвертого дня) в убежище графа Робера прискакал один из слуг трактирщика Алена, держащего постоянный двор на окраине городка Рьё. В ту же ночь люди во главе с графом Робером ворвались на постоянный двор.

Вот что произошло.

Королевский гонец с пакетом сделал остановку на постоялом дворе, чтобы провести ночь. Это был барон д'Орвиль. Когда ворвались люди Робера, его охрана из шести человек была перебита. Сам барон, понимая бессмысленность сопротивления, не притронулся ни к шпаге, ни к пистолетам. Он стоял у камина, высоко подняв голову, высокомерно глядя на разбойников.

Некоторое время граф Робер разглядывал барона, а потом медленно сказал:

— Вот и попался мне в руки цепной пёс брата его величества короля. Вы дворянин, барон? Вы были нестерпимо грубы с моей сестрой, забыв, что она женщина. Вы даже обещали, что отдадите её своим подручным для забавы. Придётся вам, барон, держать ответ за эти слова. Оскорбив беззащитную женщину, вы потеряли честь и достойны только смерти. Обыскать его.

Барон воскликнул:

— Я — человек короля...

Граф расхохотался в ответ, плюнул на сапог барона д'Орвиля и с презрением сказал:

— Ты — пёс смердящий и смерть твоя будет собачьей.

Ночь барон провёл связанным, а на следующий день он принял смерть. Барона д'Орвиля раздели до пояса и привязали его за руки между двумя лошадьми. Наездники вели их шагом. Позади на коне ехал граф Робер, сильными мерными ударами опуская кнут на плечи и спину жертвы. Когда барон падал, его заставляли подняться, и расправа продолжалась.

В середине дня наказание было прервано. Граф Робер и его люди поели, отдохнули. Барона заставили выпить бутылку вина. Затем экзекуция продолжилась. Барон д'Орвиль умер на закате солнца.

Пакет короля не был распечатан. Граф Робер отослал его с одним из своих людей.

Год 1749 от Рождества Христова, сентябрь.

(Примечание коллекционера. Эта рукопись обнаружена в Архиве старинных документов в Париже. О Жак Бродяге сведения отсутствуют).

5. Эшафот

(из записок итальянского путешественника Луиджи Лакрони)

Прибыв в город, я остановился в лучшей гостинице, расположенной на центральной площади, решив задержаться здесь дня три. От хозяина гостиницы я узнал, что на следующий день состоится казнь какого-то местного преступника. Эшафот был уже сколочен и возвышался в центре площади.

Утром я позавтракал холодным мясом с чесночным соусом и добрым вином. Должен сказать, что на постоялых дворах и в гостиницах южной Франции кормят отменно. Затем поговорил с хозяином и узнал от него много интересного, ибо раннюю юность он провёл, путешествуя в чужих землях. Между прочим, он рассказал и о предстоящей казни. Оказывается, наказанию должен подвергнуться Чёрный Робер, разбойник, наводивший страх в окрестностях городка Рьё в течение двух-трёх лет. Любезный хозяин предложил мне за недорогую плату место на балконе, с которого хорошо виден эшафот. Нечего и говорить, что я с радостью согласился.

Казнь была назначена на полдень. На рассвете эшафот был окружён плотной цепью солдат. С утра на площадь по одному и группами стали стекаться люди, и к часу казни собралась порядочная толпа.

Когда на ратуше пробили куранты, на площадь въехала телега, сопровождаемая отрядом конной охраны. По лестнице на высокий помост сначала бодро поднялись палач могучего телосложения

в маске, два его подручных и судейский чиновник, а затем, тяжело ступая, преступник со связанными назад руками, поддерживаемый монахом.

Шум в толпе стих, всё внимание было устремлено на эшафот. Судейский чиновник развернул бумагу и зычным голосом стал её читать. Суть была проста. Граф Робер де Пуйе, пренебрегая благодеяниями всемилостивейшего короля Франции, стал разбойником, убивал и грабил путников на дорогах, умертвил королевского гонца и даже злоумышлял на священную особу его величества короля, за что и приговорён к отсечению головы.

Пока длилось чтение, я наблюдал за готовящейся казнью.

Граф Робер стоял на коленях, внимательно слушал слова монаха и целовал подносимый им крест с распятием. Затем подручные палача подвели преступника к плахе и заставили его положить на неё голову. Лицо Робера было спокойным и безмятежным: казалось, что все земные заботы оставили его.

Далее всё было просто. Палач, старательно примерившись, резким взмахом топора отсёк голову. Подняв её за волосы и показывая толпе, палач обошёл эшафот кругом. Этим всё и кончилось. Зрелище жуткое и назидательное.

В гостинице я провёл ещё ночь и отправился утром дальше.

(Примечание коллекционера. Фрагмент записок Луиджи Лакрони, помещённых в сборнике, опубликованном в 1898 году в Париже).

ЛЮБОВНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АНРИ БЕЙЛЯ

(По документальным свидетельствам. Новелла четвёртая)

1. Заглянем за занавес

(слово историка)

Дамы и господа!

Сегодня мы снова с любезного согласия Альберта Генриховича встретились в его прекрасной библиотеке. Наши собрания, похоже, становятся регулярными, и меня это радует. Сейчас я хочу познакомить вас с малоизвестными фактами одной жизни. Сначала о себе. Позвольте представиться: Юрий Михайлович Огарь, историк по профессии. В этом качестве побывал на конгрессах историков во

Франции и Италии. Естественно, немалое время я провёл в архивах и книгохранилищах — зарубежных и отечественных — в поисках материалов для своих основных тем. В своих разысканиях я собрал — попутно — коллекцию весьма любопытных сведений частного, если хотите, личного характера по истории литератур Франции и Англии.

Я хочу представить почтенному собранию четыре документа из моей коллекции, посвящённых любовным похождениям французского писателя Фредерика Стендаля, подлинное имя которого — Мари-Анри Бейль. Вы познакомитесь с тремя письмами (одно — на итальянском языке, два — на французском) и статьёй из французской энциклопедии. Эти свидетельства показывают нам неожиданные стороны жизни Анри Бейля (писателя Стендаля), оказавшие решающее влияние на его творчество и очень скупо отражённые в монографических исследованиях о нём.

Для удобства знакомства я сделал перевод предъявляемых документов на русский язык и снабдил их необходимыми комментариями.

2. Разрыв

(письмо Аниты, горничной)

Милая Эвелина!

Твоё письмо я получила неделю назад, но всякие мелочи заставляли меня откладывать ответ. А сейчас на моих глазах случилась презабавнейшая история.

Моя хозяйка сеньора Анджела Пьетрагруа ведёт бурную светскую жизнь, принимая у себя мужчин. Друзей дома — так она их называет. Сама понимаешь, они наносят визиты только в тех случаях, когда сеньор Пьетрагруа отсутствует. Среди этих друзей дома есть один француз — Бейль, Анри Бейль. На вид он просто преужасный, какой-то весь квадратный, смахивает на мясника, но, как все истинные французы, в высшей степени учтив и обходителен. Просто душка! Сеньору Анджелу он просто обожал и готов был носить её на руках, а она напропалую кокетничала с ним. Уверив мусьё Бейля в бешеной ревности мужа, она вынуждала его появляться в Милане в строжайшей тайне: днём он скрывался в недалёкой харчевне и ждал ночи. Господин Анри мне недурно платил за то, что я приводила его в спальню хозяйки.

Мусьё Бейль мне очень нравился: он обходился со мной, будто я была, по крайней мере, графиней. И в одну из нежных минут я не выдержала и призналась, что у его дамы, сеньоры Анджелы Пье-

трагруа, столько же любовников, сколько дней он отсутствует. Господин Анри не поверил — слишком уж страстно он любил мою хозяйку. Но, подумав, решил всё же проверить. Я спрятала его в чулане, а потом, когда пришёл очередной друг дома, проводила его к спальне и ушла. Последнее, что я заметила, как господин Анри приложился к замочной скважине. Больше я его не видела: он ушёл очень незаметно.

На следующий день мусьё Бейль пришёл в полдень и велел доложить о себе сеньоре Анджеле. Что там произошло дальше, сказать затруднительно. Из гостиной они прошли на веранду, и я слышала только неразборчивый гомон голосов: плаксивые причитания моей хозяйки оттенялись ровной и почему-то насмешливой (или мне показалось?) интонацией господина Анри. Затем последовали три громких возгласа сеньоры Анджелы: «Ах, мой милый, не покидай меня!», и всё стихло.

Больше мусьё Анри Бейля я не видела. Жаль, что я потеряла деньги, которые он мне платил. Зато какое, ни с чем не сравнимое удовольствие насолить сеньоре Анджеле Пьетрагруа я испытала!

Пиши мне, милая Эвелина.

Арревидерчи. Анита.

(Примечание коллекционера. Письмо без даты и относится, вероятно, к 1814 году. Анджела Пьетрагруа (родилась в 1777 году), дочь миланского торговца Борроне, вышедшая замуж за чиновника Пьетрагруа. Первое знакомство Бейля с ней относится к 1802 году, возобновилось в 1811-м, а разрыв произошёл в 1814 году).

3. Нежданная смерть

(письмо Луи Крозе к барону Адольфу де Маресту)

15 апреля 1842 года

Дорогой барон.

На днях получил письмо от нашего общего знакомого — Робера Коломба — с печальным известием: умер Анри Бейль. Вечером 22 марта он шёл к Вирджини Ансло (помните её?), чтобы обсудить с ней условия его баллотировки в Академию, и на тротуаре Новой улицы Капуцинок упал без сознания. Апоплексический удар. Говорят, это был уже третий. Он так и не пришёл в себя и умер на следующий день в два часа пополудни в Нантском отеле в комнате, которую снимал. На Монмартрское кладбище 24-го его проводили сам Робер, Проспер Мериме и Тургенев (какой-то русский). Вот так кончилась жизнь.

Анри Бейля я знал с ранних лет. Вместе мы учились в школе в Гренобле, и с тех пор нас связывали приятельские отношения. Однажды он мне существенно помог. Когда мне было 21—22 года, я безумно влюбился в прелестнейшую девицу по имени Бланш. Она с наслаждением произносила самые чувствительные стихи Расина, Корнеля, отменно музицировала и была необыкновенно кокетлива и взбалмошна. Когда Бланш не поверила — лучше сказать, поверить не захотела — в мою любовь, у меня возникла благородная, по словам Бейля, мысль лишить себя жизни. Теперь-то мне это кажется глупостью, но тогда...

Бейль написал мне несколько писем, они развлекли и отвлекли меня от «благородной» дури, и я уехал в Париж, чтобы найти себе дорогу в жизни. Поразительно, но сам Анри был постоянно окружён вниманием женщин. И это при том, что красотой он не блистал. Ещё в школе его прозвали «бродячей башней» из-за коротких ног, а в армии его, говорят, звали «китайцем», да и сам он был к себе безжалостен, обзывая себя «итальянским мясником». В чём тут дело? Догадаться, в общем-то, нетрудно. У него были обворожительные манеры, а голосом он умел просто заворовать красоток. Самый потрясающий из его романов — это связь с сеньорой Анджелой Пьетрагруа. Меня позабавило, что Анри делил её привязанность с восемью (девятью?) другими любовниками. И чего стоят после этого утверждения, что француженки легкомысленно ветрены, а итальянки отличаются верностью в любви! Самое поразительное в этой истории, это то, что сеньора Пьетрагруа после объявления Бейлем разрыва с ней на коленях умоляла о прощении. Картинка!

Мне Анри не раз расписывал свои любовные похождения — иногда пространно, иногда скупо. В этом нет ничего удивительного — ведь он был холостяком.

Однажды Бейль мне написал, что если в его сорок пять лет он встретит вдовушку тридцати лет с доходом вдвое больше, чем у него, согласную принять от него славу, он сполна насладится семейным счастьем. К сожалению, известность и успех обошли его стороной, поэтому и не нашлось для него спутницы.

Думая об Анри, невольно задаёшься вопросом: много ли нам осталось? Печально.

Не забывайте меня, барон.

Крозе.

(Примечание коллекционера. Луи Крозе (1784—1858), барон Адольф де Марест (1784—1867) и Робер Коломб (1784—1858) — близкие друзья Бейля. Вирджини Ансло (1792—1875) — хозяйка литературного салона, писательница. Во французскую Академию Бейль имел с 1841 года

намерение баллотироваться, чтобы, получая хорошее содержание, целиком отдаться литературному труду. А. И. Тургенев (1785—1846) — русский государственный и общественный деятель).

4. Взгляд назад

(письмо Проспера Мериме к барону Адольфу де Маресту)

28 сентября 1850 года

Милостивый государь.

Сегодня дождливый вечер, и я хочу написать Вам несколько слов.

Недавно госпожа Перье-Лагранж обратилась ко мне с просьбой разобрать архив её старшего брата Мари-Анри Бейля, умершего восемь лет назад. Я согласился потому, что мы с Бейлем, познакомившись в 1822 году, сохраняли очень тёплые отношения до его ухода, слишком раннего.

Сейчас, оглядываясь назад, могу сказать, что Бейль был лучшим моим другом, и мне приятно вспомнить о нём. Оригинальность являлась стержнем его характера, и он, гордясь своим свободомыслием, был подлинным аристократом. Не разделяя никаких религиозных убеждений, он говаривал: «Оправдать бога может только то, что он не существует».

Всю жизнь Бейля прямо-таки пронизывала любовь: он постоянно или был влюблён, или искал любви. Он даже написал очень интересную книгу-трактат «О любви», посвящённую этим сердечным страстям.

Сколько у него было романов? И сколько женщин? Пять? Десять? Во всяком случае, я знаю о двух.

Одна — графиня Клементина Кюриаль, бросившая его после двухлетнего знакомства.

Другая — миланская красавица госпожа Пьетрагура, беззащитно обманывавшая его с другими любовниками, число которых подходило к десятку. Горничная пожалела Бейля и рассказала ему об этом. Сначала он не поверил, но его спрятали в чулане, и через некоторое время он, глядя через замочную скважину, убедился в правильности слов горничной. Боясь спугнуть любовников, он с трудом удержался от хохота, так его позабавил комизм ситуации. Утверждение, конечно, сомнительное. Неверной возлюбленной Бейль отомстил тем, что высмеял её, хотя она умоляла его о прощении и на коленях следовала за ним по веранде. История весьма забавная, когда это происходит не с тобой.

Думаю, именно постоянное любовное горение позволило Бейлю

создать свои великолепные книги — сейчас, к сожалению, только, как он утверждал, для сорока человек. Очень надеюсь, что в следующем веке сочинения Фредерика Стендаля оценят по достоинству. Жаль только, что мы об этом уже не узнаем.

Примите, милостивый государь, уверения в моём глубоком уважении.

Пр. М.

(Примечание коллекционера. Проспер Мериме — знаменитый французский писатель, близкий знакомый Анри Бейля. Госпожа Перье-Лагранж — Полина-Элеонора Бейль, младшая сестра Анри Бейля, вышедшая замуж за Франсуа Перье-Лагранжа, коммерсанта).

5. Бейль (Стендаль) и его возлюбленные

(статья из энциклопедии)

Мари-Анри Бейль (1783—1842 г.г.) известен как французский писатель под псевдонимом (с 1817 года) Фредерик Стендаль (Stendhal). Всё его творчество в той или иной степени посвящено любви. И свою личную жизнь с ранних лет писатель выстроил вокруг поисков счастья в любви. С детства до последних дней он либо искал любви, либо наслаждался ею.

Из его писем, дневников и романа-автобиографии нам известны все его увлечения.

Первую сильнейшую влюблённость, вполне платоническую, Бейль испытал в 1798 году в Вирджини Кюбли, когда ему было пятнадцать лет. Второй его привязанностью стала в 1802—1804 годах Викторина Мунье, сестра его приятеля.

Мелани Гильбер — следующая страсть — была юной актрисой (сценическое имя Луазон) с маленькой дочкой на руках. Без перспектив на будущее, всегда печальная, равнодушная к философии, она так и не призналась Бейлю, что любит его. В начале 1806 года он покинул наскучившую ему женщину, чтобы сделать карьеру в армии Наполеона.

В 1810 году судьба его снова забросила в Милан, где он возобновил мимолётное, десятилетней давности знакомство с Анджелой Пьетрагруа и быстро добился взаимности в любви. В 1814 году Бейль неожиданно обнаружил, что любвеобильная женщина делит его внимание с обожанием десятка других, что привело к их разрыву.

В Брауншвейге в 1807—1808 годах он встречался с Вильгельминой фон Грестгейм, ставшей для него «душой севера», но ответившей резким отказом на все его ухаживания.

Затем Бейль закрутил роман с мадам Ребюфе, но при этом поглядывал на её двенадцатилетнюю дочь Адель, хотя на большее, чем погладить её, он не решился.

В течение трёх лет (1811—1814) Бейль содержал актрису Анджелину Берейтор. Спустя годы он с горечью напишет, что любовное наслаждение отняло у него большую часть воображения и внушило «отвращение к зрелищу обнажённых бёдер, груди и прочего». Александрина Дарю, богатая и независимая, осталась равнодушной к ухаживаниям Бейля (однажды — в 1821 году — он гладил её перчатки так, как будто это были её руки).

С Матильдой Дембовской Бейль познакомился в 1819 году в Милане где-то на площади Кур и вполне мог стать одним из её друзей, но он попытался — робко и почтительно — объяснить в любви. Женщина разгневалась и разрешила ему посещения её дома лишь изредка. Бейль стал писать ей письма со страстными признаниями, но письма возвращались нераспечатанными. Тогда он решил, чтобы смягчить сердце недотроги, рассказать о своих чувствах в романе. Он написал лишь десять страниц, опубликованных через много лет под названием «Роман о Матильде». Узнав об её ранней (в 1825 году) смерти, Бейль написал: «Любила ли она меня?»

В 1824 году он утешился с графиней Клементиной Кюриаль, но через два года ей наскучил.

В 1830 году Бейль встретил девятнадцатилетнюю Джулию де Риньери, аристократку и девственницу. Она недвусмысленно его поцеловала и сказала: «Я полностью отдаю себе отчёт в том, что вы — старый и некрасивый». Он сблизился с ней, а затем предложил ей стать его женой. Она отказалась: кому нужен чиновник с нищенским жалованьем, да ещё и старый?

Последний бурный роман у Бейля произошёл с Альбертой де Рюампре, остроумной, взбалмошной и замужней, длившийся полгода. После его смерти Альберта не раз пыталась на спиритических сеансах вызвать его дух.

В автобиографическом романе «Жизнь Анри Бюлара» (1835) Бейль оценил некоторых своих избранниц так: «Матильда превосходила других благородными испанскими чувствами; Джулия, мне кажется, — силой характера...; Анджела П. была великолепной шлюхой в итальянском стиле, стиле Лукреции Борджа, а г-жа Рюампре — шлюхой не великолепной, в стиле Дюбарри». И подвёл итог своим исканиям любви: «На самую сильную страсть с моей стороны могут притязать: Мелани, Александрина, Матильда и Клементина».

Известны ещё приключения Бейля в 1821 году на окраине Лондона: с тремя девицами лёгкого поведения, а также с некоей Амалией — «по неосторожности».

15 мая 1841 года он после второго уже инсульта записал: «Я врукопашную схватился с небытием». Это не помешало ему завести любовный флирт со случайно встретившейся ему какой-то французуженкой, и он на полях «Пармской обители» сделал по-английски пометку: «Возможно, последняя в моей жизни».

Все пламенные чувства, испытанные Мари-Анри Бейлем, ярко и полновесно выражены в романах и новеллах Фредерика Стендаля, ставшего основоположником литературы романтического, психологического и даже символического направлений.

(Примечание коллекционера. Данная статья опубликована во втором томе десятитомной французской энциклопедии «Любовные похождения великих», изданной в Париже в 1958—1963 годах. Текст статьи подписан инициалами F.S. и даётся без сокращений).

БРАТ БЕЗУМЦА

«И буйствует не разум в нас, а кровь.»

А. А. Фет

Знаменитый русский поэт Афанасий Афанасьевич Фет в стихах время от времени именовал себя безумцем. В письме Я. П. Полонскому за четыре года до смерти он писал: «Кто развернёт мои стихи, увидит человека с помутившимися глазами, с безумными словами и пеной на устах, бегущего по камням и терновникам в изорванном одеянии».

Конечно, это всего лишь поэтическое преувеличение, но для этого всё же имелись, к сожалению, некоторые основания.

Его мать Елизавета Петровна была носителем наследственной болезни, от которой страдали многие её потомки. Подлинный диагноз недуга неизвестен, поэтому литературоведы именуют его

по-разному: сумасшествием, безумием. Думаю, предпочтительнее употребить более нейтральный термин: умственное расстройство.

А. А. Фет обладал практичным складом ума, не верил в людей, добро и справедливость, выделялся своим атеизмом, умел делать жизненный выбор и добиваться поставленных целей и, глубоко укоренённый в прозу существования, писал трепетно-нежнейшие стихи, рождавшиеся на переломе душевных переживаний. Именно успешность реализации этих двух сторон своей жизни позволила ему прожить достаточно долгую жизнь без душевных потрясений.

Ясность жизненных целей и занятость конкретным делом лучше всего формируют жизнь и хранят человека от любых вредных воздействий и болезней. Это хорошо понимаешь, знакомясь с жизнью Петра Афанасьевича Шеншина, родного (младшего) брата А. А. Фета.

Петруша, как называл его А. А. Фет, родился в 1834 году и обладал горячим и не всегда последовательным характером. В юности он поступил учиться в Харьковский университет на филологический курс. Это был всего лишь порыв, помноженный на естественное подражание старшему брату, ставшему уже известным стихотворцем. Естественно, он быстро угас, и университет остался незаконченным.

А. А. Фет в своих воспоминаниях с грустью констатирует: «В минуты подобных увлечений никакие убеждения не помогали, и это выражалось обычно поговоркой брата «э, да что!», причём взмах правой руки ясно показывал, что это *ultima ratio* (последний довод — А.Х.)». После смерти в 1854 году отца Афанасия Неофитовича Шеншина Пётр получил во владение имение Гайворонку с хорошим конным заводом в Воронежской губернии.

Абсолютно равнодушный к духовно-эстетической стороне жизни, он успешно хозяйствовал: до тонкости разбирался в сельскохозяйственном обиходе вообще и в животноводстве в особенности, став знатоком не только в практике, но и в теории разведения кровных верховых и рысистых лошадей. Его советы, касавшиеся сельского хозяйства, высоко ценил Лев Толстой.

В конце 1860-х годов Пётр безрассудно влюбился (ему было тогда за тридцать) в девушку, жившую по соседству. Он ездил к ней в дом и считал себя её женихом, да и отец девушки вроде не был против. Неожиданно девица вышла замуж за другого. Сначала отчаянию Петра не было границ, но скоро его страсть перекинулась на младшую сестру в том же семействе. И снова Пётр до того увлёкся, что отдал её отцу (который снова вроде не был против) векселей на имя своей ненаглядной на сумму 200 тысяч рублей — стоимость его имения. И история снова повторилась: младшая сестра вышла

замуж, но за другого. Пришлось вмешаться А. А. Фету, чтобы истребовать векселя.

Жизнь человека — это инстинктивное или осознанное стремление реализовать им свои социально-личностные функции, то есть желание стать значимым (прежде всего в собственных глазах) членом общества, что означает в нашем случае быть в первую очередь мужем и отцом семейства. Если этого не происходит, судьба подчас начинает выписывать зигзаги.

Так произошло и с Петром: он потерял вкус к хозяйственной жизни и передал Гайворонку А. А. Фету.

В середине 1870-х годов Пётр неожиданно заинтересовался движением против турок в Черногории и воспылил к ним сочувствием. Выпросив у Афанасия тысячу рублей, он отправился в начале марта 1875 года туда, чтобы принять участие в этой борьбе, о чём сообщил письмом уже с пути.

Пётр сумел добраться до Черногории (через границу его провели контрабандисты) и даже, укрывшись с каким-то итальянцем за камнями, следил за перестрелкой между черногорцами и турками. Не имея никакого оружия, он оказался ненужным и пытался вернуться через Польшу, но в Варшаве был задержан до выяснения личности.

Лев Толстой, хорошо знавший семью А. А. Фета, очень хорошо относился к его брату. Поэт писал в своих воспоминаниях: «Сам граф (Л. Н. Толстой) не только любил Петра Афанасьевича, но неоднократно выставлял его как пример высоконравственного деятеля в смысле самоотверженности». Оценка очень доброжелательная, но всё же несколько поверхностная. Ведь Пётр так и остался всего лишь сторонним наблюдателем.

Вернувшись домой, Пётр стал помогать брату по хозяйству: в начале зимы 1876 года он усердно занялся выездкой молодых лошадей. В декабре, взяв у А. А. Фета тысячу рублей, он уехал и уже из Киева прислал письмо, сообщив, что держит путь в Сербию... Пять лет от него не было никаких известий.

В июне 1881 года пришло, наконец, письмо... из Северо-Американских Соединённых Штатов (!). Пётр писал, что живёт в Огайо и работает у Нёсерьимена, хозяина садового питомника, характеризуя его как прекраснейшего и добрейшего человека; просил прислать сколько возможно денег и добавлял, что здоровье у него очень неважное.

Обрадованный А. А. Фет срочно написал ответ, отправив деньги через банкирскую контору в Лондоне. Через полтора месяца Нёсерьимен сообщил: деньги получены, сумма вдвое больше того, что ему должен господин Шеншин. Далее шли подробности. Господин Шеншин на другой день после отправки им письма неизвестно куда

скрылся. Поиски и рассылка объявлений с просьбой указать за вознаграждение его место жительства ни к чему не привели. Задавался вопрос: что делать с излишком денег?

А. А. Фет поблагодарил любезного господина Нёсерымена за хлопоты и попросил оставить деньги у себя — на случай появления брата.

С этого времени (осень 1881 года) Пётр Афанасьевич Шеншин исчез бесследно. Ему шёл тогда 48-й год. Отправился ли он в прерии Запада, куда многие уезжали, умер ли от скоротечной лихорадки никому не нужный в задней комнате придорожной таверны, установить уже невозможно.

Рисунок Светланы Ринго

Владимир Пустовитовский

Москва новогодняя — 2011

Вчера я целовал иконы,
Сегодня страстью жгу, целуя,
И дарят радость мне матроны,
Как прежде в храме аллилуйя.

А вечер длится новогодний.
Отбросив зимней вьюги иго,
Арбат горит, как в преисподней,
И я стою, как поп-расстрига.

И, поборов приличья знаки,
Мадам с обложки из журнала,
Меня, как в штыковой атаке,
К щиту рекламному прижала.

И, ощущая тяжесть бюста,
Найдя и грудь, и душу дамы,
Ей предложил в смятеннях чувства,
Как депутат стране программу;

В Большой, но можно в Оперетту,
Или на фильм Антониони.
Она, услышав новость эту,
Зажглась, как бриллиант в короне.

Мы побрели. Дворцы и банки
Сменял отстойник и пивнушки —
Москва уродливей с изнанки
Царь Колокола и Царь Пушки.

Забыв о вьюге, город ожил,
Фонарь надел из снега шапку.
Шёл быстро маленький прохожий,
Большую ёлку нес в охапке.

Мамаша грустную малышку
Везла по улице на санках,
Держа под потною подмышкой
Суровый приговор из банка.

И дух великой перестройки
С великим горбачевским духом,
Как на могиле запах стойкий,
Витал и подчинялся слухам.

Вернусь к знакомому мужчине;
С огромной ёлкой в этот вечер
Он по божественной причине
Печатью тайной был отмечен:

Миг становился понемножку
Достойным чёрного сюжета,—
Дорогу перешла нам кошка,
Я пнул ногой её за это.

И нагибаясь к даме ближе,
Ей в перепонку слуховую
Шепнул: «А, может, как в Париже,
Зальём шампанским жизнь ночную?».

А снег летел, летел, кружился,
Москву завьюжив понемножку.
Мужчина с ёлкой растворился,
А, может, превратился в кошку.

Жизнь далека от суеверья,
Но суеверье близко, с нами...
Мы в бар вошли, в фойе от двери
Шла кошка чёрная за нами.

И батюшка рукой по рясе
Водил, поглаживая брюшко.
Он, заповедь храня в запасе,
Девчонке говорил на ушко:

«Не пронести мне чашу мимо
Сию. Святое это дело,—
Сто граммов водочки родимой,
И, чтобы шкалик запотелый.

Пускай напиток окаянный
Во мне сгорит, как дровни в топке». —
И добавлял фальцетом пьяным:
«Ищу я веру в каждой стопке».

И, с именем библейским — Евы,
Девчонка слушала прилежно,
Как ей порочные напевы
Бросал поп в душу, стопок между.

Тут я опомнился. Красотка
Моя исчезла. Кот на стуле
Сидел. Стоял графинчик с водкой
И суп, он скис ещё в июле.

Я закричал: «Официанта!»,
Кулак упал в тарелку с силой.
Жаль, трагедийного таланта
Для этой сцены не хватило.

Официант с моей подругой,
Вернее, с головой блондинки
Бежит. А на Арбате вьюга
Заносит узкие тропинки.

А тут головка на подносе
Со мною говорит на идиш:
«Припудри щечки мне и носик,
Сама безрука я, как видишь».

Но вижу я — с бесстыдством Ева,
Меня окинув долгим взглядом,
Как в тронном зале королева,
Пройдя меж стульев, села рядом.

Какое радостное горе,
Какое горестное счастье,
Что всё во мне кричит и спорит,
Приняв в содеянном участие.

Придав величие моменту,
Душа, лишённая таланта,
Нашла на теле только ленту,
Украшившую Еву бантом.

Я встал. Я вышел. Ева рядом.
Снег таял на библейском теле.
Нас забросало снегопадом.
Январь ваял из грёз метели.

Своей роскошной наготою
Девчонка взгляды привлекала.
И Саша Пушкин, в парке стоя,
Присел и спрыгнул с пьедестала.

Шёл вождь, сбежав из Мавзолея,
С ним шла без головы блондинка.
В холодной полутьме аллеи
Достойна Рембрандта картинка.

Головка женская в авоське
Болталась. И Ильич головке:
«Ах, дорогая, хватит, брось-ка,
Мне даже отвечать неловко.

Я бросил бургеров, котлеты,
Чтоб Русь поставить на колени,
В награду пуля мне за это».
Ему в ответ головка: «Ленин,
Стань мальчиком в кудряшках нежным,
Тебя я в губы поцелую»...
Но тут над площадью Манежной,
Как гром, раздалось: «Аллилуйя».

Возник мужик. В ладонях ёлка,
Как крест в руках у Никодима,
И молнии, но фигли толка,—
Мир создан из огня и дыма.

14.07.2020

Памяти Виктора Гончарова —
поэта, скульптора, художника.

(Лирический очерк, написанный при его жизни и прочитанный им).

Виктор Гончаров — сама природа, воплощенная в Человеке, как в каждом из нас, но не в каждом так щедро, так хорошо, так радостно проявленная. Поэт, философ, когда бросающий вызов, а когда мудрый наблюдатель, но — никогда не равнодушный, всегда Творец, вечно извлекающий истину из камня, из фруктовых косточек, из леса; цвета — из радуги красок; сострадание и сопереживание из струн души. Пронзительно человечный: «Я крыльями в небе», — он так о себе сказал однажды, — «Ботинками в луже».

Можно, конечно, анализировать звёзды, и раскладывать свет на спектры, рассматривать под микроскопом капли морей и в телескопы пятна на Солнце, и учёным, и науке это интересно и полезно, и человечеству иногда приносит пользу, а иногда и вред, можно анализировать любое явление природы и искусства, но — это моё субъективное мнение — есть явления и художники, которых не надо анализировать, и Виктора Гончарова даже лучшим критикам и литературоведам не надо анализировать!!! Я понимаю, что с точки зрения истории литературы это совсем неправильно, и, конечно, лучшие специалисты писали о нём и ещё, наверное, напишут как о человеке своего поколения, о честном Солдате и бескомпромиссном художнике и всё это будет и было так, и даже ещё больше, и все должны об этом узнать.

Но я поддамся простой радости подойти к нему, как к чистому озеру, как к полю ржи во время грозы, а то и яркого солнца, порадоваться на него и сказать непритязательные слова благодарности за то щедрое, справедливое, что несёт в себе этот человек, в котором иногда чувствуется Великий ребёнок под звёздами вечности. Кто скажет о Поэте лучше, чем он сам?!

*«Жил когда-то я!
Припомнит что-нибудь?
Вот разве только сны.
Сикстинская капелла.
Дивный свет.
Расписан мной и потолок, и стены.
Художник я...
Старик уже, старик
Шесть лет последних
Я отдал этой росписи.
И суд господний,
Страшный суд идет».
...«Мне кажется,
Я буду снова жить»*

А мне хочется в акrostихе выразить ощущение от поэта:

*Горных троп и долин
Очарованный странник
Ненавидящий сплин,
Чародей и избранник
Ароматов лесных
Расписных небосводов,
Отраженных в земных
Водопадах и водах.
В нём тоскует поэт
И ликует природа,
К нам летит он, как свет
Той звезды с небосвода.
Он из горестных лет
Родился, как Свобода!*

В большом сердце и чувство сострадания большое. К этим детям из Индии, где был поэт. Всё очень по-своему во всём видит Виктор Гончаров, переворачивая традиционные представления о странах, явлениях.

*«Я видел Индию...
Не надо
Мне сказки говорить о ней.
Я видел там
Ткачей-детей.
Во тьме,*

*За ткацкими станками,
Ручонками, а не руками
Они, сутулясь, ткали сари.
И запах тлена,
Запах гари
Повсюду следовал за мной.
Я видел Индию
Больной».*

С такой любовью родной отец может сказать о своих детях. Вот она, живая причастность к чужому, как к своему, страданию. Обостренное чувство справедливости, горячее, живое чувство — вот что за человек Виктор Гончаров! Приобщимся же к нему!

И вдруг, непоследовательно и неожиданно, после общего вдохновенного восхищения и благодарности, захотелось — нет, не анализировать! — я не критик — а подойти поближе и спокойно, тихо и пристально заглянуть и детально полюбоваться некоторыми отдельными моментами. Так, сначала человек остановится в восторге перед могучим прекрасным деревом, охватит его целиком взглядом, вдохнёт его благодать, а потом тихонько подойдёт, разглядит веточки, потрогает каждую хвоинку или листик, каждый — на доступном ему уровне — ребёнок — на своём, девушка или старец — на своём, ну, критик (это не я!) — тоже на своём!

Вот книжечка небольшого удобного формата, благородно, сердечно и грустно оформленная самим Виктором Гончаровым. Сколько тонкой, щемящей лирики в этих русских избёнках, сколько труднодоступного изящества в этих графических миниатюрах, сколько жалобы в этих прутиках, лодочках и мостиках.

Сколько любви к родному, отческому:

*«..Лихой до ужаса,
Но сердцу милый край».*

Вот оно, нерасторжимое единство формы и содержания. Величие скромных, одновременно бедных, а продолжении — необъятных и мощных сельских наших, любимых пейзажей. Какой быт, какая скорбь, какая лирика и трагедия душ человеческих за этими неброскими миниатюрами, сколько любви, сколько тоски. И сколько упрямой радости в этом малыше-деревце! А за этим чёрным, кажется, деревом, — какое солнце встаёт или садится! На рисунке, как в чёрно-белом кадре, оно — слепящее. Скромная и мощная сила выражения.

А круг прозрачно и темно сияющий паутины!

Преувеличенно-огромный на этом дереве-кусте.

Сколько мыслей и настроений пробуждает эта книжечка — книга «Китоврас», изданная в издательстве «Советский писатель» в 1988 г. И как разнообразен, многоязык, многогранен талант Виктора Гончарова. От миниатюры до каменотеса! От крошечной зарисовки до поэмы времени, и вдруг — Лад о Голубом Попугайчике — и дети над ним улыбаются и плачут. А сколько ещё не видано и не читано мною. Да. — Мне повезло, что я — современник такого мастера, такого художника и такого поэта, которые все дружно и радостно уживаются в Одном замечательном, хорошем, необычном человеке — Викторе Гончарове.

Но не успела я, что называется, более или менее удовлетворённо «отложить перо», как подумала: «А почему же я не сообщила о такой естественной и важной для меня вещи, о том, как я просто в обиходе познакомилась с Виктором Михайловичем Гончаровым? Дело в том, что он дружил с моим отцом, поэтом Сергеем Сергеевичем Наровчатовым. Тогда я не задавалась этим вопросом, но теперь понимаю, что могло породить эту, неизвестную мне, историю их отношений. Каждая такая история — это своя история, в которой масса никому не известных, и не должных быть известными, моментов, оттенков, приливов и переливов. Скажу только, что мне понятно это притяжение. Я встречала Виктора Гончарова у отца много раз. Не помня подробности, скажу о своём, общем впечатлении: всегда я видела перед собой человека в крайней степени чем-нибудь увлечённого и заинтересованного, о чём-нибудь живо и выпукло рассказывающего, помню исходящее от него тепло доброжелательности, окрашенной юмором, вниманием к окружающим, бесконечные творческие разговоры о поездках, книгах, людях.

В книге воспоминаний о моём отце (изд-во Советский писатель, Москва, 1990 г.) опубликовано самое необычное стихотворение, когда-либо написанное о Сергее Наровчатове. Любящее, откровенное, с широким взглядом на суть и душу человека. Вот оно.

Поэт

По ровной половнице
Поэт неровно шёл
Туда, где в небе птицы,
А вдоль прибоя мол.

Хмельной хулитель Бога,
Но покровитель птиц,
Он по дороге много
Придумал небылиц.

Хотел он быть над нами
И всё же среди нас.
Любил сиять стихами
И синевою глаз.

То, как посланник рая,
Он над землёю плыл,
То был, что гнев Мамая,
Страшней, чем пал и пыл.

То он разоблачает
Любые чудеса,
То, плача, привечает
Затравленного пса.

— Моя
В дворянстве мглистом,—
Он щурился, — Звезда! —
Но комиссаром истым
Остался навсегда.

Любил помочь советом.
Где мог бы дверь открыть.
Могущим был,
При этом
Умел бессильным быть.

Статьями и стихами,
Шугою синих глаз
Он возникал над нами
И пропадал меж нас.

То всех хватал в обнимку,
Даря счастливый смех.
То шапку-невидимку
Вдруг примерял на всех.

Буслаевской походкой
Шатая ЦДЛ,
Своим конфликтом с водкой
Он многим надоел.

Не все его любили.
Однако все ему
Судили и рядили
Удачу по уму.

Стожарами у моста
Дрожит ночная сыть.
Поэтом быть не просто,
Поэтом страшно быть.

По скользкой половице
Он, мучаясь, дошёл
Туда, где в небе птицы,
А вдоль прибоя мол.

Чтоб навсегда
над нами,
Но всё же среди нас
Безумствовать стихами
И васильками глаз.

Дарья Солдатёнова

Вплавь по небесному мосту

Вплавь по небесному мосту
Через жизнь свою и судьбу,
Сквозь северные ветра,
Сквозь летних утр врата,
Вдаль, не переча молве,
Не переча тебе и себе,
Только плыть или вброд идти
Через все облака и ручьи.
В невесомом рассвете идти,
Свой крест нести...

Заговор

Пусть душа не шелохнется.
Пусть озеро — зеркало синее.
Ветра нет. — Утро летнее.
Сверху белый свет льётся.
Пусть душа вторит рассвету.—
Не шелохнётся.
Пусть камень туда возвратится,
Откуда упал...
Пусть озеро — зеркало синее.
Ветра нет. — Утро летнее.
Пусть душа сюда возвратится.
Сверху белый свет льётся.
Всё рассеет.
Душа встрепенётся.

Зона

Бегу по туннелю — полуживому существу,
Стены его из перепончатых крыльев Летучих мышей,
Колышутся, словно живые, но мёртвые.
Чёрные сигнальные флажки.

Я в зоне отчуждения — в музее смерти.
Кто ещё жив?.. Что ещё ждёт?..
И я сама — зона отчуждения,
Как коряга, чёрная внутри.

Как хочется пить, или красное
Яблоко грызть...

Искра

На грани нелюбви
и любви
Она была искренна
и незащитна.—
Эта искра возникла
От его слов
нежных,
коснувшихся
её души.

Ветер и море

Нас не будет, но будут ветер и море...
Море... Море... Я земля. Ответьте...
Ветер. Чайки кричат. Волны с грохотом бьются о берег.
Мы идем по краю волн, шипящих в гальке.
Запах моря кружит нам головы.
Стоя под старым платаном, смотрим на горизонт,
Где смыкаются море и небо и моросит серый дождь.—
Горизонта нет. — И море, и небо слились в потоках воды,
В перламутре дождя и шторма и невидимого рассвета.
Нас не будет, будет ветер и море.
Земля... земля... — Я море. Ответьте...
Ветер и море сегодня правят бал на воде.

По стёклам окон

Зима размазана по стёклам окон,
Око в монокле смотрит туда за окна.
Не теряет нить времён переменных.—
И шумит ветер по всей Вселенной.
Ветер весёлый, хороший парень,
Парадоксально не тривиален,
Хочет сказать что-то, иль улыбнуться
И снова куда-то к небу взметнуться.
Ветер! Запоминай меня во временах года,
Жизнь пролетит словно в два хода
Конём. Вернуться к себе не успеешь,
И пожнёшь только то, что посеешь.

Жёлтое время

Лето летело и ртом ловило жёлтый воздух.
Дышало глубоко, в такт с синим ветром.
Купавы отцвели и ландыши, и звёзды.
Скажи мне, лето, почему жёлтое время
В душе моей застыло навсегда?
Как ветренный рассвет, не хочет уходить,—
На занавески он ложится солнечным узором,
Тенями быстрыми листья, — так время тоже. Зачем? —
И движется в душе оно замедленно и зыбко.
Его упрямый караван всегда стремится
К рассвету жёлтому, — запутанному свету
В криволинейности недолгого покоя.

Жёлтый свет

Меньше полжизни — свет.
Больше полжизни — тьма.
Свет жёлтый и слепой
Стрелой пронзил меня.—
Успеть бы мне вдохнуть
Воздушный тот настой
В руках у сентября
Из терпких трав и смол.
Но каждый миг живёт
За гранью бытия,

И можно свою жизнь
Читать и петь с листа,
Перебирая дни, деревни, города
Сквозь призму зим и лет.
А в них — прогулки в снег
И в листопад, и в дождь,
Когда все позади —
Когда никто не ждёт...

Совсем не забывать бы позабытое

Ах! Совсем бы забыть мне позабытое,
Позабытое давно, но незабвенное.
Где-то за сердцем теплится зыбкое.
Такое далёкое, талое, весеннее.
Незабвенное моё, доброе, солнечное —
Затоптанное, заброшенное, чуть светится.
Весеннее, талым снегом с сердца спешнее.
Ах! Совсем не забывать бы позабытое...

Стебельки озёрных трав

Я — стебельки озёрных трав,
На мне стрекозы отдыхают,
И я храню весёлый нрав
Модерна — летнюю прохладу.
В витражных крыльях и глазах
Подъездной двери свет стеклянный
И лепестки из дивных стран —
Эмали в бронзовой оправе.
Я — стебельки озёрных трав
Тяжёлой двери украшение.
И в жарких солнечных лучах
Старинных улиц свет бесцельный.
Изысканною чистотой
Модерн сродни самой природе,
Как всё искусство — страстный гимн
Её божественной породе.

Пишите, если пишется...
или набросок к портрету
Елены Николаевны Ерёминой

Эссе

*«Слова, слова!» — прежде «Хлеба, хлеба!»
Кто посмел сказать, что слово — дым?
Валерий Рыбаков*

Как и о чём писать? Что — уже давно родилось, заявило о себе до осознания, до слуха — до написания? Что является внутренней сущностью человека, а что — только поводом для направления и продления мысли? Сама природа литературного образа — прама-терь всех видов искусств — конечно, строится на взаимодействии изображения и звука.

Между тем, когда пишущий человек уходит — всё мощнее и убедительнее за него говорит восходящий ряд его произведений, в которых поэтический строй дополняет всё случайное и сокрытое. Так и волнение разрыва уступает место потоку воспоминаний, так и каждая утрата сжимает сердце болью от невосполнимого долга.

28 ноября 2020 года не стало Е. Н. Ерёминой — писателя, поэта, эссеиста и вплоть до последних лет редактора нашего альманаха. Елена Николаевна и Галина Вячеславовна Рой дали путёвку в литературную жизнь многим здравствующим сейчас поэтам и писателям, когда-то совсем ещё юным авторам. Альманах «Истоки» — лучшее подтверждение этого благородного начинания, а строгие оценки и внимательные глаза — необходимая школа на этом пути! И действительно — тысячи рукописей прошли через их бережные руки! Это отпечаталось на бумаге и «вслед за жизнью в Вечность отошло», по крылатому выражению Вильяма Шекспира.

Но образ каждого человека, причастного тайнам слова, лепится не только оформленным в строчки вдохновением и всепоглощающим писанием... Поделюсь тем, что вместила в себя и нарисовала моя память.

Неожиданно для меня самой наше знакомство началось в конце 90-х, в редакции «Молодая Гвардия» на Сущёвской улице, где был скромный офис издательства РИФ «РОЙ». Ещё с первых коротких

встреч я почувствовала взаимное притяжение: меня переполняло счастье говорить стихами, её — желание слушать, задавать вопросы и комментировать (редакторский склад ума). «А вы пишете! — ляжет на лист и пригодится», — советовала Елена Николаевна. Симпатия приходит постепенно, но сразу доброжелательный настрой и непередаваемый душевный тон бесед укрепили наши приятельские отношения. Будто удивлённо покачивая головой, она медленно возвращалась из своего пространства: тихий голос переходил в шёпот, сливающийся с агрессивным фоном бушующего за окном Ленинского проспекта...

Воздушная неторопливая интонация голоса будто вбирала в себя что-то от природных звуков и шорохов Нескучного сада — малочисленных приходов середины прошлого века. Может, это и есть та неуловимая женственность, которая проявляется после пережитого разочарования, недосказанного объяснения с теми, кто долго властвовал в пылком воображении и служил поводом для литературных героев — тех, невольных призраков, более ощутимых, чем реальные современники. Наверное, наши отношения становились с годами дороже и ярче, так как усталость от несоразмерных с текущей жизнью надежд требует ровного течения и понимания с полуслова без мысленных затрат и напряжённой борьбы. Так и моя первая книга «Спасённая радость» осталась отмеченной её острым взглядом и горячим участием. Эта «книга художника» — книга-альбом — получила добрые напутствия в её очерке «Свет радости», опубликованном в юбилейном номере альманаха «Истоки» (Москва, «Истоки — плюс» 2010).

Однако, даже не отдавая должное публичной стороне писательской жизни, Елена Николаевна своим присутствием всегда подчёркивала боевой, открытый нрав Галины Вячеславовны Рой. Эта противоположность гасила взрывные эмоции, будто намекая на то, что праздники (наши вечера в ЦДЛ) неизбежно заканчиваются трудовыми буднями и вечным сомнением в себе. В таких «диспутах» мне всегда была ближе непредсказуемость и отважная истина импровизации! Но всё же привычка вдумываться — оценивать прочитанное — приучила меня к незаметной на первый взгляд работе редактора.

Эта приобщённость уравнивала в том личном подходе, который неизъяснимым образом с рождения даётся каждому и ведёт его своим путём. И нельзя не согласиться с ушедшим от нас Валентином Гафтом! Ведь бесспорно, когда «Не о чём сказать», то не спасают редакторские правки и дорогое оформление.

О чём же следует писать? Когда молитва становится стихотворением, исповедь — прозой, рассуждения — публицистикой, а дневник превращается в изящное эссе, и вдруг само собой пробивается

своё словечко в большую тему?.. Что движет писателем? — Конкретная деталь, фраза или «приближающийся звук», услышанный Александром Блоком? Все виды искусства едины в этой предтече. «Найти тональность», иначе говоря, услышать движение звука (по определению Ерёминой) — вот внутренний позыв писателя, проникающий в обычные разговоры и посиделки... Я не случайно употребила это слово! Мнение Елены Николаевны о наших общих знакомых часто оставалось недосказанным — исчерпывалось её закрытостью: интуитивным знаком «самоцена», будто контролирующим даже «дружеское покровительство». Конечно, классическое престижное образование (журфак МГУ!) обязывает быть на высоте в профессии.

Впоследствии она тоже пришла к выводу, что авторская редакция может существовать на страницах всесоюзного альманаха «Истоки».

Недавно обсуждая тонкости «литературной кухни» с Андреем Шацким — нашим знаменитым автором — я опять почувствовала острую грань этой проблемы. Да, «поэт от литературы и поэт от Бога» обречены на встречи и соревнования в литературных сообществах. Но когда возникает поэзия — познакомившийся с ней человек становится её покорным пленником на всю жизнь и вряд ли может провести черту между даром и профессией. Так — неистребимы в своём соседстве искренность и зависть, интриги коллег и радость сотворчества. А откуда это обидное для многих, будто соскользнувшее с языка, — снисходительное понятие «пишущая толпа»?.. Так иногда, отгораживаясь от людей, могла говорить наша Елена Николаевна. Или книги всё же могли заменить живые чувства?..

Здесь приходит на ум ахмадулинско-нежное ощущение дистанции и уважения, когда и «в предвкушении великом», по убеждению Беллы Ахатовны, мы остаёмся частью «сограждан усталых» и «слившись с ними, как слово и слово», говорим на своём языке. Сейчас — на подобный выпад я бы ответила уже своими строчками, потому что цельный человек не растворится в толпе! И одинокий художник не одинок, и пишущий писатель слышит читателя. Что только кажется, а что происходит на самом деле? И вечный вопрос — писать как жить или жить как писать — красной линией подчёркнут в творчестве.

Доступность лирического диалога и потребность слушать связывает собеседников, как стук дождя и трепет листвы — как строчки, посылаемые вольным чувством поэта. Такой тайной отдушиной для Елены Николаевны были книги поэта-фронтовика Константина Яковлевича Ваншенкина. И в наше время — его стихи поражают простотой формы, а привычные слова сливаются в мелодию и жи-

вут своей жизнью. По словам Ваншенкина, эта иная, вторая жизнь после войны и животворит в безбытном пристанище тех, кому уготовано присутствие божественного совершенства. «Глубоко писать трудно, мы все питаемся друг от друга», — часто повторяла Елена Николаевна. От себя добавлю:

Похитить чувство не дано!
Своё найти — опять родиться...
Но если в музыку влюбиться,
То звук вернуть на полотно.

Так — происходит у художников... А былое и настоящее — рядом. Стиснутая, зажатая в городских рамках природа Москвы отзывается дрожью стекла на старых окнах родного дома, прорывается в дребезжащем скрежете старинного механического звонка, растворяется в шелесте страниц, которые мы читаем, время от времени просматривая книгу и понимая, что писатель тогда заканчивает своё произведение, когда открывает глаза читателю на то, что он уже может почувствовать сам... Тогда и обращение писателя — голос из толпы — становится подлинной литературой и призванием.

Не могу не отметить, что присущая Елене Николаевне тяга к изобразительному искусству поддерживала её постоянный интерес к моему творчеству, но художники видят и пишут по-другому. Так для меня литературная основа и сюжетная логика всегда уступали первенство пластическим идеям и первобытной палитре чувств.

По своим духовным предпочтениям Елена Николаевна Ерёмина с благоговением относилась к русскому реалистическому искусству XIX века — к живописи пейзажистов и прежде всего передвижников. Её восприятие мирной красоты природы восходило к православным традициям и воспевало народный уклад жизни в дореволюционной России.

В такой перекличке вспоминаются вышивальщицы на картине «Урок рукоделия» Николая Богданова-Бельского, видится будто наяву «Московский дворик» Василия Поленова... Так на протяжении последних лет в журнале «Божий мир» оживали под живописным письмом Ерёминой и сельские деревенские окраины, и городские миры старых москвичей.

Картины век спустя в себе таят иное:
Иного Бытия присутствие живое...

Будто столетие спустя она видела на картинах передвижников и своих возможных предков, и все сословия народов России, живу-

щих накануне грозных испытаний XX века. В этом проявилась лирическая стойкость и последовательность характера, унаследованная от родителей, соединивших в себе дворянские корни, церковное служение и воинскую ответственность. Отсюда и своё понимание художественной правды и достоинства, эта осторожная концовка каждого разговора: «Мне надо подумать, а после сказать...» Выжидающее молчание, пауза, тишина... «Хотя порой и одного стихотворения, одной картины достаточно для раскрытия собственного взгляда» — словно между прочим, утверждала Елена Николаевна. И несомненно: время нельзя тратить впустую! И мои строчки тоже об этом!

И вздох горяч, и выдох краток,
И ярок свет, и ночь темна...
Кто жизнь напишет без помарок —
Тому и тайна не нужна.
А без неё и в праздник скучно,
И белый свет в печали сник.
Любовь сбылась — ей всё послушно:
И хлад Креста, и первый крик.

Ведь между... земная жизнь: работа в издательствах и журналах, семья, сборники и подборки поэтов, альманах «Истоки» и тот же шум Ленинского проспекта — то военный грохот 40-х, то машинный гул оттепели, то жестокий и карнавальный свист 90-х и всё же колокольный перезвон веков, летящий над Москвой и ожидающий верного Слова. И возможно мне ответит отзвук другого мира, слышится знакомый голос?.. а если есть, что сказать в ответ — сказать поэтично, с ходу, легко и звонко, то встреча состоялась, и время не могло ей помешать. Или, может, время побаивается мужества человека, выбирающего профессию, которую освещает талант и защищает счастливый случай?..

Внезапно я тоже почувствовала себя несмолкающим океаном, где волнами струились строчки и несминаемые движением воды страницы... Так — обречённо отдаваясь опасности — я поняла, что ночными часами могла слушать и читать Елена Николаевна Ерёмкина. Из небытия всплывали озвученные книги И. А. Бунина и И. А. Гончарова, А. И. Куприна и Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова... Я ощутила беспредельную даль текста — высокой прозы, требующей от автора ещё большей отдачи и смелости, чем поэзия! И обширное слово СПАСИБО эхом отозвалось в моей стремительной жизни.

Напоследок — волнение и живое тепло интонации... «Как поживают ваши душеспасительные «Истоки»? О чём вы пишете? Над чем

работаете? — Расскажите!» в этом — вся Елена Николаевна... Это и лёгкая ирония, и любопытство, и значение писательского труда. Эти вопросы остались мне на память: в них портрет её души, а я только вступала в многолетний диалог писательницы и литературоведа.

Так иногда в людях соприкасаются и крепко соединяются Божий мир и мир мирской. Так опять в неприхотливой отрешённости своего облика передо мной появляется Елена Николаевна Ерёмкина и, будто не замечая скоростного завывания Ленинского проспекта и быстроменяющегося неба современной Москвы, у огромного окна своей квартиры по-прежнему она кутается в тёплую пуховую шаль, и снова ореол седых волос дополняет пристальный взгляд неутомимого редактора, и продолжают ночные бдения, музыкальные сновидения и живые потоки воспаряющих над нами строчек незабвенной классики, ведь творческое начало в человеке отредактировать невозможно, а чувство просыпающегося утра так же чудесно, как и дарованная нам русская речь.

5 января 2021 год

Елена Ерёмина (Добросердова)

1935—2020

«СЛИТЫ КРЫЛО И СЛОВО...»

* * *

За парком, изглоданным в клочья,
где жирное вороньё
картавит и днём, и ночью
про тяжкое наше житьё,
за речкой, впавшей в немилость
природы по воле людей,
безглазое солнце садилось
меж вспаханных площадей.
Там стыли как после сечи
невиданной миром войны,
срубленные по плечи
головы-кочаны.
— Кому и зачем это надо —
растить и убить потом?..—
в сполохи вселенского ада
шепчу окровавленным ртом.
Листок гефсиманской оливы
смирненно мне лёг на грудь:
— Чадо, будь терпеливо.
Мужайся!
Се —
крестный путь.

* * *

Я о хлебе да о хлебе,
о картошке, о пшене...
А когда же мне о небе,
А когда о крыльях мне?
Заметают сны порошей.
Быт на грани бытия.
Муравей с напрасной ношей
то с горы, то в гору я.

* * *

Помнишь пляску стволов
На спеленутом ветром бугре —
Враз движенье прервав,
Вдруг застыли в уродском изгибе?
Я считала тогда,
Что покоится мир на добре,
Как на глыбе.
Древний Галич сквозил
В пересветах ночного стекла,
С огородов укропом несло
И нагретой ботвой.
Я от мрака, от скорби,
Печали и зла
Заслонила собой.
... Тот бугор и сосняк
Зеленеют с началом весны.
Всё полощет вода,
Что, безумным, сказано нами...
А на месте прекрасной
И прочной стены —
Мыши в хламе.

* * *

Здесь всё как есть —
без перемен:
черёмухи в волнах
беспечной пены.
Всё так же старых елей
строгий строй
угрюмо режет
небо головой.
И лишь ступенек скрип —
Не пение, а стон,
Когда я поднимаюсь
На балкон.

Радуница

Ольга,
Любовь,
Николай,
Екатерина,
Мария...
Листок исписала в край.
Сколько ж вас там, родные!
Фёдор,
Илларион...
Дальше кого помянем?
Много ушло имён
В небыть, как в воду камень...
Ты всё равно поминай:
Их чередá нетленна.
Ольга,
Любовь,
Николай...
И после всех —
Елена.

* * *

Свечу затеплю от лампы —
прозрачный, кроткий колосок.
Я возвратилась. Ничего не надо,
лишь раздавался б этот голосок
младенческий, поющий:
«Слава в вышних...»
и чувствовать движенье у виска
летающих крыл,
скольженье стоп неслышных...
Ты милосердна, Отчая рука!

* * *

Вознесённые ноздри
железных коней Аполлона
Задохнулись, плывя
над бензинной Москвою-рекой.
И языческий бог

на столицу глядит воспалённо
И сжимает поводья
напрягшейся жёсткой рукой.
Колесница его
продавила века колеями,
И зарницы смешал он
со сгустками яростной тьмы,
И на стогах Москвы,
за её обжитыми холмами,
Видит вечного града
седые холмы.
А над ними кружит
в лохмах серного жирного дыма
Призрак смрадный
языческого бытия.
В обновлённое небо
воскресшего падшего Рима
Кремль московский вонзает
рубиновые острия.

* * *

Эта ласточка с визгом
Из державинских строк,
Верх смешавшая с низом,
Распласталась у ног.
Это она, в движенье
Разом стрела и лук,
Миг — и взметнулась тенью,
Опережая звук.
Бодро в её полёте
Слиты крыло и слово.
Нет отягченья плоти,
Нет притяженья земного.
Чиркнет вёрткою искрой
Хворост мёртвых веков,
И всё былое — близко —
На расстоянье стихов.

*На переправе через реку возле стен
Оптиной пустыни обычно богомольцы
звали перевозчика: «Жив?» —
И тот отвечал с другого берега: «Здрав!»
По преданию, от этих окликов речка получила своё имя — Жиздра.*

Воздеянием рук
поднимается видимый град,
Опоясаны храмы его
белостенным кольцом.
И летящие вестники
с башен трубят
Перед Божьим лицом.
Купола — золотые стога
на небесном лугу.
Словно струги, плывут облака
между двух берегов.
«Жив?» — звучит на одном берегу,
Раздаётся с другого:
«Здоров!»
Речка Жиздра впитала те звуки
в свою глубину.
Перевозчик-монах
рассекает веслом облака.
«Жив?» — Ответное: «Здрав!»
Тишину
Колыбелит река.
Обращён и ко мне
этот древний короткий призыв.
На последней,
Труднейшей из переправ,
Дай, Господь, мне
На оклик суровый: «Жив?»
Отвечать со смирением:
«Здрав!..»

Новый век. Сентябрь

Тихи Ясные Поляны,
Тихи Бежины луга,
Из-за леса леший пьяный
Кажет острые рога.
Точит серп о камень стылый,
Посыпает солью звезд,
Роет свежие могилы
Там, где пращуров погост.
Ветра жесткие порывы
Понесут могильный смрад...
И туман плакучим ивам
Надевает вдовый плат.

* * *

*Избави мя от кровей, Боже.
Псалом 50*

Поверх разлуки,
Поверх любви
Я вижу руки
Свои в крови.

— На белом свете
Все люди — ложь,
И пятна эти
Не ототрёшь.

Все виноваты —
Ты в их числе,—
За все утраты
На сей земле... —

Мне Ворон каркнет
Из-за угла.
В продрогшем парке
Седая мгла.

Осипли дали,
Оглох простор,
Мои печали
В муку растёр.

Насыпал в длань мне
До той поры —
В день покаянья
Для просфоры.

* * *

Я казённой подушкой щеку подопру.
Ночь длинна на больничной кровати.
Привередливый сон. Он приходит к утру
Так некстати.

У соседей к обеду переполох:
Стынет кто-то, затянутый простынёй.
В чём застал его Бог,
В том и взял его Бог

В мир иной.
Вкус больничного супа и тощих котлет —
Жизнь опять свою правую силу берёт.
Лишь смиренность и вера.

А третьего нет.
Остальное — не в счёт.

Первый снег

Летят по вертикали,
И падают отвес,
И скрадывают дали,
Равняя дол и лес.

Снуют снежинки стаяй,
Играя и резвясь.
Лукавые! — растают,
К утру оставив грязь.

Но, плотно занавесив
Мертвящий зев окна,
Я открещусь от бесей
И от дурного сна.

* * *

Саше Тихомирову

Мой крёстный брат,
Мы из одной купели.
Тебя уж нет,
А я живу доселе.
Священник старый,
Батюшка Кирилл,
Впервые нас
На жизнь благословил.
Икон мерцанье,
Пламя в серебре,
И шёпот твой:
«А я был в алтаре...»
И свет прибыло,
И деревянный храм
Всей благодатью
Оборотился к нам.
Стук поезда,
Заснеженный вокзал,
Над рельсами
Кружение метели...
Мой крёстный брат,
Мы из одной купели.
Ты лучше б сам
Об этом рассказал...

* * *

Гложет плесень дощатые кровли,
В чёрных кронах кричит вороньё,
Отчего же такую любовью
Расширяется сердце моё?

На дороге птенец сиротливый,
Подыму и согрею в руке.
И листок гефсиманской оливы
Прижимается к мокрой щеке.

* * *

Твой есть день, и Твоя есть ночь.

Псалом 73, 16

Хорошо мне стало в тишине:
Видно, кто-то помолился обо мне
И, приветной тишине под стать,
Мирен вечер буду коротать.
И пойдёт
моя душа сама
Вечными дорогами
псалма.
А куда?
Она пойдёт Домой.
«Господи, Господь мой...»
Уж снопами полнится жнивье...
«Яко чудно имя Твое...»
Зёрнышко я вижу в колоске.
Знаю —
чьё оно
и в Чьей руке.

* * *

Как написалось?
Да так написалось:
Слово зарницей
по небу промчалось
И отдаленным грохотом гроз
Тихо отозвалось.

Аркадий Славоросов

1957—2005

Жестокий романс

Шаги её в подземной трубе перехода отдавались гулко и чётко, как перестук мячей на полупустом корте или звук метронома. Эхо рождает тревогу, лёгкую и необъяснимую. Будто её преследовали,

Она поднялась по лестнице и сразу же почувствовала на лице властное дыхание утра и дождя. Она вошла в стеклянную бисерную морось, повисшую над городом. Влажное участливое прикосновение тумана было похоже на ласку. Вкрадчивый, он дробил жёлтые лаковые огни утренних машин и делал лица людей случайными и подозрительными. На другой стороне площади стоит институт. Приземистый учебный корпус и вросшая в это льнущее сегодня к земле небо башня общежития – динозавр салатного цвета. Такой же громоздкий и мнимо-бессмертный.

Она перешла улицу, не обращая внимания на недовольное мычание автобусов, и зашагала своей напряжённой, как под прицелом, походкой через сквер к входу. Скверик, по-английски ухоженный, стриженный «под бокс», чернел тут и там жалкими раскоряченными городскими яблоньками. Раскоряченными, как роженицы. «О, Господи! – подумала она. – Как всё нелепо после этого.»

Боковым зрением она вовремя успела заметить два цветных пятнышка – красное, белое – двух девочек, двух попугайчиков – белый

плащик, красный плащик – и сбавила шаг. Никакие девочки Аля и Нина шли в институт. Она пропустила их вперёд, стараясь, чтобы её не заметили. И, незамеченная, неприязненно посмотрела им вслед, хотя они ничего не значили. Но это ад, это мука нескончаемая, как гвоздём по стеклу – любое прикосновение, взгляд, слово – это невозможно сейчас.

Институт встретил её по-музейному редкими голосами и шелестом одиноких шагов. Она осмотрелась настороженно, точно вступая в чужой незнакомый лес, но не увидела никого, кто мог бы помешать её боли. Она остановилась у окна, тревожно выпрямившись, чувствуя, что сейчас опять начнётся. И началось – это лицо, лицо, лицо. Лицо, выражающее только отсутствие всякого выражения, так смотрят в открытое море с палубы прогулочного катера. Что он ответил, когда она сказала ему? Какие слова произнёс, отведя взгляд, стёртые, серые, как газетный шрифт, не значащие ничего? Ей достаточно было лица. Лицо сказало, что он её бросает. Но как это возможно – бросить человека? Куда? Откуда? В какую безвидную пропасть бросает он её, как камешек с берега?

Как она ненавидела его сейчас! Какой выжженной, спекшейся от крови и жажды ненавистью. Так матери ненавидят убийц своих детей. Институт постепенно, как тонущий корабль, наполнялся плеском голосов и шагов. «Всё, как всегда, – подумала она. – Всё возвращается на круги своя.» Вчера, никогда, сегодня – она больше не понимала этих слов. Время остановилась в определённый момент, как часы на руке убитого из польского детектива. Будто громадный лепной фасад мира рушился и рушился на неё всеми своими вычурностями без конца. Последний день Помпеи. Всё, как всегда. Всё возвратилось на круги своя. Какой пронзительно-белый летний свет наполнял комнаты, когда она достала из шкафа увесистый альбом с семейными фотографиями и вытащила, чуть смяв, одну – молодой, неприметной внешности человек с выложенным воротничком. И уже раскрыв тугую английскую булавку, уже неловко взяв её немелкими детскими пальцами, она услышала над собой голос ужаснувшейся матери: «Ты что ж это делаешь?»

«А у Марины нет папы, – любила вставлять где попало подружка Верочка. – А у меня есть».

Откуда-то подошла Светка. Начала своё про конспекты, про Стаса, про Стеблова, но те глаза, глаза, глаза, светлые-светлые, цвета неба в июльский полдень. Ничего, казалось, не выразившие, они растворили в себе всё: и лес, и небо, и её саму. И в конце – безмятежный взгляд вскользь, и лицо, будто смотрит в открытое море с палубы прогулочного катера. Где-то на краю сознания бубнила Светка, но нет, это моё, решила она. Это её тяжесть под сердцем,

и она не преломит свой горький хлеб ни с кем. Она кивала изредка, стараясь попасть в такт не слыша, и только внутренне настораживаясь по-звериному чутко: не промелькнёт ли его имя, не вспомнит ли Светка о нём. Пока, наконец не дошло до неё: «Да ты что, совсем не слушаешь, что ли?»

«Да, не слушаю, – сказала она. – Совсем».

Ядовитая смесь недоумения и подозрительности: «Что это с тобой сегодня?»

«Оставь, – сказала она. – Дайте покоя».

Кукольно-обиженное лицо. Покоя здесь нет. Голоса, звуки, лица, как гогочущие мародёры, врываются в мозг, насилуют, убивают. Промелькнул жизнерадостный Валька Евтухов. Когда-то давно, вечность назад, нет две, три вечности назад, на первом курсе она была влюблена в него тайно. И с тех пор ей радостно было его видеть. Будто заглядываешь во дворик, где провёл детство. Но сейчас новая боль, как осколок стекла, застрявший в сердце, и другое лицо, неприметное лицо обрусевшего прибалта с ангельски-вьющимися волосами всплывает откуда-то. Он закружил её, опутал туманом лёгких и неясных слов, забывчивый и ласковый, завлёл, заманил и бросил, как ребёнка в лесу. И тогда, бывало, он обрывал речь на полуслове, точно её не было рядом, точно её вообще не было, и лицо его стремительно теряло всякое выражение; так смотрят в открытое море с палубы прогулочного теплохода. По какому морю ты плывёшь, на каком корабле, куда? И снова ненависть, слепящая, как магний, стиснула её мозг. Теперь-то у него не нашлось прежних слов, две-три фразы в сторону, холодные и неживые, как мёртвые младенцы. «О, нет, только не думать об этом, нет, нет».

Но здесь – лекции. Первая пара – политэк – такая открылась ей истина. А это значит: полупустая аудитория, и профессор Стеблов, как всегда какой-то пыльный и вредный, и долгий паучий голос, говорящий слова, и необходимость делать вид, что что-то записываешь. Но ведь были Юрмала и Гауя. И тайная жизнь песка в дюнах, и пригоршня звёзд в чёрном небе, брошенная щедрой рукой сеятеля, и капающая красная звёздочка самолёта в зените. Не было. Всё это казалось ей теперь слащавым и пошлым, как немецкие переводные картинки. Или хотелось, чтобы казалось. А тут ещё мать со своими птичьими хлопотами и советами. Уж она-то куда, она, не сумевшая даже возненавидеть, рабски преданная своей памяти, она лишена права голоса. Использованная и брошенная, как вещь. Щёки опалило стыдом. Ведь она такая же: использованная и брошенная, как вещь. «Господи! – подумала. – За что мне такой позор?»

«А кто твой папа?» – спрашивала учительница в школе.

«Нет. Вот этого не будет. Уж лучше Юрик».

Стеблов рассказывал о прибавочной стоимости. Как же это – где-то работают заводы, растут новостройки, добывают нефть и уголь, бурлит жизнь, а она одна здесь, совсем одна со своей скорбью, как меченый атом.

«Интересно, о чём это думает Брусанова на моих лекциях?» – спрашивает Стеблов.

«Два часа политека в жизни брошенной девушки», – думает Брусанова.

На следующие две пары она не пошла.

На улице стало суше и прозрачней. День был цвета воробья. Дойдя до метро, она остановилась: куда ехать? Не все ли равно, и всё-таки – куда? Домой? Мать на работе, тишина и покой, как ласковые ручные звери, казалось уже ждут её там. Но где он, твой дом? Что ей делать среди немых вещей в комнате, так и не ставшей домом, в комнате, которая благодаря человеку с выложенным воротничком так и осталась вечно-временным жилищем двух одиноких женщин. Куда же тогда? В Центр, в движение, в толпу, потеряться, раствориться, не быть. Хоть на время, дать отдых раненому сознанию. Идти! – первая заповедь человека, погибающего в снегах.

Новенький вагон метро был будто выметен начисто злым неоновым светом. Она сидела, держа руки на коленях, и чувствовала себя, как в очереди к врачу. А за стёклами, в черноте, грохотало, свистело, улюлюкало ей вслед.

Метро выплеснуло её в какой-то серый и мутный, как мыльная вода, полдень. Движение подхватило и понесло её – причудливый городской танец заставлял выделять свои сложные па. Стремнина улицы владела ею: перекаты пешеходных переходов и водовороты уличных происшествий. Она оживала, забываясь. Неожиданные развалы площадей, каменные излучины переулков, отчаяние тупиков – неевклидова геометрия Москвы несла её. Камень и лицо. Контур мира – она нащупывала его, шла, точно следуя нити в лабиринте. Она то впадала, как в беспамятство, в кантемировский восемнадцатый век, то её выносило на бетонные плиты двадцатого. Завиток чугунной решётки напоминал знакомый с детства альбомный росчерк, а женское лицо, слепо взглянувшее с фронтона, приносило успокоение. Парад колонн – дорических, коринфских, ионических – плеск эгейских волн и обломки прекрасных статуй в высокой дурманной траве под выцветшим небом июльского полдня. Времени не было. Сколько она прошла – час? год? век? Скучные московские реки текли в своих каменных горлах, отражая текучее же серое небо. Она жила. Она познала бессмертную усталость кариадид и окаменевшую ярость льва на фасаде. Иногда

ей начинало казаться, что она ищет кого-то. У прохожих были одинаковые лица. Это было похоже на игру, бесконечный будничныи карнавал – все надели скучные маски и идут, идут, идут куда-то. «Я схожу с ума», – думала она. Как сходят с поезда на случайной станции в степи. «Так не может длиться дальше», – думала она, но длилось и длилось.

Наконец, она попала в какой-то странный переулок, пустой и застывший, как перед ядерной атакой. За углом воровато притаилась церковка с потухшими окнами. Напротив стояла телефонная будка – дверь приглашающе распахнута. «Не могу», – подумала она. Её пальцы помнили номер, номер его голоса. Но она с трудом удерживала их дрожь, когда набирала его в телефонной будке с исписанной признаниями, проклятиями и цифрами стенкой, в этот прячущийся ускользающий час.

Гудки падали медленно, капали китайской пыткой – никто не брал трубку. Но она знала, что он дома, он всегда дома в это время, знала, что он сидит там у себя и неприязненно косится на трезвонящий без конца телефон. Всё. Она вышла из будки и пошла прямо, ослепшая и пустая.

В Центре дождя не было. Переулок, которым она идёт, похож на русло пересохшей реки. Никого нет. Глаза пусты, и острый воздух ранит лёгкие. Внутри словно перегорело что-то – механизм отстучал ещё несколько теряющихся тактов и замер. Путаница чёрных обуглившихся проводов. «Я хрупкая машина, – думает она, чувствуя, как непроизвольно искажается её лицо. Словно боль сдирает с него, как кожуру, прежнее выражение, и под ним обнаруживается привычная гримаса страдания. – Я хрупкая машина, со мной нельзя так. Со мной надо обращаться аккуратно, я такая немая и хрупкая машина». Из чёрной витрины ателье взглянула растрёпанная античная маска с перекошенным ртом, кровавым от югославской помады. «Надо привести себя в порядок», – думает она, машинально прикасаясь к волосам, поправляя их условным движением. Она видит свои руки и вдруг испытывает к ним необъяснимую неприязнь.

Какие-то дети высыпали из подъезда, она испугалась, и, не оглядываясь, пошла дальше, чувствуя, что её чуть не разоблачили, чуть не застигли на месте преступления, как шпионку. Она же ещё и виновата.

Город – словно окаменевший взрыв. В центре взрыва жить невозможно. Геометрия сделалась агрессивной; война диспропорций, заросли кубизма – босой израненный взгляд не находит спасения. В белое небо впитывается, как капля чернил в промокашку, чёрная, бесконечно одинокая птица. От этого одиночества кружится голова, и лёгкая тошнота возникает под ложечкой. Тошнота, точно ка-

кой-то сигнал изнутри, невнятная подсказка. Она опять остановилась и сделала глубокий вдох.

Вдруг ей очень захотелось пить – чего-нибудь горячего, обжигающего онемевшую гортань, большими глотками. Словно вся жизнь свелась к нескольким мучительно-сладким глоткам кипящей жидкости.

Она торопливо свернула за угол, и большая улица с рёвом набросилась на неё из засады. Скрежещущий горизонтальный ливень. Она почти побежала на подламывающихся предательски каблуках к убежищу, к маленькому кафе-травести, безразличному и радушному, как сводня. В кафетерии полутемно, и у посетителей немного растерянные лица – лица близоруких людей без очков. Она чувствует себя рыбой в чужом аквариуме, диковинной редкой рыбой. Слишком много глаз. Они следят и испытывают, пристальные и холодные, точно хирургически инструменты. Но только они и удерживают её сейчас на поверхности, не дают провалиться, как в ночную полынью – в саму себя.

«Два чаю, без сахара», – говорит она, и ей вдруг становится стыдно просить такую малость – точно испрашивает подаяние. В движениях продавщицы есть что-то царственное. У неё лицо сомнамбулы. Хочется купить ещё что-нибудь, подороже, пирожное или марципан, чтобы реабилитировать себя в глазах недоверчивых обитателей аквариума, Мысль о пирожном вызывает новый толчок тошноты. Она смиренно берёт свои два стакана чая и мокрые копейки сдачи. Она отходит к столику, как ученица, возвращающаяся от доски после убийственных слов: «Садись. Два». Никто на неё и не смотрит.

У окна, облокотясь на одноногий неустойчивый столик, читает книгу девочка в очках, со скучным от осеннего света лицом. Кофе остывает в стакане. В олимпийской керамической вазочке увядает пожилая опустившаяся астра.

Она не пьёт свой чай. Ей вдруг становится нестерпимо любопытно узнать, что читает девочка с надменным лицом хорошистки. Она пытается заглянуть в книгу, лежащую на столике. Она неловко вытягивает шею и напрягает зрение, пытаясь расшифровать муравьиную клинопись перевёрнутых букв. Ей необыкновенно важно узнать, что там написано, сознание точно зацепилось за остренький часток мелкого букв, и саднящее любопытство не успокоится, пока они не будут разгаданы. «Идиотка», – думает она о себе, продолжая и так, и эдак, балансируя на грани приличия, заглядывать в чужую книгу. Нелепое желание похоже на судорогу. Ей вдруг вспомнилась невинно-жестокая картинка детства оторванные лапки косиножек. Дурнота махровым цветком распускается в мозгу, шершаво и нежно. «Он убил меня», – думает она.

Но в эту секунду таинственные письма на другом конце столика прорастают внезапным смыслом, и она начинает читать, вытягивая из пустоты живой податливый нерв фразы: «... Когда люди размножились и стали рождаться у них видные из себя и прекрасные дочери, то ангелы, сыны неба, увидев их, вспыхнули к ним любовью и сказали: «Пойдём, выберем себе же из дочерей человеческих и произведем с ними детей...»

Смех выплеснулся из горла, глоток смеха, непроизвольного, как кашель. Она испуганно попыталась ухватить его ладонью, но от этого нелепого движения её будто током ударило, сотрясло беззвучным лёгочным хохотом. Она вцепилась в край столика: «Боже мой! Ангел!» Девочка поднимает на неё недовольный взгляд. Это уже совсем смешно, смех предательски бьёт её под дых, и она, скорчившись, хрипит в стакан: «Извините», а потом бросается к выходу.

«Ангел!» Вот в чём ответ на её недоуменный вопрос, вечный вопрос жертвы, банальность, вопиющая к небесам. Она-то барахталась в своём трёхмерном человеческом мире, а он просто не человек – ангел. Эта порода – с лицами, лишёнными всякого выражения, с речью, почти лишённой смысла, лёгкие, словно бесплотные, они проходят по жизни ангельскими стопами, оставляя за собой танковый след смерти и зла. Он жил, уходя, ускользя, оборачиваясь с порога – так нельзя смотреть на человека! – так смотрят на закат, на облака, на пенистый след за кормой теплохода. Что она знает о нём?

Они лежали в пустой Светкиной комнате. Утро было холодное и чистое, как после генеральной уборки. Высоко в небе дул сильный ветер, и неслись облака, то пряча, то открывая солнце: окно дышало светом. У неё было чувство счастливой опустошённости спасённого, беспредметной благодарности потерпевшего кораблекрушение, выбравшегося, наконец, на мелководье. Они лежали на солнечной отмели Светкиной постели, как первые люди, только что вылепленные, только что вышедшие из космического месива творения. В ней не было речи. Драгоценный свет затоплял комнату, растворяя её в себе. Комната была, словно сияющая лампа, с которой играет божественный младенец, то приворачивая, то отворачивая фитиль. Неуловимый ритм свободного стиха жил в мире. Времени не было; был поток света. Её душа плыла в нём, как немая счастливая рыба, небесная рыба, возвращающаяся к заветным местам нереста.

«Может быть, мы уже умерли?» – спросила она. Он ничего не ответил. Её не было в его светлых глазах. Ей вдруг стало не по себе. Она поняла, что не будь её рядом, он точно так же лежал бы здесь

и смотрел в потолок, не будь всего мира за стенами – он так же лежал бы здесь и безмятежно смотрел в потолок. Будто всё вокруг – лишь некоторое условие его существования, отнюдь не необходимое. Как в школьном задачнике: можно складывать яблоки, можно пионеров – суть задачи от этого не изменяется. Казалось, вот он сморгнёт невзначай – и исчезнет и эта комната, и она сама, и весь мир за окном, истечёт соринкой из светло-голубого глаза цвета неба в июльский полдень. Ей захотелось крикнуть в это невзрачное бездонное лицо: «Кто ты?»

Каким пронзительно-белым показался ей свет дня, после искусственных сумерек кафе. Он наполнял её и слепил, словно дезинфицирующий раствор. Это похоже на анестезию. Какое-то жестокое милосердие изливается на неё. Мир стал страшно прост. Всё его многообразие свелось к комбинации из семи цифр. Её движения уверены и точны. Такой слепой чёткостью действий обладают профессиональные агенты и наемные убийцы в заграничных фильмах. Телефонная будка попала на глаза с непристойной бесовской угодливостью. В трубке живёт вневременной сыпучий шорох песка. Опять телефон: телефонная сеть липкой паутиной опутала жужжащий и бьющийся мир.

«Аллоу», – щелкнув, отзывается, наконец, трубка бесполом голосом, точно звук всасывается куда-то в резиновую воронку.

«Юрик, – говорит она, – алло, Юрик, это ты, Юрик?»

«Аллоу, – говорит Юрик; голос у него – будто его прищемили дверью. – Привет, кисуля». Он даже обрадован. В радости его есть что-то цепкое. «Какими судьбами?»

Она теряется. Душа, как бабочка на стекле – смесь убийственной решимости и трепета. Ей стыдно слышать собственный сбивчивый лепет: «Вот, думаю, позвоню старому приятелю – сто лет ведь не виделись. Ты, надеюсь, не в обиде за тогдашнее. Верочка тоже была, надо сказать, хороша. Кстати, как она? Я слышала собирается замуж? А как Дагмара?»

Всё возвращается на круги своя. В детском саду разучивают новый танец. У неё ничего не получается, она спотыкается, ей стыдно, страшно, но она танцует, танцует, танцует перед воспитательницами под тренькающую музыку пианино. Оказывается, даже танец может быть заискивающим. Ей очень хочется домой. Но дома у неё нет, есть только ослепительно-белый нестерпимый свет пустых нежилых комнат. Кто заставил её быть такой? Какой равнодушный ослепительный ангел выжиг унижением незатягивающийся след в ней?

«Мы расстались, – говорит Юрик своим брезгливым контральто. – Она страдает хронической девственностью. Стиль ретро не

следует распространять на все сферы жизни, согласна, кисуля?» Ей кажется, что на другом конце провода говорящее земноводное.

«А как Андрей?» – спрашивает Юрик в свою очередь. Он умный и сразу всё чувствует. Люди с нечистой совестью всегда настороже, это развивает интуицию и умение наносить упреждающий удар. Интуиция мучителя кошек – он знает, где будет больно,

«Аллоу, кисуля, – говорит Юрик. – Ты меня слышишь?»

«Андрей умер», – произносит она, пугаясь необратимости своих слов, вредоносного телефонного колдовства, себя самой: «Что я говорю, что я д е л а ю?» – «Ясно», – отзывается Юрик. Он умный и сразу всё понимает. Разговор обретает конкретность. Будто опытная рука повернула ручку настройки: разреженное мерцание и трепет приобретают единственную и необходимую форму. «Ты помнишь наш разговор у Илоны?» – спрашивает она.

«Понятно, – говорит Юрик, и в его голосе слышится некоторое сочувствие. – Не вешай голову. Всё это не грустно, а только скучно».

«Фат», – думает она старомодно и точно – в этом слове живёт звук пощечины. Всё, что происходит с ней, носит характер свирепой ненатуральной подлинности. «Жестокий романс», – думает она.

«Что-нибудь сочиним», – Юрик великодушен. Он ей покровительствует. Она внимает его советам. Она танцует, танцует, танцует для Юрика, рептилии, подводного царя.

«Что я делаю? К т о я?»

С самого начала разговора её мучает привкус памяти – что-то неуловимо знакомое присутствует во всём происходящем. Это называется «дежа вю». И вдруг она узнаёт себя. Мать, её кислая послушливость, её болезненное сыроватое смирение и напуганная суетливость – точно на приёме у врача; мать отражается в ней вся – как в зеркале. словно перехлестнулась тугая петля времени: мать из своего сгоревшего прошлого сквозь гудение и треск телефонной преисподней униженно зовёт, просит Юрика – о чём! Сознание – как рука, вцепившаяся в объективную реальность учебников и опыта. Она разжимается на мгновение – иллюзионистское холодное пламя ужаса сверкнуло в мозгу: «Кто я? Где я? Что я делаю?» Она швыряет от себя трубку, как ядовитую гадину.

Трубка клацнула ружейным затвором. За стеклом приглушённо шевелился мир. Она, как в банке, закупорена в телефонной будке. Диковина из кунсткамеры. «Быть тебе в стекле! Быть тебе в стекле!» – кричала злая колдунья из гофмановской сказки. Она вдруг отчётливо услышала, как у неё стучат зубы.

Она пришла в себя. Словно затворилась дверь в другое измерение. Ей показалось неудобно там – и слишком похоже на безумие.

Боязнь открытых пространств преследовала её даже в собственной сиротской комнате – одиннадцать квадратных метров. «Ничего, ничего, – успокаивала она то ли себя, то ли Юрика, то ли кого-то третьего. – Всё хорошо. А перезвонить можно попозже. Перезвонить можно попозже. Попозже». Словно шептала молитвы неведомому телефонному божеству, незримо присутствующему в каждой будке-часовне, хранящему голоса, слова, секреты бесчисленных абонентов.

И продолжалось это бесконечное падение – вниз, вниз, вниз по кроличьей норе, как маленькая девочка Алиса. Пёстрый от осени колодец перспективы всасывал её. Она шла бульварами, замусоренными золотом. Деревья были, как разноцветные облака, опустившиеся на землю. Облетающие кроны бредили архитектурой, бульвары казались анфиладой дворцовых залов. Кленовые листья точно сорванные эполеты. В окнах домов уже рождались сумерки. Вечер рождается в пустых нежилых комнатах и только оттуда выходит на улицы. Он вынашивается там, как заговор.

Она падала сквозь город, как сквозь облако. Каменное невесомое облако. Предметы утратили грубую вещественность, не за что ухватиться, рука проходит сквозь камень. Ей кажется, что прохожие перестали замечать её, и закричи она – никто не обернётся. «Может быть, я уже умерла?»

Её зрение, независимо от воли, вылавливало из окружающего отдельные лица, дома, вывески – какое-то первобытное собирательство. «Отчего так много похожих людей?» – думала она. Даже не сходство черт удивляло её – это ещё можно попытаться как-то объяснить, – но сходство мимики, отработанных повседневным танцем жестов, мелких привычек, живущих за гранью сознания, стайкой юрких рыбок-лоцманов. Всеобщее родство, проступающее в уголках губ или повороте головы. Такая похожесть вырабатывается от долгой совместной жизни, откуда она у людей, не ведающих о существовании друг друга? Правда, она читала где-то, что близнецы, живущие в разных городах, может быть, и не знающие, что у них есть братья, всё же приобретают одинаковые привычки, манеры и подчас выбирают себе жён, похожих, как сестры. Она ловила эти приметы сходства во встречаемых лицах, как какие-то знаки, указания, оставленные специально для неё. Будто играла в казаки-разбойники. Так легче жить.

Но вдруг она чувствует, что что-то изменилось. Какой-то сигнал извне остановил её. Будто бесконечное падение, попытка, уже входящая в привычку, боль, которую можно нянчить – всё кончилось внезапно. Словно зацепилась за гвоздь и повисла, беспомощно барахтаясь, в пустоте. Что там? Лепной фасад какого-то значительного

учреждения, как торт с окаменевшими кремовыми завитками, величественный и безликий – нет. Подъезд с лестницами и фонарями – цитата из классики в роман-газете – нет. Стоянка служебных машин перед ним – нет. Человек, замерший между сановной «волгой» и «запорожцем», словно застывший посреди почему-то жалкого танца. Человек, утонувший в её взгляде, как муха, не успевший спрятаться – раз, два, три, четыре, пять, я иду искать. Человек, заметивший её первым.

Она падала, падала, падала и упала, и разбилась об это неприметное лицо.

Отец стоит перед ней.

Последний раз она видела его года четыре назад. Можно сказать: последний раз она не видела его четыре года назад. Едкий подростковый стыд, пятнистый, как леопард, ненависть и презрение, лихорадка, бред, привкус меди во рту – что могла рассмотреть она тогда. Она была больна. Школьный образ красивого подлеца отпечатался в податливой памяти, вопреки свидетельству лица на старой, чуть смятой фотографии.

У него вид пойманного спекулянта. Это тот человек, тот самый, и в то же время совсем другой – точно собственный брат-близнец. Он не то, чтобы сильно постарел, но у него какой-то лежалый вид. Старость уже живёт – не в чертах лица – в складках одежды. Она смотрит на него недоверчиво, как на фокусника. Но никакого подвоха нет. Всё так просто, что слова не умещаются в эту простоту.

Он растерян, как бывает растерян увечный человек, скрывающий неловко своё увечье. Он щурится на её лицо, как на яркий свет. «Марина, – говорит он неуверенно, будто очень долго молчал, – д-девочка». Она не отвечает. Он говорит что-то ещё, но она видит только движение губ – то ли он потерял голос, то ли она оглохла, то ли вообще выключен звук. Она смотрит в это нестерпимо безымянное лицо, и ей хочется спросить: «Кто ты?»

Ничего не случилось. Отец что-то попытался сказать ей, но она только кивнула и пошла дальше. Кажется, она сказала: «Прости.» Отец остался стоять на отмели осеннего дня, глядя ей вслед. Он зря испугался, она прошла мимо. Она прошла мимо, а он остался, лежалый человек, похожий на больного воробья.

И вдруг захныкал серенький дождик. Она побежала к метро от его холодных приставаний, но он погнался за ней, усиливаясь. Капли зачастили, как пальцы машинистки. Она растерялась, точно запуталась в дожде посреди пустеющей улицы, заклёванная им, отбивающаяся. Наконец, забежала в какую-то подворотню, похожую на вежливый зевок, остановилась, переводя дыхание. Здесь, в желтоватом сумраке, уже стояли две женщины, высокий парень в спецовке,

и в глубине на стуле сидел старик. Обе женщины смотрели на неё короткими сочувственными глазами. Такие глаза бывают у глухонемых. Парень у стены похож на капризного микельанджеловского Давида. Даже брезентовую строительную куртку он держал через плечо, как пращу. У него были вдохновенно-скучные глаза. Парень смотрел в дождь. Отсвет дождя, словно отсвет телеэкрана, ложился на его спящее лицо. Снаружи погромыхивал уже настоящий ливень, колыхающийся ртутный занавес. Они все точно жили здесь, в первобытной пещере – маленькое племя людей.

Старик на стуле вдруг захрипел и начал кашлять. Старик был похож на овощ. Бывают старички, бледные, словно ночные насекомые, светящиеся серым светом, призрачные. А бывают вот такие, земляные, пропитанные старостью насквозь. Старость сочилась из каждой складки его одежды. Его можно назвать дряхлым, но нельзя – ветхим. Кашель, страшный, как богохульство, сотрясал его. Это было уже скорее стихийное бедствие, а не человеческая болезнь. Добрые женщины как-то не особенно обратили на него внимание – словно происходило что-то привычное, даже семейное. Они смотрели перед собой, и выражением лиц напоминали домашних животных. Подлинное благородство животного проступает иногда в праздном несуетном человеке.

Старик успокоился и, кхекая, полез куда-то вглубь себя за платком – карманы у него глубоки, как штольни. «Бросили меня все, бросили, – сказал он, откровенно глядя в пустоту. Так можно глядеть в пустоту с борта списанной баржи, ржавеющей на приморском пустыре, помня ещё себя капитаном. – Я сам себя бросил, – и вдруг выкатывает прямо на неё живой карий глаз с фаянсовым белком, подёрнутым сеточкой кровавых трещинок. – И-и, хорошо одному!»

Они стояли перед дождем – кучка людей, напоминающая комедиантов в финальной сцене без слов.

Дождь кончился, и им пришлось расстаться.

Потом она шла по зарёванным улицам, и воздух был влажным и успокаивающим, как компресс. Тротуары заполнялись разночинным служилым людом. Кое-где в магазинах и парикмахерских уже зажигали свет.

Вечер начинался, как повесть. Ещё светло, но в отсыревшем пространстве уже проступал его неуловимый контур. Так густеет темнотой светлый глаз задумавшегося или печального человека. Люди спешили с работы, наполняя улицы свободным гомоном «Тысячи и одной ночи». Синеватый пепел сумерек погребал под собой расшевелившийся город. Ей начало казаться, что в сумерках каждое встречное лицо светится своим внутренним светом, как фонарик.

Она шла в сиянии этих лиц, в светящейся реке людей, а над ними зажигались в своих раковинах неоновые жемчужины.

Где-то на пути к метро она выпила всё же чаю с ватрушкой в разноголосой, трезвонящей, как погремушка, закусочной. Есть не хотелось. Голод был точно преданный зверь при ней.

И снова метро везло её куда-то на край темноты, в многоэтажную родную деревню, где коротает у чёрно-белого окошка телевизора свои вдовьи вечера мать. Час пик напоминает игру «регби». Человечество сдавило её в своих объятиях. Но ей уже всё равно, только лёгкая тошнота мерцала в ней, как дымчатый огонек индикатора.

Когда поезд выехал на поверхность земли, оказалось, что уже ночь. Она цвела драгоценными огнями жилых массивов. Справа промелькнула чёрная, лоснящаяся в рыбьем свете фонарей, спина реки. «Домой, – думала она. – Домой».

Мать всегда встречает её в передней. Ей кажется, что мать окутывает её воздушным облаком ненужных движений и жестов. Это охранительный ритуал, поняла она. Всю жизнь мать пыталась спасти, защитить, заштопать эту расплзающуюся реальность, свою и дочери. За её спиной важно, жениховским голосом разговаривал телевизор. Отсветы международных событий дрожали на стенах и потолке их комнаты.

«Тебе звонил какой-то Юрик», – говорит мама.

«Меня нет, совсем нет, никогда. Пусть больше не звонит».

«Хорошо, хорошо», – торопится мама; ей и страшно, и радостно в присутствии дочери.

Она заглядывает в лицо матери, как в зеркало. Она видит там своё отражение, знакомые черты, отступающие куда-то вглубь, в невозвратимую глубину старости.

«Мама, – зовёт она, – прости меня».

Мама теряется, слабеет как-то. «М-мариночка, – она даже заикаться начинает от испуга и жалости, – д-доченька. Что ты, что ты?»

Она попила молока в кухне, умылась и легла в постель. Силы ушли. Мысли ушли. Постель свежая и прохладная, крахмально-похрустывающая, как первый снег. Тело точно выздоровело от одежды. Щёлкает выключатель, и многоцветная тьма обрушивается на неё.

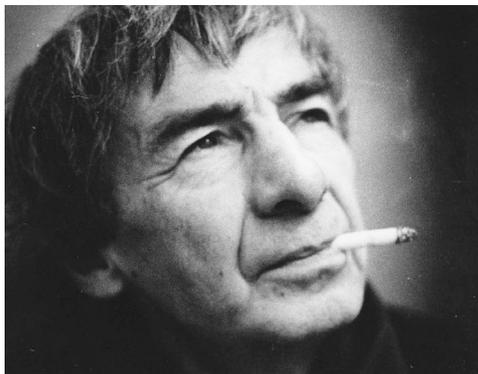
Она положила ладонь на свой голый живот, туда, где в тёплой глубине росло по своим тёмным и влажным законом что-то, что уже не было ею. «Как странно», – подумала она и заснула. Всю ночь ей снился один сон, преследовал, догонял в беспамятном забытии: перед ней на какой-то смертельно знакомой улице возникал отец,

неуловимо похожий на Андрея; он говорил ей что-то, заглядывая в глаза, но слов не было слышно, она видела только слабое шевеление губ и мелко дрожащие руки. Или на том же месте появлялся Андрей, она с ужасом видела проступающие в его лице родные черты отца. Она пыталась отступить, отпрянуть, а он так же беззвучно говорил что-то, и так же по-старчески тряслись его руки. Сон шёл за ней по пятам, как ночной зверь, дышал в затылок. Она часто просыпалась и плакала.

1984

Рисунок Светланы Ринго

1932—2009

Юрий Александрович Влодов родился в 1932 году в г. Новосибирске в театральной семье, отец его был режиссером, мать — актрисой. Впоследствии с семьёй переехал на Украину, затем жил в Москве. В детские годы поэт пережил войну, оккупацию, эвакуацию. Писать стихи начал рано, лет с 7—8.

В конце 50-х, приехав в писательский поселок Переделкино, познакомился с классиками: И. Сельвинским, Б. Пастернаком, К. Чуковским. Знаменитым мэтрам творчество молодого поэта пришлось по душе, и они прочили ему большое литературное будущее. С предисловием Ильи Сельвинского в 1967 году вышла его подборка в журнале «Смена», за которую он стал лауреатом журнала. Но литературная карьера у Юрия Влодова не сложилось, слишком острыми и необычными для того времени оказались его стихи. Поэт написал ряд антисоветских стихотворений, открыто выступал с ними перед большими аудиториями, чем привлек внимание соответствующих органов. Стали знаменитыми такие его строчки из «Оды Партии», как «Прошла зима. Настало лето. Спасибо Партии за это!» После этого судьба поэта была предрешена. Он попал в «черные списки», потерял возможность полноценно печататься, издаваться, вступить в Союз писателей СССР. И долгие годы его имя и творчество было под запретом. Только после перестройки стали возможны публикации и издание книг.

Первая книга «Крест» вышла в 1996 году в издательстве журнала «Юность».

В 2009 году вышла книга в твердой обложке: «На семи холмах». Издана издательством «Московские учебники и картолитография».

В 2015 году, уже после ухода поэта из жизни, во «Времени» вышла его книга «Летопись», где были опубликованы почти все военные стихи Влодова.

Главная книга, над которой поэт работал потом всю жизнь, это «Люди и боги». Это философская эпопея о взаимоотношениях Бога и человека, о борьбе добра и зла в душах и сердцах людей. «Люди и боги» вышла в издательстве «Время» в августе 2012 г. к 80-летию поэта.

Судьба поэта настолько необычна, что его имя еще при жизни было овеяно легендами и мифами. О Юрии Влодове созданы 3 фильма: «Я Вам пишу, Ваше величество» (телефильм, канал РТР, 1992 г.) и кинофильм «А гений — сущий Дьявол!..» (киновидеостудия «Человек и время», 1995 г.), видеофильм «Юность» — Пермский десант», 2009 г.

О жизни и творчестве Юрия Влодова написано и опубликовано в различных местах много статей и интервью пермским поэтом и журналистом Юрием Беликовым.

Юрий Влодов был женат на поэтессе Людмиле Осокиной (Влодовой).

Умер 29 сентября 2009 г.

Из книги «Люди и боги»

* * *

Как филин манит: «У-у!»
Безвинного ужа,
Так небо, не спеша,
Добычу манит певче...
Здесь мают маету
И тело, и душа,
А там — одна душа...
Оно, конечно, легче...

04.03.95

* * *

Я молний шестизубец
На память нанесу.
Так ангел-детолюбец
Блится на весу..
Над ненаглядной дочкой
Зигзаг судьбы тая,
Над самой нежной точкой
Земного бытия...

* * *

Эта дочка Юлия
Солнечный стожок,—
Словно бы в июле я
Вышел на лужок...
Эта дочка Юлия
До конца во мне,
Словно гули-гули я
Все шепчу во сне...

19.08.94

* * *

Свеча и Луна...
Луна ли? Свеча ли?..
Но дача полна
Всевышней печали...
Чу! — Ноев ковчег! —
Всевышнее чудо!..
Ау, Человек!
Куда и откуда?!..

30.01.94

* * *

За полдень — после двух,—
Подвластен Божьей гамме,
Летучий денный дух
Взмывает над лугами.
Весь Ангельский отлов —
В сетях — в лучах погожих.
И чувства — выше слов,—
Возможно даже Божьих.

* * *

Заждались Божьей неотложки
Нещадно-жалок наш улов:
Невнятный лучик Божьих слов
В дешевой ломаной обложке...
Чтоб не напал соседский сглаз,
На беззащитной шее дочки —
Нательный лучик Божьих глаз
На алюминиевой цепочке.

20.08.94

* * *

Приговорённый жить с людьми,
Он чуял смертную усталость.
Ни сострадания, ни любви
В нем не осталось.
Поклажу адскую волок
В цветущий край — в Господни сети.
Над ним клубился Ангелок —
Белее смерти.
За миражами райских мест —
Всё поспешал, не зная броду.
И только суковатый крест
Сулил свободу.

23.04.94

ИЗ КНИГИ «ПОРТРЕТЫ»

Сюжет о Достоевском

* * *

Достоевский — от слова «достоинство»,
От достоинства — малый доход,
И соседей великое воинство
Объявило крестовый поход.

Под (...) * досужими
Ты залег, затаился, как зверь.
И тряслась под ударами дюжими,
И держалась хозяйская дверь.

*Фрагмент в рукописи утрачен.

СЮЖЕТЫ О ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖАХ

Дон Кихот

У Дон-Кихота — жуткая работа.
Такая человеку не с руки.
До помраченья, до восьмого пота
Идальго атакует ветряки.
И латы дребезжат аляповатые...
И старое ломается копьё...
А мельницы всё крутятся — проклятые...
Всё крутится земное Бытие.

Робинзон

Робинзон осознал,
Что вдали не корабль, а касатка...
Заметался, заныл, заскулил на песчаной косе!..
Успокоился враз,
И вздохнул по-младенчески сладко,
И когтистой рукой рубанул:
«А-а! — идите вы все!..»

Дон Жуан

А Дон-Жуан-то, может статья,
Рыдал на чьей-нибудь груди:
«Я так хочу с тобой остаться!
На веки вечные остаться!..
Но смеху будет — пруд пруди!»

Сюжет о Цезаре и Бруте

Он удивился: «Ты, мой Брут?!»
Но был удар кинжала крут...
Проснулся Цезарь утром рано —
Остывшая зияла рана,
Хотелось душу отогреть!..
И он подумал: «Правый Боже!
На что же всё это похоже,—
Теперь уже — не умереть!»
А Брут задумался глубоко
И стало Бруту одиноко,
И он подумал: «Все помрём!»
Сверкали дали голубые
И только стражники немые
Ходили мерно под окном.

СЮЖЕТЫ ОБ АХМАТОВОЙ

* * *

Я вижу Ахматову Анну:
Безумные четки в руках,
И розы открытую рану
На черных житейских шелках.

А в медленном взгляде — бравада,
И страсти тягучая мгла...
А в царственном жесте — блокада,
В которой до гроба жила.

* * *

Ахматова Есенина раскрыла —
В досужий час, под лампой костяной...
Исчезли в окнах дьявольские рыла,
Жалкуют очи с детской косиной.
Ахматова Есенина листает,
Высокомерье царственное тает.
Глядишь — и Бога молча позовёт.
Ахматова Есенина читает —
Безвинного Есенина читает...
Наивного Есенина читает...
Ахматова Отчизну познаёт.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Валерий Желыбенцев

1950—2020, Калуга

«Над ушедшими плачет метель»

* * *

Можно есть и не чувствовать вкуса,
Пить вино, словно воду, взахлеб,
Не дорогой идти своей — курсом,
Не куда-нибудь — только вперёд!
Это страшно: жить в заданном ритме,
Видеть только мелькание дней.
И застыть в поминальной молитве,
Бесприютнее став и бедней.
Потому что друзья, не прощаясь,
Словно сбитые пулей с коня,
В край уходят, и, в нём растворяясь,
От живых свою тайну хранят.
Забываем, что все мы не вечны.
Лишь когда вдруг нагрянет беда,
Понимаем — последняя встреча,
И не будет другой никогда!

В этом мире блистающем, ярком,
И на этой прекрасной земле
Для живых расцветают фиалки,
Над ушедшими плачет метель.

* * *

Во всём своём великолепье,
в дремотном утра полусне
грустит земля о прошлом лете
и помнит о своей весне.
Вот солнце огненную розой
в восторге утренней зари
туман рассеяло и росы
огнём сияют изнутри!
Берёзкам золотые пряди
сентябрь вплетает, как всегда.
Прекрасен лес в своём наряде
и дышит холодом вода.

* * *

Тепло обманчиво в апреле,
Ещё ударят холода.
И я прошу: «Цветы, не верьте!»
Цветы теплу сказали: «Да!»
Цветут нарциссы и тюльпаны,
Опережая сроки все.
В цвету сады, в цвету поляны,
И в средне-русской полосе
Тревожно в небо смотрят люди:
Откуда ветер будет вновь?
Никто природу не осудит,
Как очень раннюю любовь...

* * *

Гвоздики молоденьких лисичек
преградили россыпью мне путь.
Лес зовёт и пеньем птичьим
приглашает в гости отдохнуть
От асфальта, толчеи и шума,
и от бестолковых скоростей.

Летом хорошо в лесу подумать
под тенистым пологом ветвей.
Если повезёт, то встречу белку,
мой привет — колючему ежу!
Там всегда найдётся дело
до грибов охочему ножу!
Даже если никого не встречу,
и грибы останутся в лесу,
мне подарит тёплый летний вечер
на траве холодную росу...
Лечит лес и молодых, и старых.
Сила — в чудодейственной красе,
в воздухе, настоящем на травах,
на горячей, солнечной сосне!

* * *

Покинут дом.
В нём поселилась
пугающая пустота,
разбиты стёкла.
Примостилась
собачья будка у куста.
Прохожих всех встречает лаем
живущий в ней бессменный страж.
Надеется — придёт хозяин,
надеется на разум наш,
на то, что друг предать не может —
собачья истина проста.
Покинут дом.
В нём осторожно
живёт немая пустота.

* * *

Цветут берёзы инеем
В морозной тишине.
Серебряными ливнями
Зима пришла ко мне.
И я смотрю, как прежде,
На чудо из чудес:
Пуховыми одеждами
Укрыт дремотный лес.

Лыжня зовёт. Как в сказку,
Я отправляюсь в путь,
Чтоб на снегах по-царски
Душою отдохнуть.
Послушать дятла стуки.
Синичек разговор.
И преуспеть в науке
Вести с морозом спор.
Метнётся заяц тенью
И за кустом замрёт...
По-щучьему веленью
Веди, лыжня, вперёд!
День короток зимою —
Назад уже пора.
По снежному, по полю
Плывёт мечты корабль,
Взрывая снега волны,
Домой, где дарит жар,
И закипает полный
Для чая самовар!

Мой остров

Да! Это было прекрасно!
Года пронеслись, как ветер,
Всё та же река,
но берег
Меня песком не влечёт.
Мой остров подводой лодкой
На дно опустился речное,
А если покажется снова,
он будет уже не мой,
А тех, кому по пятнадцать,
И пусть этот остров детства
Не нанесён на карту,
Его отыскать очень просто —
Он ведь всегда со мной!
Переплывите протоку
На лодке иль вплавь, неважно,
И след на песке оставьте —
И вот уже остров ваш!

Солдатский медальон

Солдатский медальон — послание живым
Без вести пропавшего солдата.
Последнее «Прощай» любимым и родным,
Он верил, что листок дойдёт до адресата.
Пластмассовая гильза сохранила
Фамилию —
мы памятью живём.
Есть у солдата имя и могила.
Он без вести пропал,
но помнили о нём.
И есть теперь куда приехать близким...
Где шли бои, застыли обелиски.

* * *

Памяти Татьяны Баклашкиной

В разгаре осень золотая,
А на душе моей зима...
Зачем ушла так рано, Таня?
Вопрос сведёт меня с ума.
Я знаю, что виновных нет,
И всё случилось, как случилось...
«Зачем?» — вопрос, а в нём ответ,
Зачем жить рано разучилась.

Давнее

На входе — рукомойник,
в святом углу — икона,
На стенке фотографии висели под стеклом.
Изба в деревне Стопкино, покрытая соломой,
Там в детстве
время медленно и для меня текло...
Стояла печь, как крепость, надежда и опора,
Изобретенье русское от русских холодов
И лучшее лекарство от недугов и хвори,
Малины выпьешь с чаем — к утру уже здоров.
Ухватывай, словно стража,

печи хранили верность,
Короткий разговор у них
был с каждым котелком.
А прогорят поленья,
в жар за заслонку-дверцу
Томиться бабкой ставилось парное молоко.
Под потолком висела там лампа с керосином —
В то время электричество ещё не подвели.
И за столом на лавках сидели мы красиво.
Три разных поколения одной большой семьи!

Перлы

Стихи не стареют, я знаю давно.
И в поисках точного слова,
Страдая, спускаюсь я снова на дно,
За жемчугом каждого слова...

Недоброжелателям

Вам меня уже не замолчать,
Претворяясь, что глухи и немые,
Я стихи свои отдал в печать —
И они ушли,
как птицы в небо.

1984—2011, Калуга

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ БИОГРАФИИ ВЕНСКОГО КЛАССИКА

Как только из дальней комнаты послышались звуки клавесина, малыш Амадеус бросился в коридор. Там, замерев у двери комнаты, где шли занятия, он долго слушал, робея и не решаясь войти.

Наконец, уловив момент, он проскользнул внутрь и, стараясь не шуметь, забрался в огромное кресло рядом с камином. Отец улыбнулся ему, но урок не прервал.

«Ещё раз этот пассаж», — сказал он, и Наннерль старательно повторила последнюю фразу.

Амадеус зачарованно вслушивался в созвучия, переключки голосов, виртуозные пассажи (сестра делала большие успехи). Ведь он уже многое понимал, даже сам подбирал на клавесине. И отец собирался начать заниматься и с ним. Малыш ждал этих занятий. Последнее время у него было радостное, до замирания в груди, предчувствие чего-то необыкновенного и необъяснимого.

Будь Амадеус постарше, наверное, назвал бы предчувствие — ожиданием важных перемен в его жизни. Музыка казалась ему великой тайной, в которую он скоро будет посвящён.

Тринадцать лет спустя

Звучал орган, и в костёле было многолюдно. Нет, это играл не Бах (к тому времени он уже давно умер), и даже не какой-то признанный органист. У органа сидел худенький юноша, но музыка, которая выходила из-под его пальцев (и ног), глубокая и полнозвучная, казалась, разливалась по всему помещению костёла, проникая в души прихожан. Амадеус забывал обо всём и растворялся в импровизации. Как же чисто, логично и стройно он существовал в том, что исполнял на органе.

Позже, сидя с отцом в карете (они ехали в гостиницу на другом конце города), Амадеус думал уже не о музыке, а о своём настоящем положении и о своём будущем.

А оно представлялось пока неясным... Позади осталось детство, с блистательными триумфами и всеобщим признанием. Теперь его былая слава шла на спад. А ведь он знал, насколько он вырос, возмужал, насколько совершенен стал его дар в искусстве. Почему же публика слепа и глуха и не замечает этого?! Впереди маячил серый провинциальный Зальцбург... И это после Парижа,

Лондона, Рима... Его отец уже, похоже, смирился. И ему, Амадеусу, похоже, придётся смириться тоже... Он чувствовал свою полную беспомощность и безнадёжность...

Почти десять лет спустя.

По улице бодрым и стремительным шагом шёл молодой человек. Это был Амадеус. На лице его играла улыбка, а мысли были самыми радужными. Удачная премьера оперы, молодая жена, ожидающая его дома, много новых заказов, сулящих материальное благополучие (наконец-то можно будет не думать о деньгах) — всё складывалось для него в ощущение полноты жизни.

Долгожданная свобода вселяла новые надежды, солнце ярко светило, а чудесная мелодия, звучащая с утра в голове, обязательно станет темой новой симфонии или увертюры. И, как в детстве, в душе нарастало предчувствие чего-то чудесного. Голос внутри пел: «Всё будет хорошо!

Жизнь — прекрасна!» И Амадеус улыбался солнцу, небу и удивительно прекрасной жизни.

Несколько лет спустя

Дела у Амадеуса шли, прямо сказать, отвратительно. Постоянно приходилось препираться с кредиторами, но чаще он просто от них

прятался. Вот и теперь он заперся в своём кабинете, с головой погрузившись в очередное сочинение. Это была новая опера, на которую Амадеус возлагал свои надежды. Впрочем, опальному композитору надеяться было особенно не на что.

Поставить с успехом новую оперу вряд ли удастся. Виной тому — и катастрофическое невезение, и интриги завистников... Но, как бы там ни было, главное — император явно недолюбливал Амадеуса. Следовательно, заказы и приглашения от знатных вельмож поступали всё реже, и средств к существованию почти не осталось. Амадеусу стыдно было смотреть в глаза жене. Трудно сохранять жизнерадостность в такой ситуации. Отчаяние охватывало его творческую натуру.

Пять лет спустя

Сидя у окна, Амадеус витал в недавних событиях. Премьера его последней (и самой любимой) оперы прошла с триумфом. Но он ощущал «вековую» усталость, будто прожито было сто лет, а не тридцать пять. Да ещё этот чёрный человек. Но Амадеус отогнал неприятную мысль и постарался думать о хорошем. Дела его выправлялись. Новый заказ сулил принести много денег. Опять деньги?! Этот вечный камень преткновения! Но лицо его просветлело, когда он подумал о Констанце и детях. Вот где его счастье и его тихая гавань. Он улыбнулся. Нет, ещё совсем не всё потеряно: он молод, полон сил и идей, будет много написано различных сочинений. Он будет бороться с судьбой и будет побеждать. Амадеус отчётливо услышал, как зазвучала внутри него тихая и радостная мелодия — вечная надежда человека на счастье...

2004 г.

ИЗ ЛИРИКИ

ДОЖДЬ

Дождь заполнил собой
Остывающий день.
Он в следах на стекле
(он художник слепой)
И в кругах на воде
заглушённых шагов.
Дождь, как друг,
говорящий без слов.

И затоплен им звук
уходящих шагов.
Самый преданный друг,
он всегда понимал,
как уходит любовь.
... И прозрачные пальцы дождя
остаются следами на стёклах.

2006 г.

ЕМУ

Г. Л.

Я знаю, он меня зовёт,
Он слёзы льёт, и он смеётся,
И ждёт, меня он точно ждёт,
И обязательно дождётся.
Я, может быть, не так близка,
Как мне самой сейчас хотелось.
Но рано ближе быть пока,
В себе воспитываю смелость,
Терпимость, честность, тонкость чувств,
И благородство, и сердечность,
Чтобы его коснуться уст,
И стать ему женою в вечность.
Чтобы взойти на пьедестал
Достойной этого по праву,
Чтобы он сам тогда сказал:
«Ты та, которую так ждал я».

9 ноября 2009 г.

Людмила Михайловна Осокина (Влодова) — известный поэт, прозаик, автор песен, родилась в 1960-м году в г. Барнауле Алтайского края. В 1977-м году уехала в Москву.

Окончила Московский государственный историко-архивный институт (сейчас РГГУ). Работала корреспондентом и обозревателем в журналах «Клуб», «Юность», а также книжным редактором в ИИД «Профиздат».

Стихи пишет с 18 лет. Публиковалась в таких изданиях, как «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва», «Юность», «Сельская молодежь», «Гудок», «Клуб», «Дети Ра», «День поэзии», «Эолова арфа», «НГ-Ex libris», «Зарубежные задворки», «Кольцо А», «Zinziver», «Поэтоград», «Литературные известия», «Футурум-Арт», альманахах «Истоки».

Автор нескольких книг стихов и прозы, среди них такие известные, как стихотворный сборник «Кофейная девушка» и книга воспоминаний о жизни с поэтом Юрием Влодовым «Халупа». За «Халупу» получила диплом премии «Нонконформизм — 2016» от Независимой газеты и диплом премии Союза писателей 21 века.

Вдова известного поэта-диссидента Юрия Влодова (1932—2009). Член Московского Союза литераторов, Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века, Интернационального Союза писателей.

Заместитель главного редактора литературного альманаха «Истоки».

ОСЕНЬ—ОСЕНЬ

Пейзажные зарисовки

Внутренняя желтизна

Середина сентября, 16-е число. Но всё равно, осени как-то мало ещё вокруг. Деревья вроде начали вдруг покрываться желтыми пробросами, но потом внезапно перестали. А сами пробросы куда-то

загадочным образом подевались, как будто кто невидимый из лета прошелся по ним и закрасил всё снова зелёной краской.

Но, если приглядеться повнимательнее, то деревья всё-таки желтеют, желтеют уже не снаружи, а как бы изнутри, желтеют всей своей внутренней сутью. И вроде бы и зелёные они, но зелёного на самом деле в них всё меньше и меньше. А посмотришь под другим углом — ах! — они уже и жёлтые почти, изжелтевшие изнутри, из самой сердцевины, из самого своего основания. Снаружи-то можно что-то перекрасить, подновиться, поправить, а вот ко внутренней желтизне уже не подберешься. И если осень и оттуда пошла, то её уже ничем не застопоришь, не остановишь.

Вот и деревья не ждали нападения осени оттуда, изнутри. Снаружи-то они выставили мощную защиту: ни проехать, ни подойти, ни подобраться. А вот про внутреннее своё пространство, про состояние души, позабыли, да и не подумали, наверное, об этом вовсе. Они, думали, что осень — это всего лишь то, что снаружи, всего лишь жёлтая листва, а от этого можно как-то охорониться, оберечься, подкрасив там, где нужно, летнюю броню. Но настоящая осень — это нечто совсем другое, осень — это состояние Души, именно оттуда она и будет пробираться наружу.

Она и пришла оттуда, откуда её совсем не ждали — из самой середины Души. И стали иссыхать желтизной деревья, стала истончаться листва. Прозрачной стала, лёгкой, пока ещё жёлто-зелёной, но приготовилась видимо желтеть до конца, иссыхать и истончаться, и даже коричневеть. Приготовилась опадать, упадать, съёживаться, избавляться от всего лишнего, ненужного, наносного, громоздкого, ужиматься до мизера, до небольшой горсточки себя, с которой придется уходить потом внутрь, туда, откуда пришла, в самую суть, в середину Души.

16.09.2018

Светоносный клён

Клён разгорелся до невозможности, до остервенения, до пламенного костра. Горит и листьями, и душой, и сердцем своим. Осень зажгла его своим пламенем — ярко-ярко, красиво-красиво. Зажгла его и не думает тушить: пусть полыхает, пусть!

Такова его судьба: гореть тихим осенним днём, пылать солнечным костром, гореть и не стогать, пылать и не обугливаться, освещать всю темень вокруг себя.

Пусть не боятся люди тут ходить! Клён им посветит в темноте, клён их согреет всей своей яркой осенней душой, жарким осенним сердцем.

Подходите, люди! Грейтесь, освещайтесь, наполняйтесь светом, теплом, запасайтесь ими на зиму, на долгие зимние дни и ночи, полные беспросветной зимы, беспросветного мрака.

Запасайтесь светом, теплом пока горит этот клён, пока светят листья. Ведь скоро, совсем скоро, он лишится своей светоносной листвы и тогда светить ему уже будет нечем. Тогда он и сам будет нуждаться в свете и тепле, но взять их будет неоткуда. Тогда он и сам замрёт-заснёт в этой морозной зимней стыни и вокруг воцарится тёмный мрак и невыносимая стужа, которая продлится до новой весны, до новых листьев, до новой жизни.

А пока — гори, клён, и свети всем вокруг своим светлым огнем, свети и освещай всё вокруг своим неизбывным светом, своим небесным, нездешним сиянием.

16.09.2018.

Случайный ветер

Спи, обо мне не печалься,
с полем ночным заодно,
пусть только ветер случайный
вдруг постучится в окно.

И, прилетев ненароком,
в сон из мятежных садов,
он улетит без упрёка,
не оставляя следов.

И, пробираясь крайней,
ясно пойму я в себе:
я — только ветер случайный
в чьей-то случайной судьбе,

дума бессонной дороги,
сердца ночной холодок
и — глубоко и далёко —
поля рассеянный вздох...

Из снов былого

Тепломдохнул вдруг синеглазый
туман, придя со стороны.
Там девочка играет в классы
неведомой иной страны.

Где всё ещё столь бестолково,
где внове бестолково жить,
где с чудом конь белоголовый
сумел ту девочку сдружить.

Я вновь из дум, из снов былого
гляжу в туман со стороны
почти из роздыми жду слова,
чтоб рассказать про эти сны.

... Из мира древнего лесного
лист падает к ногам в тиши...
И скачет конь белоголовый,
и девочка к нему спешит.

Расковала осень недра

Расковала осень недра:
позвенела над ведром.
Наполняет реки щедро
неба чистым серебром.

Не меня она задела,
глядя искоса вприщур,
и, прощаясь, побелела,
посмурнела чересчур.

И река стоит остыло,
пряча в сером синий взор!
Не меня она простила,
глядя холодно в упор.

Сумеречно. Знобко. Зыбко.
Распоследний солнца шмель,
луч продев — в иголку ниткой —
вдруг тепло кольнул сквозь щель.

Чаще смутно. Беспробудно
спит река, уйдя под лёд.
Даже думать безрассудно,
что однажды ВСЁ пройдёт.

... Расковала осень недра,
потеряла берега.
Отпевает ветер щедро,
всё, что я не сберегла.

Вот и лето проминуло

Вот и лето проминуло.
Слышу осени крик.
Ветка жёлтая в инее,
ели сломанной скрип.
Где туман лишь касание,
где подлесок — не лес —
мир ещё несказаннее
закоулков небес.

Все пути перепутаны.
Заповедны места.
Лес гудит перегудами,
как гудят поезда.

... Гаснет жёлтое, синее.
Взоры стали пусты —
полияльными зимними,
как от стылой воды.

Тебе

Заякорило сердце незнакомо,
над нами в чаще весть: живи!.. живи!..
Заговорила роща: помни... помни —
всем жаром счастья, горя и любви.

Бессонницы я слушаю заветы,
в тумане искрится кремнистый* путь,
и несказанно ранний час рассвета
всей ранью раннею звенит: о только будь!

Кому-то слово верность незнакомо,
Кому-то мщенье раздирает грудь...
Пусть сердце застревает в горле комом,
душа твердит одно: о только будь!

Заякорило сердце незнакомо
всем жаром счастья, горя и любви.
Заговорила песня: помни!.. помни!
Я слышу в роще весть: живи!.. Живи!

Над вершиной

Над вершиной голой
звёзд течёт река.
Сагу дней глаголит
ключ издалека.

Думой неба горней
вещут облака.
Разве это горе
вечности луга?

Лёт пчелы за данью,
поля ранний дым,
лёгкое дыханье
синевы над ним.

Смотрит божье око
в нас изглубока —
далеко-далёко
с Ним и смерть легка.

... Бездна голубая
звёздами пылит,
глубиной пылая,
жизнь благоворит.

* * *

Облаков плывут верблюды
златорунные стада,
все — неведомо откуда
и незнаемо куда.

Трав лебяжая постелька
живо манит отдохнуть,
и парит себе пустельга,
по-над жнивой правя путь.

Вот малыш гоняет обруч,
краснокожим бросив клич,
старец, как в дупле, пообочь,
знаменует слово «сыч».

Вот трудяги-работяги
с птицей счастья на устах
вдаль несут куда-то флаги,
звёзды держат на руках.

Незабытые минуты!
Незабвенные края!
Мнится ноша дней под утро
лёгкой пеной бытия.

Облаков плывут верблюды
белопенные стада.
Им ни весело, ни худо,
им и горе не беда.

Нарисованы на блюде
баснословные года.
Я бы там (случись бы чудо)
поселилась навсегда!..

* * *

От начала Зим к Зазимью
сколько вёрст не сосчитать,
к Зазеркалью и к Замирью
вся в сугробах тонет гать.

Сеет север крупкой снежной.
Беспросветность. Неуют.
Режет поле ветер свежий
по осеннему жнивью.

Егеря порскают быстро,
мечут бранные слова,
с веток снег сбивает выстрел,
эхо катит: ва-ва-вааааа...

Сколько зла царит в Замирье!
В Зазеркалье та же статья!
Тяжелы года, как гири!
Жестока повсюду тать!..

Друг войны, чумного пира
вран терзает хрипом слух,
но любой малец в Замирье
не теряет бодрый дух.

Дух и я здесь не теряю,
душу живу берегу!
Словно мантру повторяю:
«жизнь, живи чрез «не могу»!..

Так лошадка смотрит мирно
на заснеженную гладь,
словно веря в свои крылья,
словно веря в благодать.

Идут снега

Идут снега. Без друга, без врага.
И одиноче их нельзя представить.
С рукой легко встречается рука
по-дружески страницы лет листая.

Идут снега. В урочищах пурга.
По стылým берегам огней не видно.
Но в глубине ворочаясь, река
простив снегам, зальет водой обиды...

И вновь пробьётся к солнышку трава.
Росточек — сам — асфальт как пробуравил!
Прошли снега. И снова жизнь права,
ликующе играя против правил!

ДВОИТСЯ

Птах, с куста перелетая,
на другой садится куст.
Тишина стоит, не тает —
так что слышен пальцев хруст.

Но какой-то пятой спицей
ветка вскрикнула в кустах.
От дождей в струях двоится
даль у осени в глазах.

А дожди идут... Проходят...
Бочка дня полным полна.
... Жизнь прошла, как пароходик,
чуть качаясь на волнах.

ЛЮБОВНИКИ НЕДОСТУПНОЙ ЖЕНЩИНЫ, ИЛИ РУССКИЙ ХИЧКОК

Часть 1. В глухом уголке на юге России

Это было в глухом уголке на юге России, на берегу Донца. Я попала сюда с легкой руки Новожилова, директора заповедника. Наше заочное знакомство насчитывало несколько писем. Первое Новожилов адресовал в газету, где были опубликованы мои записки о природе. Эта работа ему понравилась, и он написал мне как своему человеку, с кем обнаружили общие интересы и кого для пользы дела хорошо бы заполнить в сторонники.

«Такого вы нигде не увидите, — сообщал директор. — Лоси, олени, кабаны, косули... На каждом шагу! Куропатки, зайцы... В лесу, камышах, степи! Дикае утки, фазаны прямо во дворе. Лебеди гнездятся второй год под боком станицы. На озере уток, как на пруду в московском зоопарке. У рыбы тоже есть место, где можно спокойно резвиться, а не ждать, что тебя подорвут толом, подденут за жабры на стальной крючок или выловят капроновой сеткой».

Новожилов приглашал, обещая показать своих обитателей, желательное по весне, пока трава не вымахала в полный рост и не укрыла их с головой.

Я тронулась в путь, не слишком веря, что всё в этих письмах правда. Однако сомнение не охладило мой интерес к поездке.

Словно в отместку за моё неверие, на чужой станции меня никто не встретил. Легко вообразить мою досаду: предстоял ещё долгий путь электричкой в дальнюю станицу, оттуда автобусом до усадьбы. Не то чтобы я не любила болтаться по незнакомым местам, — непредвиденная ситуация смущала сильнее. Напрашивались два объяснения: либо что-то случилось, либо, разбрасываясь приглашениями, директор сомневался, что дойдёт и до дела.

В станицу я добралась тем же днём. Здесь и одолжилась на ночь у первой встречной хозяйки. Словоохотливая и радушная, она как будто набрала в рот воды, узнав, что я к Новожилову. Чем он так насолил ей, понять было трудно. Что ни спроси, ответ: «Лесной человек... Тридцать лет середь диких зверей и птиц... Сам стал, как

зверь». Неприязнь этой женщины нашла во мне что-то вроде громоотвода. Хуже нет испытывать на себе чувства, предназначенные другим!..

— Сама попала впросак! — сказала я. — Видите, путешествую в одиночку. Ни провожатого не прислал, ни сам не встретил.

— Диво было бы, — ответила хозяйка, — если б наоборот. Чего хорошего ждать от него! Только и знает шуметь. На днях опять с криком явился: наши козы его зверей объели. Сам-то скотины не держит, вот и привязывается к чужой. То выгоны не соблюдают, то гнездовья копытами истолкли... Толку от этих гнездовий! На что мне его куропатки?.. жаворонки-соловьи! А козы — это живые денежки, будущие пуховые платки. И вот примчался орать. Да не просто, а с грязью мешает. Послушали мы, козы хозяйки, и решили порчу на него навести. Клинышки деревянные ошептали — и в веники их, и на Троицын день подношение. И вот ведь, ничего лешего не берёт. Ну и дед же, гляжу, сивый совсем стал. «Ой, и постарели же вы, Василий Прохорович», — говорю. Он веники-то принял — и в сторону. «Будет, — говорит, — чем костер развести. В огне уже видел тебя. Приготовься. Не забудь, — говорит, — сказать детям, чтобы пригласили на твои похороны, хоть поем на дармовщину, а то от тебя проку, как от козла молока». Вот его обхождение. А вы говорите — не встретил. Счастье ваше, что не сразу к нему, и добрые люди остерегут. — Помедлив, она не устояла перед собственным любопытством: — Интересно, а вас на какие посулы он приманил? Про хоромы, что ли, напел, а может, горы златые?.. Чего дома-то не сидится? Здесь чего позабыли?

— Зверей обещал показать, которых развёл.

— А что их разводить, они сами разводятся! — был ответ, слишком знакомый в своём классическом и самодовольном невежестве. За ним последовало зеванье: — Всё не уgomонится никак, чёрт лесной. Нечистой силы мало ему, опять за старое принялся.

Утром я продолжила путь и под вечер добралась до директорской усадьбы.

Отшельничий дом перед самым въездом в лес бросался в глаза своей основательностью: настоящая крепость, каменная, в три этажа, прожектор под крышей. Но ошарашивало не это. Посередине обыкновенного простого двора чинно прохаживался павлин. В стороне — другой павлин, расправляя хвост, веером поднимал его. Весь в полулунных отметилах, каких-то едва-едва, почти непроявленных, он переливался одноцветным муаром, — павлин был совершенно, нет, сказочно! белый — зрелище до того редкое, что можно остолбенеть. Наверно, так какой-нибудь принц королевской крови одновременно и отталкивает, и восхищает своей хрупкой, болезнен-

ной красотой, этой нежизненной анемией, которая часто сопутствует всякому «чересчур».

Ни огорода, ни сада поблизости, сухие ветки по всей земле, бурьян и груды камней. Несколько деревьев отделяли задворки, смыкаясь кронами над узкой дорожкой. Вдоль неё налезали одна на другую клетки и что-то наподобие будок.

Пройдя ворота, я направилась к дому в надежде встретить живую душу. Напрасно. Дом точно вымер. Лишь в глубине двора беспокойно закричала какая-то птица. На шум высунулся сурок и, щелкая от злости длинными жёлтыми зубами, встал возле решётки столбиком. Его тёмный блестящий мех фиолетово отливал на солнце. Рядом закружила за сеткой рыжая лисица. И тучей сорвались дикие голуби. Светлое перо приземлилось на горку зёрнышек, которые они только что клевали.

Странная усадьба преображалась. Оживала словно по волшебству. За каждым листом, каждой травинкой обнаруживали себя обитатели. Снова трижды прокричала птица, и на узкую дорожку вылетел человек. Он был в просторной зеленоватой рубахе, широченных вельветовых брюках, тоже зеленоватых, калошах на босу ногу.

— Где она? Где эта идиотка? — зычным голосом он словно возмещал своё бесшумное появление. — Неужели не слышите? Десяток голодных ртов орут «караул!», хоть бы кто отозвался! — и принялся отчитывать наседку, которая бросила цыплят некормленными. Тут он остановился, чтоб вытряхнуть из калош просо, и увидел павлина. — Серафим, — сказал он, — ты зачем пасёшь чужую жену? — Павлин с царственной нерасторопностью двинулся в сторону, бросив индейку, к которой прибился, а человек продолжал: — Он, подлец такой, пасёт индюшку. Индюшка глупа, от восторга млеет, ещё бы, какой кавалер. Ведёт его к своему гнезду. А ему только того и надо. Тюк-тюк — и расклевал индюшачьи яйца. У них межвидовая борьба.

Я лишь глаза таращила, видя и слыша всё это.

— Павлин на птичьем дворе — сущее наказание. Обожает, что бы все ему подчинялись. Властолюбивый страшно. У Брема правильно сказано: перья у павлина ангельские, голос — дьявольский, а поступь — тайного убийцы. — Тут человек обратил внимание на стайку уток: — Вон та чёрная кряква влюблена в эту красную, а те двое красную охраняют.

Нечего говорить, что досада моя прошла, я видела замечательного оригинала и ждала его новых слов как выступлений артиста. Но он вдруг сменил тему, в голосе его послышались нотки оправдания:

— Не проследи, и всё передохнет, зароется рогом в землю. Стоит на день отлучиться — и шкура готова. В прошлый раз уморили Бобку, он с голодухи наелся гнилых подсолнечных шляпок и вытянул лапки. Теперь мой сурок без пары. А вчера чуть не раздели павлина: давай выдирать ему хвост. Ну что за народ! На уме только деньги, по десятке перо: «а у него новые отрасли». Пришлось расчитать бездельников. Теперь я на базе один, потому и не встретил.

С этими словами он сел на крыльцо и преподнёс мне новый сюрприз:

— Ваша комната занята. Я поселил в ней двух сычей. А чтоб топор в воздухе не повесить, днём и ночью держал дверь открытой. И вот среди ночи сычи орут в клетках, волнуются. Значит, кто-то их беспокоит. Захожу и вижу: роспись посреди комнаты. Похоже на работу енота. Заглянул под стол — а там лисица. Большая, очень худая, какая-то вся облезлая, шкура да кости. Я вмиг дверь прикрыл, и рыжая оказалась в плену. Чуть тихо становится, она давай рыскать. Птицы начинают бить тревогу. Я сразу к ним. Открываю дверь — лисица под стол шаст, только глаза сверкают. Худая до невозможности, совсем доходяга. Может, она из леса, а может, кто взял лисёнком, выкормил, а она удрала... Моих индюшат штук двадцать передушила. Я её со злости стрелял в сумерках, но темно, мушки не видно, и я промазал... Может, чем подлечу, если попалась. А выпустить — пропадёт.

С лисицей я соперничать не могла и без разговоров уступила ей свою комнату. Однако надо же было где-то остановиться: под открытым небом могли заесть комары. Выяснилось, что Новожилов предусмотрел уже всё.

Часть 2. Есть такое место, называется Огибь

Есть такое место на излучине Донца — оно называется Огибь. Когда-то в близкой степи за пойменным лесом гнездились здесь журавли, но давно, перекликаясь, они пролетали мимо. Не манила степных обитателей распаханная земля возле покинутого хутора. С высоты они видели крыши заколоченных домов, пустые дворы.

Вымывая почву из-под корней деревьев, река тут делает плавный изгиб. Крут её правый берег. Как плети, висят вдоль него оголённые корни. Промытые водой, иссушённые солнцем, они тянутся к воде и не могут дотянуться. Пройдёт баржа, волны едва смочат концы и откатываются.

После каждого прилива уносилась почва, обнажались новые и новые корни. А потом дерево падало вниз головой; неровная вмятина на круче да вверх торчащий вывороченный комель — вот и всё, что от него оставалось.

Бывало, найти свой конец ему помогал какой-нибудь рыболов. Сталкивал с обрыва, чтобы в заводи под ветвями держалась рыба.

Здесь, в лесном уголке, лет тридцать тому назад начал директор своё хозяйство. От тех времён сохранился дом, дозорная вышка и угодыя, где летали, прыгали, бегали, плавали, ползали обитатели.

Все эти зайцы, косули, фазаны ещё мелькали у меня перед глазами, когда по опушке леса машиной мы добрались до старой усадьбы. Вокруг сумрачной толпой стояли деревья. Перешагнувшие через ограду, они теснили подворье к берегу, ведя за собою лес. Возле стволов уже собиралась дымка, и лёгкая сероватая марь висела над кучами хвороста. От неё-то так задумчиво было в лесу. И словно в лад этой задумчивости вёл свою песню чёрный дрозд. Заливисто щёлкал, как серебро рассыпал. О чём он пел в этот час, когда всё сумеречное тянется из укрытий?

— Скажут же горе-биологи, — усмехнулся Новожилов, — будто птица поёт оттого, что даёт сигналы: территория занята. От избытка сил поёт, от радости жизни!

Возможно, у дрозда так и было, я же, в отличие от него, лишь косилась по сторонам, предвидя минуту, когда останусь в этой глуши одна. Директор меж тем вернулся к машине и, пожелав мне спокойной ночи, пообещал разыскать егеря и скорее прислать сюда.

— Тоже, от чертей обрезки, — сказал он. — Самовольный стервец, ищет на свою голову приключений.

Едва гул мотора потерялся за далью, как тёмная тишина обступила меня. Первозданная, чужая, без электрических огней, непривычная.

По звяканью цепи в стороне я угадала собачью конуру. Слышалось жужжание летающих жуков, где-то вдалеке квакали лягушки.

Увы, с отъездом Новожилова кончилась и моя выдержка. Я попятилась... Боком, боком... Укрыться.

Дом был кирпичный, с высоким крыльцом. Я поднялась по ступенькам и потянула дверь. Скрип отозвался среди пустых стен. Нежилым дохнуло давнее пристанище директора.

Лучом фонаря я повела впереди себя. Высветилась прихожая, за ней ход на кухню, дальше по коридору шла боковая комната. И вдруг... Луч фонарика упал на бордовый коврик. Он показался цвета запекшейся крови. А может, мой страх придал ему что-то зловещее. Да и не только ему... Другие предметы комнаты тоже выглядели необычно. Кровать, застеленная красным покрывалом... Женское платье, распятое на плечиках... Чёрное, в белых полулунных отметинах, как у того странного павлина. Полки книг... На полках — камни. Бросалось в глаза обилие горного хрусталя. Рядом на стене «Битая дичь» в багетовой раме. Луч света выхва-

тил на картине поникшую голову мёртвого лебедя. По соседству другой натюрморт, с изображением серебристого Марсова шлема под пышными белыми перьями и черепа на переднем плане. Я сразу подумала о крючке, который набросила на входную дверь. Его ничего не стоило скинуть снаружи — лишь просунуть руку в широкую щель. Если обитательница пустого дома вернётся и увидит закрытую дверь, то как испугается сама и как испугает меня?! Даже днём подобные встречи малоприятны, а ночью... Кто она? Почему директор о ней не сказал?

В следующей комнате не было ничего, кроме голой кровати сетки, прислоненной к стене, и пустого аквариума. Лучом фонаря я отыскала электрический выключатель. От вспыхнувшего света в разбитое окно сразу же бросилась птица. Я посмотрела вверх: под потолком было гнездо ласточки. Несколько крохотных головок высывались оттуда.

Привлечённая огнем, влетела медно-рыжая бабочка с чёрными крапинами. Покружилась и села мне на голову. Свою тень с бабочкой, неправдоподобно большую, я увидела на стене. Так же неожиданно, как села, бабочка поднялась и опустилась в пустой аквариум, прикрепилась к зеленоватой стенке, и соединила крылышки.

В третьей, последней, комнате оконные стекла тоже были выбиты. Как выяснилось позднее, птицами, которые спасались от ястреба.

Мне снова стало не по себе: дверь мог всякий открыть, окна без стёкол, егерь запропастился, рядом река. Если это гостеприимство, то я либо в фильме Хичкока, либо во сне. Вдобавок я ничего не придумала, как утешить себя, затворив пустые оконные рамы. Краем глаза я заметила мёртвую змею под окном на земле. Она лежала вверх жёлтым брюхом.

Я выключила свет и прилегла на одну из голых кроватей. Мне приснилось, что сюда, в эту дичь, брошенную даже егерем, пришла моя мама, чтобы ободрить и защитить. Она присела на край кровати и сказала: «Не бойся. Смотри, что я тебе принесла», — и протянула оправленную в овал голубую эмаль, на ней блестели осколки граненого хрусталя. Вглядевшись, я распознала изображение тира. Хрусталики означали мишени. Разглядывая талисман, я не заметила, как мама исчезла.

Часть 3. Дом был по-прежнему пуст

Птичья возня на чердаке заставила открыть глаза.

Уже рассвело, но дом был по-прежнему пуст. Под окном всё так же лежала мёртвая змея. Мои страхи прошли. Сменились чем-то похожим на любопытство. Хотелось осмотреть эти владения.

Со двора хорошо виднелся конёк крыши. На нём по всей длине сидели голуби, под их солнцем плавные продолговатые тела отливали перламутром. Завидев человека, голуби с шумом взлетели и сели в загоне, опоясанном сеткой. Тут серые гуси и кряквы что-то клевали. Между ними прохаживался селезень.

Он уже начал линять. От великолепного зелёного воротника уцелело несколько жалких пёрышек. Неряшливый вид бывшего утино-го сердцееда подтверждал ещё одну старую истину: вот что значит стать одомашненной птицей — всегда при подруге, вечно у неё на глазах, обабился, опустился, превратился в подкаблучника, а дикие собратья сыграли свадьбу да и вернулись к холостяцкой жизни. Линяют себе, где никто их не видит.

Возле тростникового шалаша под ногами у взрослых путались тёмно-жёлтые утята.

Гусиное население загона вдруг отделилось от крякв и гурьбой остановилось напротив меня. Писк, да и несчастный вид гусей говорил о том, что они истосковались по воде, что им не мил белый свет. Купель, выбитая в земле, давно пересохла, а ведра и тазы, расставленные по двору, пусты. Начинался длинный день, который, как и предыдущий, обещал быть жарким. За что безводная пытка плавающим птицам?!

Шесть вёдер из колодца — и купель ожила. Кряквы окружили её, полоща клювы. Ещё одно ведро я поставила у плетня. Гуси кинулись, перегоняя один другого.

Последним я наполнила таз. Возле него сразу же выстроилась длинная гусиная очередь. Сначала птицы пили, а после самая находчивая гусыня, наверно, самая главная, залезла в таз и, расположившись, как в ванне, стала чистить пёрышки клювом. Остальные терпеливо ждали. Закончив туалет, гусыня вышла, и таз тут же заняла другая.

Гоготанье прекратилось, когда выкупался последний гусь. Затем птицы чистились на суше, расправляли короткие крылья, трясли хвостами.

Через некоторое время к тазу подошли цесарки, презрительные и чопорные, настоящие классные дамы в тёмных платьях горошком. Выхватили плавающие зёрнышки и, судача, удалились.

Огород тоже изнывал от жары. По капустным кочанам и цветущей редиске он угадывался на заросшей земле. Почти вплотную к нему подступал донник. В его благоухающих жёлтых зарослях можно было скрыться с головой.

И здесь раздавалось воркование голубей, но пение иволг перекрывало всё. То было настоящее царство птицы-флейты. «Тиу-лиу» не умолкало. Изредка врвался крик драной кошки — так давала

знать о себе сойка. Но иволги брали своё, обрушивая пение с удвоенной силой. Если бы не мысль о запропавшем егере, я чувствовала бы себя счастливой.

На его деревянном домике висел замок. Я решила спуститься к берегу и тут впереди, на тропе, увидела человека. В фуражке с лесной эмблемой.

— Ну, и попадёт же вам от директора, — сказала я. — Он искал вас вчера.

— Как бы ему самому не попало. Гляди, заклюют, как ястреб фазана, а пёрышки по ветру пустят.

Такой оборот удивил меня, заставил посмотреть на егеря внимательней. Как видно, то был нелюдим, оберегающий своё одиночество.

— Интересно, это Василий Прохорович, что ли, фазан?

— Кто он после узнаем. Вскрытие, как говорится, покажет, — многозначительно ответил егерь и пояснил: — Люди пострелять приезжают, а у него присказка: «На охоте, как в бане, все равны»... Никого не уважит, знает долбить «Любите природу в живом, а не жареном виде!». Вот и нажил врагов. Видано ли, озеро запалили! Камыш полыхал — за версту треск стоял. Пока хватились — глядь, и деревья рядом вспыхнули свечкой. Так на виду и торчат головешками. Камышовки, фазаны, утки — всё погорело. Да и без пожара полно неприятностей. Несколько кубов леса, бревно на бревне, чёрт ногу сломит, лежат брошенные. Уже сгнили почти. Только глаза ими колют. А вывезти — тракторов не дают. Зато перепахать наш заказник — это моё почтение: и солярка, и трактора — всё нашлось. Зайчат, фазанят передавили начисто. Видано ли — пахать места гнездования! А вчера в лесополосе грохнули кабана. Кто? Чего? Неизвестно... Лужа крови да ружейная гильза — и ищи ветра в поле! — Оглядев меня с ног до головы, егерь спросил: — Ночевать хоть не страшно было?

— А чего бояться? — сказала я, не моргнув глазом.

— Дурдом неподалеку, оттуда люди сбегают.

— Ну и пусть сбегают, мне-то какое дело?

— А пристанище ищут здесь. Только пёс и спасает.

Эти малоприятные сведения озадачили меня задним числом. Я связала их с видом странной комнаты и мёртвой змеи под окном.

— А ещё мышей пропасть, — добавил егерь, — змеи вползают...

Готовность, с которой он выдавал неприятности, показалась мне подозрительной. Похоже, егерь нарочно страшил, чтобы избавиться от меня побыстрее. Чем я мешала бестии, понять было трудно.

— А приезжие горожане все одинаковые. День походят: «Ой, как у вас тут красиво! Вода, лес, птицы поют!» На другой день спраши-

вают: «У вас удочки есть?» Даю удочки, садятся ловить. Скоро и это надоедает. «А с бабами как? Водятся?» — «В станице, — говорю, — на подбор, одна жарчее другой, только за этих баб вам ноги переломают и голову оторвут». Затылок почешут и говорят: «Давай ружье, пойду в лес, что-нибудь убью». Ружья, конечно, не даю, и они вскорости убираются. Вы-то как, не охотитесь?

— Обязательно! За впечатлениями.

— За вами ухаживать? — спросил он через некоторое время, опять оценив меня взглядом с ног до головы.

— В каком смысле?

— Как за женщиной.

Неожиданное предложение снова заставило меня взглянуть в него. Вид у него был не самый счастливый. Большие глаза его казались весёлыми, но эта весёлость отдавала тоской.

Я ответила, что он мне очень понравился, но, если бы он оставил меня в покое, то понравился бы ещё сильнее.

Егерь пожал плечами, заметил в своё оправдание:

— Если за женщиной не ухаживать, она может обидеться.

— Ну, это по настроению.

— А что, — заметил он с вызовом, — не по зазнобе ходок? Будьте покойны, вашим хахалям городским фору дам что с вашей сестрой дамою, что с бабою деревенской. Луна, небось, для всех одинаково светит.

— А кто сомневается, — сказала я, желая покончить со скользкой темой. — Тем более если на шее метка. Свеженькая, как розан. Не лунной ли кошечки знак?

Егерь ничуть не смутился, лишь потер ночную улику бешеной ли, неумелой ли страсти. Выждал минуту и тогда наконец сказал то, ради чего, по-видимому, и затеял весь разговор:

— Моё дело — предупредить, а вы уж смотрите... Хотите верьте, хотите нет. Привидение здесь.

В это время ручной ворон снялся с насеста и, перелетев двор, опустился на крышу подъехавшей машины. Из неё вылез водитель. Ворон перемахнул к нему на плечо и яростно закаркал. От неожиданности водитель пригнулся, замахал руками. В ту же минуту ворон узрел между зеленью егеря и полетел к нему, каркая ещё требовательней.

— Правильно, Карпо, — сказал егерь, — не поорешь — никто зрять не даст. Так и берём с тобой глоткой.

Водитель меж тем отряхивался, хотя ни пера, ни какого другого «сувенира» Карпо не оставил ему на память. Ворон вообще не удостоил бы его внимания, если бы яркие кружочки на его рубаше не принял за ягоды.

— Когда есть хочешь, не то перепутаешь, — сказал егерь, подойдя к машине, и, заглянув внутрь, спросил: — Он самый?

— Обижаешь, — ответил водитель, вытаскивая тяжёлый мешок.

Егерь сразу же подхватил его, вместе они потащили мешок к сараю. Через какое-то время оба вернулись, но уже в компании огромного сонного филина, который сидел в корзине.

Карпо точно ветром сдуло.

— Нервы слабые, — сказал егерь. — У этой пернатой шпаны точно как у людей: что два заклятых врага, что ворона и филин.

— Филимон, — представил птицу егерь, — филин-пугач.

Я уставилась на мрачное существо, озадачивающее своим неподвижным пристальным взглядом.

— На бахчи повадилось вороньё, — пояснил егерь, — всходы выклёвывает. Поедем сейчас с Филимоном воров шугать, а вы, смотрите, не обижайте Карпо... Он у нас молодой, в людях не разбирается.

Объяснение этой загадочной сцены явилось позднее. Тогда я не знала ещё, что филин, которого называют «королём ночи» и которого, говорят, побаиваются сами волки, используется для острстки ворон. Суть этой охоты проста. Спутанного филина сажают около дерева и начинают дёргать за верёвку. Он поднимает шум, бьёт крыльями. Окрестные вороны, заметив привязанного тирана, тотчас слетаются, приглашая товарок напасть всем кагалом. Но сначала они опускаются на одинокое дерево по соседству. Отсюда их и снимет дробью стрелок.

Итак, охотники уехали. А я осталась в обществе ворона, сам вид которого настраивал на мистический лад. Те давние строки — они памятны многим: «Никогда! — О, Nevermore!» — не заставили себя ждать. Они пульсировали в голове, вызывая вспышки каких-то мгновенных прозрений. В одиночестве слова егеря о привидении уже не казались пустыми. Мысли вертелись вокруг странной комнаты, куда никто не явился. Туда почему-то тянуло. Фантазии моей хватило на то, чтобы оправдать свою тягу книгами, которые я заметила ночью под лучом фонарика. Да и талисман в виде тира, переданный мне мамой во сне, сыграл не последнюю роль. С ним я чувствовала себя под защитой.

Часть 4. Томик старинного Часослова

Меньше всего я ожидала увидеть томик старинного Часослова. Здесь, в этой глуши... В разбитом доме... Давнее издание в кожаном переплёте с желтоватыми, как пергамент, страницами лежало на столе, раскрытое на сцене соколиной охоты. Рисованная кавалькада кавалеров и дам на белых конях следовала за соколь-

ничим по странице, держа соколов на руках. Островерхий замок возвышался за ними. Его огибала река. Знойная жатва шла на одном берегу. И над всем этим великолепием в синем однотонном тимпане плыли изображения Зодиака: Лев и Дева, Дева и Лев. Их путь, отмеченный, как на шкале циферблата, шёл по кривой, среди чисел и звёзд, повторяя очертания сферы. Под ними Солнце вершило своё сияние на колеснице с невиданной белой птицей. И всякий, кто смотрел на это сияние, ощущал природу в масштабе Вселенной.

«Я тоже так хочу», — было написано от руки рядом со сценкой галантной процессии. На странице хватило места и для другой записи, явно непредназначенной для посторонних глаз. Я прочтала её и решила забыть. И стала перелистывать книгу с таким чувством, словно в ней и есть та самая тайна, которая жила во всей обстановке дома. Что означали эти картинки: главенство природы или всеведение мистических соответствий, или заброшенность человека в этом мире?

— Поосторожнее там, — послышалось за окном. Я глянула в направлении голоса и увидела егеря. Нельзя было не отдать должное его бесшумной походке. Он подкрался, как зверь. — С тех пор, как нашли её мёртвой, я туда не вхожу.

— А где ворон? — спросила я, чтобы что-то спросить.

— Я ведь предупреждал: в эту комнату последняя хозяйка является. Сам не видел, но другие рассказывали, будто является и шепчет: «Или я или звери». Она и при жизни такое условие ставила, но директору что... У него ответ наготове: «Женщин много, а работа одна». Прежние жены слушали и сбегали, а эта гордая, романтики захотела... Вот и влипла, художница. Ни одной путной картинкой не работала. Так... Зарисовочки. Да и те в печку бросила. Правда, сама была, как картинка. Что она, что растрava душе. А мужик её ни-ни-ни. В упор не видел такую бесподобную краля. Не Танюшею звал, а Палашкой, вроде прислуги. Она терпела, терпела, а потом взяла да и приняла таблетки. Медикаментозное отравление. Он утром вышел сказать, чтоб затопила печку, а она на кровати мёртвая. А ведь сама сюда напросилась, зверей наблюдать. Там всё как при ней... Кроме животных. Видано ли, не ступи ногой в доме — то черепаха, то уж, то хорёк. Подстреленную косулю из леса припёр. Из всех животных она лишь павлина любила. Ей вообще требовалось что-то такое... Аховое... Не житейское. После этого директор и снялся отсюда — к людям поближе. А что толку? Его не переделаешь. Он и новый дом заселил зверьём. Теперь, видно, решил новой женой обзавестись, — и егеря многозначительно посмотрел на меня. — Своих-то калачом не заманишь. Дальних взялся отлавливать.

«Как грустно всё на белом свете!» — подумала я. Как ни жаль было бедную Таню, но сердце ныло не только из-за неё. Кому-кому, а мне-то известно, какое оно — наваждение, которое громко зовётся призыванием. Ненавистное близким. Неразлучное с одиночеством. Берущее человека за горло.

— Это по первости он герой, что-то из ряда вон, а приглядишься — гад из гадов, — заключил егеря, словно печать поставил.

Наверно, и я в чьих-то глазах вроде этого Новожилова, нелюди-мая, грубая, жёсткая... Ну и пусть. А по-другому ничего не получится. Хотя и так Бог гарантии на успех не даёт.

Ночлег в брошенном доме, не слишком приятный в начале, теперь и вовсе не улыбался. Присутствие егеря с его рассуждениями могло превратиться в пытку. Но выбора не было. Не за тем же пожаловала сюда, чтобы показать себя искательницей удобств. И я задержалась. А, может, мне просто не хватало адреналина в крови. Правда, следующим утром выяснилось, что привидение оказалось понятливее егеря и не являлось ко мне. Но приходишь выбирать между ним и егерем, я предпочла бы привидение. Оно, по крайней мере, молчит и не топчется ночью под окнами. Испытывать же выдержку егеря впредь я не хотела. И пошла ему объявить, что ухожу. К рыжей лисице, назад.

В домике егеря не было. Я поискала во дворе, и что-то обратило меня к сараю. Я сунулась туда и... обомлела. Белоснежный павлин маялся среди дров. Он, видно, только очнулся от обездвиживающего наркоза и думал, что он во сне. Я глядела на это диво, чувствуя, как подозрение отравляет мне жизнь: для редкостной, нет! редчайшей птицы павлин был слишком распространен в этих краях.

— Серафим! — позвала я, решив, что птица сама выдаст себя.

Мне показалось, что павлин встрепенулся. Конечно, визитной карточки он не мог предъявить, зато пустой мешок с веревкой, лежащий рядом, говорил в пользу моей догадки. Теперь стало ясно, что привёз водитель в обмен на филина-пугача.

Через несколько минут я была уже в дороге.

Остаётся добавить, что егеря нагнал меня у сторожевой вышки. Он протянул мне платок, связанный узелком. Я развернула и увидела медальон, похожий на тот, который надела на меня мама во сне. Голубая эмаль с хрусталиками в виде тира. В отличие от моего, на этом было написано: «Лучшему стрелку от Фальц-Фейна».

— Я стреляю не хуже, — сказал егеря. — А эту медальку получил мой дед от самого владельца «Аскании-Нова». Дед там работал.

Я поняла, что мама подаёт мне знак — забыть белого павлина. Что с ним случилось, я так и не знаю. Возможно, он долго ещё напоминал егеря о Танюше. А может, вернув павлина на прежнее место,

егерь проникался убеждением, что для её памяти сделано всё. Теперь мне кажется, что этого павлина и вовсе не было. А если всё-таки был, то не белый, а чёрный. Зато судьба егеря мне известна: ближе к зиме директор сообщил, что он застрелился. Тогда я позволила себе вспомнить слова, случайно прочитанные в Часослове. Под сценкой роскошной процессии на белых конях, под рисованными нарядными дамами с птицами на руках и галантными кавалерами в расшитых накидках, осенённая зодиакальным изображением Льва и Девы, темнела карандашная запись: «Бог в дверь не стучится...»

НА ВОЛНЕ

* * *

В рассвет
Уйдут
Стихи
Мои
К Тебе
Звездою
Преломившись
На волне
Стихи
Проблещут
Солнцем
В вышине
И упадут
В ладонь
Твою
Во сне

* * *

Озёрный
Клён
Осыпанный
Дождём
В предвестии
Зелёного
Рассвета
И аромата
Солнечного
Лета
Над Облаком
Вершиной
Вознесён

* * *

Максимилиану Волошину

Солнце
Свет
Очей
Под звездой
Твоей
Струится
Блеском
Утренних
Лучей
Зажигаются
Жар-Птицы
Солнце
Твой
Рассвет
Звёздным
Ветром
Не затмится
Этот
Негасимый
Свет
Зажигаются
Жар-Птицы

* * *

Мой
Поздний
Стих
Когда-то
Оборвётся
Молитвой
Обернётся
Звёздный
Час
Тот
Синий
Ветер
Птицею

Взовьётся
Вернётся
Вешним
Облаком
Для нас

Брату Владимиру

* * *

Твой
Голос
На рассвете
Словно
Ветер
Шаги
Твои
Стихают
На заре
Стихи
К Тебе
Приходят
На рассвете
В далёком
Негасимом
Октябре

БЛАГОСЛОВЕНИЕ*сказка*

Когда-то, давным-давно, ещё во времена Василия Блаженного, Клин был рядовой крепостью московского царства. Он был обнесён частоколом, земляным валом и рвом, но это мало помогало от врагов. Обложат крепость со всех сторон, и давай обстреливать её огненными стрелами. Вскоре в крепости начинались пожары, и не было людям спасения в этом огненном кольце.

Тогда придумали они, как спасти жён и детей своих от гибели неминучей. На окраине крепости выкопали они большое подземелье. Укрепили его брёвнами, да толстым слоем земли, так что ни одна огненная стрела стала ему не страшна. Нападёт враг, начнёт стрелять огнём, защитники тут же спрячут своих близких и ценности в подземелье.

Через какое-то время люди поняли, что в случае захвата крепости, их жёны и дети окажутся пленниками врага. Нужен был подземный ход к реке. Прорыли ход, замаскировали выход на берегу и успокоились. Вскоре на другом берегу реки в землянке поселилась старуха-вещунья. Стали бабы похаживать к ней, кто за советом, кто поворожить, а кто за приворотным зельем. Вместе со всеми пришла однажды узнать свою вдовью долю молодича с сыном. Увидела мальчика вещунья и давай гнать их прочь от своего жилища. За ворожбу и приворот рассердились мужики на бабу-ворожею, развалили землянку, а ей велели убираться прочь из их краёв.

Исчезла старуха, и сколько не искали её женщины, она точно свозь землю провалилась. Но вот вскорости из крепости стали пропадать люди. Уйдёт молодец на охоту, да и не вернётся, ищут, ищут, всё без толку. Стали грешить на тверских, но те клялись-божились, что не видели никого, что они и помыслить такое не могут. Время шло, а люди по-прежнему пропадали в лесу, и тонули в реке.

Однажды на рассвете, ночной дозор заметил, как один из стражников, спустился к реке. Стали смотреть за ним. Молодец стоит смотрит на реку, ждёт кого-то. Тут из подземелья вышла старуха в чёрном и пошла к воде. Вот она вошла в воду, окунулась и через мгновение превратилась в дивную красавицу со звездой во лбу. До-

зорные обмерли слова вымолвить не могут, стоят, смотрят. Девушка поманила парня за собой, и он, как был в одежде и доспехах, так и пошёл за ней в реку. Тут всё покрылось густым туманом, скрылась краса девушка, а с ней молодой стражник. Больше никто не видел ни добра молодца, ни тела его.

Так продолжалось долго, люди стали бояться появляться у реки, а в лес ходили только по нужде, за дровами. Весной вдовой молоднице приснился сон, будто идет её шестилетний сыночек по водам реки, как Бог наш, Иисус Христос, и вокруг русой головы его великое сияние. Вот он выходит на берег и напрямик в подземный ход. Осветился ход и оттуда повалил чёрный дым. Слышит молодница, как с небес кто-то говорит ей: «Твой сын спасёт крепость от нечистой силы, изгонит злую колдунью из краёв ваших».

Проснулась молодница и поняла, сон то вещий. Склонилась она над сыном и зашептала: «Ангелочек ты мой ненаглядный, на тебя пало Божие благословение, но больно ты мал, хватит ли сил для нашего спасения?»

Поутру рассказала молодница свой сон соседке. Та быстро, точно сорока, тут же разнесла услышанное ею жителям крепости, и вскоре у дома вдовы собралась толпа мужиков и женщин. Стали они просить её отправить своего сына в подземелье. Долго не соглашалась вдова, но люди уговорили её. И она, взяв сына за руку, отправилась с ним на реку, ко входу в подземелье. Толпа в полной тишине шла за ними. Вот они с сыном подошли к проёму в песчаном обрыве, опустились на колени и долго молились. Затем вдова подвела сына к проходу и ласково сказала: «Алёша, сынок мой, на тебя одна наша надежда, только ты сможешь спасти всех нас от нечистой силы, только ты сможешь победить злую колдунью. Иди, да поможет тебе Бог наш, Иисус Христос».

Мальчик подошёл к входу в пещеру, троекратно перекрестился и тут над его головой возник сияющий нимб. Он оглянулся на мать и вошёл в тёмное подземелье. Прошло несколько минут и тут из подземелья повалил густой чёрный дым.

«Братцы, смотрите, никак старуха вылетела вместе с дымом», — указывая на клубы дыма, вскричал седой старик. Услышав это, толпа бросилась на колени и в едином порыве заголосила: «Это нечистая сила покидает нашу землю! Боже сохрани нас и помилуй, не дай нечисти снова поселиться среди нас, грешных!»

Затем земля содрогнулась, берег реки пришёл в движение, густой дым рассеялся, и у выхода из подземелья появился Алёша и с ним девочка неземной красоты. Мать, увидев сына, едва не теряя сознание, рыдая, подошла к нему, расцеловала и, посмотрев на девочку, спросила:

— А ты чья будешь?

— Я бабушкина внучка, Варя, — ответила девочка.

Толпа, увидев их, в благоговейном трепете молчала. Затем все бросились на колени и стали благодарить Бога Иисуса Христа за чудесное спасение Алёши и избавлении их от нечистой силы.

С тех пор на Клинской земле стали рождаться крепкие, сильные духом мальчики и красивые домовитые девочки.

2021 г.

Проклятие

Сказка-быль

Ясным солнечным сентябрьским утром, наш старинный православный город отмечал день великой скорби о насильственной смерти великого Пророка, Предтечи Господа Иисуса Христа, Иоанна Крестителя, который предвозвещал людям явление Спасителя мира. Народу в храме Успения было столько, что многие слушали проповедь батюшки, рассказывающего о том, как по приказу властителя Галилеи был обезглавлен святой Пророк на церковном дворе.

Девочка лет двенадцати в красивом голубом платье и тёмном платке толкнула стоящего рядом седого, не по годам статного, старика и прошептала: «Дедушка! Посмотри-ка, там за оградой, у калитки лучший ученик нашей школы Антон Захаров. Боже, какой он худой и бледный, наверное, он, дедушка, больной. Видишь, топчетсЯ у калитки, а войти во двор боится».

Старик повернул голову и долго разглядывал паренька, которому на вид было лет семнадцать, потом наклонился к внучке и прошептал:

— Впервые он здесь, поди и позови горемычного.

— Дедушка, почему горемычного? Он что же согрешил?

— Может, и не он согрешил, да всё одно, горемычный.

— Ну, деда, ты даёшь, вот так просто посмотрел и сразу определил Антона в горемыки! Да знаешь ли ты, что он победитель многих городских и областных олимпиад? Даже губернатор наградил его грамотой, а ты, горемычный.

— Ты, Даша, посмотри на его лицо, видишь какое оно измученное? Страдает сердешный, вот потому и горемычный.

Служба в храме шла к концу. Вот уже пропели особое молитвенное поминовение православным воинам, погибших на поле брани, а мальчик всё стоял и смотрел на молящихся и купола храма.

— Даша, иди, позови мальчонку, — подтолкнул девочку старик. Девочка кокетливо оглядела себя и, видимо оставшись довольной, пошла к церковной калитке. Тем временем люди, заполнявшие храм и прилегающий двор, тоже потянулись к выходу, так что девочка с трудом протиснулась за ворота и остановилась около паренька.

— Антон, пойдём в церковь, тебя мой дедушка зовёт, — потянула она его за рукав.

— Не могу, я некрещенный, — ответил паренёк.

— Это ничего, мой дедушка говорит, что наш Боженька видит у кого в сердце есть вера в него, а у кого её нет и ещё он говорит, что все русские рано или поздно вернутся к вере предков. А чегой-то ты так исхудал? Наверное болеешь, да?

— Отстань, не болею я, — отмахнулся паренёк. — И чего привязалась? Не пойду... пока.

— Меня Дашей зовут, я из 6 «Б», — не обращая внимания на его протесты, сказала она и, улыбнувшись, добавила. — Смотри, вон и мой дедушка сюда идёт.

Действительно, к ним подходил прямой и крепкий, как дуб, старик с седой нестриженной бородой и добрыми серыми глазами на широкоскулом, простодушном лице.

Паренёк взглянул на старика и вдруг улыбнулся:

— Боюсь входить, как бы чего не вышло, — тихо произнёс он.

— А ты не бойся, вон видишь скамейку, пойдём посидим, поговорим, глядишь полегчает и страх пройдёт. Тебя как зовут?

— Антон.

— А меня дедушка Панкрат. Некрещеный, значит?

— Нет, не крещен.

— При желании дело это поправимое, Господь наш, Иисус Христос в тридцать лет принял крещение и тебе никогда не поздно.

— Подумать надо.

— Подумай, а пока присядем да погреемся на солнышке. Вижу, многое сказать хочешь, да стесняешься. А ты говори, чужому человеку завсегда легче душу открыть.

Они подошли к скамье и сели.

— Дашенька, — обратился старик к внучке, — поди купи свечку и поставь её на помин души бабушки твоей Степаниды Ивановны, царство ей небесное. А мы тут пошепчемся, чую разговор у нас будет мужской, так что иди, иди с богом, милая.

— Не знаю с чего и начать, — понурился, прошептал Антон.

— А ты говори всё как есть, я пойму и, если смогу, то помогу.

— Понимаете, несколько дней назад, из Першутина к нам приехала моя прабабушка. Ей уже девяносто пять, а ещё крепкая. Ни-

когда у нас не была, а тут бах, приехала и говорит, что, мол, помрёт скоро, поговорить, мол, перед смертью предостеречь надо. Заперлись они с моей матерью на кухне и давай шептаться. Вы можете представить шёпот столетней старухи? Оглохла совсем вот и ей и кажется, что она шепчет, а я в своей комнате сижу и всё слышу, как она говорит: «Перво-наперво знай, всё, что я скажу, святыми мощами Иоана Крестителя клянусь, истинная правда. Послухай меня, внученька, ты первая, кому я энтю говорю. Всё боялась, у чекашников ручищи во какие длинные, везде достанут. Только помру скоро, бояться поздно.

Господи, прости нам грехи наши тяжкие. Дело, значит, было не то в тридцатом, не то перед самой войной, не помню уж. Помню одно мой муженёк не своею смёртушкой помёр, упал с колокольни и расшибся в смерть. Порешили, значить, власти тогда, колокольню Троицкого собора обезглавить, а, чтоб замолкла она навсегда, колокол с неё сбросить. Стали искать желающих дело энтю поганое сделать, да не нашли, не потеряли ещё тогда люди веры Христовой.

Тогда порешили своими силами обойтись и назначили, значит, моего муженька и ещё двоих сподручных совершить энтю гнусное дело. Он, ирод проклятый, в то время служил в местном чека, в расстрельной команде, а энтим душегубам всё нипочем, они тогда по приказу не колокола, мать родную готовы были сбросить. Да энтю я уже потом поняла, а тогда бросилась ему в ноги и стала молить, да говорить, что ежели он сбросит колокол, то Бог его и всех нас покарает. Не послушался ирод проклятый. Народу собралось тьма-тьмуца, все стоят и молчат, боятся слово молвить, сама посуди, в ту пору людишки стали исчезать бесследно. Молчат, а сами, по губам видно, шепчут самые страшные проклятия. Грешна, я тоже проклинала и тоже молчала, боялась за маленького сыночка, что у нас полгода назад, народился.

Полезли, значит, они и давай колокол раскачивать с тем, чтобы опустить на огородку, затем обрезать канат и сбросить. Всё получилось у нехристей, да только в последнее мгновение канат опоясал тело мово-то, потянул за собой и грохнулся он вместе с колоколом оземь. Случилось энтю в день поминовения Иоана Крестителя, как раз на тридцатилетие мово непутёвого. Ладно бы, согрешил и Бог наказал ево, но ровно через тридцать лет, день в день, погибает мой первенец и тоже не своею смёртушкой, а потом и мой внук, муж, значить, твой тоже гибнет. Вот так-то. Я энтю к тому, чтоб ты поберегла сынка-то свово, покрестилась бы сама, да и мальчика тоже, пусть ходит в церковь молится Богу, да просит прощение за грехи наши тяжкие.

— Вот такая история, дедушка. Я сидел и совсем не верил выжившей из ума старухе, да вот только отец-то мой, десять лет назад, умер как раз в этот день, и было ему, как и прадеду, тридцать лет. По её словом выходит, что род наш, Захаровых, вот уже более семидесяти лет, как проклят, от того и дед, и отец мой померли. Не верю я в проклятия и прочую ерунду, может быть, когда-то в глубокой старине и было, но только не в нашем двадцать первом веке. Не верю, но эти совпадения...

— Верить не верить, но в жизни всякое бывает... — печально улыбнулся старик. — Думаю это не простое совпадение. Тяжкий грех свершил твой прадед, — снова вздохнул старик, — на святое дело руку поднял твой прадед, за то Бог и покарал его.

— Так и прабабушка моя сказала, мол, нету ему прощения ни на этом, ни на том свете.

— Поэтому ты пришел сюда к Божьему Храму? — спросил старик.

— Наверное, — кивнул Антон.

Антон замолчал, его тело, как в ознобе, стала бить едва заметная дрожь. Старик пододвинулся к нему и положил свою руку на голову паренька

— Успокойся, — сказал он и, поглаживая его непокорные вихры, продолжал, — ты ни в чём не виноват, но ты можешь богоугодными делами изменить свою судьбу.

Антон молчал и отрешённым взглядом, как бы ища защиту, смотрел на церковные купола. Противная мелкая дрожь всё сильнее охватывала его сухонькое тело.

— Оказывается, и в наш циничный век есть тонко чувствующие и глубоко переживающие натуры, — подумал старик и взмахом руки, подозвал к себе старушку.

— Пелагея, — обратился он к ней, — помоги рабу божиему Антону, вишь, как мается?

— Чичас, батюшка, чичас, — поклонившись, пробормотала старушка и, склонившись к Антону, прошептала:

— Возьми сухарик, сердешный, он не простой, он из Дивеева, освящённый в котелке преподобного Серафима Саровского, он поможет, он многих спас от нечистой силы. А это молитва преподобного, — протянула она маленький листок исписанной бумаги, — прочти её три раза и попроси батюшку помочь тебе.

Антон покорно протянул руку и, взяв сухарик, положил его к себе в рот. Затем поднёс к глазам листок с молитвой и начал шептать её слова:

— Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Суетными и страстными помышлений мятущийся ум наш исцели, преподобне, волны зла-

го нечестия укроти, расслабленная житейскими попечением сердце наше укрепи, да славим Христа Содетеля во все веки. И ныне и присно и во веки веков. Аминь.

— Таинство крещения, тебе, милоч, принять надо, тогда и кручина твоя пройдёт, — сказала старушка и засеменила к небольшому строению, где продаются свечи и другие церковные принадлежности.

Тем временем Антон почувствовал, что дрожь в его теле начинает постепенно утихать и он, подняв глаза на свою удаляющуюся спасительницу, перекрестил себя.

— Видно не только слова старухи, но и ещё какая-то забота связанная с этим рассказом, мучает парня, — подумал старик, — видно влюбился и это до предела обострило все его чувства.

— Антон, девушка у тебя есть? — в упор спросил старик.

— И есть, и нет. Два дня назад она не то бросила меня, не то просто ушла. В тот вечер она мне уши прожужжала о возрождении Троицкого собора, мол, надо организовать движение за его возвращение в лоно церкви, мол, Советской площади, надо срочно вернуть её былое название «Соборная» и т.д. и т.п. Катя, так её зовут, с характером, она, что втемяшит себе в голову, то ничем не выбьешь, будет стоять на своём. А когда я ей сказал, что не крещён, и мне нет дела до собора, она обозвала меня нехристом, идиотом и убежала.

— Ну, дела, а я, кажется, знаю о ком идёт речь, кажется о той, что недавно собирала подписи за возвращение церкви Троицкого собора, — подумал старик.

— Так, что же Катя говорит насчёт Троицкого собора?

— По словам Кати Троицкий собор всё ещё находится в поругании и, что наше святое дело вернуть ему былую славу. Когда-то Троицкий собор являлся центром всей церковной жизни нашего города и окрестных деревень. Потом всё порушили — превратили собор в Дом культуры, чем он является и по сей день. А как говорит Катя:

— Если ребёнок, идя мимо храма, видит там дискотеку, то этот маленький человек уже никогда не будет нормальным гражданином нашего общества, так как уже в этом он видит обман и бескультурие и воспитывается на них. Ещё она сказала, что возрожденная община Троицкого собора во главе с его настоятелем, уже много лет просит местные власти вернуть храму его предназначение, но «воз и ныне там», а потому нужен напор молодых, сильных людей, от которых трудно будет отмахнуться и которые вернут собору былую славу.

— Славная девушка, хорошее дело задумала, только трудно ей будет, тут нужен всеобщий подъём, нужна народная воля, а клинчане видно не готовы к этому, — вздохнул старик, — большинство людей всё ещё не отойдут от скверны прошлого, всё ещё сильно ду-

ховное разложение общества. Однако под лежащий камень вода не течёт, а потому такие люди, как твоя Катя, рано или поздно победят.

— Но неужели из-за этого надо ссориться? — воскликнул Антон.

— Помиритесь, — успокоил его старик, — дело молодое, горячее, сердце нетерпеливое, жаждет добиться всего быстро, а так не всегда бывает. Но тебе непременно надо поддержать её, а твоё крещение будет первым шагом к вашему примирению. Кстати, ты что-нибудь знаешь об обряде крещения?

— Кое-что слышал, но очень мало, церковных книг-то я не читаю. Мать моя не очень жалуёт попов, она вообще из прошлого века, атеистка.

— Хочешь послушать?

— Конечно, хочу, — кивнул Антон.

— Тогда слушай. Господь наш, Иисус Христос принял крещение в водах реки Иордан в возрасте 30 лет. Перед выходом Господа на служение спасению мира Богом был послан пророк Иоанн Предтеча, то есть предшественник, чтобы приготовить людей к принятию Христа. Святой Иоанн Предтеча проповедовал при реке Иордан и крестил приходивших к нему крещением покаяния. Когда же Сам Господь пришел к нему, чтобы креститься, Иоанн останавливал Его, говоря: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?»; но Христос настоял на этом — не потому, что Сам имел нужду в Крещении, но для того, чтобы «исполнить всякую правду» — то есть исполнить закон, «водами погребсти человеческий грех», освятить водное естество и подать всем нам образ и пример Крещения.

Крещение Господне именуется также Богоявлением, потому что при этом событии миру явлены были все три Лица Святой Троицы: Бог Сын крестился во Иордане, Бог Отец свидетельствовал о Нем голосом с Небес: «Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» и Бог Дух Святой сошел с небес на Христа в виде голубя.

— Это, что же сказка-быль? — тихо спросил Антон.

— Это был, так было и так есть, — посуловел старик.

— Хорошо, хорошо, верю, так было — встрепенулся Антон, — не обращайтесь на меня внимания и говорите, что было дальше.

— А дальше было так! Начало празднования Богоявления относится ко временам святых апостолов. В своих писаниях они заповедуют праздновать Крещение Господне 19 января, так как в этот день совершилось явление Божества Иисуса Христа. В Православной Церкви этот праздник отмечается с тем же величием, как и праздник Рождества Христова. Суть же Крещения заключается в том, как говорил святой апостол Павел: «все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись».

— Так что же, креститься можно только в январе? — спросил Антон.

— Нет, креститься можно круглый год, так как купель наполнена водой, которую освятили 19 января, в день Крещения Господне.

Антон, как бы обдумывая всё сказанное стариком, долго молчал, а потом спросил:

— Значит и сегодня я могу быть крещён?

— Если ты готов, если в тебе пробудилась вера в Бога, то конечно можешь, — с чувством произнёс старик.

— Готов, очень даже готов! — воскликнул Антон.

Пока они беседовали, почти все прихожане разошлись по своим делам и только несколько старушек всё ещё стояли у входа в храм. Через несколько минут появился молодой, с рыжеватой бородкой священник и, осенив их крестным знаменем, повернулся, чтобы уйти в храм.

— Преподобный, — окликнул его старик, — можно с вами поговорить?

Старик поднялся со скамьи и, подойдя к священнику, что-то сказал ему. Священник, в знак согласия, молча кивнул и вошёл в храм.

Тем временем старик позвал к себе внучку Дашу и что-то прошептал ей на ушко. Даша засмеялась, озорно вздернула плечами и побежала в сторону ближайших домов.

— Не передумал? — подходя к Антону, спросил старик. — Ежели не передумал, то через несколько минут, ты будешь крещён в самом древнем храме нашего города.

Антон впервые вошёл в церковь и потому, подобно древним язычникам, был буквально потрясён его красотой и величием. Он напряжённо огляделся и увидел перед собой сверкающую позолотой купель и священника, облачённого в золотые одежды, читающего Канон. Когда прошло первое потрясение, Антон украдкой оглянулся и, к своей великой радости, увидел Катю. Она стояла и улыбалась ему.

— Крещение и любовь — вот она настоящая сказка и настоящая быль, — подумал старик и, глядя на образ Иисуса Христа, троекратно перекрестился.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Екатерина Семёнова-Глазунова

ПО ВЕЧЕРАМ У НАС

Воспоминание о юбилее 2016 года

Октябрь торжественно вступил в наш город, перебирая тонкими пальцами струны дождя, настроив свою лиру на поэтический лад. Те, кто рождён в это время года, становятся поэтами, художниками, музыкантам. Октябрь этого года выдался удивительно тёплым и светлым. Первое октября — именины Ирины, а второго — день рождения Ирэны Андреевны Сергеевой, а в этом году — ещё и юбилей известной петербургской поэтессы, председателя секции поэзии Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. «Поэт, прозаик, литературовед» — сказано о ней в энциклопедическом издании «Писатели Петербурга». Она также — и автор более тридцати книг стихов и прозы, ряда известных песен, и переводчик. Отмечена несколькими литературными премиями: «Традиция», им. Н. Заболоцкого, Святого благоверного князя Александра Невского, премии «Ладога» и другими. На Мойке в доме 12 в концертном зале музея-квартиры А. С. Пушкина собрались те, кто в душе или по роду занятий связан с юбиляром: поэты, друзья, почитатели таланта. Зал ни большой, ни малый — на сто пятьдесят мест.

Вечер открыл писатель Николай Коняев. Зачитывались поздравления и высказывания поэтов и прозаиков о той, кто так точно и безошибочно умеет определить и поддержать талант другого. Сколько, бережно редактируя и направляя, благословила Ирэна Андреевна на литературный путь!

Зазвучали стихи в исполнении автора: «К лицу поэту в октябре рождаться, прожить героем в облике простом, и золотом кленовым награждаться, как будто бы Георгия крестом». Так пишет Ирэна Сергеева об осени и октябре.

Вот ещё чудесные строки из других стихотворений: «Весна, похожая на осень, и лето, сходное с весной», «Тридцатый снег упал на дом мой и на сад, как триста лет назад», «Художники живут всех выше, художники рисуют крыши, они рисуют небеса...» «Это — старые стихи, ранние — 1956—1966 годов», — сказала автор. Старые? Мне захотелось возразить: они всегда новые, молодые и чуть-чуть «старинные». Их читаешь в уникальном сборнике «Из XX века», издан-

ном в юбилейном 2016 году. Название определяет саму суть: словно протянулась незримая нить наследования поэтам XX века, XIX века, а может быть, более ранним...

Приведу ещё строки: «Кончились белые ночи, август явился, тем-ня. Милого чёрные очи скоро ль увидят меня?» Да, стихи Сергеевой, отличаются музыкальностью, звучат как песня... Николай Коняев процитировал добрые высказывания Ю. М. Нагибина об участии Ирэны Сергеевой в фильме по его сценарию «Поздняя встреча», где поэтесса исполняла песню на свои мелодию и стихи «По вечерам у нас играют и поют»... Тогда в 1978 году знаменитый прозаик писал, что в сочинении и исполнении песен Ирэна Сергеева могла бы достигнуть большей известности. И вот поэтесса запела среди полной тишины эту песню из кинофильма ... Звучал голос такой молодой! «Молодость никуда не уходит, надо просто любить жизнь» — эту истину искренне высказала поэтесса.

Потом Ирэна Андреевна повела со сцены разговор о книге «Поём Имре Кальмана» (Рассказы о любви к оперетте). Эти рассказы полны музыки и чувства, как будто за ними стоит сам господин Кальман. Они лёгкие, очень жизнеутверждающие, создают прекрасное настроение, словно получаешь подарок. Так сделала автор, по её собственному признанию: «ходила в оперетту — сделала себе подарок». Тем человеком, кто вручил этот «подарок», явился солист театра Музкомедии Андрей Данилов с его неповторимым голосом. Выйдя на сцену и подарив большой букет, певец проникновенно исполнил в этот вечер два романса композитора Евгения Рушанского на слова Сергеевой. Слова, музыка, голос певца создали, можно сказать, петербургское настроение: «Над Петербургом синий вечер, а мы в гостиной у огня...» А закончился романс такими строками: «Когда придёт пора проститься, и мы заглянем в зеркала, в них отразятся наши лица и эта радость, что пришла...»

Ирэна Андреевна читает стихи о любимом городе, в котором родилась: «Этот город тем и дорог, что судьбою не храним», «Осени глянуло око глубоко там, где Фонтанка вбирает Неву...» Из книги в синей обложке «Любимые приходят через годы» (2014) были прочитаны стихи: «Люблю тебя и ненавижу письма, в них диалог разорван пополам», «Сгорела пятая свеча, упала сотая слеза, Душа, стена и крича, смотрела в мамины глаза», «Как родинка на коже щёк, до смерти остаётся там, так Родина в тебе ещё, так в Родине пребудешь сам...»

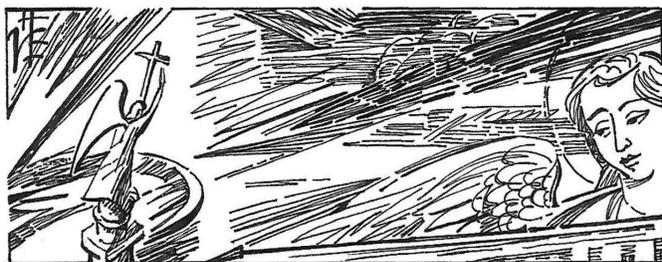
Вечные темы: Бог, православная вера, русский народ, его прошлое, настоящее и надежда на будущее пронизали книгу. С особым теплом звучали строки, посвящённые маме, роду и родине предков по материнской линии Капустиным, что служили верой и правдой

Отечеству на Николаевской дороге в Новгородской и Тверской губерниях.

На сцене, на столе, стояла икона Оковецкой (Ржевской) Божией Матери, покровительницы материнского рода — Капустиных. Перед ней — свеча и цветы. Ирэна Андреевна говорила о своей жизни, о предках, о том, как прерванная связь поколений была восстановлена, когда она, будучи взрослой, крестилась и наречена была Ириной.

Привет от Великого Новгорода и благословение настоятеля храма Апостола Филиппа и Святителя Николая передала Ирина Жугунова. Молитвы близких, как видно, помогают Ирэне Сергеевой — за последние пять лет написано и опубликовано два романа, две книги с повестью и рассказами и книга стихов. Новая книга стихов была подарена каждому присутствующему на вечере.

В конце вечера Ирэна Сергеева высказала главное, что неиссякаемый родник — Русское Слово — напитал её в раннем детстве, когда мама читала ей вслух стихи Пушкина. Любовь, казалось, наполнила зал, та любовь, что заставляет биться сердце быстрее, что водит рукой поэта.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Ирэна Сергеева

*Автор 25 книг стихов и 7 — прозы.
Награждена государственной наградой — медалью А. С. Пушкина.*

Юбилейный — 2021

* * *

Так живёт мой любимый народ,
не считая монеты, минуты...
И сегодня опять в новый год
каждый смотрит салюты.
Это жизнь пролетала в огнях
над простором проспекта и парка.
Хоть недолго горела, но ярко...
Я смотрю из окна, для меня
нет ценнее подарка.

* * *

Да прежде было всё, как в сказке,
носили вы другие маски
и жили вы в другой стране,
при том — довольны не вполне...
Ну, что теперь? Вполне довольны?
Узнали, что такое войны,
«блокада», видео-контакт?..
Я правду говорю? Ведь так?

* * *

Строем стоят фонарики,
парк освещают мой,
чтоб алкаши и нарики
легче дошли домой.
Еле бредут, бедовые,
муторно им внутри,
а под глазами новые —
чёрные — фонари.

Глядя на экран

Назовут по имени, без отчества...
Погляжу, а там сидит старик...
Видимо, сбываются пророчества —
и Россия гибнет, и язык.
А девчонка, дикторша сопливая,
бодно начинает интервью.
Он — в морщинах, борода вся сивая —
и не то видал за жизнь свою.
Говорит с трудом, ему не хочется
продолжать и дальше этот цирк.
Знает: без отчества, без отчества
вырастают в мире подлецы.

Татьяне Титовой

Иногда бывает мне видна
красота природы из окна...
Не жалею меня, что я одна,
у меня на сердце тишина.
Не беда, что солнца нынче нет,—
мне доступен целый белый свет!
Пролетают стаи чёрных бед...
А в конце всегда один ответ.

Другу

Мне нравятся люди простые,
живущие правдой, как ты,
простые — не значит — пустые...
Несущие ген красоты!
Среди малодушных и выжиг,
сжигающих совесть дотла,
они умудряются выжить,
чтоб ими Россия жила.

ПЕСНИ В МЕСТИИ

*«Скачет речка Местия-чала,
высоко в горах её начало...»*
И.С.

1.

Когда в Сванетии была,
я этих песен не слыхала...
Зато над Местия-чала
стихов придумала немало.
А эти песни хороши,
их слушала бы, подпевала...
Когда поют от всей души,
душе моей — всё мало, мало...

2.

Старик и три парня в Сванети —
со мною как будто бы тут —
поют и смеются, как дети,
в застолье сидят, но не пьют.
Я пью эти песни, не чая,
чтоб жизнь повернулась к добру,
прослушаю, снова включаю,
забыв про свою «хванчкару».
Но эти счастливые лица —
знак веры, надеждой земной,
что может ещё воцариться
любовь — в поколениях за мной.

ФЭНТЕЗИ

Руки мыла. Маску надевала.
Аккуратно промывала нос.
Друга только раз поцеловала...
Заболела... И его не стало...
Был ли он мне другом? — вот вопрос.

Во время болезни

Болезнь мы с вами можем разню,
но лучше, если не заразно
и не опасно для других,
не унывая и не ноея,
так долго, как с эпохи Ноея,
но вирус превращая в стих.
Коль откровенно: стих — как вирус,
у многих он сегодня вырос.
И торжествует графоман,
организован и активен,
необразован, примитивен,
но как бы ни был нам противен,
кладёт он денежки в карман.

Армия

Была то Белая, то Красная,
то армия, а то — дружина.
Она всегда была прекрасная,
в ней каждый воин был мужчина.
Мой брат и прадед были воины,
на Первой мировой — два дяди,
наград и званий удостоены,
повоевав России ради...
Сегодня нам спокойно спится.
Пусть Армия хранит границы!

23 февраля 2021

* * *

С лёгкими у вас полегче,
с настроением — тяжело.
Нервы вам никто не лечит.
А на улице — свежо,
хочется куда-то ехать,
может быть, уплыть куда...
Главное — достичь успеха!
Главное, что вы — Звезда!
А корона — не беда!

С мамой

Опять сижу в халате мамином,
а двадцать лет уже прошло...
Вся жизнь — в колдобинах да яминах...
В нём — телу очень хорошо!
Душе — тем более прекрасненько,
что мама не зовёт с собой!
Халат — не жёлтенький, не красненький —
сиреневато-голубой...

Благодаря за доброту

Будто ребёнку — конфетки-бомбошки
мне подарила умершего дочь,
дарят подобное бедной бабушке,
и на могилах такие — точь в точь...
Женщина эта до слёз умилила,
благодаря за «мою доброту»...
Вдруг и моя не исчезнет могила,
кто-то конфетки положит к кресту?

В морге

К ноге привязанная бирка,
нательный, снятый с шеи крест,—
живых последняя придирка
к ушедшему из наших мест.
Лежит... Вокруг таких немало.
Лежит и телом не грешит.—
Но лучше на земле не стало...
Напрасно жизнью он убит!

* * *

*На чемпионате Европы Англия
потеряла очки в матче с Шотландией.*

Потеряла Англия очки...
Я очки в страницах потеряла.
Их искала, но довольно вяло,
потому что не видать ни зги...
Недовольна линзами в глазах,
что стоят за кругленькую сумму,
бросила под стол пустую сумку,
золотую мысль нашла в стихах:
«Бриты – бриты в ноль... Увы и ах!»

Редактируя стихи друга

Н. Н.

Твои стихи я обожаю...
Я так себя не обнажаю!
Ты открываешь душу всем
в стихах элегий и поэм.
Во мне живёт мой собеседник —
не ученик и не наследник
и он — мне ровня по всему —
и по душе, и по уму.
С тобою — в радости, в тоске...
Душа висит на волоске.

2021

Подари ей цветы

Их было две — моложе и старше — они каждый раз приносили на спектакль цветы.

— Надо же! Ни одного выступления его не пропускают. Розы всегда чудесные, на длинных стеблях, — замечали те, кто принимал букеты для вручения на сцене.

— Они всегда вместе — мать и дочь. Какие же деньги должны они иметь, чтобы так! — отзывались на замечание билетёры. — Хотя по виду их не скажешь, что при деньгах. Одеты скромно. Наверное, себе во всём отказывают: причём, молодая выглядит хуже, серая какая-то, и ни груди, ни попы...

— Этой молодой, должно быть, лет под тридцать. Да, лицом не скажешь, что хороша. На что надеется? Он и не видел её...

Мать и дочь очень любили музыку. Мать имела консерваторское образование. В юности участвовала в студенческой постановке Штрауса «Летучая мышь», где исполнила главную партию, а партию Рене — студент, в которого она влюбилась. «Летучая мышь» поженила их. Потом она стала концертмейстером, а он — певцом в хоре. Дочь закончила только музыкальную школу. Из-за ранней смерти отца ей пришлось начать работать и учиться на вечернем факультете, но уже не музыке, а экономическим наукам.

В память о рождении своей любви родители назвали дочь Розалиндой. Дома имя сокращали, она стала просто Розой. В детстве она, действительно, была похожа на розовый бутон. Неизвестно, почему, с того времени, который принято считать расцветом, девушка заболела. Онкология — страшный диагноз. Красота сменилась некрасивостью. Отец, а потом мать, не знали, чем порадовать дочку: ведь

радость лечит. Врач сказал, что любовь поможет лечению. Молодых людей вокруг не было. После потери отца Роза перевелась на «вечерний», где, в основном, все женатые.

Когда в Театр Оперетты на роли комических стариков пришёл артист Степанов, мать Розы получила возможность иметь контрамарки. Она ведь всегда любила именно оперетту, а со Степановым она училась на одном курсе, и он по-товарищески понял печали её материнского сердца.

Сначала театр хорошо повлиял на настроение Розы. Девушка стала поправляться. Мать и дочь ходили часто. А когда они посмотрели весь репертуар, Роза перестала стремиться в театр. И болезнь вернулась.

Но однажды после известного всероссийского конкурса дирижёр театра пригласил победителя, завоевавшего первое место на ведущие роли. Новый премьер Адам Ловдани сразу обрёл массу поклонниц

Голос артиста отличался силой и необыкновенным тембром, который и воздействовал особым образом на поклонниц. Говорили, что певец родился где-то на юге — не то в Гаграх, не то в Кишинёве, потому и нет равных этому солнечному голосу здесь, на берегах Невы.

Розы, даримые матерью и дочерью, всегда были пунцовые, каждый раз их насчитывалось пять. Матери пришлось искать себе учеников, давать уроки игры на фортепьяно. Кроме роз, нужно покупать дорогие лекарства.

— Слушай, ведь уже, наверное, год ты получаешь такие розы, — сказал Адаму Иван Шумских, дублирующий его иногда. — Не знаешь, кто эта дарительница?

— Не знаю и знать не хочу. Я вообще бы не принимал никаких цветов, но так поступать у нас не принято. В конце концов, букеты, которые нам дарят, работают на имидж театра.

Получая цветы, Адам сразу, если партнёрше почему-либо в этот раз букет не подарили, отдавал розы ей. Каково это было видеть влюблённой в артиста поклоннице! Мать, зная о чувствах дочери, тоже страдала. Получилось, что радость обернулась мукой. А главное, болезнь Розы прогрессировала.

Артист ни о чём, конечно, не знал и не догадывался. Все цветы, уже за кулисами, Адам дарил помрежу Неле. Таким образом, розы одной поклонницы доставались другой. Ибо помреж тоже являлась поклонницей артиста. В «соцсетях» она, не стесняясь, писала, что цветы он всегда передаривает ей. Иван читал все её хвастливые высказывания и не раз говорил Адаму: — Утихомирил бы ты её! Не красиво как-то получается. Неужели она такая дура? В итоге — на тебя тень падает! Или, выходит, ты под её дудку пляшешь? — Ерун-

да! — возражал Адам. — Конечно, она глупость пишет, но такова Неля. Не трогай её. Мне она нравится. В конце концов, она заслуживает эти цветы! — Каким образом, а? Кто ты и кто — она! С ней и говорить-то не о чем, — Иван замолчал, зная неодолимое упрямство своего коллеги.

Кроме матери и дочери, были, конечно, у Адама Ловдани и другие верные поклонницы. Одна из них — Анна. Старше артиста на несколько лет, она выглядела отлично — стройная, гибкая. Правда, раннюю седину приходилось скрывать. Она всегда занимала пятое место в крайней ложе, откуда могла наблюдать за кулисами. А там активничала Неля.

— Не стойте вы здесь, не мучайтесь, — тихо сказала однажды Анна, видя уже не в первый раз у артистического подъезда дежурящую на ветру, в мороз, Розу. — Они теперь с другой стороны выйдут.

Роза ничего не ответила. Только будто какой-то горький комок слотнула. Больше Анна её у театра не видела. Встречая в зале, замечала, как худеет и чахнет молодая поклонница, однако не догадывалась, что та смертельно больна.

Так продолжалось ещё месяца три, пока однажды на сцену не вынесли огромный букет тёмно-красных, почти чёрных роз с приколотым к ним конвертом.

Адам никому букет не отдал. В грим-уборной, которую делил с Иваном Шумских, небрежно распечатал конверт.

— Что? Новая поклонница? — спросил Иван.

— Нет, мелодрама какая-то. Пишет: «Это мой последний букет Вам, моя любовь. Его вручат Вам, когда меня не будет. Вы подарили мне радость, но и печаль. Все Ваши романы на сцене я переживала вместе с влюблёнными в Вашего героя героинями. Жаль, что Вы не выслушали меня тогда у дверей... А я только и хотела сказать, что люблю, что Вы продлили мне жизнь. Сказать, глядя в Ваши синие глаза. Навечно Ваша Розалинда». Да это полный бред! Шантаж какой-то!

— А на конверте есть приписка. Видел? — заметил, беря в руки конверт, Иван. — Вот: «Отпевание в субботу, в двенадцать в Казанском соборе. Очень прошу Вас прийти. Она была бы рада. Мать покойной». Пойди, подари ей цветы. Пойдёшь?

Адам ничего не ответил, только погрузил лицо в ладони и провёл ими, словно стёр что-то внутри себя...

17 апреля 2017

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Николай Наливайко

Эта женщина

Посвящается юбилею И. А. С.

Для меня эта женщина — Счастье!
Что не каждому в жизни дано.
Свет и хмель от души не молчащей,
И с годами всё крепче вино.

Эта женщина, женщина — Время!
Где мгновение — суть существа.
Ни одной из заслуженных премий
Не отметить её волшебства.

Эта женщина, женщина — Сила!
Никогда не бывала одна.
Ни себя, ни любви не таила.
От певцов и поэтов пьяна!

Эта женщина, женщина — Песня!
Что созвучна Отчизне моей —
То святое-былое воскреснет,
То насущное станет ясней.

* * *

«Падают яблоки — падают нравы...»
Кто — уж не помню, так ловко сказал!
Листья — что знаки осенней забавы —
Словно прощальный земной карнавал...

Тянет к земле утомлённое тело?
Разве не радость для взгляда — мой сад?..
Чувствую, что-то во мне перезрело —
Грешные думы, как листья кружат...

* * *

Голос Жизни в жизни каждой
Слышен непрестанно.
Пусть она изводит жаждой,
Пусть она обманна,
Усыпляет, пробуждает,
Округляет очи
И сама в пролёт толкает
Тех, кого не хочет...

* * *

На тишину Александринки
Упала белая вуаль,
Упали русские снежинки
На Аполлонову печаль.

Прохладно в Северной Пальмире
Его небесной, звонкой лире...
Полночный мир — одна из стадий
Души, смущающей умы.
Я слышу, чувствую Вивальди
В прикосновениях Зимы...

Горизонтальный дождь

Чёрным играет темень.
Белым клубится свет.
В этом переплетенье
небо исчезло. Нет
Больше жизни и смерти.

В запад вошёл восток.
С юга небесной тверди
к северу — ливнесток.

На высоте, как порох, рвётся,
такая мощь!
Тучи забросил в город
горизонтальный дождь!

Филармонический вечер

Как мало стало нас... Так тесен круг,
Такие узнаваемые лица.
Столь разные, но чем-то схожи вдруг.
Тут отсвет нашей Северной столицы

На каждом. Всё пронизывает звук.
Спасительное чувство единенья.
Я рад тебе, мой старый добрый друг.
Здесь горечь одиночества леченью

Чуть поддаётся. Тут я не один.
Нас много так, что не хватает зала.
Мы ровня здесь, здесь каждый — господин.
Мне кажется, что новое начало

Созреет тут. Воскреснет этот край.
Отсюда музыка перенесётся в город.
Да сгинет ад, да воцарится рай,
Где любит каждый, и любим, и дорог!

* * *

Пошли грибы. Всё садоводство в лес
Отправилось на Пьяную дорогу.
Страстей рабы, свой жгучий интерес
Утишили немного, слава Богу:

Полны корзины, с верхом — негде класть,
И ягоду набрали между делом,
В ней тоже налилась такая сладость,
Такое послевкусие поспело,
Как только у хорошего вина
Встречается.

Дарами леса пьяны.
Совсем устал...
А взмокшая спина
Корит меня
за отдых слишком рьяный.

* * *

Он стал, сутулясь, в урне рыться,
окурок вынул, сунул в ветошь.
Вокруг одни чужие лица —
кому тоску свою поведашь?

Навстречу солнечному утру
Нева последний лёд ломает...
Он огляделся, плюнул в урну
и прочь пошёл, слегка хромя.

01.04.2020

* * *

Словно вдруг в разбеге дней
стала осень мне сестрою,
сердцем чувствую порою —
кровью связаны мы с ней.

Лист багряный на земле,
тучи с крышей дома вровень...
Мне осенний голос крови
всё слышнее, всё милей...

18.09.2020

* * *

И.

«Ты пиши, покуда пишется
и пока любовь жива,
неподвижная подвижница», —
не мои — твои слова.
О себе так говорила мне
ты — серьёзно и шутя —
с поэтическими крыльями
света Божьего дитя.
На тебя равняться надо бы,

да куда? Масштаб не тот.
Ты для всех — любовь и радуга,
детской мудрости полёт.

24.06.2020

* * *

Свернулось в калачик лето,
у стога лежит и дремлет...
Уходят в поля рассветы —
моё золотое время.

Синеет холодный воздух,
густея, ложатся тени
с угрюмых ракии на воду,
на золото нив осенних.

А ночи — длиннее прежних,
а дни — не успеешь глянуть,
и взгляд с непривычки режет
на окнах морозный глянец.

Ещё бы немного света,
ещё бы тепла со щёпотью!
У стога свернулось лето,
ладошки сложив под щёку.

25.08.2020

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Андрей Краснобородько

* * *

Я знаю, живёт рядом с нами,
С доходом совсем небольшим,
Старушка с живыми глазами
И сеточкой мелких морщин.

Одна. Без подружек и сплетен.
Родных, так случилось, что нет...
Но путь её долог и светел,
И горьких не помнится лет.

И в доме её вместе с кошкой
Вдали от мирской суеты
Всегда на приветном окошке
Живут полевые цветы.

Невеста

«Утро будит свет...»
Александр Блок

Всё вокруг заснежено,
Словно края нет.
Ласково и бережно
Утро будит свет.

Окна — в снежных пёрышках,
Ставеньки стучат.
Разгорелось солнышко —
Белая свеча.

Благодатью и верою
Светят образа.
На рубашку белую
Капает слеза...

Слышен скрип по лестнице
Поступью чужой...

Быть сегодня девице
Мужнею женой.

Одна

«Вот так... И трещинку на стенке...» —
Ведя сама с собою речь,
В далёкой русской деревеньке
Старушка глиной мажет печь.

Сын далеко. Печник в запое.
А на дворе почти зима.
Хозяйство, вроде, небольшое —
Привыкла делать всё сама.

Подкинув дров, зажгла лучину
И, лишь огня услышав гул,
Чуть потеряв большую спину,
Присела, охая, на стул:

«Когда зима почти по году,
Снега и холод не страшны —
Затопим печку в непогоду...
Но лишь бы не было войны!»

Меланхоличное

Десять соток своих вдалеке, у реки,
Много лет, не считаясь с затратами,
Поливал от души, удалял сорняки,
Паразитов травил химикатами.

Что-то с детства здесь буйно цветёт до сих пор,
Что-то вида совсем неприметного...
Где-то высох газон, покосился забор —
Починить бы... Да всё не до этого...

Вот и осень моя. Пожиная плоды,
Оглянусь на прошедшие радости.
И уверен: всё то, что сажал молодым,
Пригодится когда-нибудь в старости...

ИЗ АФГАНСКИХ РАССКАЗОВ

Засада

1. КУМАНЬКОВ

... Засада была устроена грамотно. Едва рота цепочкой вытянулась из узкого дефили, с двух сторон раскатисто застучали пулемёты. Перекрёстный огонь страшен на открытом склоне. Первые же выстрелы швырнули людей на каменистую землю. Те, кто хоть на долю секунды замешкались, были мгновенно растерзаны десятками крупнокалиберных пуль. Но то ли дрогнули руки у пулемётчиков, долго подстерегавших роту, то ли сдали нервы, но первые очереди ударили неточно. Иначе они сбрили бы со склона жиденькую цепочку прежде, чем она успела залечь.

Над головами выл и скрежетал стальной вихрь. Разряжая тягостное ожидание, духи поливали огнём склон вдоль и поперёк.

Осторожно поворачивая голову, лейтенант Куманьков огляделся. Там, где на картах был помечен ровный склон, оказались крошечные, едва приметные уступчики, выбоинки и ложбинки. В них-то теперь кое-как и укрывались солдаты.

Ротный зло помянул полковую разведку, и начальника её, лично майора Филимонова, обложил самыми скверными, площадными словами: «Тропа совершенно свободна... Высота никем не занята... В радиусе пятнадцати километров духов не обнаружено... Мать твою перегрёб, Филимонов, тебя бы сейчас в этот долбаный радиус!..»

Постепенно стало возвращаться самообладание. Куманьков увидел, как Якут, на каске которого белела свежая вмятина от пули, выставил снайперскую винтовку и принялся стрелять по ближайшей каменной осыпи. Умаров, укрывшись в небольшой впадине, развернул пулемёт и дал длинную очередь по груде валунов, откуда били во фланг роты.

«Хорошо, Шавкат!», — одобрительно подумал Куманьков, и голова у него заработала чётко и ясно. Духам не удалось покончить с ротой одним ударом. Человек тридцать уцелело. Залегли на склоне и без всякой команды начали вести ответный огонь. Но на этой сковородке долго не продержишься. Голову поднять нельзя, а духи пристреляются и будут выбивать одного за другим. На помощь пулемётчикам придут снайперы. А, может быть, у них и пара миномё-

тов припрятана. Духи смогут разделаться с тремя десятками солдат на голом склоне. Умения у них на такое дело с лихвой хватит.

Лейтенант потихоньку стал переползать на левый край. Там что-то темно. Сначала он не поверил своим глазам, но, когда взгляделся получше, сердце застучало горячо и часто. За каменным выступом, метрах в тридцати, наискось прорезая твердость камня, по склону тянулась узкая расщелина.

Сделав невероятное усилие, он оттолкнулся от земли и взмахнул рукой.

— За мной! — хрипло крикнул Куманьков, стараясь перекрыть грохот стрельбы.

— За мной ползите!

«Если доберёмся до расселины, отсидимся. Запросто они нас уже не возьмут», — лихорадочно думал лейтенант, всё ближе и ближе подползая к каменной щели. «Если доберёмся...» — билось в его голове. Близкая пулёмётная очередь обожгла плечо. Пули уже не свистели, а надрывно, безостановочно ныли над головой. «Если доберёмся...»

Когда Куманьков нырнул в расщелину, горячая радость волной залила грудь. Добрался! Ротный нежно погладил рукой каменную стенку и побежал вдоль щели, в которую неуклюже, мешками, один за другим валились солдаты.

Умарова он послал на правый фланг, приказав безостановочно бить по ближним камням, откуда грохотали залиvistые очереди ДШК.

— Заткни ему глотку, Шавкат! — крикнул он пулёмётчику. — Заткни глотку! Якут тебя от снайперов прикроет.

Якут побежал вслед за Умаровым и устроился метрах в трёх от него, заботливо укрыв за камнем свою оптику.

Ротный мучительно задумался на секунду, но так и не смог вспомнить фамилию другого своего пулёмётчика. Но прозвище знал твёрдо.

— Гвоздик! Вы с Аникеевым будете здесь, за выступом! Смотрите, чтобы духи ближе не подобрались. Головой отвечаете!

Пробираясь дальше по щели, Куманьков наткнулся на Заботина. Тот сидел с позеленевшим лицом под стенкой.

— Давай в цепь! Быстро! — сказал лейтенант, но, увидев, как страдальчески, будто от приступа рвоты, перекосилось лицо Заботина, немного смягчился.

— Теперь уж нечего бояться, воин. В такой щели можно всю оставшуюся службу просидеть.

Заботин обалдело поглядел на командира и стал пристраиваться с автоматом у выступа.

Пулеметные очереди стихали. Духи сообразили, что пулемётами теперь шурави не достать. Пройдя расщелину из конца в конец, ротный довольно подумал, что укрытие нашлось как по заказу. Метра в полтора шириной, с отвесными каменными стенками, щель изгибалась дугой. Влево она становилась всё мельче, и почти примыкала к лощине, спускающейся вниз. Куманьков понял, почему духи не использовали щель, не укрепили её, даже пулемёта не поставили. Отсюда не было обзора. Каменный уступ закрывал дорогу, — нельзя было обстреливать колонны. Вести огонь можно было только вверх по склону высоты. «Как раз туда, куда нам надо», — злорадно подумал лейтенант и закурил. Жадно вдыхал он терпкий табачный дым. Но глаза привычно осматривали всё вокруг. Между щелью и лощиной был голый пригорочек. Если роту выкурят из укрытия, этот паршивый пригорочек просто не перескочишь. Вредный пригорочек, — всего метра три в нём, а гадостный, — хуже не придумаешь.

Куманькову вдруг расхотелось думать о том, что будет дальше. Если бы и не было этого пригорочка, духи всё равно перекроют выходы из щели плотным огнём.

В воздухе тем временем скрипуче завывали мины, и чёрные хлопья разрывов усеяли склон. Когда начал затихать пулемётный обстрел, Куманьков ждал, что вот сейчас роту начнут обрабатывать миномётами. Ждал этого, и боялся. Миномёты — скверная штука. Они достают везде, мины залетают под самую крутую скалу. Простая, кажется, штука миномёт — труба со штырьком, треножник и плита, а вреднее его для здешних гор не придумаешь. Нет от него спасения.

На склоне бесновались разрывы, сливаясь в одно дымное облако, которое густело на глазах, расплзалось по склону, и накрывало щель. Всплески пламени полосовали камень. Тянуло едкой гарью, резало глаза, забивало горло. В лицо хлестало горячим воздухом, невыносимо давило на барабанные перепонки. Солдаты прижались под стенками, уткнувшись лицами в камни. Они казались мертвецами в этом хаосе огня и грохота. Но самыми страшными были прямые попадания. Духи пристрелялись, и в расщелину чаще стали залетать мины. Близкий взрыв туго ударил Куманькова. Голова стукнулась о камень, в глазах поплыли оранжевые круги. Спасительная щель оказалась ловушкой. Духи пропустили в неё роту и накрыли её огнём, как кастрюлю крышкой.

Лейтенант поднялся, и покачиваясь побрёл на правый фланг. Первый, с кем он столкнулся, был прапорщик Костиков. Он сидел, нахлобучив каску так, что из-под неё был виден только кончик подбородка. Куманьков приказал ему разведать проход в лощинку.

Костиков возвратился минут через пять. Рукав его куртки был разорван, под левым глазом краснела свежая ссадина.

— Камнем шибануло, там щель мелкая, — сказал он, осторожно притрагиваясь к ссадине грязными пальцами. — Можно через бугор пройти. Кой-кого может и положат, зато остальные пройдут. А вот в лощине — противопехотные мины. Густо понатыканы...

— Миномёты били по каменному пятаку, где сидела горстка солдат. Мины дробили камень, взрывы всё чаще и чаще накрывали цель. Безостановочно пели осколки, расщелина была затянута сизым дымом. Раскалённые куски металла глухо брякали о каменные стенки. Измазанный грязью, оглохший от взрыва, Куманьков отупело сидел в щели. Сколько времени длится бой, он не знал. Часы стояли — видно, по ним стукнуло осколком. Стекло было разбито, минутная стрелка согнулась, часовой не было. Только короткая секундная стрелочка по-прежнему прижималась в круглой впадинке на циферблате. Она, как хитрый зверек, замерла, притаилась, пережидала время, чтобы потом, когда часы починят, снова бойко бегать по делениям, отсчитывая секунды человеческой жизни. Ротный вдруг разозлился и ногтем выковырнул из гнезда секундную стрелку. Он не хотел, чтобы она отсчитывала ему секунды. Время перестало сейчас существовать для него.

Отупляющий грохот мин оборвался так внезапно, что лейтенант не поверил тишине. Он даже несколько раз встряхнул головой, проверяя, не контузило ли его. Нет, взрывов тоже не было видно. Неподальёку осторожно завоились два солдата, забившиеся во время обстрела в каменную нишу под стенкой. Когда они вылезли из неё, лейтенант поразился, как в такой крохотной выбоинке могли уместиться двое. Раз обстрел кончился, значит жди атаки. Прихрамывая, Куманьков заторопился на левый край, пересчитывая солдат. Потери были не очень большие. Многих ранило осколками. Их перевязывали товарищи. Раненые сидели с неподвижными, будто окоченевшими, лицами. Они понимали, что уйти отсюда некуда, что им надо будет брать автоматы и вместе со всеми вести огонь.

Ротный насчитал уже семнадцать человек.

За поворотом он увидел пулемётчиков. Гвоздик был жив, только на каске его блестели царапины от осколков. Он сидел на корточках возле Аникеева, обматывал его голову неправдоподобно белым бинтом. На марле краснела кровь.

— Царапнуло Нику, — почему-то смутившись, сказал Гвоздик. Словно виноват он был в том, что Аникеев потерял каску ещё на склоне. — По самой макушке угодило... Ничего, у него голова крепкая... Пустьяк, а кровь глаза заливает.

— И так бы засохло, — ворчливо отозвался Аникеев. Скосив глаза, он наблюдал, как пальцы Гвоздика мотают бинт. — Ты, Шальной, духов не прозевай!..

— Идут! — крикнул Куманьков, выглянув из-за камня. — К пулемёту, живо!

Гвоздик подоткнул под повязку остаток бинта и лёг за пулемёт. Аникеев потянул к себе автомат.

— Замотал бошку, теперь меня за километр видать, — сказал он Гвоздику и взвёл затвор.

Духи один за другим покидали укрытия, ловко пробираясь между камней. Те, что уже лежали на склоне, непрерывно стреляли из автоматов, высоко задирая в небо стволы. Куманьков понял, что стреляют они больше для смелости.

Когда духи поднялись для последнего броска, заработал пулемёт Гвоздика. На правом фланге тотчас же отозвался Умаров.

— Бей, Шальной! — кричал Куманьков, хотя пулемётчик и без того выпускал очередь за очередью. — Бей их! Не подпускай близко! Не подпускай!..

Ротный встал на колено рядом с Аникеевым и тоже стал стрелять из автомата.

Неподалёку резко хлопал гранатомёт. Бегущие духи валились один за другим.

«Сейчас залягут...», — уверенно подумал Куманьков, высмотрев намётанным глазом, как атакующие растерянно заметались по склону.

Он прицелился в чернобородого, который бежал крайним, и дал короткую очередь. Тот плюхнулся на землю. За ним стали ложиться остальные. Теперь к щели бежало только трое. Бежали, не скрываясь, что-то кричали и наугад били из автоматов. Очередь Гвоздика скосила их. Чернобородого Куманьков пригвоздил к камням. Остальные попятились и уползли за валуны.

— Опять побегут, товарищ лейтенант, — сказал Аникеев. — Здорово они разозлились... Дай сигаретку, Гвоздик. Может, перекурить успеем.

Куманьков перезарядил автомат и крикнул по цепи, вызывая к себе прапорщика Костикова. Пора было что-то решать. Второй атаки лейтенант не боялся, но нового миномётного обстрела роте уже не выдержать. Вызвать бы помощь, — запросить вертушки, или связаться с артиллеристами. Но радист погиб ещё там, замешкавшись на склоне, и достать рацию, — даже если она не разбита, — под огнём было невозможно.

Сколько уже продолжается бой? Часы стояли, и лейтенант не знал, что с той минуты, как рота укрылась в щели, прошло всего-навсего полчаса. Ротный думал об отходе. Он не мог представить, что рота погибнет после всего, что вынесла. Вынесла и уцелела.

По цепочке откликнулись — убит Костилов. Куманьков скрип-

нул зубами и оглянулся по сторонам. Встретился глазами с Гвоздиком. Тот отвёл взгляд, зябко поведя плечами, — словно почувствовал, что это на него судьба глянула. Но ротный уже принял решение.

— Слушай меня, сержант. Костыль наш попросил довоевать без него. А нам нужно выбираться отсюда. Хотел его отправить разведать лощинку, — она там, слева, прямо за нашей щелью начинается...

Гвоздик внимательно смотрел на Куманькова, ждал, что тот ещё скажет.

— Мины там, — сказал лейтенант. — Минное поле, а саперов у нас нет. Без сапёров по здешним горам ползаем... Ротный хотел выругаться, но передумал. — Таких, что ходят без сапёров, здесь смертниками зовут.

— Смертниками, — эхом отозвался Гвоздик и поскрёб под каской пальцем.

— А сейчас в самый раз проход по лощинке сделать, — продолжал ротный.

Гвоздик согласился и, помолчав, добавил:

— Я пойду... Может, сделаю...

Лейтенант облегчённо вздохнул. Хорошо, что Гвоздик сам вызвался делать проход в минном поле. Трудно было бы Куманькову приказать сержанту делать проход. Но послать больше было некого. Жаль, что рота остаётся без одного пулемётчика, но другого выхода нет. Гвоздик, как и другие, не умел обезвреживать мины, но всё-таки один из последних старослужащих в роте. Таких обстрелянных «дедушек» осталось у Куманькова — на пальцах одной руки сосчитать можно. Если он не сумеет, значит роте по лощинке не пройти.

— Разрешите идти, товарищ лейтенант? — спросил Гвоздик.

— погоди, — ответил Куманьков, — сейчас духи поднимутся, тогда и кидайся через бугорок. В суматохе проскочишь.

Гвоздик кивнул, и взял автомат у Аникеева.

— Смотри, Ника, береги пулемёт. Чтобы цел был, вернусь — проверю.

Аникеев криво улыбнулся, и шутовски поднёс перевернутую ладонь к забинтованной голове: «Слушаюсь, товарищ трижды ефрейтор!»

Но шутка не получилась.

— Пройди, Шальной, — неожиданно страстно попросил ротный, ухватив Гвоздика за грудки.

— Пройди, а то всем будет крышка. Слышишь, сержант?!

Голос Куманькова неожиданно сорвался на крик. Гвоздик взглянул на ротного и только тут заметил, как глубоко ввалились у лейтенанта сухие глаза, как мелко дергается возле рта какая-то жилка.

И ещё он увидел, что их суровый, опытный командир совсем ещё молод, — всего на несколько лет старше своих бойцов.

— Отпусти, Куманёк, задушишь, — сказал Гвоздик почти ласково, и только когда цепкие пальцы лейтенанта разжались, бросил ладонь к каске.

— Разрешите исполнять?..

— Опять пошли! — крикнул Аникеев и без команды стал бить короткими прицельными очередями.

Куманьков подтолкнул Гвоздика. Тот пригнулся и броском перекатился через открытый бугорок. Он мелькнул так быстро, что Куманьков даже подумал, не привиделось ли ему.

Лейтенант взвёл затвор автомата и поудобнее раскинул локти. Теперь надо было стрелять и ждать. Ждать, когда Гвоздик доложит, что в минном поле сделан проход. Ждать, когда будет отбита атака. Ждать, когда начнется обстрел. Но что случится раньше, он не знал.

2. ГВОЗДИК

Гвоздик полз вниз по ложине. Метров через двадцать он встретил первую мину. Рука, осторожно протянутая по щебёнке, вдруг почувствовала прикосновение холодного, металлического. Гвоздик весь сжался, ожидая взрыва. Но взрыва не было. Он осторожно приподнял голову и увидел в полуметре перед собой едва приметное возвышенье на щебёнке. Внешне оно не отличалось от обычных неровностей. Такой же желтовато-серый, еле приметный бугорок, плотно утрамбованный щебень, притрушенный стебельками травы. Сбоку лежали несколько сухих прутьев. Только внимательно приглядевшись, можно было обнаружить, как из щебёнки высовываются три тонкие проволоочки. Наступи на них — и взлетишь.

«Попрыгунья», — догадался Гвоздик. Так солдаты называли противопехотные мины, которые перед взрывом подскакивали в воздух на метр-полтора и затем уже рвались.

Напрягая память, Гвоздик попытался вспомнить плакат со схемой устройства такой мины. Когда-то, — страшно давно, — его показывал курсантам в учебке капитан инженерной службы. Тогда его никто не слушал. Кто писал письмо домой, кто перешёптывался с приятелем. И Гвоздик тоже не слушал, он играл с земляком в морской бой. Много бы сейчас он отдал, чтобы иметь эту схему.

Мину надо вытащить, а он толком даже не помнит, где у неё взрыватель.

«Ничего, разберусь», — решил Гвоздик и осторожно стал разгребать щебёнку возле мины. Если по бокам мина засыпана камешками и поставлена на камешки, значит она не взорвётся от прикосновения ладоней. Только не тронуть штырём.

Он разрыл щёбёнку, обнажив металлический цилиндр мины. Это была М16, Гвоздик её узнал. Он вспомнил, как в прошлом году ещё сапёры разминировали впереди тропу, и один радостно крикнул: «Пацаны, это эм-шестнадцатые! Они в работе лёгкие!» И ещё Гвоздик помнил, как сапёры что-то вывинчивали, и смело откладывали обезвреженную мину в сторону.

«Вывернешь ещё не то», — опасливо подумал он и решил, что крутить ничего не будет.

Пальцы проворно выкидывали щёбёнку, подрываясь под мину. Теперь её уже можно было взять в ладони и откинуть подальше. Пусть себе без вреда взорвется где-нибудь за камнями.

Гвоздик вздохнул, поглядел на мину и протянул к ней руки. Сейчас он прикоснётся к мине, стронет её с места, и грохнет взрыв. Голова у него прикрыта каской, значит осколки сыпанут по открытой спине. Может быть, и не убьют, — такая мина лежачего задевает меньше. Она поражает, когда человек стоит. Но руки взрывом точно оторвет, — обе руки по локоть. Гвоздик смотрел на руки и представлял, как сейчас, — стоит ему шевельнуть мину, — последует глухой удар, острая боль, и вместо рук он увидит окровавленные культи.

Перед его глазами появилось осунувшееся, серое лицо лейтенанта Куманькова с бьющейся на щеке жилкой. «Пройди, Шальной! Пройди!..»

Гвоздик стиснул зубы и решительно вынул мину из гнезда. Взрыва не было. Мина качалась, схваченная ладонями, и над ней, как усы у расквирепевшего кота, топорщились тонкие проволочки. «Попалась, сука», — злорадно сказал он, и рассмеялся сухим, надтреснутым смехом. Потом откинул мину далеко за камни. Там сразу грохнул взрыв.

Гвоздик провёл рукой по потному лицу и взглянул на небо. Солнце ещё невысоко поднялось над горами, значит, всё ещё было утро. Часов восемь, не больше. Казалось, что с тех пор, как они попали в засаду, прошла целая вечность, жизнь. И все девятнадцать лет, которые прожил Гвоздик на свете, были без остатка наполнены воем мин, скрежетом осколков, полыханием разрывов на камнях и дробными очередями пулемётов. Он удивился, увидев неторопливо поднимающееся солнце. Выходит, и часа не прошло с тех пор, как рота сидит в щели. Всего один-единственный час...

Со следующей миной Гвоздик справился быстрее, а потом пошло совсем хорошо. Он осторожно полз по ложине, зорко вглядываясь в каждый сантиметр земли. Его глаза, взгляд которых был теперь до предела обострён, не пропускали ни одной предательской проволочки.

Лощина становилась шире. Щебёнка кончилась, началась рыжая трава, в которой проволочки высматривать было труднее. Гвоздик полз, стараясь делать однообразные и ритмичные движения. Глаза просматривали землю, протянутая рука осторожно ощупывала все неровности, раздвигала траву, обшаривала каждый бугорок. Потом медленно подтягивалось тело.

Беда пришла, откуда он не ждал. Стали уставать руки. Пальцы гсгбались плохо, начали терять чувствительность. Гвоздику приходилось всё чаще и чаще останавливаться и разминать руки, восстанавливая кровообращение. Но с каждым разом это помогало всё меньше. И вот случилось так, что рука пропустила мину. Приготовившись сделать очередной рывок, он вдруг увидел почти под подбородком какие-то непривычно тонкие стерженьки. Он сначала не сообразил и уже хотел кинуть на них тело. Но в последнее мгновение оцепенел. Это была мина. Стоило его груди коснуться стержня, тоненького крошечного стерженька — и ахнул бы взрыв. Гвоздик инстинктивно попятился и, вытащив мину, несколько минут лежал без движения. Ждал, чтобы хоть немножко успокоилось бешено колотившееся сердце, прошла дрожь в пальцах.

Он пополз медленнее, теперь уже не надеясь на руки. У него остались только глаза. Жара и усталость сковывали движения, приглуляли волю. Но глаза были начеку. Они заметили характерный косой срез возле круглого валуна. От среза тянулась к другому бугорку тонкая проволочка. Пальцы механически хотели её убрать, но глаза остановили бездумное движение рук. «Мина», — догадался Гвоздик и принялся внимательно разглядывать бугорок. Судя по величине среза, замаскированного травой, мина эта была крупнее, чем «попрыгунья». Проволочка тянулась к соседнему холмику, на котором тоже можно было угадать срез. Хитро придумано, будешь вытаскивать одну, взорвется другая. Две сразу одному не вытащить. Да и как её вытаскивать, чёрт знает. Никаких стерженьков у мины не было. Только туго натянутая проволочка. К «попрыгуньям» он уже приспособился, а тут... Гвоздик беспокойно оглянулся по сторонам. Может, эту хитрую штуку просто обойти? Нет, — и справа, и слева угадывалось несомненное прикосновение человеческих рук. «Там тоже консервы», — тоскливо подумал Гвоздик.

Он лежал и думал, как справиться с миной, а время шло. Минута за минутой. Оранжевое солнце не спеша взбиралось по небу. Не спеша плыли коричневые облака

Стрельба позади смолкла. «Отбили духов», — подумал Гвоздик и тут же услышал хлопки выстрелов и противный сверлящий вой мин. Значит, снова начался обстрел щели. Это было хуже, чем десять атак.

«Пройти, пройти!» — сверлило в голове Гвоздика. Гулко стучала в висках кровь. Пройти! Он отполз назад и оказался возле большой каменной осыпи. Негнущимися пальцами он подобрал булыжник, и заполз за камни. Потом бросил камень туда, где тянулась хитрая, еле заметная проволочка. И припал к земле, сжавшись в комок. Ничего не произошло. Он просто не попал с первого раза. Бросил ещё один камень, и ещё... Наконец, тяжело ударил сдвоенный взрыв. В воздухе взвизгнули осколки. Что-то звякнуло по каске. Гвоздика с головы до ног закидало землёй, мусором, клочьями выдранной травы.

Там, где были мины, темнели две большие воронки. Тянуло кислым вонючим дымом.

Он пополз вперёд. Взорвал ещё две мины и, оглушённый, в разодранной куртке, выбрался на берег. Проход через минное поле был сделан. Гвоздик, оступаясь на камнях, спустился к реке и опустил израненные одеревеневшие ладони в воду.

Две мины разом, оглушительно, рванули в расщелине. Куманькова сильно ударило в плечо, швырнуло к стенке. Затем всё смешалось: огонь, дым, визг осколков, летящие камни.

Горсть раскалённых осколков ударила Умарова, отбросила его от пулемёта. Умаров должен был свалиться мешком на дно щели, дико закричать от боли, стонать и извиваться, опалемый огнём в разорванном животе, в разбитых костях, рассечённых мышцах. Вместо этого он пополз к пулемёту, припал к прицелу залитым кровью лицом. Он принялся зло ругаться непонятным свистящим словом:

— Аннасс... н! Аннасс... н!

Он кричал это слово все быстрее, все пронзительнее. На левой руке недоставало двух пальцев. Куманьков кинулся к пулёмтчику, но Умаров вцепился в пулёмт мёртвой хваткой и нажал на спуск. Глаза его были залиты кровью и ничего не видели, но в руках ещё оставалась сила. Он стрелял до тех пор, пока не кончилась лента. Когда пулёмт выплюнул последнюю гильзу и осёкся, Шавкат повалился на руки лейтенанта и, не открывая глаз, умер под каменной стенкой. Через мгновение осколок разбил и пулёмт.

А в следующую минуту перед ротным возник растерзанный, в грязи и царапинах Гвоздик. Попытался приложить к каске растопыренную, негнущуюся ладонь.

— Лощина разминирована, товарищ лейтенант!

Глаза ротного заметно ожили, словно оттаяли. — Выводи роту, Шальной, — твёрдо приказал он, — Я с Аникеевым буду прикрывать.

ЯРОСТЬ

... Когда рота на склоне попала под перекрёстный огонь крупнокалиберных пулёмтов, Максима Гречика тупо ткнуло в ногу чем-то

горячим. Нога сразу потеплела и перестала слушаться, — будто на бегу ему подставили подножку. Гречик мгновенно упал на землю и увидел, как штанина быстро набухает кровью.

«Ранен!» — Он спрятался за камень, вытащил нож и чиркнул по штанине, оголив ногу. Из круглой пулевой раны под коленом лилась неправдоподобно красная кровь. Сдерживаясь, чтобы не застонать, Максим с треском разорвал индивидуальный пакет. Кровь быстро окрасила повязку, просочилась и закапала на камни. Тогда он смотал с приклада резиновый жгут, и, охая при каждом прикосновении, перетянул ногу выше колена.

Стрельба то затихала, то вспыхивала с новой силой. Потом на склоне стали рваться мины. На краю лощины, где укрылся Гречик, внезапно появились духи. Они рассыпались цепочкой и принялись оглушительно строчить из автоматов.

Максим немного отполз назад, стал круто забираться влево, и оказался перед осыпью валунов. Там забился в какую-то пещерку и решил переждать, пока стихнет стрельба. Он лежал, наверное, минут десять, но огонь не ослабевал. «Нет, здесь нельзя оставаться», — тревожно подумал Гречик. Он был разведчиком, и привык во многом полагаться только на себя. Поэтому пополз прочь от выстрелов по склону. Нога онемела, стала тяжёлой. Боль становилась всё сильнее и сильнее, будто огонь, зажжённый крупнокалиберной пулей в ногу, настойчиво и упорно разгорался. Раза два он пытался перебраться через осыпи, но нога застревала между валунами, руки срывались с камней. Почему-то стала кружиться голова, во рту появился металлический привкус. Максим то и дело сплевывал слюну, но противный привкус не исчезал. Потом стали сохнуть губы...

Он полз и полз, волоча за собой непослушную ногу. Полз бесконечно долго, и никто не попадался ему на пути. Стрельба стала глуше. Может, она удалилась, или уши не могли, как раньше, чутко улавливать её. Боль от ноги поднялась к пояснице, и теперь при каждом движении Гречик невероятными усилиями сдерживал стоны. Металлический привкус во рту исчез, но навалилась такая сонливость, что он едва нашел силы, чтобы забраться в нору под камнями.

Очнулся Максим от нестерпимой боли. Видно, в забытии он повернулся и ударил о камни ногу. Каменная нора вдруг показалась ему склепом. Неловко пятясь, он выполз из-под валунов. Надо было поворачивать обратно и возвращаться к той лощине, по которой шла рота, возвращаться к своим. Там всё ещё грохотала стрельба.

Ползти было трудно. Видно, он потерял много крови. Через каждый десяток метров он останавливался и лежал, раскинув руки. Жадно, как рыба, выброшенная на берег, глотал воздух и ждал, пока

успокоится яростный стук сердца. Потом снова полз очередной десяток метров, огибая валуны.

Нога тащилась позади, распухшая и чужая. Боли теперь Гречик почти не ощущал. Просто нога ему мешала ползти.

Пуля тонко свистнула возле головы. В щёку колко ударило каменными брызгами. Максим инстинктивно оттолкнулся и покатился вниз. Метрах в двадцати выше по склону из-за камней выглянула голова в коричневой пуштунке. Увидев, что после выстрела шурави скатился вниз, дух довольно хмыкнул и снова спрятался за камень.

Гречик лежал под выступом, с которого он напоследок упал, и боялся пошевелиться. Во второй раз дух не промахнётся. «Добить хотел, — тоскливо думал он. — Добить...» Раненого добить. Пристрелить беспомощного человека... С каждой минутой его всё больше и больше ошеломляла тупая жестокость, с которой он столкнулся лицом к лицу. Ведь он и так еле полз, а его хотели добить. Эта мысль металась в голове всё больше и больше, вытесняя остальные. Она клокотала, как поток воды, размывающий плотину, подминала всё под себя...

Страшная ярость вдруг захватила Гречика. Пришло неправдоподобное, невероятное решение. Он должен убить того, кто стрелял. Убить так, как убивают взбесившуюся собаку. Максим вытер рукавом кровь с лица, стиснул зубы и пополз между камней вдоль склона. Оказавшись за грудой камней, он передохнул и полез вверх.

Это было трудно. При каждой усилении огонь, растекающийся от раны, опалял тело. Руки дрожали от напряжения, пальцы разжимались. Нога то и дело стучалась о камни, и казалось, уже не найдётся сил для следующего движения. Но он упрямо забирался вверх по склону, отдаваясь той ярости, которая без остатка подчинила его, которая требовала, заставляла двигаться. Притаившись в зарослях зелёнки, Гречик долго ждал, пока снайпер выдаст себя.

И дождался. Дух снова выглянул из-за камней и перебежал в расщелину. Теперь были видны край его пуштунки и кусочек плеча, обтянутый оливковой курткой.

Максим потряс головой, чтобы прогнать сонливость, и стал прицеливаться. Руки дрожали. Столбик мушки прыгал из стороны в сторону и никак не хотел останавливаться в прорези прицельной планки. Гречику вдруг стало страшно. Если он промахнётся, дух уйдёт. А уйти не должен, он не может упустить его. Если уйдёт, придётся снова ползти за ним. На это уже не будет сил...

Снайпер был перед ним как на ладони. Максим видел его спину, его угловатые плечи. Видел оттопыренные уши, плоский затылок и шею с ямочкой посредине, заросшую чёрными волосами. Видел

грязное пятно на светлой штанине под правым коленом. Он подумал почему-то, что дух давно не подстригался, и поймал на мушку плоский затылок. Тут ему неудержимо захотелось, чтобы снайпер обернулся и увидел свою смерть. Увидел силу, которая заставила раненого, еле живого солдата забраться на гору и поймать его в беспощадную прорезь прицела...

После выстрела голова снайпера безвольно ткнулась в камни. Пуштунка слетела, и на затылке растеклось розовое пятно. Гречик понял, что убил. Но, разряжая ярость, он стрелял до тех пор, пока не опустел магазин...

Дальше он помнил смутно. Куда-то полз, скатился с обрыва. Лежал под ним, и думал, что уже не поднимется... Ныло плечо, и саднила ободранная о камень рука. Максим слизнул с неё капельки крови и, болезненно поморщившись, растер ушибленное плечо. Потом подобрал с земли автомат, вщёлкнул в него новый рожок и пополз наверх...

Уткнув лицо в камни, он лежал, не поднимая головы. Взрывы мин следовали один за другим так часто, будто по камням осатанело били громадные молоты, высекая огонь, дробя камень, вскидывая дым и седую щёбёнку. Страшно было и думать, что сквозь такой огонь он проберётся в роту. Да и как идти туда, в самый ад, в самую гущу взрывов... «Немножечко ведь осталось, совсем немножко», — лихорадочно думал Гречик, сжимаясь при вое мин. Он сумел незамеченным проползти по склону, увидел своих, и тут взрывы перерезали дорогу. Огненный смерч снова кружился возле щели, где сидела рота.

... Оказывается, камень тоже может гореть. Когда стихли взрывы мин, Максим не поверил своим глазам. Серый камень на склоне был чёрным. Как на пожарище, его усыпали мелкие, похожие на угли осколки. Будто пепел, тянулась по краям воронок седая каменная пыль. Минометы выжгли склон, оставив безобразные чёрные подпалыны, раскиданные камни, множество воронок. И пустую расщелину, в которой валялся разбитый пулемёт.

«Все убиты», — с ужасом подумал Гречик и, почти не скрываясь, прополз последние метры до расщелины. Откуда-то сверху ударили беспорядочные автоматные очереди, но не задели его.

Роты в щели уже не было. Остатки её ушли в лощину во время обстрела и теперь по проходу в минном поле спускались к реке. Последними отходили лейтенант Куманьков и Аникеев с пулемётом, заряженным куцым огрызком ленты.

Не обращая внимания, что сверху подбираются духи, Максим тяжело ковылял по узкой, исковерканной взрывами расщелине, где на дне лежали убитые. Он накрыл каской окровавленное лицо

Умарова и поставил возле него пустую коробку из-под пулемётных лент, удобнее уложил прапорщика Костикова.

Среди убитых он не нашел ни ротного, ни других парней. Значит, рота ушла из расщелины. Недавно ушла. От гильз, валявшихся на дне щели, кое-где ещё тянуло едкой гарью. Ушла рота, а он опоздал, опять остался один.

Гречик выглянул из расщелины и увидел, как медленно ползут духи, боязливо прижимаясь к камням. Они не верили молчащей щели.

«Трусите», — равнодушно подумал разведчик. Им овладело какое-то странное безразличие. Он понимал, что надо немедленно уходить. Но руки дрожали, кружилась голова и мелодично звенело в ушах.

На глаза попала оставленная кем-то помятая фляжка. Её аккуратно поставили между камней, и забыли. Максим взял её, встряхнул. На дне булькала жидкость. Отвинтил крышку, жадно глотнул, запрокинув голову. Противная тёплая вода сразу попала не в то горло, Гречик поперхнулся, зашёлся удушливым кашлем. Из глаз полились слёзы.

Автоматная очередь сыпанула по стенке в полутора метрах от него. Он инстинктивно отпрянул в сторону и стряхнул оцепенение, навалившееся на него. Духи были уже в полусотне метров от расщелины. Они медленно и осторожно заходили во фланг молчавшей щели.

«Бойтесь, сволочи!» — вновь подумал Максим и ужаснулся, что всё ещё сидит в щели, когда ему нужно уходить. Он подхватил автомат и с трудом перевалился через бугорок, который отделял щель от лоцинки. Раненая нога больше ничем не могла ему помочь.

Разведчик полз, торопливо перебирая по щебёнке исцарапанными, в садинах руками. Полз, радуясь ямкам от вывороченных мин и окровавленным ватным тампонам, попадавшимися на пути.

Ещё немножечко — и он догонит роту, догонит своих.

Выстрела Гречик не услышал. Что-то звонко ударило по каске. Вспыхнула и погасла цепочка зелёных и красных огоньков перед глазами. Сознание исчезло...

— Этот тяжёлый, немедленно на отправку, — словно сквозь сон, услышал Гречик чей-то голос и очнулся.

Оказывается его, мягко покачивая, несли на носилках. Затем голову приподняли, и Максим ощутил на губах тёплое и сладкое. «Чай», — отдалось где-то в глубине почти забытое воспоминание. Он с жадностью стал глотать чуть терпкий ароматный напиток, ощущая, как исчезает колючая сухость во рту и отчётливее становятся мысли. Чьи-то руки заботливо наклоняли фляжку. Ему

вспомнилась та, помятая чужая фляжка в опустевшей расщелине. Покосившись, Гречик рассмотрел брезентовый тент санчасти и очередь носилок на земле. Молчаливые санитары грузили носилки в вертолёт.

25 января 2021 года исполнилось 20 лет со дня кончины выдающегося литературоведа и историка Вадима Валериановича КОЖИНОВА. Предлагаемая подборка была когда-то одобрена им для печати, но по ряду причин в полном виде никогда не публиковалась. Пользуясь случаем, я хотел бы исправить это положение и, предлагая альманаху данную подборку, посвятить её светлой памяти Вадима Валериановича.

Кроме того, представляю Вашему вниманию мнение замечательного поэта нашего времени Михаила Грозовского: «Коля! Подборку прочитал, стихи эти знаю и не перестаю удивляться особенностью твоей поэзии. И в этой самостоятельности, в этой оглушительной метафорической дерзости растворена твоя беспокойная и честная душа. И юмор у тебя особый, произвольный, незащищённый, нередко утопающий в зауми и даже абсурде, но всегда обращённый к себе, нескучный и трагически-добродушный. Он совсем не похож на потуги заправских остряков, пытающихся развеселить публику. Фантазия, восходящая к гротеску. Сочинённый мир, выражающий языком нашего времени абсурд мира реального. Гримаса скрытого «я», мистика, тревога. Лубок, кувырок сознания и ломка, ломка стереотипов. В общем, я принимаю твою поэзию, хотя не всегда осознаю её пределы. Но такова природа твоей личности. Успехов на творческом пути тебе, дорогой! Михаил Грозовский».

НОЧНОЙ КАПРИЗ — К

Время

Мои часы сбесились ныне:
Вперёд помчались. Боже мой!
От быстрой скачки сердце стынет,
Я ощущаю смрад и зной.

Старею,
Но перед кончиной
Часы вдруг повернули вспять:
Плывёт картина за картиной,—
Вот стал я юношей опять.

И детство возвратилось снова:
Игрушки, горка, пластилин,
И первое на свете слово,
И трёхколёсный лимузин...

Всё начинается сначала,—
Но сердце биться перестало!

* * *

Мужики как мухи мрут.
Почему? Прошу, ответьте!
Жить кому-то не дают
Или хочется им смерти?

Лучший цвет уходит в ночь,
Не успев пожить как надо.
Может быть, уводит прочь
Их Господь, как бы в награду?

Нет и нет! Они полны
Жаждой жизни, видит Боже,
Но часы их сочтены,
И никто им не поможет...
А потом, сквозь толщу лет,
Льётся звёзд далёких свет!

* * *

Мне тикают настольные часы:
«Засни, засни, тебе приснится море.
Ты будешь реять чайкой на просторе»...
Мне тикают настольные часы.

Ещё хотят меня предупредить,
Свои не тратить понапрасну нервы.
Душевные же силы не безмерны...
Мне тикают настольные часы.

Так много рассказать они хотят:
«Тик-так, тик-так»... на что это похоже?
И отгадать так хочется, до дрожи...
И тикают настольные часы.

Ноктюрн

На небе, сером и пустом,
Висит рожок, забытый всеми.
Большим раскрашенным зонтом
Спустился вечер.
На колени
Упало всё пред ним вокруг,
Явились сны, как псы цепные;
В листьях дерев застыл испуг,
На них напали тени злые.
Замки захлопнулись.
Дома
Завязли в тишине по крыши,
А ветер снова тайной дышит,
Сводящей медленно с ума.
Украдкой фонари зажглись,—
В ночную жуть вступила жизнь.

* * *

Мы давно подопытные кролики,
Вынули мозги, а вставили ролики.
Направляют нас туда-сюда,
Давая капельку свободы иногда.
Мы радуемся, весело смеёмся
И думаем, что сами по себе пасёмся.

* * *

*Но творчество ревнивей, чем Отелло.
К. Ковальджи*

Попалась мне Муза-зануда,
И понял я, что на крючке.
Боюсь, как бы ни было худо,
Хожу с авторучкой в руке.

Однажды забыл эту штуку
И думал о чём-то своём.
А Муза — такая подлюка,
Прошла незамеченной в дом.

Я был на концерте, где мило
Поэты читали своё,
А Муза в квартире творила
Такое, ну ё же моё.

Потом сколько выгреб навозу,
Что книге рекордов под стать.
Я бросил поэзию, прозу,
Совсем отказался писать.

Купил на толкучке базуку,
Пошёл я на Музу войной...
Кто видел крылатую суку,
Прошу вас, свяжитесь со мной.

* * *

Старушка роеется в отходах,
Никто не хочет ей помочь.
И никуда ей нету хода,
И находится тут невмочь.

Пустая ждёт её квартира,
В которой мается одна,—
А у бачка, как в центре мира,
Весь день стоять обречена.

На похороны накопленья
Исчезли в топке бытия.
Доколь терпеть ей униженья?
И это Родина моя!

Времена года

На белой стене
Я нарисую зиму,
Крепкий мороз
И большой снегопад.

А рядом совсем
Я весну нарисую,
Растоплю все снега,
Певчих птиц зазову.

Поодаль ещё
Нарисую я лето:
Речку. Солнце. Песок.
Шоколадный загар.
Не просите, друзья,
На стене не найдёте вы осень.
Не хочу я слезами
Портить нашу хорошую жизнь.

* * *

В нафталиновых одеждах
Ходят тени человечьи:
И дороги подминают
Под себя и громко ржут.
Я подумал — это кони
Иль на пастбищах бараны.
Оказалось, что фантомы,
Сны, сошедшие с небес.

Экспромт

Я путаюсь у мира под ногами,
И мне было сказано уйти в тень.
Разве я могу сделать это,
Если он путается у меня под ногами
И не знает об этом?

Танка

Пока сидел и думал,
Пришёл вечер,
Потолкался, поплевался дождём
И, постучавшись о стекло, ушёл,
Пообещав явиться вновь.

* * *

Пляшет ночь под дудку ветра
Танец звёздной мошкары.
Сновидений дикий шабаш
В голове у горожан.

Неприкаянно и тихо
Бродит месяц — тьмы дружок:
То взирает с умилением,
То тревожен взор его.
Тьма расставила капканы
На собак и на людей.
Попадают чаще люди,
А собаки мирно спят.

* * *

Я разозлил сегодня день
Фальшивым пеньем,
И он обрушился дождём
И сильным ветром.
Дождливый вечер разозлил
Своим молчаньем.
И прекратился сразу дождь,
И небо чисто.
А как мне ночь не разозлить
И спать спокойно?

* * *

Размыт клубок неспаханной Луны,
Холодный свет призывно тянет руки.
О, вечер, мы на сон обречены,
На тяжкие и сладостные муки.
Гривасты тени, воеет тишина,
Нерадостно по веткам ветер бродит,
Цветы недолговечные разводит,
Которым тьма зловещая нужна.
Закончен бал, и ночь сошла на нет.
Зверьком голодным прибежал рассвет.

ЭКСПРОМТ

Утро село на ладонь.
Ты его, судьба, не тронь.
Через быстрых полчаса
Улетим на небеса.
А пока она со мной
Я ликую — выходной!

* * *

По всем уголкам души
Раскидали деревья свою немоту.
Они, словно вымершие мамонты,
Толпятся в моём сознании
И спокойно слёзы льют
Жёлтыми листьями.
Я не могу
Видеть этих жёлтых слёз.
Жёлтый цвет — это разлука...
Усилим воли
Крашу листья
В мой любимый, синий.
Они превращаются в цветы.
Синий — это цвет твоих глаз,
Любимая.
Я очень хочу,
Чтобы деревья
С синими листьями
Больше не плакали.

Рисунок Светланы Ринго

СНЕЖИНКИ

У снежинок день рожденья:
Карнавал седых небес.
На свободное паренье
С восхищеньем смотрит лес.

Ветер тратит дуновенья,
Песни нежные поёт.
Белокрылые мгновенья
Превращает в звёздный лёд.

Шутка

Меня поцарапала кошка,
Потом поцарапала ветка —
И я, поцарапанный ими,
Явился, как призрак, домой.

Сказал, что царапала кошка;
Потом, что царапала ветка,
Но ты рассердилась, родная,
Совсем не поверила мне.

Тогда я сказал, что подрался
С какой-то несносной девицей:
Я к ней подошёл, попытался
Ей ласково что-то шепнуть.
Ты сразу поверила в это,

Схватила мои чемоданы
И выбросила из окна...
Меня поцарапала кошка,
Потом поцарапала ветка...

Теперь я мотаюсь с вещами,
Не нужный уже никому!

Памяти А. С. Пушкина

Писать о Пушкине? —
Ни-ни.
Нельзя о гении коряво
Кропать стишата ради славы,
Но голос шепчет мне: «Рискни!»
Себе я руку откушу —
Стихи о нём не напишу:
Боюсь неловкою строкой
Нарушить Пушкина покой!

* * *

Маме

А я, неверующий в Бога,
Увидел ангела в окне.
Смотрел печально он и строго,
И сразу страшно стало мне.
Да.
Я виновен: в этом мире
Не проповедовал добро,
А молча жил в своей квартире
И о бумагу рвал перо.

Так ничего и не посеяв,
Я жил на свете много дней.
Как искупить перед Россией
Хотя бы часть вины своей?

* * *

Наваждение: призраки рук,
Обхватившие шею;
Сердца полуиспуг,—
Ничего не успею.

Среди красно-белых снегов —
Игры света,
И сошествие сладостных слов:
Песня спета.

И багровые ключья туч
Перед глазами...
Наваждение.
Всё.
Не мучь...
Стихами.

* * *

У меня в носу серьга,
Но она не дорога.
Зыбкой ночью, при Луне
Гном её повесил мне.

Этот знак — клеймо раба.
Этот гном — моя судьба.
До сих пор серьгу ношу,
Разрешенье снять прошу.
Только гном воротит нос,—
До свободы не дорос.

* * *

Я сдал в аренду тело:
Носите на здоровье.
Мне тело надоело —
Огромное, воловье.

Я сдал в аренду разум:
Зачем он в нашей смуте?
Не применял ни разу,
Не доходил до сути.

Теперь живу и трушу —
Так одолели страхи.
Как сдать в аренду душу,
Ведь не берёт никто?

* * *

Налейте мне бокал печали,
Его я выпью, а затем
Я откушу кусок медали,
Не пережёвывая, съем.

Налейте мне бокал веселья,
Его я мигом осушу.
Потом, надевши птичьи перья,
Меня подбросить попрошу.

Меня подбросят до дурдома,
Сдадут по описи врачу.
Всё ненавистно и знакомо,—
А я нежданного хочу!

* * *

Я видел бордовое небо,
Я гладил породистый ветер
И трогал сыпучую землю,
В песке не увязнув едва.
Приметил зелёную кошку,
Поймал бело-красную мышку
В оранжево-радостном доме
У сине-кудрявой стены.
Дал мышке напиток из хвои,
А кошке — кофейную жвачку.
И оба животные сразу
Уснули в моём пиджаке.

Грибы

Летят грибы в мою кошёлку,
Я собираю их шутя.
Но нету никакого толку,—
Я в грибоведеньи дитя.

Поганки, грузди и опята
Горды вниманием моим.
Я приготовлю их, ребята,
Затем под водочку съедим.

Через неполных полчаса
Мы полетим на небеса!

* * *

Я мудрость, кажется, постиг,
Что в жизни долгой и унылой
Вершин прекрасных не достиг.
Наверно, не хватило силы

Или таланта.
Суть не в том,
Но я доволен жизнью этой.
Себя я чувствовал поэтом,
Хотя был просто дураком.

ЗНАКИ ЗОДИАКА. ЧЮРЛЁНИС

М. Чюрленис «Стрелец»

Сказочный Храм в Кижях; музей Чюрлениса в Каунасе... Соната Солнца!

Каунас я желала увидеть не меньше, чем Таллинн. Из Вильнюса мы с папой поехали в Каунас, в музей Чюрлениса.

Удивительные картины Чюрлениса близки музыке композитора. Мне запомнились морские картины художника («Симфония моря»). Волна бьёт о берег!

Море
Это ветер
В солнечных брызгах
Это парус
Разбуженный ветром
Это птица
С зарёю
На крыльях
Море
Это Песня
Когда видишь
Землю

«Его гениальное, неповторимое творчество явило миру новый континент», — писал Ромен Роллан о Чюрлёнисе. Цикл «Сотворение мира» (1905—1906) написан на библейские сюжеты.

Первые картины художника экспонировались в Варшаве в 1905 году. В Петербурге Чюрлёнис входит в объединение «Мир искусства». В 1909 году прошла выставка художников *Мира искусства*, на которой были представлены картины Чюрлёниса.

Художник выстраивал свои картины по циклам. Ранние работы Чюрлёниса («Покой») сумеречны, туманны. Солнце прячется в облаке.

Картины «Истина», «Дружба» согреты солнечным лучом. «Знаки Зодиака» (цикл из двенадцати картин), 1906—1907, «Дева», «Рыбы», «Скорпион», «Стрелец»... не только мифологический, но вневременной, рассветный.

Цикл из семи сонат (Сонатный) — Сонаты Солнца, Весны, Ужа, Лета, Моря, Звёзд, Пирамид построены как музыкальные композиции: аллегро, анданте, скерцо, финал. Увертюра «Фуга» открывает цикл.

В картинах Чюрлёниса преобладает символика. Цикл «Сказка» («Путешествие королевича», «Крепость», «Сказка королей») овеян романтическим настроением.

«Музыка на мольберте», «Музыка акварели», «Жертвенник» возвращают Чюрлёниса к началу Пути, Истокам.

Какой мерой Души творит художник? Чюрлёнис создал незабываемые произведения. Но творческий взлёт художника завершился трагически.

2021

*Хорошей русской артистке и моей подруге
Галине Манкуриной
посвящаю с Вечной Памятью.*

И СТАЛ СВЕТ

(пьеса в 1 акте и 10 действиях по Евангельским мотивам)

Написана для кукольного театра.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АНГЕЛ I

ИОСИФ I   святое семейство

МАРИЯ I

ЦАРЬ ИРОД

СИМ (простолюдин)

НАУМ I

ЯКОВ I   пастухи

КОЗА ЯСЯ

ГОСПОДИН

РАБ 1

РАБ 2

РАБ 3

Голос ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ

(примечания автора):

Иосиф и Мария — несомненно, в живом плане. Иоанн Креститель — голос. Царь Ирод (лучше кукла, но, возможно, в живом плане). Сим, Наум, Яков, Коза — куклы. Господин и 3 раба — куклы, но, возможны люди.

I действие

Дева Мария готовит ужин, в глиняной миске что-то размешивает. Является Ангел.

Ангел. Радуйся, Благодатная! Господь с тобою. Благословенна ты между женами. Не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у Бога,

и родишь сына, и наречешь ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется сыном Всевышнего, и даст ему Господь Бог престол Давида, отца его, и будет царствовать (над домом Иакова) вовеки, и царству его не будет конца.

Мария. Как будет это?

Ангел. Дух святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя, посему и рождаемое святое наречется Сыном Божиим, вот, и Елисавета, родственница твоя, и ей будет дан сын уже через три месяца.

Мария. Я раба Господня, да будет мне по слову твоему. (Ангел удаляется). Скорей побегу к Елисавете, расскажу о своей радости! (Убегает). Музыка радостно-торжественная.

Входит Иосиф. Посмотри, какие я ложки вырезал, Мария! Вышла... (Продолжает работу). (Возвращается Мария). Вместе:

Мария. Иосиф!

Иосиф. Мария! — Я знаю! Ангел во сне меня известил. Возблагодарим Бога, Мария.

(опускаются на колени). Светлая музыка.

Иосиф, поднимаясь, деловито: А теперь, поговорим о житейском, Мария. Садись, Мария.

(Особо бережно усаживает её на табурет): От Кесаря Августа вышло повеление сделать перепись по всей земле, придётся нам из нашего Назарета идти в Вифлеем, город Давидов. Как ни крути, я ведь из рода Давидова.

Мария. Ой, Иосиф!

Иосиф. Что делать, Мария, конечно, тебе будет тяжело.

Мария. Мне-то ничего, Иосиф, я боюсь за младенца, ведь ему придётся родиться в дороге. И ведь туда пойдёт столько народу, будут ли места в гостинице?

Иосиф. Бог не оставит нас, Мария. Давай собираться, Мария.

Мария. А если не будет места, Иосиф? Где он родится, Иосиф?

Иосиф. (Неожиданно резко). Пусть даже в простом хлеву! Бог не оставит его, Мария. Собирайся, Мария. Пошли, наконец, в Вифлеем!

Небеса и холмы голубы,

Но уж близко совсем

Веют ветры моей судьбы

Над тобой, Вифлеем!

Вот и начат мой путь земной,

То ступай, то беги,

И друзей, и врагов за мной

Затихают шаги.

Мне придётся глухим кричать.

Это так тяжело.

Как не хочется мне встречать
Неизбежное зло.
Вариант: Нужно миру себя отдать,
Чтобы стало светло.

2 действо

Звучит свирель пастуха. Колокольчики на шеях коз слышны, бляенья мирно пасущегося стада. У костра сидят двое — Пастух и мальчик Яков, с ними одна козочка.

Пастух. Ну, как, довольны сегодня наши козы?

Яков. Довольны. Вот и Яся говорит. Да, Ясенька?

Коза. (Блеет) О-о-о-че-еень довольна! Очень!

Яков. Никто вас не обижал? (Гладит её).

Коза. Никто не обижал. Только я подралась со своей подружкой, но я её не обижала, это она наскочила, а я ей уколола нос рожками.

Яков. Ну, Яська, я не ожидал от тебя. Ой! Что это с тобой?!

Коза, в ужасе. Что-о-о со мно-о-ой?

Яков. Смотри, дядя Наум, у нашей Яси рожки стали будто золотые! Так и сверкают!

Это не от огня, костёр-то почти затух, да и луны не видно!

Пастух. Да, вот это чудо.

Коза. Это потому, что я такая хорошая? Самая лучшая?

Яков. Какая же ты хорошая, если такая драчунья? (Коза обиженно блеет (мекает)).

Ну, ладно, ладно, не обижайся. Может быть, у тебя от стыда горят рожки? Ой, дядя Наум, а у вас-то тоже всё лицо будто посветлело, что же это?!

Пастух (растерянно). Да и у тебя тоже, мальчик. Что же это за свет такой на нас упал? (Все смотрят наверх). Все ахают: Что это за ослепительный свет с восточной стороны? — И будто что-то тёплое над нами веет?!

Яков. Ангел! Я вижу высоко над нами ангела, а с востока над ним сияет ослепительная звезда. (Все, и коза, опускаются на колени).

Голос Ангела. Не бойтесь, я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: Ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, который есть Христос Господь. И вот вам знак: вы найдёте младенца в пеленах, лежащего в яслях. (Слышен хор небесный, под его звуки удаляется невидимый ангел, пастухи провожают его взглядом). Ангел издали возглашает: в городе Вифлееме!

Пастух. Видно, это свет звезды над Вифлеемом, где родился божественный младенец. Надо пойти посмотреть, что там случилось и о чём нам сказал ангел.

Яков. Ты, Яся, будешь старшая в стаде, теперь ты, наверное, самая умная коза на свете, ведь ты видела Ангела.

Пастух. Ведь и ты его видел, а разве ты поумнел?

Яков (уверенно). Конечно, поумнел!

Пастух. Ну, Яся, иди к стаду, собаки помогут тебе, а мы пойдем в город Вифлеем: (идут, поют):

Овечьи мирные стада,
Небесный путь высокий,
И благодатная звезда
Сияет на Востоке.
Смотри, как радостно она
Сверкает надо всеми,
А лучше всех она видна
Младенцу в Вифлееме.
Её значенье всё ясней,
Навечно сохранится,
Мы много дней пойдём за ней
Младенцу поклониться.
(уходят).

Возвращается Коза:

А я всё-таки побегу за ними. Собаки справятся!

(Убегает вслед пастухам).

3 действо

На ширме появляется царь Ирод. Это человек, но, может быть, и кукла. Полон злобной агрессии.

Ирод. Это кто сказал, что ветер сильнее меня? Сильнее меня нет! Я могущественный царь Ирод. Сильней меня только римский правитель. Ветер сам не знает, кого сдувает с лица земли, а я сдуну и уничтожу, кого хочу! И богатства мои несметны: золотые и серебряные кубки, вот они — вина всех сортов, с Кипра, из Сицилии, с острова Самофракии, есть золотое, как золото, есть зелёное, как зелье, есть багряное, как кровь. Я хочу выпить за свою власть — не только в Галилее, по всей нагорной стране Иудейской, всем миром хотел бы править. Да пока не выходит. И кто-то хочет отнять мою власть

Незаметно к нему приближается коза, на рог подцепляет мантию, царь от неожиданности падает замертво. Вскривает, кричит не своим голосом, путаясь в мантии:

Не смей! Стража! В тюрьму! На бойню! Убирайся, мерзавка, за своими пастухами или как их там — народ ещё болтает, что они му-

дерева. Народ болтает, будто мой отец был погонщиком верблюдов. Но не коз! Понятно, мерзавка?

(Козу зовут из-за кулис): Яся, Ясенька, где ты? (Коза убегает).

Ирод. (Смотрит как бы из окна ей вслед): вон они глупцы, её хозяйка. (Кричит им из окна): Пойдите, тщательно разведайте о младенце, и когда найдёте, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться ему. (К публике): Как же, буду я ему кланяться! Мне, главное, узнать, где он, в каком именно месте находится, при первой же возможности погублю! Эти глупые пастухи думали меня обрадовать: Спаситель мира родился! Будущий царь Иудейский! А честно признаться, боюсь его. Ведь и древние писания говорят о его появлении. Неужели — он? Не-е-ет, я не должен ждать, пока он вырастет и отнимет у меня власть, я должен его убить! Недаром эта хитрая звезда явилась не мне, а этим презренным невежам. А если они не вернуться, как я его найду?! (Стонет, как от зубной боли). (Над ним, невидимо для него появляется Ангел). Придумал! Тогда я прикажу уничтожить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его от двух лет и ниже! (Ангел исчезает).

4 действо

Выходит, довольный сделанной работой, Иосиф, любуется скамеечкой:

Мария, смотри, какую я скамеечку смастерил!

Наверно, Мария опять молится (с доброй улыбкой, глядя скамейку). Хорошо она послужит нашему малышу потом (потягивается). Устал немножко. (Прилёт, задремал) музыка тихая.

(Над ним появляется Ангел, склоняется, говорит):

Встань! Возьми младенца и мать его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать младенца, чтобы погубить его. (Ангел исчезает).

(Входит Мария, склоняется над Иосифом, нежно поправляя его одежды, он восторженно встретил её навстречу, заботливо и деловито сказал ей):

Мария, ты только не волнуйся. Ну, не волнуйся, милая. Ангел меня посетил во сне. Придётся нам опять собираться, Мария. (Мария вскрикивает). Не бойся, Мария, Бог нам поможет.

Мария. Но куда, Иосиф? Почему? Я боялась, что что-то будет!

Иосиф. Мария, тебе ли не знать, что наш младенец необыкновенный. (Шепчет ей): Ирод ищет его души. (Мария страшно вскрикивает, убегает, возвращается, крепко прижимая к себе дитя). Мария, но ведь с ним ничего НЕ МОЖЕТ случиться. — Бог его не оставит — но всё-таки Ангела надо слушаться.

Мария. Не случится с его душой, Иосиф, но когда-нибудь, я чувствую, — что-то случится, что-то страшное... но ведь не сейчас, Иосиф?

Иосиф. Бог знает, что делает, Мария, дожждёмся ночи и пойдём. А что с твоими ногами? Они ещё не исцелились от ран, Мария?

Мария. Они уже не болят, но вот сандалии совсем износились. (Со светлой улыбкой). Но я пойду босиком.

Иосиф. Сейчас я смастерю тебе сандалии из травы и веревок, я бы и купил, но нам опасно являться на люди.

Мария. Как скажешь, Иосиф. (Уходят).

5 действо

Над ширмой пылающий зверской злобой Ирод, мечется, кричит в истерике: Не вернулись! Не вернулись мерзкие пастухи! Приказы-ваю перерезать, заколоть, уничтожить всех младенцев в Вифлееме и вокруг него! От двух лет и ниже!

(Вступает детский хор). Голос читает на музыке:

Кровавый, злобный Ирод
Направил слуг ужасных,
Отнял детей у мира,
У матерей несчастных.
Но смел и твёрд Иосиф,
Мария в Божьей власти —
Они дитя уносят
От губельной напасти.
Но зла непрочны сети,
Недолго до расплаты:
Погубленные дети
Отныне будут святы.

6 действо

Шум, плеск реки. Берег, два камня. Большой и поменьше. Двое из народа пытаются увидеть, что происходит поблизости (за кулисами). Оттуда доносится шум голосов: Что же нам делать? Что делать? Двое обращаются друг к другу с тем же вопросом: А нам что делать?

Первый. У кого ты спрашиваешь? У меня? Откуда я знаю, что делать?

Второй. Да нет, не у тебя, я просто смотрю на тебя. Но все спрашивают, и я спрашиваю. Потому что я не знаю, что делать.

Первый. А все-то у кого спрашивают?

Второй. У кого, у кого! Вон у кого! Слышишь, народ шумит. У учителя спрашивают! (опять слышны вскрики): Так что нам делать!? В ответ издалека — звучный голос (глас вопиющего в пустыне): У кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же.

Первый, толкая другого локтем: Слышишь, слышишь? Давай подойдём поближе, может и нам ответит? (Подходят к краю, кричат): Учитель, что нам делать?

Ответ голоса. Никого не обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь своим жалованьем!

Первый, со страхом: Ой, а я не довольствуюсь своим жалованьем! А ты, Сим, довольствуешься?

Сим. Что ты! Мне всегда не хватает! А как же не просить прибавки, если есть почти нечего?

Наум. Это тебе-то есть нечего? Да когда мы подходили сюда, ты доедал огро-о-омный кусок хлеба. (Показывает): Вот такой! Я ещё подумал: «Неужели он мне не оставит!?»

Сим. Постыдись, я ведь тебя и знать не знал!

Наум. Но, хлеб-то у тебя был? И я уже здесь был! Мог бы догадаться.

Сим. Да ведь сколько народу-то было! А тебе одному было дать?

Наум. (Поощрительно). Правильно! Всем надо было давать, а мне в первую очередь!

Сим. За что это?

Наум. Я стоял к тебе ближе всех. Я твой ближний! А с ближними надо делиться, сам знаешь! Вот и сейчас я твой ближний и хлеба у тебя вон сколько осталось, а ты не делишься!

Сим. Это где ты у меня видишь хлеб? (Становится к нему боком, чтобы скрыть хлеб под одеждой, в суме или кармане, или за пазухой).

Наум. Да вон, вижу, вижу! А ну, давай сюда!

Сим. Да нет у меня особенно хлеба! Только намек какой-то!

Наум. Вот давай и поделим этот намек! (Потасовка).

Сим. (Кричит): Это у начальников надо хлеба требовать, а мы самые нищие, вот и учитель скажет. Учитель! Ответь! Просить прибавки у начальников нельзя?

(В это время Наум всё-таки выхватывает кусок хлеба и ест с наслаждением).

Ответ голоса. Ничего не требуйте более определенного вам!

(Они оторопели, хлеб выпал из рук).

Сим. О-ох, даже в пот бросило. (Товарищу): А кто он этот Учитель? Пророк? Или ещё кто-то? Откуда он всё знает? И зачем к нему народ идёт?

Первый. А ты-то сам зачем пришел? Разве не креститься?

Сим. Да нет. Все идут, и я пошёл за народом, дай, думаю, взгляну: куда они идут. Ну и пришёл. А по дороге услышал, что учитель объявился.

Первый. А я-то креститься пришёл, да посоветоваться: что мне делать и как мне жить, и не пойму толком, кто этот учитель, и у кого мы спрашиваем. (Кричит): «А кто ты?!»

Ответ голоса. «Я крещу вас водой, но идёт Сильнейший меня, у которого я недостойн развязать ремень обуви, он будет крестить вас духом святым и огнем. Лопата его в руке его, и он очистит гумно своё и соберёт пшеницу в житницу свою, а солому сожжёт огнём неугасимым.»

Первый. Это он говорит об Иисусе Христе. А ты, как тебя зовут? (это он вопрошает голос).

Ответ: Иоанн Креститель.

Первый. (Симу). А ты слышал что-нибудь об Иисусе Христе?

Сим. Я — нет. А ты что слышал?

Первый. А я его видел!

Сим. Ты видел сильнейшего и мудрейшего? Не может быть! Его никто из нас не видел!

Первый. А я видел... он был тогда ещё в яслях. А я был помоложе и служил пастухом у одного господина. Ну, пойдём, расскажу тебе по дороге... — это было уж лет 30 назад. Пасли мы тогда с моим помощником коз... (уходят) ...

7 действо

Входит Иосиф: Да, уж много лет прошло с тех пор, как мы с Марией вернулись из Египта. Царь Ирод, слава Богу, умер, о чём нам и возвестил наш покровитель Ангел Гавриил. А сын наш Иисус крестился в реке Иордан. И крестил его пророк Иоанн, который возвестил народу о его приходе. И пошёл Христос после этого проповедовать, рассказывать народу о добре и зле, и как побеждать в себе грехи.

(Появляется Мария).

Мария: А где сейчас Иисус, Иосиф?

Иосиф. С народом, Мария.

Мария. Пойду, помолюсь. Ведь у него есть и враги, Иосиф, ты же знаешь. Как я боюсь за него, Иосиф!

Иосиф. Да!

Хоть умер царь проклятый,

Беда не миновала,

И зла ещё немало,

И брат идёт на брата.
Невинные убиты,
Но слышен шаг Святого.
И все мы под защитой
Божественного слова.
Будем надеяться, Мария! Будем надеяться! (Звон колоколов).
Пойдём послушаем, о чём говорит наш сын. (Уходят).
Голос на музыке: Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят,
Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.
Будьте, как дети — и войдёте в царствие небесное.
Колокола.

8 действо

Те же простолюдины: пастух дядя Наум и его новый товарищ Сим продолжают путь.

Сим. Значит, вы тогда не вернулись к царю Ироду, рассказать, где Иисус?

Дядя Наум. Да разве я могу такой грех брать на душу, Ангела не послушаться?

Сим. А разве Ангел и об этом просил?

Дядя Наум. Разве Ангел будет просить простого смертного, дурень? Он возвестил, что ни в коем случае нельзя возвращаться к Ироду.

Сим. А если бы не возвестил?

Дядя Наум. Ты думаешь, что ты говоришь? Я всё равно не вернулся бы! А тем более, Ангел ВОЗВЕСТИЛ!

Сим. Видно, Ангел не думал, что ты такой догадливый.

Дядя Наум. Я сейчас побью тебя!

Сим. Не надо, не надо. Ты лучше скажи: ты не слышал ничего про притчи Христа?

Дядя Наум. Да я с тех пор ничего о нём не слышал и ничего не видел! А что такое притча, я немножко понимаю.

Сим. И что же это?

Дядя Наум. Это такая сказочка или рассказ, с поучением.

Сим. Что значит: «С поучением»?

Дядя Наум. Нужно догадаться, для чего это говорится.

Сим. Ну, и для чего же говорится?

Дядя Наум. Ох, Сим, ну я же не Иисус Христос. Он всё знает, давай разыщем его или его учеников, и спросим, и послушаем эти притчи. (К залу): А кому повезёт, тот и увидит. (Уходит).

9 действо

Притча:

Входит (кукла) — господин — по притче:

Я очень-очень древний. 2000 лет назад в Иудее и некоторых других местах серебряные деньги назывались талантами. С тех пор-то и говорят: О-о-о, у этого человека есть талант. Только теперь имеются в виду не деньги, а какой-то Божий дар человека — художественный, поэтический или ещё какой-нибудь. У меня нет никакого дара, но тогда в старину, я был очень богатым господином. (Садится, считает деньги — таланты).

Господин: Так... 10 талантов, 15 талантов, 20, 25... (повелевает):

Позвать моего первого раба! (Входит раб).

Господин: Приблизься. Завтра я отправляюсь в дальние страны. Поручаю тебе и ещё двум рабам своё имение. Распорядитесь наилучшим образом моим состоянием. Лично тебе оставляю 5 талантов, по твоему уму, сообрази, что с ними делать. Иди, да позови второго раба. (Тот берёт деньги, уходит). — Благодарю, господин. (Входит второй раб).

Господин: Приблизься. Вот тебе 2 таланта, хоть ты глупее первого раба, но, надеюсь, хорошо распорядишься ими, пока я буду в отъезде. А приеду из путешествия — проверю, как ты с ними поступил. Ступай, да позови моего 3-го раба!

2-й раб. Благодарю, господин. (Берёт деньги, уходит. Входит 3-й раб).

Господин: Ну, как живёшь?

3-й раб. Хорошо, мой господин.

Господин. Хочешь жить ещё лучше?

3-й раб. Очень хочу, мой господин!

Господин. Это зависит только от тебя. Я отправляюсь в путешествие, оставляю тебе, по твоей силе, один талант. Хорошенько подумай, что с ним делать. Не придумашь, с более умными посоветуйся. Приеду — проверю. Ступай.

3-й раб. Благодарю, господин. (Уходит).

Господин тоже удаляется.

Входит 1-й раб (с дудочкой) и 2-й раб.

2-й раб. Ты веселишься, да?

1-й раб. Да, нет, других веселю, да таланты приумножаю. Вот, господин дал мне 5 талантов, а теперь у меня уже 8, а будет ещё больше!

2-й раб. Ну-ка, сыграй, я послушаю!

1-й раб играет прекрасную мелодию. 2-й раб танцует.

2-й раб. Как красиво ты играешь.

1-й раб. А ты красиво танцуешь. Идём к народу, мне заплатят за игру, а тебе — за танцы.

2-й раб. Да нет, я танцую для своего удовольствия, а лучше пойду и буду торговать. Я люблю торговать, я сандалиии умею мастерить, вот ими и попробую торговать.

1-й раб. Ну, ладно, пошли. (Уходят).

(Входит 3-й раб): Ох, что же мне делать с этим талантом? Ничего я не умею. За что не возьмусь, ничего не получается. Попробовать потанцевать что ли, как другие? (Пробует, очень смешно и, наконец, падает). Нет, не получается. А торговать боюсь: вот куплю на этот 1 талант товар, чтоб его подороже продать, а товар плохой подсунут, и последнее потеряю. А если другим торгующим отдать, ещё обманут, а посоветуюсь с кем — скажут: дурак! Зарою-ка я свой талант в землю! Сберегу его. (Зарывает в землю). Поет:

Был у меня талант один,
Его надёжно я зарыл,
Когда приедет господин,
Скажу: талант я сохранил!
(радостно уходит).

Крики: Господин приехал! Господин приехал!

Входит господин. Позвать моего 1-го раба! (Входит раб).

Господин. Ну, как ты распорядился пятью талантами, которые я тебе оставил?

Раб. Господин! Я их употребил в дело. Вот другие 5 талантов я ещё приобрел.

(Отдает их господину).

Господин. Хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю! Обрадовал ты господина твоего. Ступай, да позови 2-го раба. (Тот уходит, входит 2-й раб).

Господин. Ну, а как ты распорядился 2-мя талантами?

2-й раб. Господин, я их обратил в дело и приобрел другие 2 таланта — вот все твоё (отдаёт).

Господин. Хорошо, добрый и верный раб, над многим тебя поставлю! Ступай, да позови 3-го раба. (2-й выходит, входит 3-й раб).

Господин. А чем ты порадуешь твоего господина?

3-й раб. Господин! Я знал тебя, что ты человек жестокий, и, убоявшись, пошёл и скрыл один талант в земле. Вот тебе твоё, возвращаю!

Господин. Ты лукавый раб и ленивый! Надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы моё с прибылью. Ты не сумел приумножить данного тебе. Этот талант я отдам другим, а тебя, негодного раба, выбросят во тьму!

Господин. Выбросить его во тьму.

Так и поступят со всяким, кто не умеет распорядиться талантом!
(Торжественная музыка).

10 действо

Входит Мария, просветлённая:

Как же мудр мой Иисус! Какие божественные притчи он рассказывает. (На ширме появляется Наум): Да-да, какие умные сказки он рассказывает.

Мария. Да, Наум, ведь народ идёт за ним. Только это не сказки называются, а притчи.

Наум. Да, да, притчи. Только я стоял далеко и одну притчу не понял, о каком-то богатом юноше.

Мария. Это не притча, этот юноша подошел к Иисусу и спросил: «Что мне сделать доброго, чтоб иметь жизнь вечную»? Он же ответил ему: «Если хочешь иметь жизнь вечную, соблюдай заповеди». Юноша спрашивает: «Какие». Иисус отвечает: «Не убивай, не кради, не лги, почитай отца и мать, и люби ближнего твоего, как самого себя». Юноша говорит ему: «Всё это я сохранил от юности моей, чего ещё не достаёт мне?» Иисус отвечает: «Если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твоё и раздай нищим, и приходи и следуй за мною». Услышав это, юноша отошел с печалью, потому что у него было ОЧЕНЬ большое имение. Иисус же сказал: «Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное».

Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие.

Наум. Ну, я-то небогатый, даже очень небогатый. Пойду к народу, ещё послушаю. (Уходит).

Мария. А вы можете прочитать эти притчи в Библии. (На ширме появляется Библия).

Голос Иосифа. Прекрасная книга всех времён о жизни и делах Христа и его учеников. Старый и Новый Завет (Торжественная музыка).

*«И СКАЗАЛ БОГ: ДА БУДЕТ СВЕТ.
И СТАЛ СВЕТ». (От Библии исходит сияние).*

Конец

Иван де Монбризон

Париж, Франция

Иван де Монбризон родился в Париже 1969 году в интеллигентной семье.

Учился на лингвиста в Америке, работал в музее Пикассо 6 лет куратором проектов.

С 1999 независимый поэт и художник.

Печатался в Америке, Бельгии, Франции в различных литературных журналах.

* * *

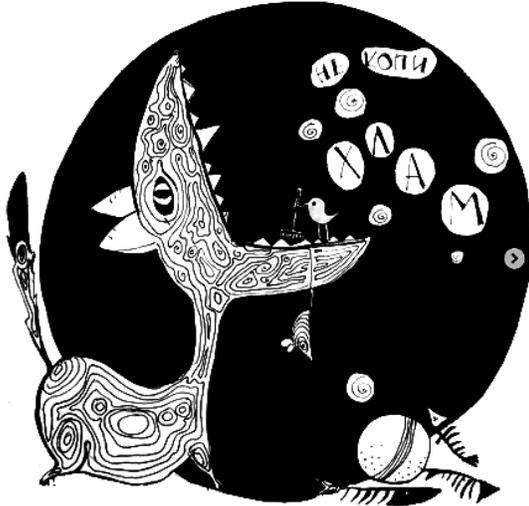
В этом месте
Сегодня
Мы снова мертвы,
Я думаю, что
Мир куб не круглый,
Все
Но не ты,
Падая в воздухе,
Как маленькие шарики из бумаги.

* * *

кошка ходит по трассе,
на горизонте,
солнце скатывается
падает в море,
всё тихо,
один мужчина ждёт на этой картине,
но только его тень на этом пути ...

* * *

Мертвая плоть,
Труп,
Но кожа как стекло,
Прозрачный,
Чтобы вы могли видеть
Все органы внутри,
Все мысли тоже.

Рисунок Светланы Ринго

Пробуй пере—

Перельётся дождь — через терпенье,
перегреет — белый луч весенний,
перейдёт любовь — свою границу,
посбивав с отчаянья столбы.
Перекрёстки с тупиками будут,
кривотолки будут, пересуды,
Перемается всё, переспится —
если пере-, то пора забыть...
Хочешь, крепко пережми запястье —
всё равно я не почую страсти.
Всё равно желанье переспело —
перекрашен в жёлтое закат.
Притяженье быть не может вечным,
как не будет вечным стук сердечный.
Перепрыгни за мои пределы,
в замки призрачные — из песка.
Где-то там — перелюби другую,
перепробуй, как она тоскует.
Как меня — перепроверь на прочность,
как обузу — не меня кляня.
Я тебе не стала оберегом —
прилетела прошлогодним снегом
или ночью — солнцем неурочным...
А сейчас давай — зашторь меня.
Перебей на счастье всю посуду —
кто уставшего за бой осудит —
выметай осколки от плохого,
колют сердце, режут, как ножи...
Ты попробуй в новое поверить,
пробуй, пробуй, пробуй, пробуй пере-
Если быть со мной не хочешь снова,
то попробуй это пережить.

Николай Архангельский

Родился в Харькове, но с раннего детства живет в Москве. Работал инженером, но интересовался гуманитарной сферой, увлекался мифологией, философией. Участвовал в художественном творческом объединении, были коллективные выставки.

Писать стихи начал недавно. Определиться со стихотворной стезей помогли литературные учителя: Людмила Вязмитинова, Борис Кутенков, Алексей Кубрик, Галина Лещинская.

Состоит Московском союзе литераторов и в Союзе писателей XXI века. Публиковался в литературных сетевых изданиях: «Зарубежные Задворки» (г. Дюссельдорф), на литературных порталах «Полутона», «Текстура», «Формаслов», «Гвидеон», «Квадрига Аполлона», «Артикль» (Израиль), в поэтическом альманахе «45-я параллель». Участник программы интернет-радио «ПроЛитКульт». В этом году в издательстве «Личный взгляд» вышла первая книга стихов «Посему». К печати готовится вторая книга стихов.

Москва

Столпотворенье глаз. Лубянка, «Метрополь».
 Планета москвичей, старинного народа.
 Их речи проросли в единую глаголь,
 Их души из суглинка веземной породы.

Вот этот дом с угла и арка со двора,
 Здесь продавались в долг без фильтра сигареты,
 Сутулились фигуры серые с утра,
 А дворником была внештатно Лизавета.

Они несли пургу, фантазию, полёт,
 Их вечно под землёй на бесконечность больше,
 Их помнит клетка лифта, лестничный пролёт,
 И вечен звук шагов уставшей почтальонши.

Отсюда в страны света плоская земля
 Стартует от Тверской, с гранитного аканфа,
 И привокзальный шпиль, как мачта корабля
 Транслирует моря, не выпитые Ксанфом.

у царя мидаса золотые руки

он наполнил внутреннее море золотыми рыбками чтобы
утешилась зарёванная статуя царицы нефертити
чей краткий день неуловим
чтобы она
изумилась златопенному пению воды
чтобы её
развеселил его фригийский колпак

у царя мидаса золотые руки

он хотел вызолотить тёмную материю ночи
под ближней небесной сферой

но в лике статуи было так много известняка
что росток улыбки не мог пробиться через кристалл
кальциевой соли
а звёзды старого неба хотели растворяться только
в позолотах ранних утр

и если по-прежнему была темна вода во облацех воздушных
значит
это кому-то было нужно

* * *

Умерший лёд становится водой
вином перебродившим
в почве
как вести в голубиной почте
внутри природной мастерской

Умершая звезда становится золой
слетающей подобно паутине
сухою радугой в сухой пустыне
бессмысленной
и золотой

Умершая мечта становится виной
сегодняшнего дня перед вчерашним
пропажей в отделении багажном
саднящей раной
свежей болевой

И эта ненадёжная волна
что меньше берега и даже
меньше моря
сама себя в перетекании вторя
к метаморфозе приговорена

Стихотворение об одиночестве

собака женщина в остывшем переулке
мальчишка ворон
словно чёртик из шкатулки
пейзаж в альбом

её глаза сказали об одном

прозимовать

и видимо под стать
философ мальчик за собакой догмой
допрыгнул весело и клюнул в хвост
дразня
и эта суматошная возня
была как лето для собаки догмы

не одиноки мы покуда вонмем
друг другу в холоде бесчеловечных зим
ведь ворон — человек
собака в этом с ним
природою и разумом созвучна
их души самоценны и не саморучны
и неизвестно из каких небес

наверное там тоже луг и лес

а здесь земная твердь и поднебесный холод
и тварь нам в помощь

и поднявши ворот
по переулку женщина
идёт
отталкивая наледи налёт

* * *

Запах снега с уличной брусчатки
Из окошка на слепом ветру
Дополняет ауру осадка
Кофе, выпитого поутру.

Ключ в замке. Неслышно запереться,
Слушать звуки дома и покой,
И ещё неровный синус сердца
В клетке между грудью и спиной,

И баюкать тихий свет фавора,
Сущего повсюду и нигде,
Словно утонувшая Матёра
В восковой непрошенной воде.

Словно еле слышный голос песни,
Что тайком присутствует с утра.
Что смолкает.
И сейчас исчезнет
В завитках персидского ковра.

* * *

Совковые, благословенные
Поэты яблочной поры,
Как все вы стали, гобеленные,
Милы, невинны и стары!

Я в этом жил, дружил и праздновал,
Я пережил, отвык, забыл
И вашу совестливость страстную,
И ваш нечеловечий пыл.

И нынешние молодые,
Отдав из уваженья честь,
Легко, как ласточки лесные,
Исправили бывшее в есть.

Как будто не было в помине
Ни двух поэзий, ни страны,
Как будто в сказочной былине —
Герои, суки, пацаны.

С момента, когда вольтова дуга
Соединила альфу и омегу
И чуждые проснулись берега
Двумя цветами глаз в огне и снеге,

С тех пор все сказки мира об одном
О жизни, о начале и пределе,
О том же, о чём плачут за окном
Осинники, чьё племя поредело,

И с ними плачет плакальщица ночь,
Склонившаяся у секундной стрелки,
И сонным обмороком отгоняет прочь
Ночное пенье газовой горелки,

И, кокон в коконе, слетают сны о снах,
В них есть бывшее, выброшенное в завтра,
И остров в ионических морях,
И чайка в акваториях эскадры,

И быть, растущая из вечного сейчас,
Из небылицы альфы и омеги...

И светлый глаз,
Что любит карий глаз
Без всяких сказок
об огне и снеге.

* * *

*Tous les matins du monde sont sans retour.
Все утра мира никогда не возвращаются.*

Дорога
На обочине цветов

Тут девушка однажды проезжала
в платочке за баранкой самосвала
и ей не думалось, насколько путь далёк
ей всех на свете утр было мало

И только за спиной бетонный блок
открытый ливням и колдобинам маршрута
он людям даст убежище уюта
покой, тепло и радости кусок

Другое время и другой цветок
Другое всё

И дух на небесах
творящий бескорыстно день и утро
со словом «хорошо» в неслышимых устах
найдёт когда-то своевременным и мудрым
упрятать этот мир обратно в свой рукав

И только в его памяти гурьбой
отобразятся вещи и начала
и тень того цветка за колеёй
и тень всех утр, которых было мало

и хрупкой девушки в кабине самосвала
чья молодость на деле означала
смысл мира

неприметный и простой

Генерал читает Пастернака

Тихий свет. Бездомная собака.
Не на службе, в штатском, налегке,
Генерал читает Пастернака.
На скамейке, в парке, в уголке.

Самиздат, гэбистами изъятый,
В руки по случайности попал.
Не читать не заставляла клятва,
Формуляр читать не заставлял.

Жизнь прожита. Эта, не другая.
И другой — чего бы и желать?
Он читает.
И морщины тают,
Будто сказку рассказывает мать...

Выдаст взгляд.
Он этот взгляд не выдаст.
Сложит в сумку, спрячет материал.
И мундир, надетый не на вырост,
Впредь на нём обвиснет.
Он устал.

Музыка военного оркестра,
Парадиз для брошенных собак.
И про Бога он... признаться честно...
Никогда... зачем... неинтересно...

Знать, судьба...

А кто-то скажет — знак.

Остывший метеор,
свой завершая бег,
себя согрел дыханием атмосферы.
Его тысячелетний век
на этом кончен.

Но в исходе меры
ему ещё ожить разрешено
в одной шестнадцатой мгновенного
горения,
увидеть хронику, короткий метр, кино,
его кружение и его крушение.

Он, будто, понял, в чём его вина,
он всё увидел, полюбил, измерил,
он, как Адам, всему дал имена,
и отдал свет, которому тесна
была бастилия в его астральном теле.

Но, утренней травы не испарив росу,
он испарился сам в обмолвке неба,
и в следе, загустевшем на весу.

Он не упал,
не долетел.

И не был.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН
И ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

(повод к размышлению)

Михаилу Лозинскому, поэту—переводчику (1986—1955)

*«О, если бы не Михаил Лозинский,
Кто бы свершил сей подвиг исполнинский!»*

I

Несмотря на коронавирусную пандемию, 2021 год в Италии объявлен Годом Данте Алигьери. Это потому, что ровно 700 лет назад, 14—го сентября 1321 года, ушёл из земной жизни Великий итальянский поэт — создатель «Божественной Комедии», произведения на все времена — Данте Алигьери. Как Данте Алигьери неотделим от Италии и мировой культуры, так и Александр Сергеевич Пушкин неразрывен с Русским миром и культурной средой иных стран.

Данте настолько велик, как поэт, мыслитель и создатель главного своего произведения, «Божественной Комедии», которая не могла не повлиять на творчество нашего гения, Пушкина. Я попытаюсь, насколько смогу, показать эту творческую связь между Пушкиным и Данте. По-моему, как-то, очень слабо проявлена тема связи, Пушкина и Данте, специалистами-пушкинистами.

Вот, что говорит Михаил Лозинский, поэт-переводчик, воссоздатель на русском языке «Божественной Комедии» Данте, во вступительной статье к своему переводу.

Какое замечательное, по своей сжатости определение, которое Пушкин, в черновом наброске, даёт «Божественной Комедии» Данте: «Тройственная поэма, в которой все знания, все страсти Средних веков были воплощены и преданы, так сказать, осязанию в живописных терцинах».

Обращаю ваше внимание, что Пушкин, здесь, никак не упоминает об авторе, этой «тройственной поэмы», о Данте Алигьери. Почему? Это, на мой взгляд, непонятно. Но очень интересно!

Есть основание думать, что Пушкин не только держал в своих руках книгу Данте, но и внимательнейшим образом её прочитал,

ещё, подчёркиваю, до создания своего романа в стихах «Евгения Онегина», это я попытаюсь показать несколько позже.

Пушкин владел французским, как родным. Вспомним, как его «звали» лицейские товарищи — «француз». К тому же, Юрий Лотман в «Комментарии к роману Пушкина «Евгений Онегин» сообщает, что Пушкин знал итальянский язык и знаком был с итальянской литературой. Поскольку, французский и итальянский языки, в известном смысле, схожи, то Пушкин легко вникал в текст «Божественной Комедии» Данте.

II

В конце января 2006 года, я слушал радиопередачу о культуре и литературе, в которой участвовала дочь Михаила Лозинского, Наталья, если не ошибаюсь. Она интересно рассказывала, как её отец работал над переводом «Божественной Комедии» Данте Алигьери, за который получил Государственную премию, Первой степени.

Я, дослушав передачу до конца, задумался, как же так? «Божественная Комедия» Данте осталась мною незамеченной, я конечно слышал о Данте, о «Божественной Комедии», но не читал её. Главное, что побудило меня к решению ближе познакомиться с «Божественной Комедией» Данте, несомненно, захватывающее повествование дочери Михаила Лозинского. На следующий день я отправился не в библиотеку, а в книжный магазин — так захотелось иметь «Божественную Комедию» в собственности. Где-то с третьего захода, я приобрёл «Божественную Комедию» Данте, в переводе Лозинского.

Отмечу, кстати, удивительное совпадение, в этом 2021 году, у Михаила Лозинского знаменательная дата, это 135 лет со Дня рождения, напоминаю: 20 июля.

Общепринято считать, что Данте родился во Флоренции, в конце мая 1265 года, но документальных источников этого нет. Но есть запись о крещении.

Младенца Данте — это сокращённая форма имени Дуранте, что по-русски значит «Претерпевающий», крестили во Флоренции, в Баптистерии Сан Джованни. Это великолепный старинный храм в виде восьмигранника, расположенный в центре города. Крещение Данте произошло в 1266 году, 26 марта, в Великую Субботу, то есть перед Пасхой. Так было принято во Флоренции в те времена.

Всем, кто интересуется поэзией, известна «Божественная Комедия» Данте и, может быть, некоторые стороны биографии самого поэта. А вот то, что Данте был миротворцем, думаю, знают немногие. Вначале, я хочу рассказать предысторию события, после которого Данте проявил себя самым превосходным образом.

Во время пребывания Данте в городе Равенна, она была независимым городом — республикой и довольно значительным портом и на Адриатическом побережье. В Равенну приходили торговые корабли со всего Средиземноморья, в том числе из могущественной Венецианской республики.

Однажды моряки с торгового судна из Венеции повздорили с равеннскими портовиками, которые перебили всю команду и разграбили корабль.

Из-за этого случая неминуемо возникла бы война, такого Венеция не прощала.

И вот тогда подеста, выборный правитель Республики Равенна, Гвидо Новелло да Полента обратился к поэту Данте за помощью, видимо, зная его опыт дипломата.

Необходимо отметить, что городские власти Равенны, увековечили память двух этих выдающихся людей, назвав их славными именами площадь и улицу в историческом центре города. И замечательно то, что улица Данте как будто вытекает из площади Гвидо Полента, на которой находится часовенка, где покоится прах Данте Алигьери.

III

А теперь о самом интересном, о творческой связи, нашего поэта Пушкина с поэтом Данте. Известно, что Пушкин любил Италию, мечтал побывать там, попутешествовать, может быть, по Тоскане, пожить во Флоренции — жемчужине итальянского искусства. Но мечта не сбылась.

Когда я стал погружаться во всё, что связано с Данте Алигьери, читая его «Божественную Комедию» в переводе Лозинского, то стал замечать, что интересующая меня информация, как-то сама идёт мне в руки.

На каком-то этапе моего увлечения, я узнавал, очень осторожно, у своих добрых знакомых и друзей, читали ли они «Божественную Комедию» Данте Алигьери. Те, кто охотно отзывался, говорили, что не дочитывали её до конца. Но все читали её первую часть «Ад», а я радовался, что они знакомы с «Божественной Комедией».

Находясь однажды в гостях, я взял с полки довольно объёмную книгу о жизни Пушкина, автора не вспомню. Я стал, не торопясь, пролистывать её, почти не задерживая внимания на тексте. И тут неожиданно обнаружил место, где автор утверждает, ссылаясь на письма близких друзей Пушкина, что они неоднократно видели поэта с томиком «Божественной Комедии» в руках. Разве это не замечательное наблюдение, касающееся жизни Пушкина? Все мы ещё

со школьных лет знаем поэму Пушкина «Евгений Онегин». Кто-то помнит наизусть её отдельные места, многие авторы, в своих работах цитируют роман в стихах.

У меня «Евгений Онегин» всегда под рукой. В один из дней, будучи серьёзно погружённым в «Божественную Комедию», я, взяв в руки «Евгения Онегина», произвольно открыл его, как оказалось на «Главе третьей». Читая с начала, я незаметно добрался до XXII строфы. И вдруг, заканчивая читать 9-ую строчку, вижу знакомые мне слова: «... надпись ада:». Дальше читаю десятую строчку, которая напечатана Пушкиным, курсивом, видимо, чтобы читатель, специально обратил на это своё внимание: «*Оставь надежду навсегда*». В конце этой строки у Пушкина стоит число «20», оно отсылает нас, читателей, на 20-ю позицию «Примечания к «Евгению Онегину»», которое, как известно, составил сам Пушкин.

Когда я нашёл эту 20-ю сноску в «Примечаниях к «Евгению Онегину»», то был ещё более удивлён. Пушкин приводит полностью эту строку из «Божественной Комедии» Данте Алигьери, по-итальянски: «*Lasciate ogni speranza voi ch'entrate*». Да ещё сверх того, даёт ей свой перевод, добавляя: «Скромный автор наш перевёл только первую половину славного стиха».

Говоря о себе в «третьем лице», Пушкин переводит: «*Оставьте всякую надежду, вы, сюда входящие*» (ит.). Кстати, у Лозинского перевод этой строки составил три слова: «Входящие, оставьте упование». Ровно, как у Пушкина в XXII строфе Главы третьей.

Что же меня так удивило? Пушкин по какой-то непонятной причине не указывает автора этой «славной», по его мнению, строчки. Почему? Это для меня — жгучая тайна! Собственно из-за этой «тайны» и возникло моё «размышление».

Напомню, что Пушкин всех, кого цитирует в поэме «Евгений Онегин», называет поимённо, каждого автора, а Данте Алигьери пропускает. На мой взгляд, создаётся впечатление, что, Пушкин, будто заведомо знает, что читателю хорошо известно имя автора поэмы «Божественная Комедия», откуда он заимствовал цитируемую фразу. Или здесь иная, только Пушкину известная причина?

Далее, я больше скажу. Думаю, совершенно неслучайно Пушкин помещает эту заимствованную у Данте фразу «Оставь надежду навсегда», пусть и в XXII строфу, но в «Главу третью» и на 9-ую строчку, как у Данте в «Божественной Комедии».

Разве это не заслуживает особого внимания, разве это неинтересно?

Если Пушкин так поступил, это значит, что для него было важно, сделать, именно так. Да, но вопрос-то остаётся открытым! Почему?

Все, кто ещё в школе «проходил» «Евгения Онегина», помнят, что поэма написана 14-стопным ямбом. А почему собственно ровно «14» строчек в «онегинской строфе»?

Уместно обратить внимание, на то, что Пушкин нумерует строфы римскими цифрами, и Данте свои «Песни» пронумеровал ими, правда ведь других он не знал.

Возможно для Пушкина это тоже имело, особое значение?

Итак, почему именно «14» строчек в «онегинской строфе»?

Тут я выскажу своё предположение. В поэтическом сонете тоже «14» строчек.

Данте писал сонеты и Пушкин к сонету руку приложил.

Может быть, Пушкин решил, что для поэмы «Евгений Онегин», как в сонете, «14» строчек будет достаточно. Это, когда больше не надо, а меньше нельзя.

Но почему такая, на мой взгляд, серьёзная тема, как творческая связь Пушкина и Данте, специалистами-пушкинистами, от Лотмана до Непомнящего, не была рассмотрена по сути, с применением строгого научного анализа?

И ещё у меня есть важное наблюдение.

Во Флоренции, во дворике Галереи Уффици, установлен памятник Данте Алигьери.

Судя по тому, как начертана фамилия Данте на его пьедестале, то сама скульптура создана в XVIII веке. Тогда его фамилия писалась с двумя буквами «L», «ALLIGIERI».

А памятник Пушкину, работы Опекушина в Москве открыли при жизни Достоевского, в XIX веке.

И вот, что произошло со мной, когда я стоял возле флорентийского памятника Данте во дворике Уффици, внимательно рассматривая его. У меня возникла мысль, что где-то я видел что-то композиционно подобное. Но где я мог это видеть?

Да, безусловно в Москве. В центре, на площади стоит Пушкин. Он очень напоминает памятник Данте Алигьери во Флоренции. Но случайностей не бывает.

Вполне допускаю, что скульптор Опекушин бывал в Италии, во Флоренции, где видел памятник Данте Алигьери возле Галереи Уффици. Задумав создать монумент нашему гениальному поэту

в Москве, он посчитал возможным, композиционно изобразить Пушкина, как Данте во Флоренции.

Что в этом неправдоподобного?

Обе фигуры стоят во весь рост. У Данте левая нога выдвинута вперёд, он, будто делает шаг. У Пушкина также левая стопа направлена вперёд. Правая рука Данте заложена на груди за тогу, в которую он облачён. А наш Пушкин также закладывает правую руку, только за жилет.

И ещё, на фасадной части постамента памятника Пушкину изображена лира, античный музыкальный инструмент, символизирующий поэзию. А Данте возложил левую руку на настоящий инструмент.

Разве этого мало, чтобы представить определённую связь даже в скульптурном изображении?

По-моему, всё это отнюдь неслучайно.

На этом позвольте мне завершить мои «размышления».

19.06.2021

Зеркало и возраст

Психология женщины устроена удивительно. С течением времени мы не ощущаем своего возраста, мы по-прежнему полны надежд, устремлены в будущее и кажемся себе полными энергии, сил и желаний. Но стоит посмотреть на себя в зеркало (кто только его придумал), как все наши иллюзии исчезают. Совсем недавно произошло событие, которое и без зеркала заставило меня трезво оценить свои годы.

Однажды я проснулась после полуночи из-за громкого звука, раздававшегося из недр квартиры, расположенной на одном со мной этаже, но в соседнем подъезде. Громко говорящее радио не давало мне заснуть почти до утра. Решив, что это случайность, я быстро забыла об этом неприятном инциденте, но через некоторое время все опять повторилось. В разрешении назревающего конфликта приняли участие мои заботливые дети. Дочь решила посетить нарушителей тишины. Для весомости визита она попросила своего друга составить компанию, и он охотно согласился помочь. Но их поход не принёс результата: на дверной звонок соседи не откликнулись. Видимо, в квартире никого не было. Сын пошёл своим путём. Сначала он навёл справки о жильцах из нехорошей квартиры у своих приятелей, проживающих с ними в одном подъезде, но поскольку никто не смог внести ясность в дело, он лично посетил эту жилплощадь.

Вечером сын позвонил мне и радостно сообщил: «Мама, в этой квартире живёт старушка, которая тебя знает! Она даже назвала

твое имя — Галина! Ещё сказала, что вы с ней через балкон общались. Старушка плохо слышит и включает радио на полную мощность и ей ни к чему, что её радио мешает тебе спать. В общем, я всё уладил».

Я поблагодарила сына, но призадумалась. Какая-то старушка меня помнит, а я её нет. Даже имя моё знает. Странно всё это. Я и в своём подъезде мало с кем знакома, а в соседнем тем более. Мы с соседкой общались, находясь на балконах? И тут я вспомнила событие двадцатилетней давности. В двухтысячном году я с детьми переехала в этот дом и обустроивала свою квартиру, оставленную бывшими квартирантами в состоянии, требующем капитального ремонта. Но ремонт — дело времени, а уют хотелось сразу, и я пригласила электрика починить электропроводку и повесить люстру. Электрик был курящий и покурить выходил на балкон. Заметив, что он собирается выбросить окурок с пятого этажа, я вынесла ему хрустальную пепельницу (другой у меня не было). Тут меня окликнули с соседнего балкона, который тоже не был застеклён входящими в то время в моду европакетами. Соседкой по этажу оказалась приветливая и словоохотливая женщина. На вид ей, как и мне, было не больше сорока лет. Мы познакомились, но с тех пор больше ни разу не общались. Сын, увидев её, назвал женщину старушкой. А кто же тогда я? Выходит, тоже старушка? Вот это новость. Озадаченная, я никак не могла представить себя в этом статусе.

Поогорчалась я немного и погрузилась в пучину дел и занятий, обыденных и захватывающих, и решила, что не стоит примерять своё самоощущение к истинному возрасту, ну, а в зеркало можно и издалека посмотреть, готовясь к концертным выступлениям, общению с товарищами по перу или походу в театр.

02 марта 2021 г.

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Леонид Володарский

Сквозь бури магнитные

Сквозь все бесконечные бури магнитные,
Сквозь самые тёмные хитросплетения
К нам тянутся света лучи, как растения,
Давая увидеть, где действуют скрытные
Противники Света с искусной их ложью,
Входящие в древнюю чёрную ложу!
И в их арсенале не стрелы, не пули,
А доверительность тонкой подмены!
Да, многих они среди нас обманули,
Но вся их игра для дешёвенькой сцены!
И в ком чувствознание развито вправду
Тотчас же увидит всю эту «плеяду»,
Что якобы светом всех нас окормляет!
И только нестойких из нас умиляет
Их «умная» речь, что должна поучать!
На каждом из них чёрной ложи печать,
И видеть легко её в свете лучей,
И можно не спрашивать: «Милый, ты чей?»,
Какие б магнитные бури ни вились,
Сомнение вызвать отчаянно силась!

03.10. 2020 года

Никуда не делась

Красота никуда не делась,
У неё особая смелость:
Не ушла ни в какое подполье!
Да, планета пронизана болью!
Да, повсюду реклама уродов,
Да, везде кричат о заразе!
Но споткнётся на чёрной фразе
Любой обманщик народов,
Любой, кто живёт в пустоте,
Если глянет в глаза Красоте!
Красота — это мощная сила,

И её не замкнёт могила,
Как бы она ни была темна,
Потому что бессмертна она!

13.10.2020 года

Не деморализован

Нет, я сейчас не деморализован,
Пусть зло повсюду страшное творит!
Ему не раскидать нас всех по зонам,
Где в каждой идол отчужденья врыт!
И мы среди кромешной общей ночи
Сердца друг друга сможем разглядеть,
Мечи возьмём, разрубим на кусочки
Всемирного надсмотрщика плеть!
И оплетёт любовь руины царства,
Что замышлял антихрист столько лет!
И всех земель закончатся мытарства,
И даже не оставят чёрных мет
Эпохи, недоступной тем потомкам,
Что будут в Свете Божьем пребывать!
Мы этот свет хранили по котомкам,
Открыли разом их, и стал опять
Свет, что когда-то был Творцом подарен
Целителен, прозрачен и хрустален!

В ночь с 18 на 19 октября 2020 года

Любовь и привязанность

Привязанность с любовью не подруги!
Привязанность привязывает тех,
Кто за любовь считает страсти грех,
И от него года изнемогая,
Вдруг чувствует, теперь уже другая
Другой верёвкой сквозь беззвучный смех
Привязывает так, что все потуги
Освободиться вяжут лишь сильнеей!
А у любви нет пут! Она сильнеей
Любой, пусть даже самой страстной страсти!

И у неё нет адской, жгучей власти
Над тем, кто в самом деле полюбил!
И у него настолько много сил,
Что он бы смог порвать любые пути!
Но он не сомневался ни минуты
В том, что в его поступках только свет!
И на любой соблазн один ответ:
В избраннице люблю сначала душу,
А вслед за ней и красоту её!
И верности своей я не нарушу,
Чтоб ни творило рядом бытие!

20.10.2020 года

Как ни крути

Как ни крути, как ни верти,
От старой любви никуда не уйти,
Потому говорят, не ржавеет она!
Поговорка, как ты гениально верна!
И правдивость её, на себя ощущая,
Я иду с ней по жизни, всё время смущая
Не способных любить так, как мне довелось!
Я прощаю им всю их невольную злость,
Все насмешки, издёвки и глупые сплетни!
Может, кто-то из них шанс получит последний
И полюбит кого-то, как я полюбил!
Это будет не слабость, а сила из сил!

22.10.2020 года

Владимир Пустовитовский

Воспоминание о Марьиной Роще

Марьиная Роща — деревня в центре Москвы, где по утрам кричат петухи и цокают копытами по мостовой лошадка, везя на скрипучей телеге старьёвщика, согнутого в три погибели. Проезжая мимо дома номер семь, старик кивнёт головой дворнику Измаилу, накладывая скрипучую мелодию телеги на музыку жёсткой метлы, сметающей с тротуара пыль. Так было и в это тёплое летнее утро. В маленьком дворе, замкнутом со всех сторон сараями, забором и деревянным домом, стояла лавочка из одной доски. На ней сидел седой человек в тельняшке. Рядом сидел внучок. Ефим достал из кармана потрёпанных брюк пачку «Беломор канала». Вовка скосил на папироску глаза и глубоко вздохнул.

— Последняя.

Перехватив детский взгляд, Ефим ухмыльнулся. Ему докладывали добрые соседи что видели Вовку за голубятней с папироской в зубах.

— Дед, тебе нельзя! — заботливо сказал внук.

— Знаю.

— Давай я выкину.

Ефим провёл ладонью по белобрысой головке внука и улыбнулся. Через минуту на кончике папиросы загорелся светлячок. Стар и мал сидели и молчали. Было слышно слабое потрескивание уменьшающейся в размерах папиросы и астматическое дыхание Ефима.

— Дед, ты сегодня выходной? — нарушил молчание внук.

— Я на пенсии.

— А-а-а, — с умным видом произнёс Вовка.

— Знаешь, что такое пенсия?

— Конечно.

— Не дави молчанием на уши, они и так не в порядке. Да или нет?

— Расскажи!

— Вовка, тут не Одесса? Здесь не надо петухам голову крутить. Они здесь и так...

В этот миг где-то рядом противно заскрипела дверь и послышался женский голос:

— Отец, Фима.

Ефим вытащил изо рта папироску и, приведя её в негодный для реставрации вид, бросил под лавку. Второй раз голос был настойчивей:

— Папа, сходи на колонку.

Оставшись в одиночестве, Вовка болтал на лавочке не достающими до земли ногами. Через пять минут болтание надоело, и он спрыгнул на землю. Марьиная роща ещё досматривала летние короткие сны. Вовка вытащил из спичечного коробка мёртвое тельце майского жука и начал ходить из края в край двора в поисках чего-то. Поиски увенчались успехом. Найдя цветное стекло, мальчишка встал на колени и начал копать серый суглинок. Могила получилась на славу. Аккуратно похороненный жук, был накрыт прозрачным стеклом.

— Спи спокойно, — подражая взрослому, сказал Вовка.

В Марьиной роще не проходило и месяца, чтобы кого-нибудь не хоронили. Траурная процессия шла через весь переулок. Трубы выдували скорбь. Медные тарелки вбивали в детскую душу страх. Люди, идущие за гробом, вызывали панику.

Траур по майскому жуку нарушило тепло ладони, лёгшей за спиной на плечо. Вовка обернулся.

— Ты тут чего?

— А тебе чего? — отпарировал Вовка.

— А почему на коленях?

— Жука хороню.

Вовка и незнакомая девчонка окинули друг друга взглядом. Оба друг другу не понравились.

— Настя, — протягивая руку, сказала она.

Вовка пожал протянутую руку и ничего не ответил.

— Давай дружить, — сказала она.

Вовка отвернулся, встал на колени и начал украшать мавзолей майского жука травинками. Настя стояла рядом, наблюдая за неторопливой работой сверху вниз.

— Как бы мне отвязаться от неё? — думал Вовка.

— Ну и двор, поиграть не с кем. И этот... нос задирает. Ну ничего, посмотрим кто кого. — думала девчонка.

Вовка ещё раз окинул взглядом Настю; её светлые туфельки с пряжкой, белые гольфы, короткое платьице и огромный розовый бант на голове.

— Ладно, мне пора, — сказал Вовка, встал и, отряхивая колени, пошёл.

— Не уходи.

— Это ещё почему?

— Пожалуйста.

— Мне надо.

— Можно с тобой? — обиженно спросила девочка.

Вовка колебался:

— Кому-нибудь расскажет и жди ремня.

— Нет! — прозвучало, как приговор.

— А я жука раскопаю.

— А я за косу дёрну.

— А я сдачу дам. Я умею драться.

Вовка ещё раз окинул девчонку с ног до головы. И, чтобы окончательно отвязаться, выпалил:

— Я иду писать. Пойдёшь со мной?

— Пойду!

Наступила пауза. Было слышно, как где-то рядом пролетела стрекоза. Вовка развернулся и пошёл. Настя за ним.

У торца дома, где росли деревья и никогда не косилась трава, мальчишка снял короткие штаны и начал поливать дикие ромашки.

— Не смотри, — сказал он девчонке.

— Я не смотрю.

— Нет, смотришь.

— Нет, не смотрю.

Закончив орошать траву, ромашки и дощатую стену деревянного дома, Вовка привёл себя в первоначальное состояние.

— Пошли, — сказала Настя.

— Нет, не пошли.

— А что?

— Теперь ты!!!

— Что я?

— Писай. А я буду смотреть.

— Вот ещё, придумал. Мне нужно идти.

Зелёные глаза Насти смотрели не моргая. Шаткий мостик, перекинутый из глаз девчонки в душу Вовки, сильно пошатнулся.

— Меня заругают, — сдавая позиции, сказала девчонка.

— Заругают, если скажешь, что со мной пошла! —

— А если я... при тебе... никому не скажешь? —

— Тогда не скажу!

— Честно?

— Честнее не бывает.

— Настя. Девочка. Ты где? — раздался старческий голос соседки по коммунальной квартире.

Словно заговорщики, Настя и Вовка почувствовали, что в этот миг их связала общая тайна, которую они не под какими пытками не имеют право раскрывать.

— Вот я задам тебе, негодная девчонка. Только появись.

Дверь закрылась. Второй раз наступила тишина.

Вовка резко развернулся и сделал шаг к выходу.

— Постой. Я... я... согласна.

— Ну!

После долгого колебания, Настя подняла подол, сняла трусики и присела. Вовка смотрел. Казалось, что струйка воды полилась из морской ракушки, открывшей волшебные створки. Струйка прерывалась и снова начинала журчать. Вовка смотрел.

— Всё! Теперь дружим? — спросила девочка, приводя себя в порядок.

— Ц..ц..ц. Тихо, — прошептал Вовка, прикрыв ладонью мягкие влажные губы Насти.

Вовка и Настя прилипли к щели дощатой стены. Сначала за нею появился дед Ефим. Алюминиевые вёдра в руках, стукнувшись о металлический обод двери, издали низкий звук.

— Доброе утро, Ефим Маркович, — сказал Пилясов, неожиданно выросший у него на пути.

— Доброе.

— Шурика позовите.

Через минуту в дверях стоял Шурик, шурясь от яркого света и протирая краем майки стёкла снятых с переносицы очков.

Вовка и Настя ловили каждое слово.

— Привет.

— Привет.

— На пустырь пойдёшь?

— Что там?

— С Первым Стрелецким.

— Драчка?

— Пригласительные билеты не напечатали, но можно и без них. Пойдёшь? —

— У меня с прошлого раза рёбра болят. А наших много?

— Их больше!

— Ладно. Приду.

— Ты слышала? — ликовал Вовка. — Я тоже пойду.

— Меня возьмёшь?

— Конечно нет!

— Мы же теперь друзья!

— Бабушка узнает, скажет маме. Мама узнает скажет папе. Папа узнает будет: азохенвей... — сказал Вовка, пытаясь казаться взрослым.

— У попа была собака... Не узнает, если не скажешь, — перебила его Настя.

На пустырь пробирались молча. Дырка в заборе, разделяющая дома, открывала короткий путь. Пробежав двор наискосок мимо мужиков, с утра лупящих косточками домино по столу, и бесконечных шлимазл и вэйзмир, ребята оказались на пустыре.

— Это здесь, — заявил Вовка, пытаясь ощутить бойцовскую силу в руках.

— Мне страшно!

— Я с тобой! — гордо заявил мальчишка, выказывая боевое настроение.

На пустыре с одной стороны стояла, качаясь, как пьяная, изгородь. За нею, плотно прижимаясь друг к другу, тянулись заброшенные сараи. Пугая чернотой сгнивших досок и довоенной готикой, они напоминали ушедшие в прошлое времена. На пограничной черте, черте, лежащей между двумя воюющими переулками, уже толпился народ. Переминаясь с ноги на ногу, каждая сторона ждала подкрепления. Вовка и Настя встали первыми, нечаянно толкнув Пиляса.

— А это ещё что? — удивился здоровяк.

Через минуту от лёгкого движения рук и Вовка, и Настя оказались на крыше сарая.

— Там и сидите, — удовлетворённый проделанной работой, пробурчал лучший друг Шурика.

— Я брату скажу, — пуская сопли, кричал Вовка и бегал по показным доскам, покрытым дырявым рубероидом.

Вдруг под ногами что-то затрещало и полетело вниз. На крыше осталась одна Настя.

Вовка лежал на земляном полу. Сверху вниз падал столп солнечного света, в котором исполняла танец круговых движений не оседающая пыль. А из проломленной дырки в потолке выглядывала испуганная головка.

— Вовка, Вовка, — шептала головка.

Парашютист без парашюта встал. Пыль, забившая глаза, мешала рассмотреть предметы, которыми был завален сарай. Но через несколько минут эти предметы стали сами выплывать из темноты, словно призраки из небытия. По стенам висели топоры, пилы, рубанки.

— Вовка, Володька, — повторились более настойчивые слова.

— Да жив я, жив, — пробурчал под нос пострадавший.

Три огромных мешка подпирали столярный стол. Вовка открыл первый. Мешок был доверху набит монетами. Через минуту монеты оттопыривая все карманы, начали медленно сползать вместе со штанами на разбитые коленки. На второй мешок падал косой свет с проломленной крыши, там что-то блестело жёлтым цветом. Монеты, наполняющие карманы, оказались на земляном полу. Две грязные ладошки погрузились в золото. Золотом оказались солдатские пуговицы от гимнастёрки. В третьем мешке были треугольные письма.

— Вовка, Вовка, — уже без надежды на ответ звучал голос девчонки.

— Я в порядке.

Через тонкие доски старой постройки уже слышались доносившиеся крики рукопашного противостояния враждующих переулков. Кто—то стукнулся о серые доски сарая и на Вовку полетела с потолка новая порция танцующей пыли.

— Вытащи меня, — просил он Настю.

Она тянула маленькую ручку и плакала. С крыши Вовке на лицо упала слеза и покатилась, пробивая дорожку по пыльной щеке. За ней ещё и ещё одна.

Через дыру в крыше Вовку вытащили только вечером. Спасителем оказался Пиляс. Сияя огромным синяком под глазом и разбитыми кулаками, он пытался шутить, но получалось как-то несмешно.

В этот же день прохожие принесли с колонки пустые вёдра и парализованного Ефима.

На следующий день уехала Настя. Она прошла мимо друга по несчастью с мамой и папой, не подняв головы. Вовка злобно опустил в карманы штанов ладони. В одном из них пальцы нащупали завалившуюся пуговицу с огромной звездой от солдатской гимнастёрки. Больше никогда Настю он не видел.

16.012021

На южном рубеже

Нам в городе юном* привольно жилось.
Да только с мечтами расстаться пришлось,
когда вероломной, жестокой войной
навис сорок первый над нашей страной.
Забыв подмосковных походов маршрут,
мечты через год поступить в институт.
Мы с другом, отцов проводив воевать,
отцовский завод поклялись защищать.
Чтоб в небо поднялся любой самолёт,
металл для него выплавляет завод,
завод для него производит винты.
Чтоб враг не заметил завод с высоты,
укрыли его маскировкой под лес.
И всё же грозила опасность с небес,
уже в октябре — за налётом налёт,
в них с крыши завода строчил пулемёт!**
А дни всё тревожней, всё ближе враги.
На станции грузят с завода станки —
отправить скорей за Урал эшелон.
А мы из окопов копаем заслон.***
Ударил суровый мороз в ноябре.
Мы долбим окопы в промёрзлой земле.
Пробился к Кашире непрошенный гость.
Окрестности все перерыть нам пришлось,
и каждая рана земли глубока!
Прости нас, родная, укрой от врага!
Земля не в обиде, она нам, как мать.
Придётся друг друга нам с ней защищать!

---

* В 1938 г. посёлок «Электровозстрой» стал городом Ступино.

** Сразу после нападения Германии Ступинский металлургический комбинат начал изготовление подъёмно-поворотных установок для пулемётов, чтобы использовать их для противовоздушной обороны. 20 пулемётов были установлены на крышах цехов завода.

*** В строительстве 40 км оборонных сооружений от Кременья до Жилёва принимали участие 1120 комсомольцев.

Разрушим коварные планы врагов!
Надёжный рубеж обороны готов.
Мы встанем стеной у врага на пути,
ему до Москвы не позволим дойти!
Однажды, когда гул налёта затих,
мы с Колькой дорыли окоп на двоих.
Но снова на бреющем «Юнкерс» идёт.
Должно быть, он принял наш лес за завод
и сбрасывал бомбы одну за другой.
Над нами его оглушающий вой.
От взрывов взметалась земля до небес,
и вздрагивал в ужасе ступинский лес.
Окоп — только он защитит нашу жизнь.
И крикнул отчаянно Колька: «Ложись!»
Мы вжались в окоп, мы сравнялись с землёй,
нас тут же накрыло взрывною волной!
Мы даже не сразу подняться смогли,
стряхнув с себя мёрзлые комья земли.
Я тряс головой, я от взрыва оглох!
Воронка от нас в трёх десятках шагов!
Мы чуть не взлетели сейчас на тот свет,
а нам лишь семнадцать, без малого, лет!
Но живы мы! Я потрясённо молчал.
А Колька вскочил, вслед ему закричал:
— Что, гад, тебе надо? Зачем к нам полез?
Зачем искорёжил поляну и лес?
Лети, там достанет тебя пулемёт,
гостинцев тебе приготовил завод!
Достало фашиста проклятье! Сбылось!
Мотор самолёта, прошитый насквозь,
заглох, задымился! Ломая кусты,
упал он в болото, за лес, с высоты!
А мы ликовали: «Ну что, захотел
земли нашей? Думал, останешься цел?
Теперь ты навеки останешься в ней!
Мы скоро всю свору погоним взащей!»
Мы слово сдержали! Уже через год
вернулся на прежнее место завод,
опять выплавлял уникальный металл
и все самолёты винтами снабжал...
... В осеннем лесу тишина и покой.
Поляна. Воронки на ней чередой.
Там, чуть в стороне от протоптанных троп,

отрытый когда-то друзьями окоп.
Двадцатый почти завершается век.
Застыл над окопом седой человек.
Вновь память рисует, что было тогда:
на тридцать шагов промахнулась беда,
укрыла в окопе родная земля!
Он с другом от бешеной своры зверья
в боях, пядь за пядью, её очищал.
Он друга, штурмуя Берлин, потерял.
И вот он опять у окопа — седой,
стоит со склонённой пред ним головой.
Ни память, ни годы стереть не смогли
душевные шрамы и шрамы земли!

О песне

*Автор песни «Эх, Андрюша,..»
политрук Григорий Гвидов пал смертью храбрых
8 октября 1941 года, выходя из окружения под Вязьмой.*

Долгие ночи, осенние, тёмные,
сутки заполнили, день потеснив.
Вспомнится давнее ночью бессонной,
выплывет в памяти старый мотив:
близилось страшной войны окончание.
В городе детства, далёком, как сон,—
самые первые воспоминания,
где репродуктор был и патефон,
пела пластинка старинная, чёрная
из довоенного времени хит...
Полузабытая песня задорная
в памяти снова, как в детстве, звучит...
Эту пластинку мне нравилось слушать
в годы тревоги, неведомой мне.
Пела Шульженко на ней: «Эх, Андрюша,..»
Пела... А там, далеко, на войне
брат и отец, и других миллионы
мой от врага защищали покой!
В песне весёлой — улыбки влюблённых,
звёзды сияют над мирной рекой,
ветер игривый да удаль гармошки,
чей-то лукавый и ласковый взгляд...

«Здравствуй, Андрюша,..» да «Эх, путь- дорожка!»
Но у войны все дороги горят...
Долго дороги войны не кончались,
вили в боях за верстою версту...
Всё ещё боль похоронок печальных
может надежды смести в пустоту!
Пела пластинка — задорная, звонкая,
из довоенного времени хит!
Автор, оставивший песню потомкам,
в братской могиле под Вязьмой лежит...

Шёл сорок пятый год...

Я так мала ещё была тогда,
едва ли что понять могла, и всё же
событий этих грозных череда
след в памяти оставила мне тоже.
Я помню день, когда с войны вернулся брат —
сын маминой сестры, закончив школу,
ушёл на фронт всего лишь год назад —
гнать в шею до Берлина вражью свору!
С лихвой хватило мальчику войны!
Но вот победой завершился путь,
и он опять среди своих родных!
Меня пустили на него взглянуть:
на стуле китель форменный висел,
он крепко спал — кудрявый, безмятежный.
Луч солнца, между штор пробившись в щель,
подушки и щеки касался нежно...
И столько радости и счастья в доме
для тёти, бабушки и мамы было,
что день тот, словно карточку в альбоме,
двухлетней крошке память сохранила!

* * *

В сорок первом всех бед не счесть!..
Свадьба двадцать второго июня...
Но нагрянула чёрная весть
на страну, никого не минуя.
Разгорался зловещий закат,
чёрной тучей нахмурился вечер,
будто знал, что прощался солдат

навсегда, без надежды на встречу.
Эшелон растворился вдали...
Вместо писем пришла похоронка...
Рос, вырослел без отцовской любви
на солдата похожий мальчонка...
Только фото отца на стене
смотрит добрым, внимательным взглядом,
да рассказы о нём, о войне —
память мамина с болью рядом.
Годы шли... Полк Бессмертный стеной
встал, как встал в сорок первом когда-то!
Сын с глазами отца, седой,
нёс портрет молодого солдата!

ФАНТАСМАГОРИИ

Леонид Володарский

Белое сухое и бессмертье

Лада резко отпрянула от окна и больно укололась голой спиной об острые листья пальмы юки. Она вскрикнула и раздраженно сказала вслух:

— Вот тебе и моя мексиканская любимица! Мало того, что какой-то маньяк из-за кустов на меня смотрел, так ещё и ты, тварь зелёная, хозяйку свою чуть ли не насквозь проткнула!

— Это какой же такой маньяк? — спросил незаметно появившийся в дверях ладиной комнаты муж.

— Явился, не запылится? Будто сам не знаешь! — весь свой гнев Лада перенесла на мужа. — А кто за мной целый год следит? То у помойки появится и тут же за ней скроется, то в парке нарисуетя, а то и где-нибудь на Тверской, когда я с подружкой прогуливаюсь, как из-под земли вырастет! Нанял какого-то хмыря! Скоро от ревности совсем с ума спрыгнешь!

— Постой, постой, Лада, — оторопело прервал ярость жены внезапно появившийся супруг, — так за тобой действительно кто-то следит?

— Не прикидывайся! — снова вскинулась Лада.

— Я не прикидываюсь, — замахал руками муж, — Ей-богу, не прикидываюсь! Я, правда, не знаю о чём ты. Знаю только, что последний год ты стала очень нервной, всё время по сторонам смотришь, будто ждёшь кого-то. Кто тебя очень пугает.

— Значит, ты и в самом деле никого не нанимал, чтобы за мной следить? Любовников моих искать? — Лада уже сумел сбить гребень с волны своего раздражения. — Тогда знай, что вот уже целый год за мной кто-то ходит. Мужик какой-то. Я толком ни разу его и рассмотреть не смогла. Вроде, не шибко молодой. Значит, маньяк. Уж лучше бы он был твоим наймитом. Я, признаться, на это надеялась. А теперь знаю точно, что каждую минуту могу попасть в лапы этого полуневидимки...

— Надо разобраться... разобраться... — муж Лады сразу обмяк, сел на диван. — Только знаешь, Лада, хоть и вид у тебя всё время тревожный, а выглядеть ты стала свежее. Моложе! Точно, моложе! Я даже думал, что ты крем новый купила. Очень дорогой.

— Ничего я нового не покупала! — опять стала злиться Лада. — Но, как ни странно, и мне стало казаться, что я молодею. Глянешь

в зеркальце: «Мол, всю правду мне скажи!», так оно как той колдунье из сказки, что конкурентку отравила, отвечает: «Ты на свете всех милее». Только я решила, что это у меня крыша едет от целого года преследования. Вот и сейчас я почувствовала, что кто-то упорно в окно моё смотрит. Аж на наш седьмой этаж. Подошла, глянула, а этот маньяк полуневидимый, как мелькнет в кустах, так и ищи ветра в поле! А я голой стою, переодеваюсь. Вот и подалась со всей силы назад. Да прямо о колючие листья нашей пальмы мексиканской. У меня, наверное, спина расцарапана до крови. Будто я уже побывала в лапах этого гада!

— А ты куда-то идёшь? — с нотками ревности спросил муж и встал с дивана.

— Вот видишь ты какой, сразу ревновать начал, — спокойно сказала Лада. — Как же мне тебе верить, что ты никого не нанимал? Но я верю. А иду я на концерт. Я тебе говорила, ты просто забыл.

— Давай я тебя провожу, — муж положил ладонь на плечо Лады, — мало ли что! Особенно после того, что ты рассказала.

— Не надо! — Лада отстранилась от мужа. — Я хочу пойти одна. Побывать наедине со своими мыслями.

— И с маньяком! Если ты его, конечно, не выдумала, чтобы дурить мне голову.

— Пока, благоверный! — воскликнула Лада, приходя в хорошее настроение. — Смерть маньякам!

Лада вышла из подъезда. Всякие думы о маньяке у неё развеялись. Сейчас ей хотелось только одного: быстрее дойти до метро.

Наконец, она дошла до подземного перехода.

Он пролегал под железнодорожными путями, соединяя две стороны одной небольшой станции. Далеко не все поезда останавливались здесь, а потому столпотворения, даже в час пик, переход никогда не знал.

Шли, правда, по нему люди в церковь. Она была старая — некоторые даже считали, что построили её в шестнадцатом веке — и никогда не закрывалась. В самые лихие атеистические года и то тянулось туда несколько верующих. А уж в девяностые она и вовсе ожила, принарядилась и принимала множество народу.

Поэтому переход периодически наполнялся людьми. Но, как правило, это бывало в определённое время, совпадавшее с началом службы. А так один-два человека, а то и никого.

Зябко как-то делалось от гулких стен сыроватого перехода, где горели старые лампы, да и то не все. Мало ли кто встретится в полутьме?

Впрочем, может, кто сейчас об этом и думал, только не Лада. Она торопилась на концерт, куда пригласила её подруга-музыкантша.

Лада приделась, а если учесть, что внешностью Бог её не обидел, то смотрелась она и вовсе красавицей. Мартовский день выдался тёплым, а потому позволил ей идти без шапки. Белокурые волосы ниспадали с головы на плечи белой коротенькой дублёнки, купленной недавно в бутике. Из-под дублёнки светились серовато-серебристым цветом колготки сеточкой, эффектно перетекая в белые замшевые сапоги, купленные в том же бутике, что и дублёнка.

Лада надела на себя свою любимую мини-юбку чёрного цвета. И представляла себе, как её будут разглядывать на концерте мужчины. Сегодня ей этого хотелось. И уже не для любопытствующих зевак, а для себя она надела чёрные кружачатые трусики и не надела бюстгалтер. Её девическая грудь была очень упругой и стоячей, а потому позволяла Ладе часто ходить без лишних деталей. И когда ей дарили очередную фотографию, где она стояла в тоненькой кофточке, то в глаза бросались два небольших огонька, горевших под тканью. Горели они ненавязчиво, но так, что не заметить их было просто нельзя.

Вот и сейчас на Ладе была красная кофточка, облегавшая её твёрдые соски так, что только полный аскет прошёл бы мимо и не восхитился!

У Лады было очень хорошее настроение. Мыслей о недавнем происшествии у окна и поцарапанной спине и в помине не было. Она пела про себя песенки, размахивала блестящей коричневой сумочкой и думала о том, что её по-прежнему окликают на улице: «Девушка!» А иногда и «девочка». С ней, которой недавно исполнилось сорок лет, время поступило как-то по-особому. Мало того, что оно сохранило ей все её внешние данные, оно ещё и с некоторых пор будто потекло специально для Лады в обратном порядке. Так, например, Лада стала замечать, что кожа её лица стала более упругой, чем была еще пару лет назад. Да и всё тело стало наливать какой-то девической силой. Такую она впервые ощутила в свои тринадцать лет. Когда из подростка превратилась в юную красавицу.

Не зря же и муж ей сказал об этом. Так что вряд ли у неё поехала крыша, как сказала она ему перед уходом.

Вот и сегодня уже несколько человек самого разного возраста чуть ли не признались ей в любви. А она всего-то только прошлась в магазин за продуктами.

Может, и маньяк этот потому за ней и увязался, что влюбился в неё. Да и, вообще, вдруг он вовсе и не маньяк, а романтический воздыхатель, которому достаточно только посмотреть на неё. «Рыцарь бедный»! Или уж мы совсем испортились, чтобы допустить такое?

Лада занималась исключительно домом, мужем и сыном. Хотя она и печалилась о том, что не состоялась как личность. У неё как-никак университетский диплом в кармане. И хотя училась она через пень-колоду, ей всё-таки было радостно от этих престижных корочек. Любому иностранцу она всегда могла небрежно заметить, что закончила Московский университет. А диплом МГУ даже на самом что ни на есть Диком Западе признаётся!

Жизнь решила, что Ладе работать необязательно. И муж этого очень не хотел. Он был мелким предпринимателем и вполне обеспечивал семью. Потому и считал, что красивая жена должна сидеть дома. А то появится у неё какой-нибудь служебный роман...

Тем более, что Ладе этих романов хотелось. Только настоящих, почти книжных: с цветами, дуэлями, похищениями и прочими атрибутами не этого века. И как ни странно, Кронос подкидывал своей избалованной любимице лакомые кусочки в виде желанных ею приключений.

Словом, Лада шла к переходу со стороны церкви. Около церкви не было ни одного человека. Зато как играло солнце на её куполах! Лада залюбовалась ими и перекрестилась. Она редко ходила в церковь, но всегда верила в Высшую Силу, а потому испытала какой-то глубокий экстаз при виде куполов столь знакомой ей церкви. Ей показалось, что мощный световой поток льётся на купола не просто из солнца, а прямо из бездонного космоса, откуда-то из центра Вселенной, если таковой вообще есть.

И ещё показалось Ладе, что сама она вошла в этот поток. Не просто вошла, а сделалась частью его, обрела всю мощь его тепла и знания.

Переход был уже рядом. И надо было нырнуть в его полутьму после этого ослепительного великолепия, подаренного ей церковными куполами.

Она в последний раз обернулась на церковь и заметила, что прямо за её спиной стоит парень. Лет пятнадцати, ну, может, шестнадцати. В грубой серой куртке, в полувоенных ботинках. В нелепой кепке, глухо опущенной на глаза. И в грязных джинсах трубами.

«Ещё один на ноги мне смотрит! — безо всякого восторга подумала Лада. — Эх, мальчик, знал бы ты, что тётенке, которая тебе понравилась, сорок лет. Ладно, гляди себе, гляди. Хуже, когда глядеть перестанут».

Лада рассмеялась своим мыслям. И сделала это вслух. Потом ещё громче запела очередную песенку и ещё сильнее замахала сумочкой.

Она начала спускаться в переход. Вместо полутьмы там была тьма. Лампы вообще не горели. Но Ладе не стало страшно. Она за-

щёлкала каблучками своих модных сапожек по лестнице, продолжая петь. И услышала, как топает за ней пареньь.

«Надеюсь, он не будет ко мне приставать? — подумала Лада. — У меня нет для него времени. Я опаздываю на концерт».

И тут с плеча Лады резко уехала сумочка. А пареньь бросился бежать вниз по переходу.

Лада сообразила, что её обокрали. Реакция у нее была хорошая, и она бросилась за наглым воришкой. Драться Лада умела, не зря же она пару лет ходила на занятия по восточной борьбе. Да и ярость, что мгновенно подступила к ней, придавала ей силы.

Пареньь выскочил на другую сторону перехода. Лада тоже. Ей оставалось до похитителя буквально полметра. Нужно только сделать кошачий, чисто женский прыжок, и всё будет в порядке. Она просто ему глаза выцарапает. И Лада прыгнула...

Но удача изменила ей. И вместо того, чтобы повиснуть на плечах подонка, она ударилась ладонями о дно глубокой лужи.

Не только руки, но и её круглые красивые колени пронзила острая боль.

Лада медленно встала.

Белые сапоги и белая дублёнка были чёрными. Лицо тоже. Колготки на коленях разорваны. Но, главное, пареньь скрылся хорошо и безнадежно. Скрылся с её сумочкой.

Впрочем, сумочка валялась в луже. Она была тоже грязной, но она была! Значит, этот маленький гадёныш испугался и от страха выпустил добычу.

Лада, ещё не веря своему счастью, нагнулась и подняла сумочку.

Сумочка была открыта. В ней не было нового мобильного телефона, подаренного ей мужем. Не было пятидесяти долларов, которые тоже дал ей с собой он. И не было кремовых кожаных перчаток. Паспорт отсутствовал тоже.

Зато юный ворюга не взял ключи от квартиры и дорогую французскую косметику.

Лада пошла назад. Она прихрамывала, но до дома ей было совсем недалеко.

Она прекрасно понимала, что это совсем не тот маньяк, что смотрел на неё недавно из кустов. Тот точно был не слишком молодой. Да и не стал бы он за ней целый год ходить, чтобы пожить с сумочкой!

Хорошо, что поблизости не было людей. А то бы подумали, что баба пьяная идёт. Из тех, что напиваются до лежания в лужах!

Лада не ругалась ни вслух, ни мысленно. Просто у нее текли из глаз слёзы, смешиваясь с размазанной по лицу грязной влагой из лужи.

Она как-то исподлобья посмотрела на церковные купола. Они по-прежнему светились. Но теперь этот свет казался Ладе кощунственным. Как же может радоваться Господь, если она, Лада, так опозорена?!

И вообще, что этот малолетка сделает с её перчатками? Подарит их какой-нибудь своей «нюшке»?

Лучше бы косметику подарил... Но он её оставил. Потому что ничего в ней не понимает. Как, наверное, и в хорошем вине. Жрёт свое пиво да кристалловскую водку! Попробуй такому предложить бокал «Бордо»! Быдло!

И тут Лада буквально нос к носу столкнулась с полноватой женщиной. Это была её одноклассница и подруга Снежана. Майор милиции Снежана. Друзья и знакомые называли ее «Снежана Д'Арк».

«Снежана Д'Арк» окинула Ладу опытным взглядом и сказала:

— Понятно, гражданочка. У Вас выдернули сумочку в переходе. Охламон лет пятнадцати. Я знаю, они здесь часто промышляют. Ты, конечно, побежала за ним и, конечно, шлепнулась в лужу. А если учесть, что шла ты на торжественное мероприятие, то испорченные фирменные вещи можно приплюсовать к тому ущербу, которые составили твой мобильник, деньги и паспорт.

С паспортом помочь как раз легче всего. С мобильником сложнее. Мальчик-то, судя по всему, профессионал, так что пока мы с тобой здесь треплемся, он уже активно занимается пристройкой телефона. Ну ничего, у меня есть свои мальчики. В форме. Я сейчас позвоню им по своему мобильнику и попрошу прочесать район.

— Ничего не выйдет, — сказала пришедшая в себя Лада, — я его не запомнила. Таких, как он, знаешь сколько?

— Знаю, — невозмутимо ответила Снежана, — потому и говорю, что мои мальчики попробуют найти «твоего мальчика». Не-хорошо ведь бросать такую красивую и молодую! У нас есть свои секреты лова! Ты уж поверь, Ладушка! А пока пошли к тебе домой. Иначе твой муж решит, что ты валялась пьяной в луже. Да еще с каким-нибудь любовником. Он у тебя с большим воображением. С него станет.

А паспорт я тебе сделаю быстро. Послезавтра приходи ко мне. Я же всё-таки начальник паспортного стола нашего с тобой родного отделения.

— Начальник паспортного стола! — с восхищением посмотрела на «Снежану Д'Арк» Лада. — Тебе сыщиком надо работать. Как ты лихо вычислила всю мою ситуацию. Даже определила, что у меня в сумочке было, и что иду я на торжественное мероприятие. Правильно! На концерт я шла. Там у меня подруга-музыкантша. Пригласила... Теперь будет гадать, чего это я не пришла... А знаешь, всё

это произошло со мной потому, что я самовлюблённая дура. Старее баба, вот и кажется ей, что все вокруг в неё влюблены. За то и пострадала.

— А об этом мы с тобой поговорим послезавтра, когда ты ко мне придёшь, — Снежана вдруг очень выразительно вперила своими чёрными глазами в зелёные глаза Лады. — Так, говоришь, все за тобой бегают? Молодухой считают? А, может, это и в самом деле так... Ты вот мне комплименты расточала по поводу моих способностей сыщика. А у меня есть и ещё некоторые другие способности... Но о них речь пойдёт тогда, когда ты у меня в кабинете сидеть будешь. Знаешь, как наши ментовские мужики говорят: «Сядем рядком да поговорим ладком». Поговорить нам есть о чём, Ладушка. Меня-то вот девочкой никто не зовёт и не считает.

— А ты это, собственно, к чему? — искренне удивилась истекающая грязью Лада.

— Да к тому... — снова загадочным тоном сказала Снежана. — Будешь много знать, скоро состаришься. А вообще-то поговорка умная, но не для тебя. Ты не скоро состаришься. И кончай задавать мне вопросы. Пройдёмте, гражданочка, а то вместо меня Вам попадет мой коллега, не имеющий чести знать Вас... И предложит себя в качестве провожатого. И не домой...

Снежана мощно подхватила Ладу под руку. И молча довела её до дома. Люди оборачивались на них, но никто ни о чём не спрашивал. Только у самого дома Лады попытался было встрять в дело юный милицейский лейтенантик, да наткнулся глазами на удостоверение Снежаны. «Извините, товарищ майор», — отковырял он и ретировался.

Через день Лада пришла к Снежане. Было время обеденного перерыва. Несколько человек терпеливо сидели у двери кабинета начальника паспортного стола и ждали окончания обеда, который только начался.

Лада удивилась, что Снежана назначила ей встречу в такое время. Она даже забыла, что та её подруга и потому робко постучала в дверь кабинета.

— Дэвушка, сейчас обэд, — поднял глаза на Ладу молодой кавказец, — посыдыте лучше со мной рядом. Есть о чём пагаварыть.

— У меня тоже есть о чём с ней поговорить, — громко оповестила ждущих своего часа Снежана. — Проходите, гражданочка!

Когда Лада уселась на стул напротив грозного начальника паспортного стола, Снежана Д'Арк торжественно произнесла:

— Итак, гражданочка, мобильник Ваш найден. И даже доллары в целости и сохранности. А вот паспорт... Вообще-то он тоже при мне. Но можно его и потерять... Тогда мы выпишем Вам новый до-

кумент. По всем правилам. Заплатите небольшой штраф, чтобы бумажка была, как положено... И всё...

— Что всё? — недоуменно спросила Лада. — Зачем мне другой паспорт, если мой нашёлся? Молодцы твои мальчики, надеюсь, они того мальчика не слишком прижали?

— Не слишком... Жить будет... — Снежана Д'Арк опять хитро глянула на подругу. — Да, так вот, по поводу нового паспорта... Мне кажется, что тут есть над чем подумать!

— Да зачем мне новый, когда старый нашёлся?! — с нервным смешком снова спросила Лада.

— Слушай, ты когда-нибудь читала о странных феноменах? — ответила вопросом на вопрос майор милиции. — Ну, это когда человек старый-старый и вдруг молодеть начинает? Прямо на глазах у родственников и знакомых за несколько месяцев огурчиком становится! Не читала и не слышала? Так вот тебе одна газета. В ней заметочка небольшая. С фоткой. Ты уж её прочти молча, пожалуйста.

Лада взяла газету, ещё не успевшую пожелтеть, и стала читать. В статье говорилось о какой-то бразильской старухе, которая резко помолодела по непонятным причинам. Ей теперь и по внешнему виду, и по оценкам медиков не больше двадцати трёх лет.

На фотографии была изображена девушка с двумя детьми на руках: мальчиком и девочкой. Это были её внуки!

Автор статьи феномена объяснить не мог. Сказал только о том, что героиня материала собирается подыскать себе нового жениха. А то старый давно уже на кладбище отдыхает.

Лада отложила в сторону газету и спросила Снежану:

— Интересно! Только вот при чём тут я и мой паспорт?

— А при том, Ладушка, — выразительно подняла палец майор милиции, — что ты сама из таких вот феноменов будешь. Посмотри на себя. Не меняешься, и всё тут. И даже лучше становишься. Кожа более гладкая. Глаза яснее. Волосы роскошные. Был один математик такой, Декартом звался. Ты математику-то в школе не любила и вряд ли имя это запомнила. Так вот, Декарт этот, мудрец французский, знаешь, что говорил? Говорил, что «время — это отличие предмета от самого себя». А раз так, то, стало быть, тебя время обошло тихенько. Потому что ты от себя школьной мало чем отличаешься.

Вот и задумала я, Ладушка, тебе доброе дело сделать. Паспорт выдать, где дата рождения твоего сдвинется ровно на двадцать лет. Так что, гражданочка, Вам отныне двадцать. Живите себе вволю, благо жизнь-то начинается только. Не забудьте штраф заплатить. За потерю важного государственного документа.

— Так, значит, ты серьёзно считаешь, что я феномен, вроде той старухи? — с радостным недоверием спросила Лада. — Только как

же всё-таки феномены такие получаются? Я ведь с дипломом университетским, человек не совсем безграмотный. Меня на пушку не возьмёшь. Ты уж попробуй растолкуй мне всё по порядку.

— Ты кардинала Ришелье знаешь? — неожиданно спросила Снежана. — Того, что в «Трёх мушкетёрах» был?

— Я хоть сейчас «Анжелику» перечитываю, а про кардинала, конечно, слышала. И «Мушкетёров» читала. Что ты сегодня всё французиков вспоминаешь? — ответила Лада.

— А то, что кардинал Ришелье говорил: «Дворяне — главный нерв государства», — сказала Снежана Д'Арк. — И у Вселенной есть такой главный нерв. Поток такой. Лучше всего его назвать «Потоком Бессмертья Вселенной». Он и делает живое живым. Будто через него Господь Бог кровь свою людям вливает. Одну жизнь человек проживёт, тело старое сбросит, Бог от него этот Поток отключит. А потом снова подключит. Только уже к другому телу. Молодому. Новому.

Но есть мудрецы великие в мире, которые всё время в этом потоке находятся. Потому и живут они, сколько хотят, и выглядят всегда на двадцать! А им, может, двести, а то и две тысячи лет. И пить им никакого «эликсира молодости» не надо, вроде как в книге «Средство Макропулоса». Там одна дама раз в триста лет молодильное снадобье выпивала. И расписочку кровью чёрту давать не надо. Как Фауст Мефистофелю давал!

Мудрецы много жизней к такому мигу шли. И медитировали упорно, и праведниками были. А некоторым везло по непонятным причинам. Они в Поток Бессмертья Вселенной случайно попадали. И тогда с ними начинало происходить то же, что и с этой бабкой из Бразилии, и с тобой. Феномены вы! Феномены.

И кстати, вспомни, пожалуйста, Ладушка, когда с тобой всё это началось. Ну, омоложение. Правильно, год назад. А что такое с тобой случилось год назад? Тоже правильно! Мужик из кустов вышел и в упор на тебя посмотрел. А ты даже лица толком не разглядела. С тех пор он тебя преследует. Ты его маньяком считаешь. А где он появился впервые? В нашем парке. Помнишь, что тебя поразило до встречи с этим самым маньяком? Ты в самом прямом смысле слова заплутала меж трёх сосенок. В маленьком таком хвойном бермудском треугольничке, где у некоторых крыша едет. Не у всех, конечно, а у таких, как ты. Там, Ладушка моя, пространство особое. Там «главный нерв» Вселенной землю нашу грешную задевает. Есть и ещё такие места в мире. И когда человек-феномен попадает в такой «бермудский треугольник», то у него со временем начинает чёрт знает что твориться! Оно не просто перестает человеком править, но ещё и отдаёт ему его молодость. Может, когда наука это и объ-

яснит. А пока что назовём это чудом. Обыкновенным чудом. Нет, не совсем обыкновенным. Чудом из чудес! И в первый миг такой встречи человека-феномена с потоком бессмертья Вселенной происходит мощное преображение. Он на глазах становится резко моложе. А дальше этот процесс идёт плавно и постепенно. И до тех пор, до каких нужно. Чтобы младенца из тебя не сделать. А только вечно юную красавицу!

Так вот этот твой «маньяк» как раз и стал свидетелем твоего преображения. Он тоже кинулся после тебя среди трёх сосенок плутать, да, само собой, ничего не добился. Он же не феномен вроде некоторых! Тогда он выследил, где ты живёшь. И всё время ходит за тобой по пятам. Тайну твою узнать хочет. Ну, естественно, влюбился он в тебя. Только очень боится заговорить с тобой и даже приблизиться. Ты боишься его, потому что считаешь маньяком, а он боится тебя, потому что считает тебя прекрасной ведьмой, колдуньей, что может стереть его в порошок! Я его вполне понимаю. Увидеть такое...

Он же не знает, что всё произошло так, как я тебе сказала.

— Откуда ты все знаешь? — вскинулась Лада. — Зачем тебе это, Снежана?

— А затем, что я книжки умные почитываю, науками тайными интересуюсь, — гордо ответила Снежана, — и за тобой давно наблюдаю. Ты мой эксперимент!

— А не боишься под Бога-то работать? — с нескрываемым ужасом спросила Лада. — Не много на себя берёшь, чтобы человека экспериментом своим называть?

— Не боюсь! — с вызовом ответила Снежана Д'Арк. — Я и в школе никогда и ничего не боялась. Бог не запрещает постигать мир и миры. И вообще, берёшь ты этот паспорт, или оставляем тебя со-рокалетней?

— Предположим, я беру, — поспешно закивала головой Лада, — но что я дома скажу и всем, кто меня хорошо знает?

— Ничего не скажешь, — ответила Снежана, — придёшь домой и живи дальше. Но вот про себя повтори семь раз: «Я в Потоке Бессмертья Вселенной». И никто тебя ни о чём не спросит. Эта фраза твоим паролем будет. Паролем молодости вечной! Хотела бы я на твоём месте оказаться...

Но должна тебя предупредить о двух важных вещах. Очень важных!

Первое: никогда и ни при каких обстоятельствах ты не должна рассказывать кому-либо о том, что с тобой случилось. Это главный закон наук тайных. Закон Великого Неразглашения. В противном случае ты тут же утратишь свой дар. Да еще и стареть начнешь со страшной силой.

И второе. Обязательная помощь бедным. Скажем, на счёт больницы ты пересылаешь миллион «зелёных». Если не будешь этого делать, тебя быстро приберут к рукам тёмные силы. Безо всякой расписочки кровью заграбастают! Они любят талантливых, феноменальных и жадных!

— Снежанка, ты рехнулась? — зло воскликнула Лада. — Какие миллионы, когда у меня денег в кармане — вошь на аркане да блоха на цепи?! Муж у меня мелкий предприниматель. Понимаешь, мелкий! А ты о благотворительности, которая под силу только олигархам!

— И ещё таким, как ты! — засмеялась Снежана. — Ты теперь деньги, как и любые другие предметы, из воздуха делать сможешь. Мысль пустишь в пространство, и она тебе желанное принесёт. Материализует всё. Только не дай Бог тебе злоупотребить этим или кому-то рассказать...

— Красиво! — Лада задохнулась от порыва. — Кажется мне, что не в ментовке я, а в дурдоме! Но почему-то тебе верю. Не зря же недавно один гинеколог аж потрясся, когда в меня лазил. Сказал, что внешний вид моих соответствующих органов, как и состояние их, больше подходят девственнице лет восемнадцати, а не сорокалетней тётеньке! Особенно его потрясли аккуратные губки... Ну, сама знаешь, какие... Они у меня розовые, как у Джульетты, которая, кроме поцелуев, от Ромео ничего ещё не успела получить.

Красиво. Жалко только, что поделиться мне секретом своим не с кем. Бабская натура разговора требует.

— Со мной говори! — сказала Снежана. — И ещё с одним человеком. Помнишь того лейтенантика, что нам тогда попался? Он такой же феномен, как ты. Ему вообще-то за пятьдесят! Он сам на меня вышел. И Учителем для меня стал. И всё, что с тобой будет, предсказал. Потому я и оказалась тогда на пути твоём, подруга моя милая! Ничего просто так не бывает.

— Значит, я должна общаться только с ним? — огорчилась Лада, — Что же мне, никуда и съездить нельзя? И познакомиться с кем-нибудь другим тоже запрещено?

— Люди есть люди, — философски заметила майор милиции, — всегда недовольны. Поезжай куда хочешь! А поехать ты можешь очень далеко. Хоть на Юпитер. И не в переносном, а в прямом смысле слова! Всё та же сила мысли! Главное, помнить про Два Великих Закона, о которых я тебе сказала. А третий Великий Закон таков: если кто-то подойдёт к тебе сам и расскажет про тебя всё, значит, это мудрец, Адепт, как называется он в науках тайных. И о чём бы он тебя ни попросил, ты ни в чём ему отказать не смеешь! Тёмный не подойдёт! Ты в броню Света Высшего одета. Сверкает она, как купола на церкви сверкали. Той самой, где мы позавчера встрети-

лись. Помнишь, как любовалась ты светом церковным? А Свет Божий в мильон раз сильнее. Любую тварь мохнатую ослепит. А то и спалит. И Свет этот вошёл в тебя тогда, когда стояла ты меж трёх сосенок. Не зря же ты зажмурилась и почувствовала, что в тебя будто молния вошла и по всему телу разлилась!

Ладушка, много чего ты ещё узнаешь! Так много, что и представить не можешь.

— А если я захочу посидеть в кабаке средневекового Парижа? — спросила Лада.

— Посидишь! — почти разочарованно ответила Снежана. — Потом у тебя будут мысли поинтересней. И знай, что тебе как можно чаще нужно повторять про себя раз фразу: «Я в Потоке Бессмертья Вселенной!» Чтобы твой энергетический провод всегда приводил тебя к Проводу Главному.

И ещё, Ладушка. У тебя теперь все духи стихий в друзьях. Только тут надо Маугли вспомнить. Чтобы зверя на помощь позвать, он должен был сказать: «Мы с тобой одной крови!» А ты говорить будешь: «Мы с тобой одной вселенской крови!» К примеру, терпит бедствие корабль, на котором ты путешествуешь в своем суперклассе. И тогда ты призываешь на помощь духов воды ундин...

Ну, и так же духов других стихий. О них тебе он расскажет. Учитель мой. И твой теперь тоже.

Кстати, тот самый молодой человек, что сумочку твою позаимствовал на время, никакого отношения ни к маньяку, ни к феноменам, ни ко мне отношения не имеет. Он обыкновенный воришка. И прости, в тебя не влюблённый. А после того, как мои мальчики с ним поговорили, то подозреваю, что и не влюбится!

Короче, слушай своего Учителя,

— И где же он? — осведомилась Лада.

— За дверью ждёт, — ровным голосом ответила Снежана Д'Арк, — так что идите, гражданочка. Поздравляю Вас с новым паспортом.

Между прочим, в каком бы месте Земного шара ты ни была, твои родные, и в первую очередь муж, будут воспринимать это как само собой разумеющееся действие. Нет тебя, значит, так надо. Ни одного вопроса не зададут. Только не забывай про «Я в Потоке Бессмертья Вселенной».

И откуда вы, феномены, беретесь? Тут читаешь всякое, читаешь, а и ноги все в венах выпертых, и брюшко ещё то. А ведь в классе я была первой красавицей, а ты вторым номером была.

У входа в милицию Ладу встретил лейтенантик. Только теперь он был не в форме, а в элегантном сером пальто и без головного убора. У него были тяжёлые светлые волосы.

— Где бы Вы хотели побывать? Надо же нам поближе познакомиться, — сказал молодой человек.

— Я очень люблю морепродукты, — сказала Лада, — и хотела бы посидеть в ресторане, где есть всё это. И хорошо бы не в Москве, а в Японии. Только не в средневековой. Я люблю с морепродуктами белое французское вино. Сухое. Боюсь, что во времена самураев его не подавали.

— Нет ничего проще, — ответил человек в элегантном сером пальто и взял Ладу под руку, — обмоем Ваш паспорт в Токио.

Тут Лада ощутила, что ей в спину вперился знакомый взгляд:

— У меня одна просьба...

Элегантный Учитель кивнул:

— Можете не продолжать, Лада. Это ведь ваш «маньяк». Ну, конечно, мы сделаем ему хороший прощальный подарок. Сейчас в его раскрытых ладонях окажется пачка денег. Десяти тысяч долларов, думаю, хватит. На них он сделает себе пластическую операцию лица и тоже помолодеет. Не так, естественно, как мы с вами, но всё же. А, впрочем, его дело, как распорядиться деньгами. Пока вы ещё не научились делать такие штучки, позвольте я сделаю это.

Ну, а теперь, как говорится, поехали. В Токио, так в Токио. Что? Вы ещё хотите вознаградить юного ворюгу за его ушибы? Какое благородство! Ему пять тысяч «зелёных» и ни цента больше. Достаточно, чтобы отполировать свою наглую физиономию. Всё равно ему её кто-нибудь скоро снова разобьёт.

Хватит благоденствий. Ещё успеется. Надо торопиться, а то вино тёплым станет

2.04.2003 года.

«Какие люди родились в России...»

К портрету Анны Ахматовой художника Н. И. Альтмана

Дивная фигура,
В профиле — загадка,
Бога рецептура,
Но судьба несладка.

Редкая улыбка,
Мягкий низкий голос.
Время вечно зыбко,
Но взрастило колос

Золотой и крепкий,
И на все века.
В горькой жизни терпкой
Родилась строка.

16 апреля 2020

Автопортрет Валентина Серова

Его глаза — увеличительные призмы.
Он видит вас насквозь, и от, и до.
А кисть его — любовь к родной отчизне,
Тут истина рождается трудом.

О, этот взгляд — смотреть, не наглядеться,
И мой к нему прикован навсегда,
И отданы ему душа и сердце,
Огонь, земля, и воздух, и вода.

25 декабря 2019

* * *

Какие люди родились в России,
Какие имена она нам подарила!
Но часто не хватало ей мессии,
Чтоб по достоинству их оценить мерило.

Ушло то время. Я совсем недавно
Открыла книгу дорогих моих поэтов,
И снова почитать их было славно,
И забывать не хочется об этом.

Каких людей ты родила, Россия,
Они талантливы, душевны и разумны,
Когда бы Бога нашего спросили,
Кого из них назвал бы самым чудным?

Не знаю, что бы он тогда ответил,
Не предсказатель я и вовсе не пророк.
Но верю твёрдо, что на белом свете
Никто не создавал таких прекрасных строк.

14 октября 2020

Посвящение Тарковскому

Голос Тарковского —
Треснувший колокол,
Глухо, печально звучал.
Молча внимал ему,
Им околдованный,
В тихом волнении зал.
В зеркале жизни
Сквозь свет отражений
Вижу родные штрихи.
Слышу волшебный
Ваш голос, Арсений,
Музыкой льющий стихи.

29 ноября 1995

* * *

Актёр — Ваше Величество,
Актёр — Ваше Высочество,
Волшебные эмоции
Рождаются в сердцах.
И мыслям неожиданно
Неслыханно — невиданно,
Становятся понятными
И жизнь, и её прах.
Душа воспламеняется,
И сердца ритм меняется,
Вдаль двери открываются,
И стал смелее шаг.
Актёр, Ваше Величество,
Актёр, Ваше Высочество,
И, кажется, Актёр зажжёт
Во тьме живой маяк.

17 июля 2016

* * *

Он пел свои стихи,
И голос отлетал,
Лаская слух,
Рождая вдохновенье.
О, Господи, зачем, за чьи грехи
Ты отобрал вдруг лучшее творенье
Последний классик
Нашего столетья.
Мне для него хотелось
Долголетия,
Чтоб продолжалось
Пение стихов.
Не каждый
Возвращается из снов...

2 февраля 1996

Памяти Эрнста Неизвестного

Ушёл сегодня в мир иной.
В мир вечности своих творений.
Не понят был своей страной,
Теперь же признан всеми — гений.
И золотая голова,
Как тот початок кукурузы,
Хранит в молчании слова
Руководителя Союза.
Эрнст в жизни нашей был весной
Для молодого поколения,
Был ветром свежим и струной
Души высокого стремленья.
Звонит во все колокола
Печаль. Земля осиротела.
И в мир иной сквозь зеркала
Заглядываю то и дело.
Его дороги светел путь.
Орфея вырванное сердце
Стучит в мою больную грудь.
И никуда теперь не деться.

10 августа 2016

* * *

Сергею НИКИТИНУ

Твои песни, Серёжа,
На счастье похожи,
И слова, и мелодия льются.
Мы — сотрудники ИОХа,
Для меня он — эпоха,
Эти годы в душе остаются.

Твои песни звучали
В нашем актовом зале
И в подвале, где Саша* работал.
Мне запомнились встречи,
Как горящие свечи
И медовые сладкие соты.

Годы мчатся, несутся,
Твои песни поются,
Откликаюсь в душе человеческой.
Не забудется это.
Тебе — многая лета,
Благодарность моя бесконечна.

---

*Саша — Александр Дулов

* * *

Александр Дурову

Когда бы я была богата, как король,
Пускай хромой, а может и не очень,
Цветы тебе дарила б, как пароль
Любви своей, всегда и между прочим.

И в день рожденья твой прекрасная звезда
Взошла и засияла ясным светом.
Спасибо же тебе и Богу, как всегда,
Я невзначай провела об этом.

И нежно, и тепло меня коснулся свет
И обогрел вниманьем и участием.
Прими же, как любовь, цветов моих букет.
Я от души тебе желаю счастья.

Ах, Боже мой, мы всё в разлуке.
Где ты, где я? Все не попад.
Уже замёрзли мои руки,
И стынет взгляд.

Тепла — немного, ненадолго,
Зелёной искорки из глаз,
И слова острые иголки
Ловить, смеясь.

И, отмечая все сомненья,
Летит в ответ, сверкая, смех
Я — на короткое мгновенье —
Счастливей всех.

27 сентября 2020

«МЫ ЖИЛИ ВЫСОКИМИ ПОМЫСЛАМИ. . .»

к 100-летию со дня рождения Галины Николаевны Шибановой

Великое счастье — встреча с человеком, способным озарить твою жизнь светом своей яркой личности и лучших человеческих качеств. Мне выпало такое счастье — познакомиться и долгие годы дружить с Галиной Николаевной Шибановой.

Передо мной на журнальном столике — книги Галины Шибановой, умные и добрые — такие, какой была и она сама. Недаром подмечено, что книги — это дети своего творца, которому он передал часть своей души. Читая их, я словно снова беседую с этой замечательной женщиной, прожившей жизнь, достойную отражения в этих глубоких книгах, и в памяти всех, кто знал её, творившую Добро всегда и везде. словно слышу её голос, мы много раз встречались у неё дома и на нашей любимой Красной Пресне, часто общались по телефону. И было всегда интересно.

В нашем общении не присутствовало никакой формальности, несмотря на большую разницу в возрасте. Она проявляла неподдельную заинтересованность в том, что волнует меня. И деятельное участие, если я нуждался в совете или помощи... А ценность книг Галины Николаевны для меня и для всех, кто её знал, для тех, кому интересна история нашей страны, — в их документальности: это воспоминания, размышления, очерки без излишних художественных прикрас «о времени и о себе» человека, так много видевшего, знавшего столько интересных и талантливейших людей, свер-

шившего великое множество больших и малых дел во имя процветания Отечества. Именно так — «О времени и о себе» назвала Галина Шибанова свои воспоминания, увидевшие свет в коллективном сборнике документальных очерков ветеранов Москвы «Перед лицом истории», который вышел благодаря её стараниям в 2005 году в столичном издательстве «РИФ «Рой».

О том времени, из эпохи строительства социализма, Галина Николаевна рассказывает в пику некоторым современным псевдо-историкам, беззастенчиво перевирающим историю страны Советов — завоевания и достижения могучей державы СССР. Будучи человеком кристальной честности, Галина Шибанова и в своих книгах честна перед собой и пред историей. Её взгляд на события XX века в нашем многострадальном Отечестве — объективен, излагаемые ею мысли часто подкреплены статистикой, при этом она обладала мужеством признавать и промахи. Привожу фрагмент высказывания Галины Николаевны из моего интервью с ней о выходе книги «Не стареют душой ветераны...»:

«В этой книге — воспоминания о счастливых днях советского времени, о тех людях, которые своим упорным трудом укрепляли могущество нашей Родины во всех сферах деятельности — экономике, политике, культуре и молодёжном движении. Конечно, были просчёты и ошибки, но главное заключается в том, что мы жили высокими помыслами, благодаря чему наше государство умело побеждать во всём».

Названия книг Галины Шибановой очень поэтичны: «Молодость Красной Пресни» (2000), «Немеркнущие традиции Красной Пресни» (2001), «Их имена и дела незабываемы» (2003), «Не стареют душой ветераны...» (2007), «Мои верные подруги» (2008), «Это было недавно, это было давно» (2012). Всегда любившая поэзию, обладавшая феноменальной памятью, практически во время каждого нашего телефонного общения неожиданно начинавшая читать мне по памяти отрывки из Пушкина, Лермонтова, Блока и многих других поэтов, предпоследнюю свою книгу Галина Николаевна назвала «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...» (2010), используя строчки любимого ею и мною Сергея Есенина.

Подаренные мне Галиной Николаевной её книги все подписаны. Не могу выразить, как приятно, что в одной из книг, в разделе «Мои друзья» есть и очерк обо мне. Мою дебютную книгу стихов «Безбрежие», вышедшую в Москве, одной из первых я подарил Галине Николаевне. Отрывок из её отзыва был включён в короткую заметку обо мне в моей книге «Снежные крошки».

Безумно интересный собеседник — это о Галине Николаевне. Она была знакома и общалась с первым космонавтом Юрием Га-

гариным, маршалами Георгием Жуковым и Семёном Будённым, знаменитым лётчиком Михаилом Грозовым, первой женщиной-космонавтом Валентиной Терешковой, режиссёрами Ренитой и Юрием Григорьевыми, художниками Леонидом Владимирским и Светланой Ковальской, главным редактором всероссийского литературного альманаха «Истоки», издателем и журналистом Галиной Шевелёвой-Рой, известными писателями и поэтами, среди которых Александр Твардовский, Виктор Сытин, Галина Серебрякова, Лев Ошанин, Расул Гамзатов, Сергей Введенский (ставший вторым супругом Галины Николаевны), с государственными и общественными деятелями, ветеранами Великой Отечественной войны, учёными, спортсменами, музыкантами, людьми самых разных профессий, которых объединяла любовь к своей Родине — любовь созидательная. О них и о многих, с кем довелось общаться Галине Николаевне, а с кем-то — дружить, и о ком она рассказывала мне, — повествуется на страницах её книги «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...».

Писать книги Галина Николаевна начала после выхода на пенсию, который совпал с начавшимся перестроечным безвременьем и последовавшей за ним эпохой «криминального капитализма», как её метко назвала Галина Николаевна. Вся жизнь Галины Шибановой была озарена, говоря её словами, «борьбой за светлые, счастливые времена». Галина Николаевна родилась 5 февраля 1921 года в подмосковном селе Темново Клинского района в многодетной семье.

С 1936 года жила в Москве. Поступила учиться на техника-технолога в Текстильный техникум имени 1905 года, находившийся на Красной Пресне. В 1938 году вступила в ряды ВЛКСМ, была пионервожатой в школе № 592 на Шелепихе. После окончания в 1940 году техникума работала прядильщицей, помощником мастера и мастером на Текстильном комбинате им. Сталина в Ташкенте, затем — на Омском кордном заводе.

В годы войны, как и многие остававшиеся в тылу, была участницей трудового фронта. С 1943 года трудилась на Красной Пресне — сначала на комсомольской работе, секретарём комитета ВЛКСМ на 27 заводе, а позже, вступив в 1945 году в КПСС, на работе партийной, в том числе 20 лет в Краснопресненском райкоме партии — инструктором, зам. зав. отделом, заведующей отделом пропаганды, 7 лет из них — вторым секретарём райкома партии. И через всю жизнь пронесла любовь к этому замечательнейшему старинному району Москвы — Красной Пресне, овеянному событиями Первой русской революции 1905 года. В 1958 году здесь же окончила Всесоюзный заочный юридический институт. С 1970 по 1986 год работала в Моссовете заместителем начальника Управления кадров и учеб-

ных заведений. За годы комсомольско-партийной работы в её жизни произошло много незабываемых встреч, поездок по стране и за рубеж.

10 лет Галина Николаевна возглавляла Совет ветеранов Управления кадров Мосгорисполкома, а затем — Управления кадров мэрии столицы. Даже в преклонном возрасте Галина Николаевна участвовала во всех значимых мероприятиях, связанных с историей её любимого района. Мы встречались с ней на юбилейных торжествах, посвящённых 85-му Дню рождения пионерии (на Красной Пресне в 1922 году состоялся сбор первого пионерского отряда). Прошли вместе в колонне в торжественном шествии в День 100-летнего юбилея декабрьского вооружённого восстания в Москве, организованном управой и советом ветеранов Пресненского района.

Шествие, проходившее в сквере 1905 года на Красной Пресне, завершилось митингом, на котором выступление Галины Николаевны, эмоционально яркое и запоминающееся, вызвало бурю аплодисментов. Именно благодаря Красной Пресне мы и познакомились с Галиной Николаевной. Я работал в то время в газете «На Пресне» заместителем главного редактора, являясь одновременно и ведущим репортёром. В сфере моей ответственности была и история Пресненского района. Наше знакомство с Галиной Николаевной, самым старейшим ветераном Красной Пресни, активным творцом множества значимых для страны, столицы и Пресненского района дел, было predetermined. С первых же минут нашей встречи я почувствовал то, что называют родством душ. Галину Николаевну знали и любили на Пресне очень многие. Она всегда читала нашу районную газету и другую периодику, и массу книг, внимательно следила за происходящим в стране и мире. Она и в своём скромном жилище окружила себя множеством книг, любила дарить их гостям.

За свою активную жизненную позицию, зримое воплощение лучших человеческих качеств Галина Николаевна была награждена двумя орденами «Знак Почёта», орденом «За партийную доблесть», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и другими медалями. Но главной наградой для Галины Николаевны было осознание того, что её честный и самоотверженный труд, отданный укреплению могущества нашей Родины, был не напрасен. Верила, что есть и другие, руководствующиеся, как и она сама, высокими идеями Созидания, Добра и Справедливости, те, кто сможет сохранить великое наследие могущественной страны, кто сбережёт духовно-нравственные основы, без которых немислимо поступательное развитие ни одного государственного строя и процветание каждого человека.

Москва — Пятигорск, 2021

Русская женщина сына ждала с войны

Шли светлые, славой увенчаны,
Дни победной весны.
В глухой деревеньке русская женщина
Сына ждала с войны.
Святая молитва её материнская
Была с ним на передовой.
«Вот пала последняя крепость берлинская,
Мой сын вернётся домой!»
Но лето проходит, хлеба уж созрели,
Вернулись и зять, и сосед,
А время летит — за неделей неделя,—
Нет сына, и писем нет.
Однажды под вечер в окно постучали,
Конверт почтальон передал.
Слова будто камнем на сердце упали:
«Без вести сын ваш пропал».
«Скажи, почтальон, что слова эти значат,
Ведь ты же сам воевал,
Не жив, не погиб, как быть может иначе,
Чтоб человек — пропал?»
«Он в плен мог попасть, попасть в окруженье,
Тяжёлые шли бои...
А, может, — был ранен, и после сраженья
Его не нашли свои.
Ты жди его, мать, это ж не похоронка,
Надейся, что он живой,
Да Богу молись, — добавил негромко,—
Вернется Иван домой».
Что дальше ... В колхозе, как все, трудилась,
В поле — за трудодни,
Зимой холода, и печка топилась,
Короткие, хмурые дни.
И каждый вечер перед иконами
Клонилась седой головой,
О здравии сына все клала поклоны,
Не смела — за упокой.

Вот так и жила, с печалью повенчана,
В глухом уголке страны
Всю долгую жизнь эта русская женщина
Сына ждала с войны.

Анданте

Светлая грусть опустилась на плечи,
Скрипок истома легко пролилась,
Снова меня утешает и лечит
Музыки Моцарта мудрая власть.
Ясной мелодии чистые звуки
Падали тихо один за другим,
Будто бы слёзы, вчерашние муки,
Стихнув, пролились дождем голубым.
Вздохи оркестра, подобно касанью
Дружеской, доброй и нежной руки,
Были такого полны состраданья,
И, как дыхание, были легки.
Боль улеглась и печаль улетела,
Путь вдруг пролёт, за собою маня,
В даль, где мелодией жизнь прозвенела,
К тем, кто и помнит, и любит меня.

* * *

Мой друг, ты музыкой, как я, пленён,
Ты, как иные, в ней не видишь скуки,
А помнишь — в самом лучшем из времён
Глаза горели и сплетались руки,
Всё было — и гармония, и свет,
И «соль-минорная» симфония звучала...
Так ясно видишь на исходе лет,
Какое счастье жизнь нам обещала!
Но знаю я, — ты вспомнишь обо мне
На том недремлющем конце эфира,
Когда тебя на радиоволне
Коснется Моцарта чарующая лира

Токката и fuga Баха

В вагон электрички, где, с дач возвращаясь,
Средь прочих сидели с подругою мы,
Вошёл музыкант. У дверей оставаясь,
Настраивать стал он гитары лады.
Казалось таким неожиданным, странным,
Что был у гитары особый настрой,
Меня поразил он звучаньем — органным,
Какой же сейчас удивят нас игрой?
И вот не частушки, не рок и не буги
Тот юноша стал на гитаре играть,
Вдруг Баха известных «Токкаты и fuga»
Узнала я звуки. Кто б мог ожидать?
Токката — неспешное к пьесе вступленье,
Широкий и плавный в те сферы призыв,
Где fuga, что значит — и бег, и движенье —
Летит и царит, над землей воспарив.
Но руша традиции, руша препоны,
В неслыханном темпе солист заиграл,
Казалось, гудели и стены вагона,
И это уже не вагон был, а зал!
Гремели аккорды, спеша друг за другом,
Послушные воле того, кто владел
Искусством игры виртуозной, и fuga —
Казалось, что ей был не ведом предел.
И вот, когда скорость ушла в поднебесье,
Когда комом в горле — восторг, торжество,
Финальной мелодией, сказочной песней
Для нас обернулось её естество.
Как будто в широкие божьи объятия
Нас всех заключили, безмерно любя,
И стали все люди с той музыкой — братья,
Узнали друг друга, весь мир и себя...
Окончилась пьеса, шагая с размахом,
Уже музыкант по вагону пошёл.
К нему подбежала: «Спасибо за Баха,
Его вы исполнили так хорошо!»
И скромную лепту свою я вдогонку
Ему протянула: ну как же не взять?
За малые деньги играют в вагонах,
А мог бы он — в зале концертном играть!

Он мне улыбнулся улыбкой лучистой,
В глазах — будто свет голубых маяков,
Волнистые кудри, осанка артиста,
Уверенный росчерк широких шагов.
Подумала: вот поколение без страха,
Достойное жить без запретов, оков.
Бессмертная fuga великого Баха
Пусть гимном звучит — для грядущих веков.

ЖИЗНЬ

Светлой памяти Вадима Гиригорна и Бориса Ольхова

Наша жизнь, что, по сути, задумана мудро,
Дарит нам наше ясное детское утро,
В нём — открытие мира, души пробужденье
И наивное первое стихотворенье.
Жизни день — он ложится нам грузом на плечи,
Он трудами, делами земными отмечен,
Восхождением и истин больших постижением
И детей дорогих и желанных — рождением.
Жизни день — это чудо нечаянной встречи,
Тот сюжет бесконечно печален и вечен,
И, как память и боль, как души откровенье,—
О любви снова пишется стихотворенье.
Жизни вечер подкрался, печалью отмечен,
Мягкой шалью незримой он лёг мне на плечи
Догорают прощальные строгие свечи,
Жизни вечер дорогою в вечность прочерчен.
Поначалу для нас он как будто не страшен,
Он улыбками внуков, их смехом украшен.
Лучшей музыки звуки — для нас они вечны,
И мгновенья поэзии души нам лечат.
Но жестокое время уж множит потери,
За друзьями навек закрываются двери...
Пусть хранит наша память их добрые лица,
Их труды, их улыбки — не могут забыться.
Лист осенний упал, скупое солнцем подсвечен,
Знаю я, что никто в этом мире — не вечен.
Но с молитвой шепчу я, прошу каждый вечер:
«Ты помедли, судьба, не гаси мои свечи!»

Проект СверхПознание

Года 3 назад я стала слышать голоса и, таким образом, получать информацию из Высших сфер о жизни, об устройстве мира, о людях, о вещах. И много чего я узнала за это время. Все, что узнала, я записывала в тетради, много таких тетрадей накопилось. Потом стала анализировать полученные сведения, размышлять над этим. Некоторые знания стала даже применять на практике. Можно, конечно, по-разному к этому относиться, можно верить, можно не верить, можно даже считать бредом сумасшедшего или какой-то фантастикой. Но я вот верю и предлагаю вам фрагменты из своих контактов с иной действительностью.

Скоро в издательстве «Вест-Консалтинг» выйдет моя книга «Проект СверхПознание». Книга уже ушла в печать.

Сюжет №1.

Тайна Деда Мороза, Снегурочки и Нового года

Новый год, как известно, самый главный праздник в России. Никакой другой не отмечается с таким величием и с таким размахом.

Россияне готовятся к нему загодя, чуть ли не за месяц, и празднуют долго, недели две после начала вплоть до Старого Нового года. И никакие другие праздники, в том числе, и Рождество, с этим праздником не сравнятся. Ведь Новый год для россиян — это нечто большее, чем просто праздник, это какое-то галактическое торжество, праздник праздников, квинтэссенция их.

Но что такого особенного в Новом годе, почему россияне испытывают почти священный трепет перед этим торжеством, почему так тщательно готовятся к нему и непременно стараются отпраздновать: поставить ёлку, сделать оливье, купить шампанское и мандарины, а также подарки для родных, близких и друзей? Чем этот праздник так дорог для россиян? Что в нем такого, особенного?

Раньше понятно, что были советские праздники, официальные, государственные, и в их ряду Новый год выделялся своей яркой аполитичностью. Но сейчас-то Советская власть уже не довлеет, поэтому нет необходимости праздновать 7 ноября как красный день календаря и Первое мая — День международной солидарности трудящихся. Можно выбрать себе праздник по душе, в том числе и из новых.

Но душа русского человека всё равно тянется именно к Новому году, и именно его в первую очередь отмечают в России как праздник для души.

Так что же такого особенного в Новом годе, чем он так привлекает россиян?

Дело в том, что Россия на Высшем плане находится под управлением Гран Па — Верховного Бога. И вот это его праздник. Это именно он является нам в виде Деда Мороза вместе со своей дочкой Снегурочкой. Снегурочка — это Россия, она символизирует Россию. Россия северная страна, холодная, заснеженная, где на большей части территории большую часть времени лежат снега, стоят холода и морозы.

Дед Мороз и Снегурочка приносят людям подарки, одаривают их радостью и весельем. Особенно любят детей, потому что они искренне верят в них. Вместе с ними приходит и Зима, которая символизируется Снеговиком.

Но кто такой Гран Па? Можно истолковать это название как Большой Отец. Если перевести это в планетную ипостась, то из планет — это Сатурн. Как известно, Сатурн — это Бог Времени. Причём, это Большое, Мировое Время.

Сатурн — это одна из самых больших планет в Солнечной системе. Он величественен, неспешен, грандиозен. И России — дочери своей, он дал такую же величественность, грандиозность, ведь Россия — это самая большая страна в мире. И всё здесь также величественно и грандиозно: и территория, и природа, и неисчерпаемые природные богатства, и всякие немислимые проекты, непостижимый русский характер, русская душа. И народ, способный вынести, всё, что угодно и никак от этого не пострадать.

Россия же приходит на Новый год к нам в образе Снегурочки. Россия — это Богиня Судьбы. И когда Богиня Судьбы и Бог Времени входят на Новый год в дом каждого человека, то тут надо быть готовыми ко всему. Поэтому Новый год — это сакральное время, когда очень тонка грань между тем миром и этим. Поэтому надо быть осторожнее именно в новогодние праздники и особо не рисковать.

Сюжет №2.

Финансовый Бочок и Бычок

У меня в одёжном шкафу стоит коробка для денег. А рядом — Бычок, фигурка такая, копилка для денег, для мелочи. Давно я её покупала, по-моему, в Год Быка, и так с тех пор она и стояла в дальнем углу шкафа на верхней полке.

Сам Бычок был изображен в виде человека, только рожки на голове. А так — в деловом костюме, в галстучке. С мобильником в руке. Символизирует делового человека, бизнесмена, «быка», играющего на повышение. Есть, как известно, «быки» в финансовом мире, а есть «медведи». Ну, так вот.

А в коробке у меня лежало небольшое количество долларов, с давних времен ещё. Раньше у меня там тысячи по 2, по 3 лежало, а сейчас — остатки роскоши — 50\$ всего одной бумажкой, потом еще 10\$. И еще несколько бумажек по 1\$ и 5 евро. Это мой валютный запас. Поскольку это валюта, она и сохранилась. И я даже забыла, что это у меня всё есть.

И вот достала я эту коробку из шкафа и решила поставить её на тумбочку у кровати. А тумбочка эта символизирует у меня Швейцарию — страну банков, денег, часов. Страну Удачи.

И вот поставила я эту коробку на тумбочку, в ней — доллары, а также мои сберкнижки, в том числе и по долларовому счёту, кошелек с обычными деньгами. А сверху поставила Бычка.

И вот стала я с этим Бычком разговаривать время от времени. И он меня стал учить уму-разуму финансовому.

Оказывается, он тоже Бочок, как и моя сестра, но Бочок не у Швейцарии, а у Евросоюза. Бочок — это магазин, если кто не в курсе, ну, на Высшем плане, конечно. Из стран — это Великобритания, инвестиционный Бочок такой, Банк для ЕС. Хранилище денег.

И вот, поскольку я Бычка поставила на коробку с деньгами, то он стал как бы охранять. Ну, не как бы, а охранять, беречь. И так вот просто, как раньше, деньги брать из коробки стало нельзя. Если берёшь, то надо возвращать. Вот взяла на днях 500 рублей, ещё до прихода новых денег, чтобы сходить в магазин за едой. А Бычок спрашивает: «Когда вернёшь?» Н-да! Однако! Ну, вроде бы это моя коробка, мои деньги, когда хочу, тогда и возвращаю, казалось бы. Но нет. Если Бычок взялся их охранять, то тут уже надо давать отчёт. Так что да.

И мы стали договариваться, как тут поступать, как мне теперь пользоваться деньгами из этой коробки.

С одной стороны, я не очень хотела тратить те деньги, которые положила именно в эту коробку. Я хотела бы иметь просто часть денег в доме и не трогать их. Это, как бы, неприкосновенный запас, маячок такой для приманивания денег извне в дом. В частности, эти доллары, которые лежат в коробке. Они просто для того лежат, чтобы были. Не для трат, а для пущей важности. Почему в долларах? Потому что так их сложнее потратить, ведь для этого их нужно сначала разменять, для чего нужна веская причина.

Но, с другой стороны, дома нужно иметь какое-то количество денег и в рублях. Мало ли какие бывают ситуации, когда могут понадо-

биться именно наличные деньги, деньги дома, а не на карточке. Ведь не везде же и не всегда карточку можно использовать. Часть же денег я вообще планировала для трат, именно для трат на домашние нужды, ну, мало ли, может, сантехника придется вызвать. Может электрика, а может для такси понадобится. Поэтому я их решила держать в коробке, но в мелких купюрах, в сотках, например. Для пущей сохранности. Сотки как-то неинтересно тратить, они выпадают у меня из поля зрения. Поэтому я специально намениваю тысячи в сотки, чтобы не было соблазна потратить. Только именно в необходимых случаях.

Но Бычок мне посоветовал принести и положить в коробку купюру по 5 тысяч. Это как бы основной капитал. И чтобы её ни в коем случае не тратить. Чтобы она лежала просто и привлекала бы к себе другие деньги.

Я послушалась, сняла с карточки деньги в виде одной пятитысячной купюры и положила в коробку. И как ни странно, я себя как-то лучше почувствовала, на высоте как-то. Что вот есть у меня аж 5 тысяч дома, а не где-то там в банке. А вот дома, под рукой. И как-то это приятно. Нет, их конечно, можно взять, и в крайнем случае потратить, но потом обязательно вернуть. Но лучше не брать. Это деньги не для трат, а для того, чтобы лежали.

А вот для трат нужны уже другие деньги, возможно, ещё 5 тысяч, на такой вот крайний случай. А вот эти 5 тысяч, это неприкосновенный капитал. И брать его нельзя.

Так что вот это первое, чему научил меня Бычок. Это хорошо. Мне, вообще, нравится моё финансовое хобби по сохранению денег. Ну, я такое хобби себе придумала. Оно имеет практический смысл. Даже если оно мне наскучит, то результаты этого хобби, положительные, останутся. Деньги лишними не бывают. Так что да.

Ещё, когда-то давно, купила книжку «Финансы», учебник для финансовых вузов, прочитала немного, но потом отложила и забыла про эту книжку. Но Бычок мне напомнил про неё, посоветовал достать и читать её каждый день и финансово, таким образом, образовываться. Я достала и стала читать. И образовываться.

Ещё Бычок посоветовал мне завести счёт в золоте. Но я как-то не смогла организовать. А зря, Золото сейчас в цене. И надо бы это сделать. И вот, получается Великобритания и конкретно Лондон — это мой финансовый магазин. И оттуда я беру деньги, в магазине этом. Ещё он был магазином для ЕС, для Европейского Союза.

И вот это всё было в прошлом году, в начале прошлого года. Сейчас, как известно, Великобритания вышла из Евросоюза, и таким образом, ЕС лишился своего финансового Бочка. Трудно ему придётся, без финансов-то. Но у меня, зато их будет, таким образом больше, если ЕС теперь не у дел.

ФАНТАСМАГОРИИ

Владимир Митренин

Немецкий наган

фэнтези

Виктор со второй линии нашего садоводства откопал на своем участке наган и принёс показать нам. Здесь, около посёлка Синявино, в январе 1943 года шли ожесточённые бои за прорыв блокады Ленинграда.

— Копнул я около канавы, а он там в грязи лежит. Достал, промыл в керосине. Смотрите.

Жалкое зрелище. Поблекший, в коррозии. Барабана нет, коричневая рукоятка расколота. Спусковой крючок погнут, но при нажатии боёк отходит, живой. Дуло забила ржавчина, предохранитель болтается.

В двух местах выбито клеймо: «Mauser». Немецкий, значит, не наш. Захотелось поговорить с поверженным врагом. Тихо сказал ему:

— Привет.

— Н-heil! — Вдруг ответил наган слабым голосом. Наша дочка вздрогнула от неожиданности и округлила карие глаза.

— Я тебе не Гитлер, поздоровайся по-человечески.

— Извини. Guten Tag, — по-русски понимает, подумал я. Успел выучить.

— Какой же ты потрёпанный сейчас, наган. Представляю, каким ты был. Воронёным, с новой рукояткой, с шестью боевыми патронами в барабане, курок торчком. Так?

— Ja, ja... Да, да, такой именно бил, sieben патронов, — ответил немец, путая немецкие и русские слова.

— Хозяина-то твоего как звали? Рассказывай с начала, что помнишь.

Наган замолк. Потом хрипло сказал:

— Оберлейтенант Ганс Крюгель мой хозяин... Високий и худой бил, светловолосый. Его прозвали Lang Hans... э-э-э, по-вашему Длинный Ганс. Любил из меня стрелять, просто по воронам иногда.

— Истинный ариец, значит?

— Ja ... Да. Он из Кёльна. Фрау у него там осталась, киндерн.

— А по людям стрелял? Ты же свидетель, вроде.

— Не только — я участник. Ганс ваших пленных солдат расстреливал. Партизана недавно здесь, на Песчаной дороге, у партизанского колодца двумя вистрелами застрелил из меня, в упор.

— Какие же вы гады, оба, — воскликнул с удивлением слушающий нас Виктор. — Худые люди особенно злые, знаю, в них желчи много.

— Подожди, Виктор, расколем его до конца. Маузер, вояка несчастный, рассказывай дальше. Твой Ганс любил покрасоваться, холёным был?

— Я, я... Да, да. Следил за собой, — голос у нагана немного окреп. — Меня в блестящей кобуре повесил там, на поясе своего серого мундира, красиво очэнь. Мы с ним подружились, не думали ни о чём. Поначалу чувствовали себя сильными и гордими.

— А потом?

— Войну Гитлер начал. Сначала в Польше били. Ганс всё в бой рвался. Потом в России. Ми тут, в этих Синявинских болотах полтора года били. В этой холодриге, среди этих мокрых берёз. Когда ваши от Волхова начали наступать, здесь стояли, а потом прилетела авиабомба и — ЖАХ — мой Ганс Крюгель упал. Я в снег отлетел, барабан с патронами от меня отскочил. Потом Ганса ваша похоронная команда утащила, меня не заметили.

— Точно, точно. На моём участке была большущая воронка от бомбы, я её потом закопал, — подтвердил Виктор. — Спроси его ещё что-нибудь, интересно.

— Ну... какая же нужда занесла твоего хозяина в наш край?

— Приказали. Обещали дать землю для поместья. Вот он и получил землю, Длинный Ганс, в ней истлел.

Наган замолк.

— Виктор, что думаешь делать с этим Маузером?

— Хочу потопить в канале.

— Валяй, туда ему и дорога, железяке старой.

— Ой, ой, не надо, — попросила наша взрослая уже дочка. — Жалко. Такой хороший наганчик, разговаривает. Отдайте лучше его в музей.

Поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Окончил филологический факультет МГУ. Автор книг стихов «Акт» (1992), «Тридцать три» (1996), «Тотемы» (2018) и учебника по истории философии для школьников. Председатель Российского Союза профессиональных литераторов (РСПЛ).

ИЗ КНИГИ «ТОТЕМЫ». СТИХИ О ЖИВОТНЫХ

Лягушка

В зоопарке у «Баррикадной»
Долгие годы
Сидит на камне
Царевна-лягушка
Никто не пошлет ей стрелу
Вокруг зоопарка высокие стены
А с луком и стрелами
На территорию вход воспрещен
В зоопарке много народу
Ходит-бродит вокруг лягушки
Точно знают: она царевна
Но никто её не целует
Слишком сложно теперь с царевной
А Иван-дурак подметает землю в вольерах
Он глупец, говорит лягушка,
Продолжая сидеть на камне.

Собака-1

У собаки
Лапы босы
И судьба
Ее печальна
Как трагедия начала
Ливня
Что дряхлеет в луже
И живительною влагой
Утекает внутрь
Собаки
И куски
Несчастной суки
Отражает
В небо глядя.

Собака-2

Темно
Шёл дождь
А под мостом
Собака
Выла все о вечности
А по мосту
Шло человечество
Печальное
С открытым ртом
И тоже думало
О вечности
Но как-то так себе
С трудом.

Собака-3

Прогуливают собаку
По Мэдисон авеню
Землицы кот наплакал
На Мэдисон авеню
Трусит веселая пэтина
Вдоль Мэдисон авеню
Вдруг пэтина землю заметила

Не на Мэдисон авеню
Счастье какое для пэтины
Средь мэдисон авеней
Понюхать земли отметину
А позже твякнуть хозяину:
Парки
и скверы
много важней
всех этих авеней

Рисунок Светланы Ринго

Сказочники

Ну почему?
Да потому,
Ну, всё ж таки,
Ну почему
Мы знаем
Сказку не одну,
Но мало нам,
Ещё одну!?
Да потому, что
Сказочники все
В лучшем из миров,
К тому же, наяву.

Русопятое

Как часто,
Возвращаясь
Из иных
Пределов,
Я ощущал:
Такое всё
Кругом
Убого — русопятое,
Аж жуть!
Неужто в том
Вина лишь
Наших дедов?
Отнюдь.
Всё в нас самих,
В проклятье
Нарочитых
Беспределов
Власти
И части
Остальных.

Манила*

Девнца
Манила:
Разлюли-малина...
Мягко
Ты стелила,
Да жестко
Спать,
Манила.

---

* Манила — столица Филиппин

Festina lente*

Ф. М. Достоевскому

Из ада
Да в рай,
Нам бы —
В чистилище,
А нас — обратно
В кромешный,
Подло
И тихой сапой:
Бесы — и те
Отдыхают.
А ты ж поспешай,
Неспеша.

---

*FESTINA LENTE — поспешай неспеша

К. С. Станиславскому

Не верю
Ни на гран
Охотникам и рыбакам,
Прекраснодушным дуракам,
Юродствующим
Приколистам,
Артистам и юристам,
Себе и Вам.

СОВЕСТЬ

Смутное время —
Подлость в чести.
Снова нельзя
Жить по совести?
Совесть молчит —
Быть беде,
Колокол звонит
Всегда по тебе.
Выход один:
Ведь ты ж господин
Жизни своей
И совести.
Чёлн
«Из-за острова на стрежень...»
Давно плывёшь
По воле волн,
Не стоит боле.
Хоть на душе
Легко,
Спокойно,
Но доколе?
Доколе плыть
Вниз
По течению Волги?
На вёсла сядешь,
Чёлн опять
Направишь
На стрежень,
Поперёк
Реки.

* * *

Веришь —
Не веришь:
Подмена
И ложь.
Ветер
Посеешь,
Бурю
Пожнёшь.

* * *

Истина
И правда
Ходят
По кругу,
Внимательно
Присматриваются
Друг
К другу,
Одна — другой:
«Ну и как?»
А та в ответ:
«Да уж так».

* * *

Полутона
Заката
В полутьме,
На фоне
Полумрака —
Грусть-тоска
Во мне,
Вот взять
И выплеснуть тоску
На дно стакана:
Истина —
В вине.

Weg*

Ни то ни сё
И шиворот—
Навыворот,
Выходит — то
Наоборот.
Да всё —
Путём:
И то да сё.

---

*Sonder weg — особый путь (нем.)

«Полотна «Хабла»

Проекция
Живой
Души —
Вселенная
Над нами —
Метаморфоза
Чистой
Красоты.

Кремлёвские коридоры

*«В Кремле не надо жить — Преображенец прав...»
А. А. Ахматова*

Под сводами
Кремлёвских
Коридоров
Витает
Тяжкий дух,
Он в молодые годы
Явно напрягал меня.
В нём и сегодня
Столько
Неизбывной боли
Народов
Самых близких —
Двух,
И своенравной воли
Очередного
Батюшки-царя.

Больш-3

* * *

Однажды я решил поработать
Могильным червяком.
Пришёл на кладбище пораньше,
Выбрал могилку попримечнее,
Залез в гроб.
А усопший по мобильнику
Разговаривает,
Проблемы решает.
«Хватит!» —
Закричал я.—
Покойся с миром,
Дорогой,
Дай теперь поработать другим!»

* * *

Если в вашей душе
Завелись черви,
Не бегите к врачам,
А идите в филармонию.
Там, под влиянием
Классической музыки
Они постепенно
Вылезут
И расскажут вам
О находках,
Обнаруженных
В тайниках вашей души.
А если черви завелись
В кишечнике...
Впрочем,
Это уже медицина!

* * *

С некоторых пор
Со мной происходят странные вещи:
То руку оторвут,
То ногу поранят.
А недавно
Вырвали язык.
Я бегал как сумасшедший,
И никто не хотел поверить в это.
А сегодня
Мне оторвали голову.
Как я теперь буду
Смотреть людям в глаза?

* * *

Когда я поднялся на вершину холма,
Меня окружили мертвецы
С местного кладбища.
Они толкали меня
И громко смеялись.
Я настолько оторопел,
Что чуть не помер.
Вдруг
Призраки исчезли.
А как же я?

* * *

1.

Если к вам на улице утром
Подойдет обезьяна
И спросит: «Который час?» —
Значит, день
Не заладится.

2.

Если тот же вопрос
Задаст инопланетянин,
Значит, тем более,
Быть беде,
И необходимо
Спасаться бегством
И подальше.

3.

Если же
Задаст вопрос старушка
Или дедок,
Тогда
Можно жить
Или — не жить...

Рисунок Светланы Ринго

Валерий Желыбенцев «Невидимый огонь»

В ноябре 2020 года (посмертно) вышла книга стихов замечательного калужского поэта-самородка Валерия Желыбенцева «Невидимый огонь». Инициатор идеи и составитель Лидия Баклашкина.

В книгу вошли не только ранее опубликованные стихи, но и новые. Осознание ценности человеческой жизни в радости и печали наполняют глубоким философским подтекстом стихи о временах года, о любви к женщине, об истории родной земли. Книга снабжена интересными фотографиями автора и отзывами людей, близко знакомых с творчеством В. Желыбенцева. Хочется привести слова составителя книги Лидии Баклашкиной о тщательном и вдумчивом выборе названия книги: «Настоящее название — «Невидимый огонь» — из стихотворения Валерия. Я надеюсь, что сам Валерий согласился бы на моё предложение, именно так назвать его книгу, потому что для него любовь была всеобъемлющим чувством: он писал в одном из стихотворений, что «... Бог — любовь, ликуя — плачем». А чувства не подлежат осязанию. (...)

Любовь — невидимый огонь,
В стихи и песни перелётся,
В них пламенем живым зажёётся,
И обожжёшься, только тронь...»

Низкий поклон ей от читателей за большой и плодотворный труд по составлению чудесной книги ушедшего поэта Валерия Желыбенцева.

Алфавитный указатель авторов

Антонова Ирина	Магов Николай .....
Архангельский Николай.....	Митренин Владимир .....
Баклашкина Татьяна	Монбризон де Иван .....
Берзина Любовь.....	Наливайко Николай.....
Божор Наталья.....	Наровчатова Ольга .....
Бондаренко Ольга	Осокина Людмила .....
Варварица Инна.....	Познякова Нина .....
Влодов Юрий	Попова Тог Татьяна.....
Володарский Леонид	Пустовитовский Владимир ....
Выборнов Олег.....	Семёнова-Глазунова Татьяна ...
Вязмитинова Людмила	Серафимов Александр.....
Гашунина Галина	Сергеева Ирэна .....
Гланцева Инга	Славоросов Аркадий .....
Дубров Геннадий.....	Славороссова Евгения .....
Егорова-Нерли Ирина	Солдатёноква Дарья .....
Ерёмина Елена (Добросердова Елена)	Солодовников Михаил .....
Желыбенцев Валерий.....	Степанов Евгений .....
Ивонин Андрей.....	Титова Татьяна.....
Иодловский Николай.....	Хачумова Татьяна .....
Каменский Алексей	Хмелевский Александр .....
Кебадзе Алексей.....	Цуканов Андрей .....
Краснобородько Андрей.....	Шубина Валерия .....

Новый (13 выпуск) альманаха за 2020-2021 годы посвящён памяти замечательного человека, блестящего литератора и бессменного редактора альманаха «Истоки» Елены Николаевны Ерёмкиной. Многочисленные авторы «Истоков» — люди разных поколений попытались воссоздать её образ, здесь же опубликованы стихи Е. Н. В ярком и неожиданном эссе «Аллеи И. Бунина и дороги Ф. Достоевского», художник и поэт И. Егорова-Нерли, казалось бы, сближает невозможное. Иронична и оригинальна сказочная повесть «Кольцороза» английского классика У.М. Теккерея в пересказе Е. Славороссовой. Новые самобытные голоса современных московских поэтов впервые звучат со страниц «Истоков». Это широко известный поэт и издатель Е. Степанов, А. Ивонин, Л.Вязмитинова, Л. Берзина и др. В альманахе прислал свои оригинальные короткие верлибры-зарисовки: поэт и художник Иван де Монбризон из Парижа. Интересно и многогранно эссе Н. Божор. Глубоко поэтичны притчи и сказки А. Серафимова, воссоздающие национальный характер. Незаживающая память о жестокой войне запечатлена в афганских рассказах А Кебадзе. Завораживает московская поэма В. Пустовитовского. Читателя не оставит равнодушным отточённое мастерство великопешной новеллы В. Шубиной. Удивительно современны, с узнаваемыми деталями стихи нашего юбиляра из Санкт-Петербурга Ирэны Сергеевой. Гриневские традиции продолжает А. Хмелевский из Калуги.

Составитель
Ирина Антонова

Обложка и графическое оформление
Ирина Егорова-Нерли

Рисунки
Светланы Ринго

Компьютерная вёрстка
www.verstki.net

ООО Редакционно-издательская фирма (РИФ) «Истоки-плюс»

ЛР № 061080

Контактные телефоны: 8-909-9655305, 8-903-1803787.

Наш сайт в интернете: www.istoki-roy.ru

E- mail: rifistoki@yandex.ru

2021 **И** АЛЬМАНАХ
СТОКИ